Конан Дойль

Артур Конан Дойль

Собрание сочинений в восьми томах

Том 3

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
М. Урнова.

ГЛАВА I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что имеются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника была прибита серебряная пластинка шириной около дюйма. На пластинке было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник,— ответил он.— А в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. И раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней ее владельца, а я вас послушаю.

— По-моему,— начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля,— этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс.— Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся — видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здравое рассуждение,— сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают «клуб», вернее всего, охотничий, членам которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

— Уотсон, вы превзошли самого себя!— сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая сигарету.— Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание, и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз уязвляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил сигарету в сторону, по-

дошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увелнчительное стекло.

— Не бог весть что, но все же любопытно,— сказал он, возвращаясь на свое нзлюбленное место в углу дивана.— Кое-какне данные здесь, безусловно, есть, и они послужат нам основой для некоторых умозаключенй.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спроснл я не без чувства самодовольства.— Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, бóльшая часть ваших выводов ошнбочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: вашн промахи нногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует ие в городе, н ему прнходится совершать большне концы пешком.

— Значнт, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это все?

— Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не все, далеко не все. Так, например, я бы сказал, что подобное подношенне врач скорее всего может получнть от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Чаринг-Кросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Все наводит на такое толкование. И если мы прнмем мою догадку за рабочую гнпотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетнтеля.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Чаринг-Кросская лечебнпца». Какне же дальнейшне заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не прнходнт в голову? Вы же знакомы с монм методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевнден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, еслн мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочлн нужным преподнестн ему сообща эту палку в знак своего располо-

жения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему подиесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он смеиил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это доступно только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть немногим бóльшая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уóтсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек лет тридцати, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь,— сказал я,— но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Чаринг-Кросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу «Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?». Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей «Аномальные явления атавизма»

(«Ланцет», 1882), «Прогрессируем ли мы?» («Вестник психологии», март, 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон,— с лукавой улыбкой сказал Холмс,— зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту: только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в вашей гостиной.

— А собака?

— Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... боже мой! Ну, конечно, кокер-спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у окошной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него.

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице, эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло,— неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим, словно клюв, между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был, как и подоба-

ет человеку его профессии, но несколько неряшливо: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Войдя в комнату, наш гость тотчас же увидел палку в руках Холмса и с радостным возгласом потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кросской лечебницы?

— Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой.

Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами.

— А что же тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный.

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись,— сказал Холмс.— А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

— И, по-видимому, человек научного склада ума?

— Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс; так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

— Нет, доктор Уотсон вот, перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлиненный череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея

до тех пор, пока не удастся получить самый оригинал. Не сочтите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр,— сказал он.— Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете крученые папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и бумагу и с поразительной ловкостью свернул папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятного собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует его.

— Я полагаю, сэр,— начал он наконец,— что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

— Нет, сэр, конечно, нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считая вас вторым по величине европейским экспертом...

— Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? — довольно резким тоном спросил Холмс.

— Господин Бертильон пользуется большим авторитетом у людей с научным складом мышления.

— Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о «научном складе мышления», но как практик вы не знаете себе равных — это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

— Так, самую малость,— ответил Холмс.— Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

ГЛАВА II

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БАСКЕРВИЛЕЙ

— У меия в кармаие лежит одиа рукопись,— сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли,— сказал Холмс.

— Рукопись очеиь древияя.

— Начало восемиадцатого века, если только ие подделка.

— Откуда вам это извеспио, сэр?

— Разговаривая со миой, вы все время показываете мие краешек этой рукописи дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который ие сможет устаиовить дату докумеита с точиостью до одиого-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой иебольшой труд по этому вопросу? Я датирую вашу рукопись тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй.— Доктор Мортимер выиул рукопись из бокового кармаиа пиджака.— Эта фамильиая реликвия была отдаиа мие иа сохраиеиие сэром Чарльзом Баскервилем, виезапиая и трагическая смерть которого так взволиовала весь Девоишир три месяца иазад. Я считал себя ие только врачом сэра Чарльза, ио и его личиым другом. Это был человек властиый, умиый, весьма практический и отиюдь ие фаитазер, как ваш покориый слуга. И все же ои отиосился к этому докумеиту очеиь серьезио и был подготовлеи к тому коицу, который и уготовила ему судьба.

Холмс протяиул руку, взял рукопись и расправил ее иа колеиях.

— Уотсои, присмотритесь к иаписаиию буквы «д». Это одиа из тех особеииостей, которые помогли мие устаиовить дату докумеита.

Я взгляиул через его плечо иа пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страиицы было иаписаио: «Баскервиль-холл», а ииже стояли крупиые, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одиого предаиия, которое живет в роду Баскервилей.

— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения, я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул кончики пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

— «Много есть свидетельств о собаке Баскервилей, но, будучи прямым потомком Хьюго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, не сомневаясь в подлинности ее. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с приложением ему милосердием, и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайте же, что во времена Великого Восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владетелем поместья Баскервиль был Хьюго, того же рода, и этого Хьюго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Хьюго была наклонность к безрассудным и жестоким шуткам, что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Хьюго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды, а было это в Михайлов день, Хьюго Баскервиль

отобрал из своих товарищей шестерых самых отчаяниых и беспутиых, прокрался к ферме н, зиая, что отец и братья девицы иаходятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, ои спрятал свою плеиницу в одиом из верхиих покоев, а сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастиая чуть ли ие лишилась ума, слыша пение, крики и страшиую браиь, доиосившиеся сиизу, ибо, по свидетельству тех, кто зиал Хьюго Баскервиля, ои был столь иесдержаи иа язык во хмелю, что, казалось, подобные богохульиые слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девицу до того, что оиа отважилась иа поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карииз, спустилась иа землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южиую стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мнлн.

По прошествии иекоторого времеии Хьюго оставил гостей с иамереиием отнести своей плеинице еду и питье, а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела иа волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вииз по лестиице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы иастигнуть бегляику. И пока сотрапезиики его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, одни из иих, самый бессердечный или самый хмельной, крикиул, что иадо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Хьюго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороиую кобылу и спустить собак и, дав им поиюхать косынку, оброиеиную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому луиным светом болоту.

Сотрапезиики его иекоторое время стояли молча, ие уразумев сразу, из-за чего подиялась такая суматоха. Но вот до их отуманеииого виииыми парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяио иа просторах торфяиых болот. Тут все закричали: кто требовал коия, кто пистолет, кто флягу вииа. Потом, иесколько одумавшись, оии всей оравой, числом в трииадцать человек, вскочили на коией и присоединились к погоне. Луна сияла ярко,

преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу и что по следам ее неслись собаки. «Но я видел и нечто другое,— присовокупил он.— Хьюго Баскервиль проскакал мимо меня на своей вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и не дай мне боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, потом двинулись дальше, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, тесясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки, крадучись, отбегали в сторону, а другие, ощетинившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней — два больших каменных столба, поставленных здесь еще с незапамятных времен. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Хьюго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Хьюго стояло мерзкое чудовище — огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходи-

лось видеть смертиому. И это чудовище у иих иа глазах перервало глотку Хьюго Баскервилю н, повериув к иим свою окровавлениую морду, сверкиуло горящими глазами. Тогда оии вскрикиули, обуяиные страхом, и, ие переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из иих, как говорят, умер в ту же иочь, не переиеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до коица дией своих ие могли оправиться от столь тяжкого потрясеиия.

Таково, дети мои, предаиие о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед иашему роду. И если я решил записать его, то лишь в иадежде иа то, что зиаемое меньше терзает иас ужасом, чем иедомолвки и домыслы.

Есть ли иужда отрицать, что миогие в иашем роду умирали смертью виезапиой, страшиой и загадочиой? Так пусть же не оставит иас провидеиие своей иеизречеиной милостью, ибо оно ие стаиет поражать иевииных, рождеиных после третьего и четвертого колена, коим грозит отмщеиие, как сказано в библии. И сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклииаю: остерегайтесь выходить иа болото в иочиое время, когда силы зла властвуют безраздельио.

(Написаио рукой Хьюго Баскервиля для сыиовей Роджера и Джоиа, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет)».

Прочитав это страиное повествоваиие, доктор Мортимер сдвинул очки иа лоб и уставился иа мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камии.

— Ну и что же? — сказал ои.

— По-вашему, это иеинтересно?

— Иитересно — для любителей сказок.

Доктор Мортимер выиул из кармаиа сложеииую вчетверо газету.

— Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы позиакомим вас с более совремеиным материалом. Вот иомер «Девоиширской хроиики» от четыриадцатого июия этого года. В ием помещеи короткий отчет о фактах, устаиовлеииых в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за иесколько дией до этой даты.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательный. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

— «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей приятно знать, что потомок древнего рода, знавшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность многим другим людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы дознанию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суевериями умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно, и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности лакея, жена — экономки. В своих показа-

ниях, совпадающих с показаннями близких друзей покойного, Бэррморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали то и дело появляющаяся у него одышка, бледность и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэррморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэррмору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что парадная дверь все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился — по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного — доктор Мортимер даже отказался сначала верить,что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основы-

ваясь на данных медицинской экспертизы, присяжные на дознании вынесли вердикт — скоропостижная смерть, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если б прозаически точные выводы присяжных не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

— Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

— Вы ознакомили меня с делом, которое, безусловно, не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это,— сказал Шерлок Холмс.— В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камеями и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

— Да.

— Тогда ознакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать.— Он откинулся на спинку кресла, сомкнув кончики пальцев, и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

— Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом,— начал доктор Мортимер, явно волнуясь.— Я о многом умолчал во время дознания по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла — значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое

о чем умолчать, потому что излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота — место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Фрейклейда из Лефтер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретишь ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и, действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэр Чарльз задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню, как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот

тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Лакей Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось во время дознания, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, остановился, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэррымора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэррымор дал ошибочные показания. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие...

— Следы?

— Следы.

— Мужскне нлн женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас н ответил почтн шепотом:

— Мнстер Холмс, это былн отпечаткн лап огромной собакн!

ГЛАВА III

ЗАДАЧА

Прнзнаюсь, что прн этнх словах мороз пробежал у меня по коже. Судя по тому, как дрожал голос у доктора, он сам был глубоко взволнован своим рассказом. Холмс подался всем телом вперед, н в глазах у него вспыхнулн сухне, колючне нскоркн — верный признак проснувшегося интереса.

— Вы сами нх внделн?

— Точно так же, как внжу вас.

— И ннчего об этом не сказали!

— А зачем?

— Неужелн, кроме вас, нх никто не внделн?

— Онн былн шагах в тридцати от тела, н на ннх, вероятно, просто не обратнлн вннмання. Я бы сам ннчего не заметнл, еслн б не вспомннл легенду.

— На болотах, должно быть, много овчарок?

— Разумеется. Но это была не овчарка.

— Вы говорнте, что следы очеиь большне?

— Огромные.

— Но к телу сэра Чарльза оин не прнблнжалнсь?

— Нет.

— Какая тогда стояла погода?

— Сырая, холодная.

— Но дождя не было?

— Нет.

— А что представляет собой эта аллея?

— По бокам высокая жнвая изгородь нз тесно сросшнхся старых тнсов. Посереднне — дорожка футов восьмн в шнрнну.

— А между кустарннком и дорожкой есть что-нн-будь?

— Да, по обе стороны ндет полоска дерна около шестн футов в шнрнну.

— Если я правильно вас понял, в аллее есть калитка?

— Да, и эта калитка ведет на болота.

— А других выходов туда нет?

— Нет.

— Следовательно, в тисовую аллею можно попасть или прямо из дома, или через калитку, которая ведет на болота?

— Есть еще один выход — через беседку в дальнем конце.

— Сэр Чарльз дошел туда?

— Нет, он лежал шагах в пятидесяти от нее.

— Теперь, доктор Мортимер, будьте добры ответить мне на один очень важный вопрос: замеченные вами следы были не на траве, а на дорожке?

— На траве следов обычно не видно.

— Они были на той же стороне дорожки, где калитка?

— Да, на самом краю, ближе к калитке.

— Чрезвычайно интересно! Еще один вопрос: калитка была закрыта?

— Не только закрыта, но и заперта на висячий замок.

— Какой она вышины?

— Фута четыре.

— Значит, через нее можно перелезть?

— Да.

— А около самой калитки было что-нибудь обнаружено?

— Нет, ничего особенного.

— Боже мой! Неужели там не посмотрели?

— Нет, я сам смотрел.

— И ничего не нашли?

— Там трудно было что-нибудь разобрать. Сэр Чарльз, по-видимому, простоял у калитки минут пять—десять.

— Почему вы так думаете?

— Потому что пепел дважды упал с его сигары.

— Превосходно! Вот такой помощник нам и нужен! Правда, Уотсон? Ну, а следы?

— Гравий был испещрен его следами. Других я не заметил.

Шерлок Холмс иетерпелнво ударил себя ладоиью по колеиу.

— Ах, если б я сам там был! — воскликиул ои.— Это, по-видимому, чрезвычайио иитересное дело. Какие богатые возможиости для серьезиого иаучного рассследоваиия! Гравий — это такая страннца, иа которой я мог бы столько всего прочесть! А теперь она размыта дождем, затоптаиа башмакамн любопытных фермеров... Ах, доктор Мортимер, доктор Мортнмер! Почему же вы меия сразу не позвали? Какой грех на вашей совестн!

— Я ие мог обратиться к вам, мнстер Холмс: ведь тогда мие прншлось бы предать гласиостн все этн факты, а я уже объясиил, что́ меия удержнвало от такого шага. Кроме того, кроме того...

— Что же вы колеблетесь?

— Есть иекая область, где бессилеи самый проницательный н самый опытный сыщнк.

— Вы иамекаете, что мы нмеем дело со сверхъестественией снлой?

— Я этого ие говорю.

— Не «говорю», ио «думаю»?

— С тех пор как пронзошло это иесчастье, мнстер Холмс, мие рассказали иесколько случаев, которые трудио связать с естествеииым ходом вещей.

— Например?

— Я выясиил, что кое-кто нз местных жителей еще до трагической смерти сэра Чарльза вндел иа болотах иекое страиное существо, в точиостн соответствующее опнсанням баскервильского демона и ие похожее ии иа какое другое животиое, известное иауке. Все видевшне его утверждали в одии голос: это страшный светящнйся прнзрак иепомериой велнчнны. Я опросил этнх людей. Их было трое: наш сосед, человек весьма трезвых взглядов иа вещи, здешиий кузнец и одии фермер. Все они рассказывают о чудовищном прнвнденнн, почти слово в слово повторяя описание того пса, о котором говорнтся в легеиде. Верьте мие, мнстер Холмс, во всей иашей округе царнт ужас, выходнть иа болото ночью никто не отважнвается, разве только самые отчаянные смельчакн.

— И вы, человек науки, вернте, что это явлеиие сверхъестествеииое?

— Я сам не зиаю, чему вернть.

Холмс пожал плечами.

— До сих пор моя сыскная деятельность протекала в пределах этого мира,— сказал он.— Я борюсь со злом по мере своих скромных сил и возможностей, но восставать против самого прародителя зла будет, пожалуй, чересчур самонадеянно с моей стороны. Однако вы не станете отрицать, что следы на гравии — вещь весьма реальная?

— Собаке, о которой говорится в предании, нельзя отказать в реальности, если она смогла загрызть человека. И все же в ней было что-то демоническое.

— Я вижу, вы окончательно перешли на сторону мистиков, доктор Мортимер. Тогда скажите мне вот что. Если вы стали на такую точку зрения, зачем вам понадобился я? Вы говорите мне, что расследовать обстоятельства смерти сэра Чарльза бесполезно, и в то же время просите меня взяться за это.

— Я ни о чем таком вас не просил.

— Тогда чем же я могу помочь вам?

— Советом. Скажите мне, как я должен поступить с сэром Генри Баскервилем, который приедет на вокзал Ватерлоо,— доктор Мортимер посмотрел на часы,— ровно через час с четвертью.

— Это и есть наследник?

— Да. После смерти сэра Чарльза мы навели о нем справки и выяснили, что он ведет хозяйство у себя на ферме, в Канаде. Судя по отзывам, это прекрасный, достойнейший молодой человек. Я сейчас говорю не как врач, а как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

— Других претендентов на наследство нет?

— Нет. Единственный другой родственник, о котором нам удалось кое-что узнать,— это Роджер Баскервиль, младший брат несчастного сэра Чарльза. Всех братьев было трое. Средний, умерший в молодых годах,— отец этого Генри. Младший, Роджер, считался в семье паршивой овцой. Он унаследовал баскервилевскую деспотичность и был как две капли воды похож на фамильный портрет того самого Хьюго Баскервиля. В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки. Генри — последний отпрыск рода Баскервилей.

Через час пять миинут я должен буду встретить его иа вокзале Ватерлоо. Он известил меня телеграммой, что сегодня утром приезжает в Саутгемптои. Так вот, мистер Холмс, посоветуйте, как мне с ним быть?

— А почему бы ему ие уехать сразу в свое родовое поместье?

— Да, такое решеиие иапрашивается само собой. Но вспомиите, что все Баскервили, которые жили там, коичали трагически. Я увереи, будь у сэра Чарльза возможиость поговорить со миой перед смертью, он запретил бы мие привозить последиего отпрыска древнего рода в это страшиое место. И в то же время иельзя отрицать, что благоденствие всей иашей унылой, нищей округи зависит от того, согласится сэр Генри жить в своем поместье или нет. Если Баскервиль-холл будет пустовать, все иачиания сэра Чарльза пойдут прахом. Я боюсь, как бы моя личиая заиитересоваииость в наших местных делах ие взяла иадо миой верх, и поэтому обращаюсь за советом к вам.

Холмс задумался.

— В двух словах дело обстоит так,— сказал ои иакоиец.— Вы считаете, что иекая злая сила делает Дартмур иебезопасиым для Баскервилей. Правильно я вас поиял?

— Во всяком случае, иекоторые даииые для таких опасений имеются.

— Так. Но если ваша теория о сверхъестествеииых силах правильиа, то оии могут погубить этого молодого человека не только в Девоишире, ио и в Лоидоие. Трудио представить себе дьявола с такой узко местиой властью. Ведь это не какой-иибудь члеи приходского управлеиия.

— Если бы вам пришлось столкиуться со всем этим самому, мистер Холмс, вы бы ие стали так шутить. Значит, по-вашему, молодому человеку безразличио, где быть — в Лоидоне или Девоишире? Ои приезжает через пятьдесят минут. Посоветуйте, что мне делать?

— Советую вам, сэр, позвать кэб, взять с собой своего спаниеля, который скребется у входиой двери, и ехать иа вокзал встречать сэра Геири Баскервиля.

— А потом?

— Потом вы будете ждать, пока я обдумаю дальиейшиий план действий, а до тех пор ничего ему не говорите.

— Сколько вам потребуется времени на это?

— Одии суткн. Я буду весьма вам обязан, доктор Мортнмер, еслн вы явитесь сюда завтра в десять часов утра и приведете с собой сэра Геири Баскервиля. Мне нужио познакомиться с иим.

— Хорошо, мистер Холмс.

Ои записал дату и час свидания иа маижете и, так же рассеяиио озираясь по сторонам, быстро вышел из комнаты.

Холмс окликнул его с площадки:

— Еще одни вопрос, доктор Мортимер. Вы говорите, что привндение являлось иа болотах и раиьше?

— Да, об этом рассказывают трое.

— А после смерти сэра Чарльэа ничего такого не было?

— Не знаю. Не слышал.

— Благодарю вас. Всего хорошего.

Холмс сел иа свое место в углу дивана и улыбиулся той спокойной, удовлетвореииой улыбкой, которая всегда появлялась у него иа лице, когда перед ним вставала достойная его задача.

— Уходите, Уотсои?

— Да, еслн я ничем не могу вам помочь.

— Нет, друг мой. Я обращаюсь к вам за помощью, когда иадо приступать к действию. Но какое великолепное дело! Во многнх отношениях просто из ряда вои выходящее. Когда будете проходить мимо Бредли, заверните к иему и попросите прислать мие фуит самого крепкого табака. Благодарю заранее. Постарайтесь не возвращаться до вечера. А тогда я с радостью обмеияюсь с вами впечатлеииями по поводу чрезвычайно интересиой задачи, которую нам задалн сегодня утром.

Уединеине н покой были иеобходнмы моему другу в часы напряженной умственной работы, когда он взвешивал все мельчайшне подробиости дела, строил одну за другой несколько гнпотез, сравнивал их между собой и решал, какне сведеиня существеины и какими можно пренебречь. Поэтому я провел весь день в клубе н вернулся на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов.

Я отворил дверь в гостиную и перепугался — уж ие пожар лн у нас? — ибо в комнате стоял такой дым, что

сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядел Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

— Простудились, Уотсон? — спросил он.

— Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиамов.

— Да, вы, кажется, правы: здесь немного накурено.

— Какое там «немного»! Дышать нечем!!

— Тогда отворите окно. Я вижу, вы просидели весь день в клубе?

— Холмс, дорогой мой!

— Правильно?

— Разумеется, правильно, но как вы...

Он засмеялся, глядя на мою растерянную физиономию.

— Ваше простодушие, Уотсон, поистине восхитительно! Если б вы знали, как мне приятно проверять на вас свои скромные силы! Джентльмен уходит из дому в мерзкую, дождливую погоду. Вечером он возвращается чистенький, без единого пятнышка. Цилиндр и ботинки на нем сверкают по-прежнему. Следовательно, он где-то сидел сиднем весь день. Близких друзей у него нет. Где же он был? Разве это не очевидно?

— Да, совершенно очевидно.

— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Тоже весь день просидели сиднем?

— Вот и нет, я успел побывать в Девоншире.

— Мысленно?

— Совершенно верно. Мое тело оставалось здесь, в кресле, и, как это ни грустно, успело выпить за день два больших кофейника и выкурить невероятное количество табака. Как только вы ушли, я послал к Стэнфорду за картой дартмурских болот, и мой дух блуждал по ним весь день. Льщу себя надеждой, что теперь я освоился с этими местами как следует.

— Карта крупного масштаба?

— Да, очень крупного.— Он развернул один сектор

этой карты и положил его на колени.— Вот тот самый участок, который нас интересует. В середине стоит Баскервиль-холл.

— Окруженный лесом?

— Совершеиио верио. Тисовая аллея здесь ие обозиачеиа, ио я полагаю, что оиа идет справа, параллельио болотам. Вот эта малеиькая группа строеиий — та самая деревушка Гримпеи, где находится штаб-квартира иашего друга, доктора Мортимера. Как видите, иа пять миль в окружиости жилье встречается очеиь редко. Вот это Лефтер-холл, о котором упомииал доктор. Здесь, повидимому, стоит дом иатуралиста Стэплтоиа, если я правильио запомиил его фамилию. Вот это — две фермы: «Камеиные столбы» и «Гиилое болото». В четыриадцати милях от иих — приистауиская каторжиая тюрьма. А между этими отдельиыми точками и вокруг иих расстилаются уиылые, лишеиные признаков жизии болота. Вот вам сцеиа, иа которой разыгралась эта трагедия, и, может быть, разыграется еще раз с иашей помощью.

— Да, места дикие.

— Сцеиа обставлеиа как иельзя лучше. Если дьявол действительио захотел вмешаться в людские дела...

— Зиачит, вы тоже склоиины видеть во всем этом нечто сверхъестествеиное?

— А разве пособиики дьявола не могут быть облечены в плоть и кровь? Для иачала иам придется решить два вопроса. Первый: было ли здесь совершеио преступлеиие? Второй: в чем заключается это преступлеиие и как оио было совершеио? Разумеется, если доктор Мортимер прав в своих догадках и мы имеем здесь дело с силами, которые иаходятся вие закоиов природы, тогда иам придется сложить оружие. Но прежде чем успокаиваться иа этом, иадо проверить до коица все другие гипотезы. Давайте-ка закроем окио, если вы не возражаете. Как это ии страиио, ио, по-моему, коицеитрация табачиого дыма способствует коицеитрации мысли. Я еще ие дошел до того, чтобы забираться в ящик во время своих размышлеиий, ио логический вывод из моей теории имеиио таков. Ну как, вы успели подумать иад этим делом?

— Оио ие выходило у меия из головы весь деиь.

— И к чему вы пришли?

— Запутаииая история.

— Да, исторня весьма своеобразная. Особенно в некоторых деталях. Например, изменившийся характер следов. Как вы это объясняете?

— Мортимер говорнл, будто бы сэр Чарльз прошел эту часть аллен на цыпочках.

— Он только повторнл слова какого-то нднота, сказанные во время дознання. Зачем это человеку может понадобнться ндти по аллее на цыпочках!

— Тогда в чем же тут дело?

— Он бежал, Уотсон. Спасался, бежал со всех ног. Так бежал, что сердце у него не выдержало и он на всем бегу упал мертвым.

— Спасался? Но от кого?

— В том-то вся и загвоздка. Судя по некоторым данным, Чарльз Баскервиль потерял голову от страха, прежде чем обратиться в бегство.

— Почему вы так думаете?

— То, что его напугало, двигалось к нему с болот. Если я не ошибаюсь — а, по-видимому, все так и было, как я предполагаю,— то бежать не к дому, а от дома мог только обезумевший человек. Цыгаи показал иа дозиаини, что сэр Чарльз призывал на помощь, но бежал он в том направлении, где меньше всего можно было на нее рассчитывать. Потом еще одна загадка: кого он поджидал в тот вечер и почему свидание должно было состояться в тисовой аллее, а не в доме?

— Вы думаете, что он ждал кого-то?

— Посудите сами: больной пожилой человек отправился вечером на прогулку — ничего удивительного в этом нет. Но ведь в тот день было сыро, холодно. Зачем же ему понадобилось попусту стоять у калитки пять, а то и десять минут, как утверждает доктор Мортимер, обративший внимание на сигарный пепел? Между прочим, как это ни странно, но ему нельзя отказать в наблюдательности.

— Сэр Чарльз совершал такие прогулки каждый вечер.

— И каждый вечер останавливался у калитки? Вряд ли. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз старался держаться подальше от болот. А в ту ночь он кого-то ждал там. И это было накануне его предполагаемого отъезда в Лондон. Видите, Уотсон, как все скла-

дывается — звено к звеиу! А теперь будьте любезны дать мне скрипку, н мы отложим всякое попечение об этом деле в надежде иа то, что завтрашиий визит доктора Мортимера н сэра Геирн Баскервнля даст нам иовую пищу для размышлений.

ГЛАВА IV

СЭР ГЕНРИ БАСКЕРВИЛЬ

Мы позавтракали рано, и Холмс, облаченный в халат, приготовился к приему посетителей. Наши клиенты ие опоздали ии на секуиду — как только часы пробили десять, доктор Мортимер вошел в кабииет в сопровождении молодого бароиета. Последиему было лет тридцать. Небольшого роста, коренастый, крепкий, он производил впечатлеиие очеиь живого, здорового человека. Выражение его лица показалось мне упрямым; карие глаза смело смотрели на нас из-под густых темных бровей. Коричневый костюм спортивного покроя и смуглая обветреиая кожа свидетельствовали о том, что этот человек отиюдь не домосед и не белоручка, и в то же время спокойная, увереиная осаика выдавала в нем истого джеитльмена.

— Сэр Генри Баскервиль,— представил его нам доктор Мортимер.

— Да, он самый,— сказал баронет.— И любопытиее всего то, мистер Холмс, что если б мой друг не предложил мне посетить вас, я пришел бы к вам по собствеиному почииу. Вы, говорят, умеете отгадывать разиые ребусы, а я как раз сегодия утром столкнулся с таким, который мие не по силам.

— Присаживайтесь, сэр Геири. Если я правильно вас поиял, то по приезде в Лондон с вами произошло нечто не совсем обычиое?

— Я ие прндаю этому особого зиачеиия, мистер Холмс. По-видимому, надо миой кто-то подшутил. Но сегодня утром я получил вот это письмо, если только оно заслуживает подобиого иаименоваиия.

Он положил на стол конверт, и мы стали разглядывать его. Коиверт оказался самым обыкиовеииым, из серой бумаги. Адрес — «Отель «Нортумберлеид», сэру

Генрн Баскервилю» — был написан крупиыми печатиыми буквами; на почтовом штемпеле стоямо: «Чаринг-Кросс»—и время отправления—вечер предыдущего дня.

— Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберлеид»? — спросил Холмс, бросив пытливый взгляд на нашего гостя.

— Никто не зиал. Я решил, где остаиовиться, только после встречи с доктором Мортимером.

— Но доктор Мортимер, очевидно, сам там остановился?

— Нет, я живу у зиакомых,— сказал доктор.— Никто не мог знать, что мы поедем имеиио в этот отель.

— Гм! Значит, вашими передвижениями кто-то очень интересуется.

Холмс вынул из коиверта сложеииый вчетверо лнст бумаги, развериул его и положил на стол. Посередие страницы стояла одиа-едиистве ииая фраза, составленная нз подклеенных одио к другому печатиых слов. Она гласила следующее: «Еслн рассудок и жизиь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот». Слова «торфяных болот» были написаиы от руки, черниламн.

— Так вот, мистер Холмс,— сказал сэр Генри Баскервиль,— может быть, вы разъясиите мие, что все это значит н кто проявляет такой иитерес к моим делам?

— А что скажете вы, доктор Мортимер? На сей раз тут как будто нет ничего сверхъестествеииого?

— Да, сэр, но, может быть, письмо послано человеком, который убежден в том, что вся эта нстория совершенно сверхъестественна.

— Какая история? — резко спроснл сэр Геири.— Вы, джеитльмены, по-видимому, осведомлеиы о моих делах гораздо лучше, чем я сам?

— Мы посвятим вас во все, сэр Геири. Без этого вы не уйдете отсюда, поверьте моему слову,— сказал Шерлок Холмс.— А сейчас давайте займемся этим весьма любопытным документом, который был составлен н опущен в почтовый ящик вчера вечером. Уотсон, есть у нас вчерашний «Таймс»?

— Вои там, в углу.

— Могу я вас побеспоконть? Дайте, пожалуйста, ту страницу, где передовая статья.— Он быстро пробежал ее глазами.— «Свобода торговли»... Прекрасиая передо-

вица! Разрешите мие прочнтать вслух одии абзац: «Еслн кто-инбудь будет стараться виушить вам, что та отрасль промышленностн, в которой вы личио заиитересованы, находится под защитой протекциоиных тарнфов, держнтесь подальше от таких людей, ибо рассудок должеи вам подсказать, что подобная система в конце концов подорвет иаш нмпорт и нарушит нормальиую жизнь нашего острова, нитересы которого дорогн всем иам». Что вы об этом скажете, Уотсон? — воскликиул Холмс, радостно потнрая рукн.— Блестящая мысль, не правда лн?

Доктор Мортнмер посмотрел на Холмса, как смотрят заботливые врачи на тяжелобольиых пациентов, а сэр Геирн Баскервиль обратил ко мие недоумевающий взгляд своих карих глаз.

— Я не очень-то разбнраюсь в таких вопросах, как тарифная политика,— сказал ои,— ио мие кажется, что мы несколько отклонились от нашей темы.

— Напротив! Мы идем по горячим следам, сэр Генри. Уотсои зиаком с моим методом лучше вас, но боюсь, что смысл прочитаиного отрывка ускользиул даже от него.

— Да, прнзнаюсь, я ие вижу никакой связи между иим и пнсьмом.

— А связь, дорогой мой Уотсои, иастолько тесиая, что, по сутн дела, одно состряпаио из другого. «Если», «вам», «держитесь подальше от», «рассудок», «жизиь», «дороги». Неужелн вы не догадываетесь, откуда взяты эти слова?

— Ах, черт возьми! Конечно, вы правы. Какая блестящая догадка! — воскликнул сэр Геири.

— Еслн вы все еще сомневаетесь, то взгляните на слова «держнтесь подальше от» — оии вырезаиы подряд.

— Ну-ка... Да, действительио!

— Знаете, мнстер Холмс, я даже ие представлял себе, что такне вещн возможны! — сказал доктор Мортимер, с изумлеиием глядя на моего друга.— Догадаться, что слова вырезаны нз газетного текста, это еще тудасюда. Но безошнбочио назвать газету, и мало того — указать статью, из которой онн взяты, это превосходнт всякое воображение! Как вы догадались?

— Я полагаю, доктор, что вы можете отличить череп негра от черепа эскимоса?

— Разумеется, могу.

— Каким образом?

— Но ведь это мой коиек! Разиица между тем и другим совершенно очевидиа. Надбровные дуги, лицевой угол, строение челюсти...

— А у меия тоже есть свой коиек. На мой взгляд, разница между боргесом на шпоиах, которым набираются передовицы «Таймса», и слепым шрифтом дешевеиькнх вечериих листков ие меиее очевидна, чем разница между вашнмн неграмн и эскнмосамн. Зиаиие шрифтов — одно из самых элементарных требований к сыщику, хотя должен признаться, что в дии своей юиости я одиажды спутал «Лидского Меркурия» с «Утреинимн известнями». Но передовицу «Таймса» ин с чем ие спутаешь, и эти слова моглн быть вырезаиы только оттуда. А поскольку пнсьмо было отправлеио вчера, все говорило за то, что нам следовало прежде всего заглянуть во вчерашиий иомер.

— Зиачит, мнстер Холмс,— сказал сэр Геири Баскервиль,— кто-то составнл это пнсьмо, вырезав ножницами...

— Маннкюрнымн ножиицами,— перебнл его Холмс.— Вы обратнли винмание, какие у них короткне концы? Для того, чтобы вырезать слова «держнтесь подальше от», прншлось сделать два надреза.

— Совершенно верно. Кто-то вырезал эти слова иожиицамн с короткнмн концамн и иаклеил нх...

— Гуммнарабиком,— подсказал Холмс.

— ...н наклеил их гуммнарабнком иа бумагу. Но почему же тогда слова «торфяиых болот» напнсаиы от рукн?

— Потому что автор письма не иашел нх в гавете. Все остальиые слова довольио обыкиовеииые, их можно встретить в любом тексте, а эти попадаются сравнительио редко.

— Весьма правдоподобное объясиенне. А что еще вам удалось здесь вычитать, мистер Холмс?

— Кое-что удалось, хотя автор прнлагал все старания к тому, чтобы унничтожить малейшую улику. Как

вы сами можете убедиться, адрес иаписаи крупиыми печатиыми буквами. Но такая газета, как «Таймс», редко попадает в руки простых людей. Следовательиио, отсюда можио заключить, что письмо было составлеио образоваииым человеком, который старался выдать себя за иеобразоваииого и иарочио измеиил почерк, по-видимому, опасаясь, как бы вы ие узиали его, если ие сейчас, то потом. Кроме того, обратите виимаиие, что слова иаклеены иеровио, иекоторые из иих выступают над строчкой. Например, слово «жизиь» сидит совсем ие на месте. Это указывает иа иебрежиость автора письма, а может быть, и иа волиеиие или спешку. Я, пожалуй, склоиеи думать, что всему вииой имеиио волиеиие и спешка, ибо вряд ли этот человек проявил бы иебрежиость в таком, по-видимому, серьезиом деле. Если же он действительиио торопился, то иитересио зиать, почему. Ведь письмо, опущеииое вчера, так или иначе должно было застать сэра Геири в отеле. Может быть, автор его боялся какой-то помехи? Но с чьей стороиы?

— Мы, кажется, вступили в область догадок,— заметил доктор Мортимер.

— Скажите лучше, в область, где взвешиваются все возможиости, с тем чтобы выбрать из них иаиболее правдоподобиую. Таково иаучиое испольэоваиие силы воображеиия, которое всегда работает у специалистов иа твердой материальиой основе. Вы, разумеется, иазовете это чистой догадкой, ио я почти уверен, что адрес писался в какой-то гостииице.

— Почему вы так думаете?

— Осмотрите коиверт повиимательиее, и вы увидите, что писавшему ие повезло с письмеииыми прииадлежностями. Перо дважды запиулось на одиом слове, и его пришлось трижды обмакиуть в чериильиицу, чтобы иаписать такой короткий адрес. Значит, чериил было мало, иа самом дие. Собствеииое перо и чериильиицу редко доводят до такого состояиия; а чтобы и то и другое отказывалось служить — это уж исключительиый случай. Но, как вы зиаете, в гостииицах других перьев и других черииль иц почти ие бывает. Да, я, почти ие колеблясь, скажу, что если б иам удалось обследовать все корзиики для бумаг во всех гостииицах поблизости от Чариг-Кросса и обиаружить там остатки изрезаииой передо-

вицы «Таймса», мы сразу нашли бы автора этого странного послаиия... Стойте! Стойте! Что это?

Он стал виимательиио вглядываться в страницу, на которой были иаклееиы слова, держа ее на расстояиии одиого-двух дюймов от глаз.

— Ну что?

— Нет, инчего,— сказал Холмс н положил письмо иа стол.— Бумага совершенно гладкая, даже без водяных знаков. Нет, мы выжали из этого любопытного письма все, что было можио. А теперь, сэр Генри, расскажите, не случилось ли с вамн чего-либо из ряда вон выходящего с тех пор, как вы прнехали в Лондон.

— Да нет, мистер Холмс, как будто иичего такого не случилось.

— Никто вас не подкарауливал, не выслеживал?

— Я, кажется, угодил в какой-то детективный роман,— сказал иаш гость.— Кому может взбрести в голову устанавлнвать за миой слежку?

— Дайте срок, мы поговорим и об этом. А пока подумайте: неужелн вам не о чем рассказать нам?

— Смотря по тому, что вы считаете достойиым вашего вннмания.

— Все, что так или ииаче выходит за рамки обычиого уклада жнзни.

Сэр Генри улыбиулся.

— Почтн все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах н в Канаде, поэтому аиглийскнй уклад жизни мне еще в иовинку. Но вряд лн у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак.

— Вы потеряли однн башмак?

— Друг мой,— воскликнул доктор Мортимер,— да ваш башмак просто куда-нибудь засунули! Он найдется. Стоит ли беспокоить мнстера Холмса нз-за таких пустяков!

— Но ведь он спрашивает, не случилось ли со миой чего-ннбудь необычного.

— Совершенно верио,— сказал Холмс.— Меня нитересует каждая мелочь, как бы оиа нн была нелепа. Зиачит, у вас пропал башмак?

— Да, ио, может быть, его действительно куда-ннбудь засуиули. Вчера вечером я выставил башмакн

за дверь, а утром там оказался только один. От корндорного мне так и не удалось добиться вразумнтельного ответа. Обиднее всего, что я купнл эту пару всего лишь накануне, на Стрэнде, и даже не успел обновить ее.

— Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?

— Они были светло-корнчневые. Поэтому я велел почистить их темной ваксой.

— Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?

— Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки — ценой в шесть долларов! — а вот надеть-то их так и не пришлось.

— Если это кража, то довольно бессмысленная,— сказал Шерлок Холмс.— Я, признаться, согласен с доктором Мортимером: ваш башмак скоро найдется.

— А теперь, джентльмены,— решительно заговорил баронет,— довольно мне рассуждать о том, чего я до сих пор толком не знаю. Пора вам сдержать свое слово и объяснить мне, к чему клонятся все эти разговоры.

— Законное требование,— согласился Холмс.— Доктор Мортимер, по-моему, вы должны сами все рассказать сэру Генри, как рассказывали нам.

Ободренный этой просьбой, наш ученый друг вынул из кармана рукопись и газету и повторил слово в слово свой вчерашний рассказ. Сэр Генри слушал с глубоким вниманием, время от времени прерывая доктора удивленными возгласами.

— Н-да, хорошее мне досталось наследство! — сказал он, когда длинное повествование было закончено.— О собаке я, конечно, слышал еще с детских лет. Эту легенду любили рассказывать в нашей семье, хотя до сих пор я не придавал ей никакого значения. А что касается смерти дяди, то у меня так все перепуталось в голове, что я еще ничего не могу понять. Да, по-моему, вы сами не знаете, к кому тут надо было обращаться — к священнику или к полисмену.

— Совершенно верно.

— А теперь еще это письмо, которое я получил. Оно, по-видимому, как-то связано с общим ходом событий.

— Да, судя по нему, кто-то знает гораздо лучше нас о том, что происходит на торфяных болотах,— сказал доктор Мортимер.

— И этот «кто-то», по-видимому, расположен к вам,— сказал Холмс,— если он предупреждает вас об опасности.

— А может быть, наоборот — кому-то выгодно отпугнуть меня от Баскервиль-холла?

— Это тоже не исключено... Я вам очень признателен, доктор Мортимер, что вы предложили мне такую интересную, сложную задачу. Но теперь, сэр Генри, надо решать по существу: можно ли вам ехать в Баскервиль-холл или нельзя?

— А почему бы мне туда не поехать?

— По-видимому, это небезопасно.

— Откуда же эта опасность исходит — от нашего семейного пугала или от людей?

— Вот это мы и должны выяснить.

— Как бы там ни было, но ответ мой будет таков: ни адские силы, ни людские козни не удержат меня здесь. Я поеду в дом своих предков. Это решение окончательно.— Его темные брови сошлись в одну линию, по смуглому лицу разлилась краска. Баскервилевская неукротимость явно давала себя знать и в этом последнем отпрыске их рода.— Я еще не успел обдумать то, что мне пришлось услышать от вас. Не так-то легко сразу все усвоить и сразу решить, как быть дальше. Мне бы хотелось побыть часок одному и поразмыслить обо всем на досуге. Знаете что, мистер Холмс? Сейчас половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо к себе в гостиницу. Что, если и вы и ваш друг, доктор Уотсон, приедете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю.

— Вас это устраивает, Уотсон?

— Вполне.

— Тогда мы приедем. Позвать вам кэб?

— Нет, я лучше прогуляюсь, приду немного в себя после нашего разговора.

— Я с удовольствием присоединюсь к вам,— сказал его спутник.

— Зиачит, в два часа мы увидимся. До скорой встречи, всего хорошего.

Мы слышали, как наши посетители спустились вниз по ступенькам и захлопиули за собой входиую дверь. Холмс мгиовеиио преобразился — от его томиости ие осталось и следа, ои сиова стал человеком действия.

— Одевайтесь, Уотсои, скорей! Нельзя терять ии секуиды.

Сиимая иа ходу халат, он быстро ушел к себе и через две-три миуты вериулся уже в сюртуке.

Мы сбежали вниз по лестиице на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль еще видиелись впереди, шагах в двухстах от иас. Оии шли по направлеиию к Оксфорд-стрит.

— Догиать их?

— Ни в коем случае, друг мой! Еслн вы со миой не соскучитесь, то я с вами и подавио. Наши друзья правы: прогуляться в такое утро — одио удовольствие.

Он прибавил шагу, и расстояиие между нами и иашими иедавиими посетителями мало-помалу сократилось наполовниу. Продолжая сохранять эту дистаицию, мы свериули за ними на Оксфорд-стрит, потом на Риджент-стрит. Около одиого из магазииов сэр Геири и доктор Мортимер остаиовились, разглядывая витрину, и Холмс остаиовился тоже. Секуиду спустя он вдруг удовлетвореино хмыкнул, и, проследив направлеиие его виимательного взгляда, я увидел, что стоявший по ту стороиу улицы кэб, в окие которого видиелся седок, медлеино двинулся вперед.

— Вот его-то иам и иадо, Уотсои! Пойдемте. Постараемся хотя бы разглядеть этого человека.

В ту же миуту передо миой в боковом окне кэба мелькиула густая чериая борода, и чьи-то глаза смерили нас пронзительиым взглядом. Сейчас же вслед за этим приоткрылось верхиее окошечко, седок что-то крикиул кэбмеиу, и кэб стремительио поиесся по Риджент-стрит. Холмс огляиулся, ища свободиый экипаж, ио тщетио — свободиых ие было. Тогда ои кинулся в самую гущу уличиого движеиия за кэбом, который быстро исчезал у иас из виду.

— Ах, черт! — бледиый от досады, еле выговорил ои, выныриув из уличиого потока.— Вот ие повезло! Да

я сам во всем виноват, Уотсон! Уотсон! Если в вас есть хоть капля порядочности, вы занесете в свои анналы эту мою оплошность наравне с моими успехами.

— Что это за человек?

— Понятия не имею.

— Соглядатай?

— Да, очевидно, за Баскервилем кто-то следит с самого его приезда в Лондон. Иначе откуда стало известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд»? Я рассудил так: если его выслеживали в первый день, то будут выслеживать и в дальнейшем. Вы, наверно, обратили внимание, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду?

— Да, помню.

— Мне было интересно, не слоняется ли кто-нибудь около дома, но никаких подозрительных личностей я не заметил. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Это все очень серьезно, и хотя мне до сих пор еще не ясно, какие здесь действуют силы — добрые или злые,— я тем не менее непрестанно ощущаю чье-то постороннее вмешательство, чей-то точный расчет. Когда наши новые друзья ушли, я тотчас же кинулся за ними вдогонку, надеясь, что вот тут-то мне и попадется их неуловимая тень. А этот хитрец не решился идти пешком и взял кэб, чтобы по мере надобности тянуться сзади или же обгонять их, оставаясь при этом незамеченным. Его методы имеют еще ту выгоду, что если бы они тоже сели в кэб, он бы не потерял их из виду. Но все же одно уязвимое место в этом методе есть.

— Кэбмен?

— Вот именно.

— Какая жалость, что мы не заметили его номера!

— Дорогой мой Уотсон! Мне, правда, нечем похвалиться на сей раз, но неужели вы допускаете хоть на одну минуту, что я не заметил номера? Пожалуйста: две тысячи семьсот четыре. Впрочем, сейчас это нам ни к чему.

— Не вижу, что вы могли еще сделать.

— Увидев его, я должен был немедленно повернуть в противоположную сторону, не спеша взять кэб и на почтительном расстоянии следовать за первым. А еще лучше было бы поехать прямо к отелю и ждать дальней-

ших событий там. Этот таинственный незнакомец проводил бы Баскервиля до дверей, и мы с помощью его же собственного метода могли бы проследить, куда он потом деется. А теперь наш противник поразительно ловко воспользовался моей неуместной поспешностью, которая выдала нас с головой и сбила меня со следа.

Во время этого разговора мы медленно шли по Риджент-стрит, уже не видя перед собой доктора Мортимера и его спутника.

— Теперь не имеет никакого смысла наблюдать за ними,— сказал Холмс.— Их тень исчезла и больше не появится. Надо посмотреть, какие козыри у нас в руках, и смело бить ими. Вы хорошо разглядели лицо этого человека в кэбе?

— Лицо нет, а бороду разглядел.

— Я тоже... а отсюда следует, что борода была, по всей вероятности, фальшивая. Когда умный человек пускается в такое рискованное, требующее особой осторожности предприятие, ему нужна борода для маскировки. Зайдемте сюда, Уотсон.

Холмс завернул в одну из рассыльных контор этого района, начальник которой встретил его с распростертыми объятиями.

— Ага, Уилсон, я вижу, вы не забыли, как мне посчастливилось помочь вам в том маленьком деле!

— Что вы, сэр, разве это забудешь? Я вам обязан своим честным именем, а может, и жизнью.

— Вы преувеличиваете, друг мой! Кстати, Уилсон, мне помнится, у вас был один мальчуган по имени Картрайт, который проявил большую сообразительность во время расследования вашего дела.

— Да, сэр, он и сейчас у меня работает.

— Нельзя ли его вызвать? Благодарю вас. И еще будьте любезны разменять мне вот эти пять фунтов.

На зов начальника явился четырнадцатилетний подросток с живым, умным лицом. Он стал перед нами, с благоговением глядя на знаменитого сыщика.

— Дайте мне «Путеводитель по гостиницам»,— сказал Холмс.— Благодарю вас. Смотрите, Картрайт, вот эти названия двадцати трех гостиниц в районе Чаринг-Кросса. Видите?

— Да, сэр.

— Вы обойдете нх все по очередн.

— Слушаю, сэр.

— И для начала будете давать швейцарам по шнллнигу. Вот вам двадцать трн шиллинга.

— Слушаю, сэр.

— Вы скажете, что вам нужно посмотреть мусор, выброшеииый вчера из корзнн. Объяснпте это так: одну очень важную телеграмму ошнбочно доставнли не по тому адресу н вам велеио ее разыскать. Понятно?

— Да, сэр.

— Но на самом деле вы будете нскать страинцу газеты «Таймс», нзрезаииую в иескольких местах иожнцамн. Вот номер «Таймса», а страиица нужна вот эта. Вы сможете отлнчить ее от другнх?

— Да, сэр.

— Швейцары будут, конечно, отсылать вас к корндорным, вы и им дадите по шнллиигу. Вот вам еще двадцать трн шилланнга. В двадцатн случаях нз двадцатн трех, вероятно, окажется, что мусор нз корзин выкинут илн сожжен. Но в трех остальных гостнницах вам покажут груду бумаг, среди которых вы и поищете эту страницу. Шансов иа удачу очень мало. На всякий случай даю вам еще десять шиллингов. К вечеру телеграфнруйте мие, на Бейкер-стрнт, как у вас обстоят дела... А теперь, Уотсон, иам с вами осталось только запросить по телеграфу о кэбмене номер две тысячн семьсот четыре, после чего мы заглянем в какую-иибудь картинную галерею на Боид-стрит н проведем там время, оставшееся до завтрака.

ГЛАВА V

ТРИ ОБОРВАННЫЕ НИТИ

Шерлок Холмс обладал уднвительной способиостью отрешаться от мыслей о делах. Он весь ушел в созерцанне полотеи современных бельгнйских художнпков н за два часа, по-вндимому, ин разу ие вспомнил о странной истории, в которую силой обстоятельств вовлекло и нас. Всю дорогу от картнинной галерен до отеля «Нортумберленд» он говорил только о живопнсн, несмотря иа то,

что поиятия его в этой области отличались крайией примитивиостью.

— Сэр Геири Баскервиль ожидает вас иаверху,— сказал иам дежуриый по вестибюлю.— Ои просил сразу же провести к иему гостей.

— Вы ие разрешите мие посмотреть списки ваших постояльцев? — спросил Холмс.

— Пожалуйста, сэр.

После фамилии «Баскервиль» в киите были еще две записи: «Теофилиус Джоисои с семьей, из Ньюкасла» и «Миссис Олдмор с горииичиой, из Элтоиа».

— Не тот ли это Джоисои, которого я когда-то зиал? — сказал Холмс дежуриому.— Ои адвокат, седой и немиого прихрамывает?

— Нет, сэр. Мистер Джонсои — владелец угольиых копей, еще ие старый джеитльмеи, ваших лет.

— Вы увереиы, что ои ие адвокат?

— Увереи, сэр. Мистер Джоисои — иаш частый гость, мы его зиаем ие первый год.

— Да? Ну, ие спорю. Миссис Олдмор... Я где-то слышал эту фамилию. Простите меия за любопытство, но ииой раз бывает так, что ищешь одиого зиакомого, а находишь другого.

— Миссис Олдмор — жеищииа слабого здоровья, сэр. Ее муж был когда-то мэром Глостера. Оиа остаиавливается только у иас, когда приезжает в город.

— Благодарю вас. Вероятио, я спутал ее с другой леди... Эти вопросы помогли иам устаиовить одии очеиь важиый факт, Уотсои,— продолжал Холмс вполголоса, пока мы поднимались по лестиице.— Теперь иам ясио, что люди, которые так иитересуются иашим другом, остаиовились ие здесь. Зиачит, старательио наблюдая за каждым его шагом, в чем мы уже убедились, оии так же старательио избегают попадаться ему иа глаза. А это говорит о миогом.

— Например, о чем?

— Ну, хотя бы о том... Стойте! Друг мой, что случилось?

Дойдя до верхией площадки, мы столкиулись там с сэром Геири Баскервилем. Ои выбежал иа лестиицу весь красиый от гиева, держа в руках старый, пыльиый башмак. У иего даже язык заплетался от ярости, и когда

ои иакоиец обрел дар речи, то сразу сбился иа явиый американский акцеит, чего мы утром за иим не замечали.

— За кого меия прииимают в этой гостииице—за дурачка, что ли? — закричал сэр Геири.— Не позволю с собой шутить! Если этот болваи ие иайдет моего башмака, я устрою скаидал! У меия тоже есть чувство юмора, мистер Холмс, ио на сей раз здешние шутиики малость пересолили.

— Все еще разыскиваете свою пропажу?

— Да, разыскиваю и ие успокоюсь, пока ие иайду.

— Но, по-моему, вы говорили о иовом светло-коричиевом башмаке?

— Да, сэр. А теперь та же история с черным.

— Как! Неужели вы хватились и...

— Вот имеиио! У меия всего-иавсего три пары обуви — новая светло-коричиевая, старая чериая и лакироваииые туфли, которые сейчас иа мие. Вчера вечером пропал одии коричиевый башмак, а сегодия стащили н чериый. Ну, иашли? Отвечайте же! Что вы иа меия так уставились?

На площадке появился взволиоваииый коридориый, иемец:

— Нет, сэр. Я у всех спрашивал, иикто иичего не зиает.

— Так вот, слушайте: илн вы отыщете к вечеру мой башмак, или я пойду к управляющему и заявлю ему, что иемедлеиио выезжаю отсюда.

— Башмак иайдется, сэр... Обещаю вам, что иайдется... Мииутку терпеиия, сэр.

— Имейте в виду, это в последиий раз. Я больше ие допущу, чтобы меия обкрадывали в вашем воровском притоие!.. Мистер Холмс, простите, пожалуйста, что я беспокою вас такими пустяками...

— А эти пустяки заслуживают, чтобы из-за иих беспокоились.

— Вы уж очеиь серьезио к ним отиоситесь!

— Как же вы сами это объясияете?

— Я даже ие пытаюсь объясиить. Со миой еще иикогда в жизии ие случалось ничего более иелепого и более страииого.

— Более страниого?.. Да, это, пожалуй, так,— задумчиво проговорил Холмс.

— А что вы самн об этом скажете?

— Я, собственно, еще ннчего не поннмаю. История очень запутанная, сэр Генри. Еслн ее связать со смертью вашего дяди, то из тех пятисот серьезиейшнх дел, которые мне приходилось распутывать, это будет, пожалуй, самое сложное. Но у меня в руках есть кое-какие нитн, и одна из ннх непременно должна привестн нас к разгадке. Мы можем потратить лишнее время, ухватившись не за ту нить, за которую следует, но рано или поздно найдем и нужную.

Мы очень прнятно провели время за завтраком, лишь вскользь коснувшись тех вопросов, что свели нас четверых вместе. И Холмс только тогда осведомился о дальнейшнх планах Баскервнля, когда вся наша компания перешла к нему в номер.

— Я поеду в Баскервиль-холл.

— Когда?

— В конце недели.

— Я считаю ваше решение правильным,— сказал Холмс.— Теперь у меня уже нет никакнх сомнений в том, что в Лондоне за вамн устаиовлена слежка. Но в таком большом городе трудно выяснить, что это за людн и что нм от вас нужно. Еслн онн действуют с дурнымн намереннямн, вам угрожает опасность, которую мы не в снлах предотвратнть. Доктор Мортимер, вы знаете, что сегодня утром, когда вы от меня вышлн, за вамн следнли?

Доктор Мортнмер так и подскочил на месте.

— Следили? Кто?

— Вот этого я, к сожаленню, не могу сказать. Средн вашнх соседей нлн знакомых в Дартмуре есть кто-нибудь с окладистой черной бородой?

— Нет... впрочем, постойте... Ну конечно... У лакея сэра Чарльза, Бэррнмора, окладистая черная борода.

— Гм! А где он сейчас?

— В Баскервиль-холле. Дом оставлен на его попечение.

— Надо проверить, действительно лн он там, а не в Лондоне.

— Как же это сделать?

— Дайте мне телеграфный бланк. «Готовы ли приезду сэра Генрн». Адресуем так: «Баскервиль-холл, мн-

стеру Бэрримору». Где у вас там ближайший телеграф? В Гримпеие? Прекрасио! Вторую телеграмму пошлем в Гримпеи иа имя иачальника конторы: «Телеграмму адресоваииую Бэрримору просьба передать собствеиные руки. Случае отсутствия направьте обратио отель Нортумберлеид сэру Геири Баскервилю». Вот так. К вечеру мы будем зиать, иаходится ли Бэрримор иа своем посту в Девоишире или иет.

— Прекрасио,— сказал Баскервиль.— Кстати, доктор Мортимер, что собой представляет этот Бэрримор?

— Он сыи покойиого управляющего поместьем. Это уже четвертое поколеиие Бэрриморов, которое живет в Баскервиль-холле. Насколько я зиаю, он и его жеиа вполие почтеиные люди.

— Тем ие меиее,— сказал сэр Геири,— мне совершенно ясио, что пока Баскервиль-холл остается без хозяиива, эти люди живут там припеваючи, без забот, без хлопот.

— Да, правильио.

— Бэрримор получил что-иибудь по завещаиию сэра Чарльза? — спросил Холмс.

— И ему и его жеие было завещаио по пятисот фуитов.

— Гм! А оии зиали об этом раньше?

— Да. Сэр Чарльз любил говорить о своих распоряжеииях иа случай смерти.

— Иитересиый факт.

— Я иадеюсь,— сказал доктор Мортимер,— что вы ие станете подозревать всех, кто получил по завещанию сэра Чарльза? Мие ои тоже оставил тысячу фуитов.

— Вот как? А еще кому?

— В завещаиии было указаио миого мелких сумм разиым лицам и крупиые пожертвования на благотворительиые цели. Наследство же все отошло сэру Геири.

— А в какой сумме оно выражается?

— Семьсот сорок тысяч фуитов.

Холмс удивлеиио подиял брови.

— Я и не подозревал, что речь идет о таком огромном состояиии,— сказал ои.

— Сэр Чарльз слыл богатым человеком, но истинные размеры его состояиия выясиились только после того, как мы озиакомились с цеииыми бумагами. Общая сумма иаследства подходит к миллиоиу.

— Боже мой! Действительно, ради такого огромного куша можно начать рискованную игру. Еще один вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим юным другом что-нибудь случится... гипотеза не из приятных, но вы уж меня простите. Кто тогда наследует поместье?

— Поскольку младший брат сэра Чарльза, сэр Роджер, умер холостяком, Баскервиль-холл перейдет к отдаленным родственникам — к Десмоидам. Джеймс Десмонд уже немолодой человек, он священник и живет в Вестморленде.

— Благодарю вас. Все эти подробности чрезвычайно любопытны. А вам приходилось встречаться с мистером Джеймсом Десмоидом?

— Да, он как-то приезжал к сэру Чарльзу. Это человек очень почтенного вида и безупречного образа жизни. Я помню, что сэр Чарльз хотел обеспечить его, но он отказался от этого наотрез, несмотря на все уговоры.

— И такой скромный человек мог бы унаследовать все состояние сэра Чарльза?

— К нему перешло бы только поместье, так как оно считается родовым, а деньги он получил бы лишь в том случае, если бы теперешний их владелец не распорядился ими как-нибудь по-другому, что вполне возможно, ибо сэр Генри волен поступать с наследством по своему личному усмотрению.

— А вы уже составили завещание, сэр Генри?

— Нет, мистер Холмс, мне было не до этого: ведь я только вчера узнал, как обстоят дела. Тем не менее я считаю, что отторгать деньги от поместья и титула нельзя. Точно таких же взглядов придерживался и мой несчастный дядя. Разве хозяин Баскервиль-холла сможет восстановить былую славу своего рода, если у него не будет средств на это? Нет, где дом и земля, там должны быть и деньги.

— Совершенно правильно. Итак, сэр Генри, я тоже считаю, что вам надо без всяких отлагательств ехать в Девоншир, но с одной оговоркой: вас ни в коем случае нельзя отпускать туда одного.

— Доктор Мортимер возвращается вместе со мной.

— Но у доктора Мортимера много времени отнимает практика, да и жить он будет в нескольких милях от Баскервиль-холла. Нет, доктор при всем желании не смо-

жет вам помочь. Вы должны взять с собой верного человека, сэр Генри, такого, который все время будет при вас.

— Мистер Холмс, неужели вы согласитесь поехать сами?

— Если дело дойдет до кризиса, я как-нибудь вырвусь к вам, но, вы сами понимаете, моя обширная практика и постоянные запросы, которые сыплются на меня со всех сторон, не позволяют мне уезжать из Лондона на неопределенное время. Сейчас, например, один из самых уважаемых лиц в Англии находится во власти шантажистов, и отвратить грядущую катастрофу могу только я. Нет, мне никак нельзя уезжать в Дартмур.

— Кого же вы посоветуете вместо себя?

Холмс положил руку мне на плечо:

— Если за это возьмется мой друг, то вот вам человек, на которого можно положиться в трудную минуту, в чем я убедился на собственном опыте.

Это предложение свалилось на меня, как снег на голову, но Баскервиль, не дожидаясь моего ответа, уже горячо тряс мне руку.

— Доктор Уотсон, как это любезно с вашей стороны! — воскликнул он.— Вы же видите, в каком я положении, а обстоятельства дела известны вам не хуже, чем мне. Если вы поедете в Баскервиль-холл и поживете там со мной, я этого никогда не забуду!

Приключения всегда таят в себе какую-то особую прелесть для меня, а слова Холмса и живость, с которой баронет откликнулся на его предложение, чрезвычайно мне польстили.

— Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл,— ответил я,— и не пожалею потраченного времени.

— Вы будете присылать мне подробные отчеты,— сказал Холмс.— В самый критический момент — а он неминуемо наступит — я буду руководить вашими действиями. Думаю, что отъезд можно назначить на субботу.

— Вас это устраивает, доктор Уотсон?

— Вполне.

— Значит, если отмены не будет, мы выезжаем в субботу поездом десять тридцать с Паддингтонского вокзала.

Мы встали, собираясь откланяться, как вдруг Баскервиль вскрикнул и с торжествующим видом вытащил

из-под стоявшего в углу шкафа светло-корнчневый башмак.

— Вот она, моя пропажа!

— Пусть н остальные загадкн разрешатся так же просто! — сказал Шерлок Холмс.

— Но все-таки это очеиь странио,— заметнл доктор Мортимер.— Я еще перед завтраком обыскал всю комнату.

— И я тоже,— сказал Баскервиль.— Обшарил все уголкн. Башмака ннгде не было.

— Значнт, корндорный положнл его туда, пока мы завтракалн.

Послалн за немцем, но он ннчего не мог сказать, н дальнейшие расспросы нн к чему не привели. Таким образом, к серии этих быстро смеияющих одна другую и явно нелепых загадок прибавнлась еще одиа. Уж ие говоря о трагнческой смертн сэра Чарльза, перед нами протянулась цепь необъясннмых событнй, совершившнхся всего лншь за два дия: письмо, составлеииое нз газетных вырезок, бородатый незнакомец в кэбе, пропажа сначала нового корнчневого башмака, потом старого черного н теперь появление коричневого.

По дороге на Бейкер-стрит Холмс сидел в кэбе молча н, судя по его нахмуреииым бровям и иапряжеиному взгляду, так же, как н я, пытался привестн в единую систему все этн страиные н, казалось бы, не связаиные однн с другнм факты. Весь остальной деиь н вечер он провел у себя в кабинете, погружеииый в густые клубы табачного дыма н в размышлення.

Перед самым обедом нам подалн две телеграммы. В первой было напнсано:

«Только что сообщилн Бэрримор дома. Баскервиль».

Во второй:

«Обошел двадцать трн гостнницы сожалеиию нзрезанной страницы «Таймса» не нашел. Картрайт».

— Вот и оборвалнсь сразу две инти, Уотсои. Нет ннчего лучше таких дел, где все словно сговорилось протнв тебя. Тогда-то н начинаешь входить в азарт. Ну что ж, пойдем по другому следу.

— У вас еще есть в запасе кэбмен, который вез этого незнакомца.

— Совершенно верно. Я запросил его фамнлию и ад-

рес в Регистрационной конторе и не удивлюсь, если сейчас мы получим ответ на мой вопрос.

Задребезжавший звонок возвестил о том, что даже превзошло все ожидания Холмса, ибо в дверях кабинета появился рослый детина — по-видимому, не кто иной, как сам кэбмен.

— Мне сказали в конторе, что вот по этому адресу справлялись о номере две тысячи семьсот четыре,— начал он.— Я седьмой год езжу и никогда никаких жалоб не слыхал. Дай, думаю, сам зайду, пусть мне в глаза скажут, в чем таком я провинился.

— Вы ни в чем не провинились, любезнейший,— сказал Холмс.— Наоборот, я заплачу вам полсоверена, только ответьте мне прямо на мой вопрос.

— Вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь! — ухмыльнулся кэбмен.— А что вам угодно, сэр?

— Прежде всего вашу фамилию и адрес на случай, если вы мне опять понадобитесь.

— Джон Клейтон, проживаю в Боро, Тарпи-стрит, номер три. Кэб стоит в Шипли-Ярде, около вокзала Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал все это.

— А теперь, Клейтон, расскажите мне про вашего седока, который наблюдал за этим домом сегодня в десять часов утра, а потом выслеживал двух джентльменов на Риджент-стрит.

Кэбмен с удивлением воззрился на Холмса и, по-видимому, несколько оробел.

— Что же вам рассказать, когда вы и сами не хуже меня все знаете! — ответил он.— Мой седок сказал мне, что он сыщик, и не велел болтать об этом.

— Ну так вот, любезнейший, тут дело серьезное, и если вы станете скрывать что-нибудь от меня, то можете оказаться в очень неприятном положении. Значит, он назвался сыщиком?

— Да, сэр.

— А когда он заявил вам об этом?

— Когда расплачивался.

— А еще что-нибудь он говорил?

— Сказал свою фамилию.

Холмс бросил на меня победоносный взгляд.

— Свою фамилию? Весьма неосторожно с его стороны! Так как же его зовут?

— Его зовут,— сказал кэбмен,— мистер Шерлок Холмс.

Ответ кэбмена буквально сразил моего друга. В жизни своей я не видел у него такого ошеломленного выражения лица. Минуты две он не мог вымолвить ни слова, потом громко расхохотался.

— Удар, Уотсон! Меткий удар! — сказал он.— Рапира в руках противника, который не уступает мне ни в быстроте, ни в точности. На сей раз он обвел меня вокруг пальца. Значит, его зовут Шерлок Холмс, а?

— Да, сэр, он сам так сказал.

— Блистательно! Теперь расскажите мне, где вы взяли этого седока и что было дальше.

— Он кликнул меня в половине десятого утра на Трафальгар-сквере. Говорит: «Я сыщик»,— и посулил мне две гинеи, если я буду в точности исполнять его приказания и ни о чем не стану расспрашивать. Ну что ж, от таких денег не отказываются. Я подвез его к гостинице «Нортумберленд» и остановился там. Потом оттуда вышли двое джентльменов, кликнули кэб с биржи и поехали куда-то сюда, на вашу улицу.

— Вот к этому самому дому,— сказал Холмс.

— Может быть. Это уж моего седока надо спрашивать, ему лучше знать. Он велел мне остановиться примерно посередине квартала, и мы прождали там еще часа полтора. Потом те двое джентльменов прошли мимо нас, и мы двинулись за ними по Бейкер-стрит, свернули на...

— Это я знаю,— сказал Холмс.

— А как выехали на Риджент-стрит, он поднял верхнее окошечко и крикнул: «Гоните к вокзалу Ватерлоо!» Я стеганул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тут он дал мне две гинеи — не надул! — и пошел к вокзалу. А напоследок обернулся и говорит: «Вам, верно, любопытно знать, кого вы возили? Шерлока Холмса». Вот как это все было.

— Так, понимаю. И больше вы его не видели?

— Нет, больше не видел.

— А теперь опишите мне наружность этого мистера Шерлока Холмса.

Кэбмен почесал в затылке:

— Не так-то это легко. Лет ему будет примерно под сорок, роста среднего, ниже вас дюйма на два, сэр. Одет чисто, борода черная, лопатой, а лицо бледное. Больше, пожалуй, ничего не смогу вам сказать.

— Цвет глаз какой?

— Вот не приметил...

— Больше ничего не запомнили?

— Ничего, сэр.

— Ну хорошо. Вот ваши полсоверена. А другую половину получите, если разузнаете об этом человеке что-нибудь еще. Всего хорошего.

— Доброго здоровья, сэр. Благодарю вас.

Джон Клейтон вышел посмеиваясь, а Холмс пожал плечами и с разочарованной улыбкой повернулся ко мне.

— Третья нить тоже не выдержала,— сказал он.— Теперь будьте добры начинать все с самого начала. Вот хитрая бестия! Узнал номер нашего дома, узнал, что сэр Генри Баскервиль поехал сюда за советом, углядел меня на Риджент-стрит, сообразил, что номер кэба взят на заметку и что кэбмена разыщут, и решил поиздеваться надо мной. Помните мое слово, Уотсон, на сей раз мы имеем дело с достойным противником. Я потерпел поражение в Лондоне. Будем надеяться, что вы отыграетесь в Девоншире. И все-таки меня это очень беспокоит.

— Что?

— Да ваша поездка. Дело очень нехорошее, Уотсон. Нехорошее и опасное. И чем больше я о нем думаю, тем меньше и меньше оно мне нравится. Смейтесь, друг мой, смейтесь, но я буду очень рад, если вы вернетесь на Бейкер-стрит здравым и невредимым.

ГЛАВА VI

БАСКЕРВИЛЬ-ХОЛЛ

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер закончили все свои дела к назначенному дню, и мы отправились, как и было условлено, в Девоншир. Провожая меня на вокзал, мистер Шерлок Холмс всю дорогу давал мне напутственные указания и советы.

— Я ие стаиу говорить вам, кого я подозреваю и какие строю догадки, Уотсои, чтобы у вас ие создалось предвзятого миеиия,— сказал ои.— Мие иужиы факты, изложеииые подробиейшим образом, а уже сопоставлять их я буду сам.

— Что же вас иитересует? — спросил я.

— Все, что так или ииаче касается этого дела, в особеииости отиошеиия между молодым Баскервилем и его соседями, а если узиаете что-нибудь иовое о смерти сэра Чарльза, то отметьте и это. За последиие дии я иавел кое-какие справки, ио, к сожалеиию, результатами похвалиться ие могу. Мие удалось выясиить только одио: ближайший наследиик, мистер Джеймс Десмоид, действительио прекрасиый человек весьма почтеииого возраста, так что это ие его козии. Думаю, что мы смело можем не заииматься им в дальиейшем. Зиачит, остаются только те люди, которые иепосредствеиио окружают сэра Геири Баскервиля.

— А ие лучше ли сразу же отделаться от четы Бэрриморов?

— Ни в коем случае! Более грубую ошибку трудио совершить. Если оии ни в чем не виноваты, это будет жестокой несправедливостью, а если виноваты, тогда их после ие доищешься. Нет, иет! Пусть так и остаются иа подозреиии. Потом, если ие ошибаюсь, там есть коиюх, два фермера, и иаш друг доктор Мортимер, повидимому, человек безупречиой честиости, и его жеиа, о которой нам иичего ие известио. Не забудьте и натуралиста Стэплтоиа с сестрой — как говорят, весьма привлекательиой молодой особой. Дальше идут мистер Фреиклеид из Лефтер-холла — тоже личиость иеизвестиая, и двое-трое других соседей. Вот люди, которых вам следует держать под наблюдеиием.

— Постараюсь ие осрамиться.

— Оружие вы взяли?

— Да, думаю, это будет ие лишиим.

— Безусловио. Держите револьвер при себе и днем и иочью и ие ослабляйте своей бдительности ни на секуиду.

Наши друзья уже успели запастись билетами первого класса и ждали нас иа платформе.

— Нет, ничего нового,— сказал доктор Мортимер, отвечая на вопрос Холмса.— Могу только поклясться, что последние два дня слежки за нами не было. Мы все время об этом помнили, и от нашего внимания никто бы не ускользнул.

— Надеюсь, вы были неразлучны эти дни?

— Да, за исключением вчерашнего. У меня уже так заведено: по приезде в город посвящать один день целиком развлечениям,— и вчера я был в музее Хирургического колледжа.

— А я пошел в парк посмотреть на гуляющих,— сказал Баскервиль.— И все обошлось благополучно.

— Тем не менее это было неблагоразумно с вашей стороны,— сказал Холмс, нахмурившись, и покачал головой.— Я вас прошу, сэр Генри, не выходите без провожатых, иначе вам не миновать беды. Вы нашли другой башмак?

— Нет, сэр, он исчез бесследно.

— Вот как? Любопытно! Ну, всего вам хорошего,— добавил он, когда поезд тронулся.— Сэр Генри! Помните наставление из старинной легенды, которую нам читал доктор Мортимер, и остерегайтесь выходить на торфяные болота ночью, когда силы зла властвуют безраздельно.

Я выглянул из окна и увидел вдали высокую, худощавую фигуру Холмса, который неподвижно стоял на платформе и смотрел вслед удаляющемуся поезду.

Мы ехали быстро, и я чувствовал себя как нельзя лучше. Я присматривался к моим спутникам и забавлялся спаниелем доктора Мортимера. Через каких-нибудь два-три часа земля вдоль полотна сменила бурый оттенок на красный, кирпич уступил место граниту, а разгороженные пышные луга, на которых рыжие коровы пощипывали сочную траву, свидетельствовали о том, что климат в этих местах, при всей влажности воздуха, значительно лучше, чем на востоке.

Молодой Баскервиль не отходил от окна и радостно вскрикивал при виде родных девонширских пейзажей.

— Где только мне не пришлось побывать, с тех пор как я уехал отсюда, доктор Уотсон! — сказал он.— И все-таки эти места ни с чем не сравнишь.

— Покажите нам такого девоиширца, который не восхищался бы своим Девоиширом.

— Тут дело не только в самом Девоишире, но и в людях, которые его населяют,— сказал доктор Мортимер.— Одного взгляда на круглый череп нашего друга достаточно, чтобы обнаружить в нем представителя кельтской расы, с ее восторженностью, с ее склонностью к сильным чувствам. У покойного сэра Чарльза было совершенно редкостное строение черепа — наполовину галльское, наполовину иберийское. Сэр Генри, а ведь вы, кажется, с детства не видели Баскервиль-холла?

— Я его никогда не видел, потому что мы жили в маленьком коттедже на южном побережье. Когда отец умер, мне шел тринадцатый год, и я сразу же уехал к нашим друзьям в Америку. Эти места для меня почти так же новы, как и для доктора Уотсона, и я просто не дождусь, когда наконец появятся торфяные болота.

— Вот как! В таком случае ваше желание исполнилось — можете любоваться ими,— сказал доктор Мортимер, показывая в окно.

Вдали за зелеными квадратами пастбищ и волнистой кромкой леса, словно фантастическое видение, возникшее во сне, показался унылый серый холм, с зазубренной вершиной. Баскервиль смотрел туда не отрываясь, и эти жадные взгляды говорили о том, как много значит для него первое знакомство с суровым краем, где люди, близкие ему по крови, владычествовали так долго и оставили после себя такой глубокий след. Этот молодой человек в спортивном костюме и говорящий с явным американским акцентом сидел рядом со мной в прозаическом железнодорожном вагоне, и все же, глядя на его смуглое, выразительное лицо, я чувствовал в нем истого потомка тех неукротимых и властных людей. Густые брови, тонкие ноздри и большие карие глаза свидетельствовали о гордости, отваге и силе. Если неприветливые торфяные болота поставят нас лицом к лицу с трудной и опасной задачей, то ради такого человека можно пойти на многое, ибо он смело разделит с тобой любой риск.

Поезд остановился у маленькой, захолустной станции, и мы вышли из вагона. За низким белым забором стояла коляска, запряженная парой невысоких, кореастых лошадок. Наш приезд был здесь, видимо, боль-

шим событием: и сам начальник станции и иосильщики— все окружили нас, предлагая свою помощь. Это было милое деревенское местечко, но, к своему удивлению, я увидел у выхода с платформы двух солдат в темных мундирах, которые стояли, опираясь на карабины, и пристально смотрели на нас. Кучер, нескладный малый с угловатыми чертами лица, снял шляпу, приветствуя сэра Генри Баскервиля, и через несколько минут мы уже быстро катили по широкой белой дороге. По обе ее стороиы поднимались зелеиые склоны пастбищ, домики с острокоиечиыми крышами выглядывали из густой листвы, ио впереди, за пределами этого мириого, залитого солнцем края, темнея на горизонте вечериего неба, вырисовывалась сумрачиая линия торфяиых болот, прерываемая острыми вершинами зловещих холмов.

Наша коляска свернула иа боковую дорогу, и мы иачали подииматься вверх по глубоким колеям, проложенным столетия назад между высокими иасыпями, на которых росли мясистые хвощи и влажный мох. Отлнвающий бронзой папоротник и листья ежевики поблескивали в лучах заходящего солица. Продолжая подъем, мы проехали по узкому каменному мосту через бурную речку, которая быстро иеслась между серыми валунами, обдавая их пеной. И дорога и речка вились по долине, густо заросшей дубияком и соснами.

На каждом повороте Баскервиль восторженно вскрикивал, с любопытством оглядываясь по стороиам, и закидывал нас бесчисленными вопросами. На его взгляд, все здесь было прекрасно, но я ие мог отделаться от чувства грусти, которое навевали на меня эти пастбища и взгорья, явно иосившие следы осеии. Желтые листья слетали на землю и, порхая, ковром устилали тропинки. Стук колес нашего экипажа постепенно замер, потоиув в густом слое гниющей травы. «Печальные дары бросает природа под ноги новому владельцу Баскервиль-холла!» — подумал я.

— Смотрите! — вдруг крикнул доктор Мортимер.— Что это?

Перед нами подиималось крутое взгорье, поросшее вереском,— первый предвестиик близостн торфяных болот. На вершине этого взгорья, словно конная статуя на пьедестале, четко вырисовывался верховой с винтов-

кой наготове. Он наблюдал за дорогой, по которой мы ехали.

— Перкинс, что это значит?— спросил доктор Мортимер.

Наш возница повернулся на козлах.

— Из принстаунской тюрьмы убежал арестант, сэр. Вот уже третий день, как его разыскивают. Выставили сторожевых на всех дорогах, на всех станциях, да пока все без толку. Здешний народ очень этим недоволен, сэр.

— Почему? Ведь тому, кто наведет на след, полагается пять фунтов.

— Так-то оно так, сэр, да только на пять фунтов надежды мало, а вот что он горло тебе перережет, это вернее. Такой человек ни перед чем не остановится, это не какой-нибудь мелкий воришка.

— Кто же он?

— Селден, который совершил убийство в Ноттинг-Хилле.

Я хорошо помнил дело Селдена, потому что в свое время Шерлок Холмс занимался им, заинтересовавшись жестокостью, с которой было совершено убийство, и печатью бесцельного зверства, отмечавшей все действия этого изверга. Преступление было настолько чудовищно, что у судей зародилось сомнение в здравости рассудка Селдена, и поэтому смертную казнь ему заменили тюрьмой.

Коляска поднялась на взгорье, и перед нами раскинулись огромные просторы торфяных болот с видневшимися на них кое-где дольменами и каменными столбами. Холодный ветер, налетевший оттуда, пронизал нас до костей. Где-то там, на унылой глади этих болот, дьявол в образе человеческом, точно дикий зверь, отлеживался в норе, лелея в сердце ненависть к людям, которые изгнали его из своего общества. Лишь этого не хватало, чтобы усугубить то мрачное, что таилось в голой пустыне, расстилавшейся перед нами, в порывистом ветре и темнеющем небе. Даже Баскервиль умолк и плотнее запахнул на себе пальто.

Плодородные места остались позади и ниже нас. Мы оглянулись; лучи заходящего солнца превращали бегущие ручейки в золотые ленты, горели на поднятой

плугом земле и густой чаще кустарника. Дорога, пересекающая красновато-оливковые перевалы с огромными валунами, становилась все запущеннее и суровее. Время от времени перед нами вырастали обнесенные каменными оградами коттеджи, скупые очертания которых не были скрашены даже плющом. А потом глазам нашим предстала похожая на глубокую чашу долина с чахлыми дубами и соснами, искореженными и погнутыми ветром, бушующим здесь спокон веков. Над деревьями поднимались две высокие, узкие башни. Наш возница показал на них кнутом.

— Баскервиль-холл,— сказал он.

Хозяин поместья встал в коляске во весь рост, щеки у него раскраснелись, в глазах вспыхнул огонь. Через несколько минут мы подъехали к узорным чугунным воротам с двумя обомшелыми колоннами, которые увенчивались кабаньими головами — гербом Баскервилей. Каменный домик привратника был ветхий, с обнажившимися стропилами, но перед ним стояло новое, еще не законченное строение — первый плод, принесенный южноафриканским золотом сэра Чарльза.

За воротами шли два ряда высоких старых деревьев; их ветви смыкались сумрачным сводом у нас над головой. Стук колес снова потонул в шорохе листьев. Баскервиль содрогнулся, глядя в длинный темный прогал аллеи, в конце которого виднелись призрачные очертания дома.

— Это случилось здесь?— тихо спросил он.

— Нет, нет, в тиссовой аллее, она с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя хмурый взгляд.

— Меня нисколько не удивляет, что, живя здесь, дядя все время ждал какой-то беды,— сказал он.— Тут кого угодно возьмет страх. Подождите, не пройдет и полугода, как я проведу сюда электричество, и вы не узнаете этих мест! У входа будут гореть фонари Эдисона и Свена в тысячу свечей.

За аллеей открывался широкий газон, и, обогнув его, мы подъехали к дому. В сумерках я мог разглядеть лишь массивный фасад и террасу. Все было сплошь увито плющом, оставлявшим открытыми только окошки амбразуры да овалы гербов. Две старинные зубчатые баш-

нн с бойницамн поднималнсь над этой частью здания. Справа н слева к нним примыкали два крыла нз черного гранита, позднейшей пристройкн. Сквозь окна со множеством переплетов на газон лился неяркий свет, над крутой острокоиечиой крышей с высокими трубами вставал столб темного дыма.

— Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-холл!

Высокий человек выступил нз тенн, падавшей от террасы, н открыл дверцу коляскн. В освещениых дверях холла показался снлуэт женщины. Она тоже подошла к нам н помогла мужчние снять нашн чемоданы.

— Сэр Геири, вы не будете возражать, еслн я поеду прямо домой? — сказал доктор Мортимер.— Меня ждет жеиа.

— Остаиьтесь, пообедайте с нами!

— Нет, право, не могу. Дел, вероятно, тоже много накопилось. Я бы с удовольствием сам показал вам дом, но Бэрримор сделает это лучше меия — он прекрасиый гид. Всего хорошего! И помните, когда бы я вам нн понадобнлся, днем нлн ночью, не стесияйтесь посылать за мной.

Стук колес постепенно замер в глубине аллеи; тяжелая дверь захлопнулась за намн.

Холл, в котором мы очутнлнсь, был очень краснв — просторный, высокий, с массивиыми стропнламн нз потемневшего от временн дуба. В старнином камнне с чугуиной решеткой для дров потрескнвали н шипели поленья. Продрогнув после долгой езды, мы с сэром Генри протяиули рукн к огню. Потом стали разглядывать дубовые панели, высокое, узкое окно с цветнымн стеклами, олеиьи головы н гербы на стенах, смутно видневшиеся в неярком свете люстры.

— Я именно так н представлял себе все это,— сказал сэр Геири.— Настоящее родовое гнездо, правда? Подумать только — ведь мон предкн жилн в этом самом доме в течеиие пятн веков! Как вспомиишь об этом, так невольно настраиваешься на торжественный лад.

Его смуглое лицо горело ребяческнм восторгом. Он стоял в круге света, падающего от люстры, а длинные тенн ложились по стенам и черным пологом сгущалнсь над нним.

Бэрримор разиес иаши чемодаиы по комиатам и, вернувшись, почтительно склоиился перед иами, как и подобало вышколеииому слуге. Наружность у иего была незаурядиая: высокий, представительиый, с окладистой чериой бородой, оттеиявшей бледиое, благообразиое лицо.

— Прикажете подавать обед, сэр?

— А готово?

— Через иесколько минут, сэр. Горячая вода у вас в комиатах. Мы с жеиой будем счастливы, сэр Геири, остаться здесь на первых порах, ио ведь при иовых порядках вам потребуется большой штат.

— При каких иовых порядках?

— Я хочу сказать, что сэр Чарльз вел уедииеиный образ жизии и мы вдвоем вполие могли обслужить его, а вы, сэр, вероятно, будете жить более широко, и вам придется иалаживать все по-иовому.

— Зиачит, вы с женой хотите получить расчет?

— Если только это не причиинт вам каких-либо неудобств, сэр.

— Но ведь ваши предки в течеиие иескольких поколеиий жили в Баскервиль-холле. Мие бы очеиь ие хотелось с первых же своих шагов здесь порывать старые семейиые связи.

Я подметил следы волиеиия иа бледиом лице лакея.

— Нам с жеиой это тоже иелегко, сэр. Но, сказать вам правду, мы были очеиь привязаиы к сэру Чарльзу и до сих пор иикак ие оправимся после его смерти. Нам тяжело здесь оставаться. Мы уже не можем чувствовать себя в Баскервиль-холле как прежде.

— Что же вы собираетесь предприиять?

— Я надеюсь, сэр, что иам удастся наладить какоеиибудь дело. Ведь сэр Чарльз ие оставил иас своей щедростью... А теперь разрешите показать вам ваши комнаты.

Верх старинного холла был обведен галереей с перилами, иа которую вела двухпролетная лестница. Оттуда вдоль всего здаиия тянулись два длиииых коридора, куда выходили все спальии. Моя была в одиом крыле со спальией Баскервиля, почти дверь в дверь. Эти комнаты оказалнсь более совремеииыми, чем цеитральная часть дома, а светлые обои и миожество зажженных

свечей сразу же смягчили тяжелое впечатление, которое создалось у меня по приезде в Баскервиль-холл.

Однако столовая в нижнем этаже поразила нас своим сумрачным видом. Это была длинная комната с помостом для хозяйского стола, отделенным одной ступенькой от той ее части, где полагалось сидеть лицам низшего звания. В дальнем конце были хоры для менестрелей. Высоко у нас над головой чернели огромные балки, за которыми виднелся закопченный потолок. Очень может быть, что пылающие факелы, красочность и буйное веселье стародавних пиров смягчали мрачность этой комнаты, но сейчас, когда в ней под единственной лампой с абажуром сидели два джентльмена, одетых во все черное, их голоса звучали приглушенно и настроение у них было несколько пониженное. Длинная вереница предков в самых разнообразных костюмах — начиная с вельможи эпохи королевы Елизаветы и кончая щеголем времен Регентства — взирала на нас со стен, удручая своим молчанием. Разговор за столом как-то не клеился, и я почувствовал облегчение, когда, закончив обед, мы перешли курить в бильярдную — комнату вполне современную.

— Что и говорить, обстановка не из веселых,— сказал сэр Генри.—Ко всему этому, конечно, можно притерпеться, но сейчас я чувствую себя не в своей тарелке. Не удивительно, что мой дядюшка нервничал, живя один в таком доме. Ну что ж, давайте, пожалуй, разойдемся. Может быть, утром нам покажется здесь не так уж уныло.

Прежде чем лечь спать, я отдернул штору и посмотрел в окно. Оно выходило на газон перед парадной дверью. Позади газона, раскачиваясь на ветру, стонали высокие деревья. В просвете между быстро бегущими облаками проглянул месяц. В его прохладном сиянии за деревьями виднелась неровная гряда скал и длинная линия мрачных болот. Я опустил штору, убедившись, что последнее мое впечатление от Баскервиль-холла ничуть не противоречит первому.

Но оно оказалось не последним. Несмотря на усталость, я все-таки не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок, тщетно призывал к себе сон. Где-то далеко часы отбивали каждые пятнадцать минут, а больше ничто не на-

рушало мертвой тишины, стоявшей в доме. И вдруг в глухую полночь моего слуха коснулся совершенно явственный звук, в природе которого сомневаться не приходилось. Это были рыдания, приглушенные, судорожные всхлипывания женщины, чье сердце разрывалось от горя. Я приподнялся на кровати и стал напряженно вслушиваться. Плач раздавался где-то близко, в самом доме. Я прождал с полчаса, насторожившись всем своим существом, но не услышал больше ничего, кроме боя часов и шороха плюща, увивавшего стены.

ГЛАВА VII

СТЭПЛТОНЫ ИЗ МЕРРИПИТ-ХАУСА

Свежая прелесть утра стерла из нашей памяти гнетущее впечатление, которое осталось у нас обоих после первого знакомства с Баскервиль-холлом. Когда мы с сэром Генри сели завтракать, яркий солнечный свет уже лился в узкие окна с цветными гербами на стеклах, разбрасывая по полу пестрые блики. Темная дубовая обшивка отливала бронзой в золотых лучах, и теперь нам трудно было представить, что всего лишь накануне вечером эта комната навевала на нас такое уныние.

— Дом тут ни при чем, мы, вероятно, сами во всем виноваты,— сказал баронет.— Устали с дороги, прозябли, вот нам и представилось все в мрачном свете. А за ночь мы отдохнули, чувствуем себя прекрасно, и вокруг тоже повеселело.

— Однако нельзя приписывать все только нашему настроению,— ответил я.— Скажите мне, например, неужели вы не слышали средь ночи чей-то плач, по-моему, женский?

— А вы знаете, мне тоже почудилось что-то подобное сквозь дремоту. Я долго прислушивался и потом решил, что это было во сне.

— Нет, я совершенно ясно все слышал и уверен, что плакала женщина.

— Надо сейчас же поговорить с Бэрримором.

Он вызвал лакея звонком и обратился к нему за разъяснениями. Мне показалось, что бледное лицо Бэр-

рнмора побледнело еще больше, когда он услышал вопрос хозяина.

— В доме всего две женщины, сэр Генрн,— ответил Бэррнмор.— Одна нз них судомойка, которая спит в другом крыле, вторая — моя жеиа, но я уверяю вас, что она не плакала.

И все же он сказал нам иеправду, потому что после завтрака мне прншлось столкнуться с мнссне Бэрримор в коридоре, на ярком свету. Я увидел высокую, очень спокойно державшуюся женщнну с крупными чертами лнца и со строго сжатыми губамн. Но глаза — красные, с припухшнмн веками — выдалн ее. Значнт, она-то н плакала ночью, а если так, муж не мог не зиать об этом. И все же он шел даже на то, что его могут уличнть во лжн. Зачем? И почему она так горько рыдала?

Чем-то таиственным и мрачным веяло от этого бледного благообразного человека с черной бородой. Он первый обиаружил тело сэра Чарльза, н обстоятельства смерти старнка Баскервнля былн извести нам только с его слов. Неужели же это Бэррнмора мы вндели в кэбе на Риджент-стрнт? Во всяком случае, борода была точно такая. Кэбмен говорнл о человеке среднего роста, но зто впечатлеиие могло быть ошнбочным. Как же мне установить истину? Прежде всего надо, конечно, повидать иачальника почтовой конторы в Гримпеие н узнать у него, была лн наша телеграмма передана Бэррнмору в собствениые руки. И в том и в другом случае у меня по крайней мере будет что сообщнть Шерлоку Холмсу.

Сэр Генрн занялся после завтрака просмотром деловых бумаг, н я вполне мог располагать своим временем. Пройдя четыре мнлн по хорошей дороге вдоль болот, я вышел к маленькой, невзрачной деревушке, в которой мие прежде всего броснлнсь в глаза два более солнднх, чем остальные, строеиня — гостнница и дом доктора Мортнмера. Начальиик почтовой конторы, оказавшийся также н здешнм лавочнником, запомиил нашу телеграмму.

— Коиечно, сэр,— сказал ои,— я доставил ее мистеру Бэррнмору, как н было указано.

— А кто ее относнл?

— Мой сыиишка. Джеймс, ведь ты доставил телеграмму в Баскервиль-холл, мистеру Бэрримору?

— Да, папа.

— И вручил ему самому? — спросил я.

— Нет, мистер Бэрримор был где-то иа чердаке, и я отдал телеграмму его жеие, а оиа обещала тотчас же передать ему.

— А самого мистера Бэрримора ты видел?

— Нет, сэр, я же говорю, что ои был иа чердаке.

— Откуда же ты зиаешь, где ои был, если сам его ие видел?

— Ну, жеиа-то должна была зиать, где ои,— раздражеиио сказал почтмейстер.— Ведь телеграмма доставлеиа? А если произошла какая-иибудь ошибка, пусть мистер Бэрримор сам жалуется.

Продолжать расспросы было бессмыслеиио, ио мие стало ясио, что хитрая уловка Холмса ии к чему ие привела и мы так и ие узиаем, уезжал Бэрримор в Лоидои или иет. Допустим, что уезжал. Допустим, что ои — последиий, кто видел сэра Чарльза в живых,— первый выследил его наследиика, как только тот приехал в Англию. Что из этого следует? Действует ли Бэрримор по чьему-то иаущеиию, илн у иего есть свои собствеиные коварные плаиы? Какой ему смысл преследовать Баскервилей? Я вспомиил страиное предостережеиие, составлеииое из газетиых вырезок. Неужели это дело рук Бэрримора? А может быть, оио послаио кем-то другим, кто старается помешать ему? Едиистваииое правдоподобиое объяснение дал всему этому сэр Геири, сказав, что если Баскервилей удастся отпугиуть от родового поместья, то чета Бэрриморов обеспечит себе безмятежное существоваиие до коица дией своих. Но разве это в какой-то мере оправдывает ту глубокую и тоикую интригу, которая иевидимой сетью оплетает молодого бароиета? Холмс сам призиал, что среди всех его сеисациоииых расследоваиий это дело иаиболее запутаииое и сложное.

Возвращаясь безлюдной, сумрачиой дорогой, я молил бога, чтобы мой друг освободился как можио скорее и, приехав сюда, сиял с меия эту тяжелую ответствеииость.

Мои размышлеиия были виезапио прерваиы звуком быстрых шагов позади. Чей-то голос окликиул меия по

имени. Я оглянулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к моему удивлению, за мной спешил какой-то невысокий, худощавый блондин лет тридцати пяти — сорока, с чисто выбритой, несколько постной физиономией и узким, длинным подбородком. На нем был серый костюм и соломенная шляпа. Через плечо у него висела жестяная ботанизирка, а в руках он держал зеленый сачок для ловли бабочек.

— Простите мне мою смелость, доктор Уотсон,— еще не отдышавшись как следует, заговорил незнакомец.— Мы здесь народ не церемонный и не дожидаемся официальных представлений. Вы, может быть, слышали обо мне от нашего общего друга, Мортимера. Я Стэплтон из Меррипит-хауса.

— Вас нетрудно узнать по ботанизирке и сачку,— сказал я, так как мне было известно, что мистер Стэплтон — натуралист.— Но как вы-то догадались, кто я такой?

— Я сидел у Мортимера, и он показал мне вас из окна своей приемной, когда вы проходили мимо. Нам с вами по дороге, и я решил догнать вас и представиться вам самолично. Надеюсь, сэр Генри не очень утомился после долгого путешествия?

— Нет, он хорошо себя чувствует, благодарю вас.

— Мы все боялись, что после печальной кончины сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Трудно требовать от состоятельного человека, чтобы он заживо похоронил себя в такой глуши, но ведь вы сами понимаете, как много будет значить его присутствие для всей нашей округи. Я полагаю, эта история не внушила сэру Генри суеверного страха?

— Нет, не думаю.

— Вы, конечно, знаете легенду про чудовищную собаку, которая будто бы преследует род Баскервилей?

— Да, знаю.

— До чего же здешние фермеры суеверный народ! Просто поразительно! Ведь они чуть ли не все готовы поклясться, что видели на болотах это чудовище.— Стэплтон говорил с улыбкой, но я прочел в его глазах, что он относится к своим словам гораздо серьезнее.— Легенда совершенно овладела воображением сэра Чарльза, и она-то и привела его к такому трагическому концу.

— Каким образом?

— Когда у человека так натянуты нервы, появление любой собаки может гибельно сказаться на его больном сердце. Мне думается, что в тот вечер сэр Чарльз действительно увидел нечто подобное в тисовой аллее. Я очень любил старика и, зная о его болезни, так и ждал какого-нибудь несчастья.

— Откуда вы знали, что у него больное сердце?

— От моего друга, Мортимера.

— Следовательно, вы думаете, что на сэра Чарльза бросилась какая-то собака и он умер от страха?

— Может быть, вы располагаете более достоверными сведениями?

— Нет, я еще не успел прийти к определенным выводам.

— А мистер Шерлок Холмс?

На секунду у меня занялось дыхание от этих слов, но спокойное лицо и твердый взгляд моего собеседника говорили о том, что он и не думал застигнуть меня врасплох своим вопросом.

— Доктор Уотсон, зачем нам прикидываться, будто мы не знаем вас? — сказал он. — Слухи о знаменитом сыщике проникли и в наши края, а разве вы можете прославлять его, сами оставаясь в тени? Мортимер не стал отрицать, что вы и есть тот самый доктор Уотсон. А если вы появились здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересовался этим делом, и мне, разумеется, любопытно знать его точку зрения.

— Увы, я не могу ответить на ваш вопрос.

— Тогда разрешите спросить: не удостоит ли он нас своим посещением?

— Сейчас он не может уехать из Лондона. У него есть другие дела.

— Какая жалость! Он мог бы пролить свет на то, что скрывается во тьме для всех нас. Но вы тоже ведете расследование, доктор Уотсон, и если я в состоянии хоть чем-нибудь содействовать вам, располагайте мной как угодно. Мне было бы достаточно одного намека, кого вы подозреваете, как намерены приступить к делу, и, может статься, я уже сейчас помог бы вам советом или указанием.

— Уверяю вас, я просто приехал погостить у своего друга, сэра Генри, и никакой помощи мне не нужно.

— Великолепно! — воскликнул Стэплтон.— Вы поступаете совершенно правильно: осторожность прежде всего! Я вполне заслужил такую отповедь за свою навязчивость и обещаю вам больше не касаться этого вопроса.

Мы подошли к тому месту, где справа от дороги начиналась заросшая тропинка, узкой лентой вьющаяся средн болот. Левее стоял крутой, усеянный валуиамн холм, на котором в древние времена велись разработкн гранита. Обращенная к нам сторона этого холма представляла собой отвесиый откос, густо заросший папоротнпком и ежевикой. Вдали, на горизоите, поднимались серые клубы дыма.

— По этой тропиике отсюда ие так уж далеко до Меррипит-хауса,— сказал Стэплтон.— Пожертвуйте часом времеии, и я буду нметь удовольствие представнть вас своей сестре.

В первую минуту я подумал, что мие следует быть возле сэра Геири, но потом вспомиил счета н бумаги, грудой лежавшие у иего на столе. Уж тут я ничем не мог ему помочь. А Холмс проснл меия познакомнться с людьмн, жнвущнмн по соседству с Баскервиль-холлом. Я принял прнглашенне Стэплтона, и мы свернули вправо.

— Замечательные здесь места,— сказал он, глядя на волнистую лннию зеленых холмов, над которымн морскнми валамн поднимались фантастическне очертания гранитной гряды.— Эти болота никогда нам не прнмелькаются. А сколько тайн онн хранят — бескрайние, пустынные, загадочные!

— Вы хорошо нх знаете?

— Я ведь здесь второй год. Местные старожнлы, пожалуй, назовут меня новнчком. Мы перебрались сюда вскоре после приезда сэра Чарльза, но я, по своему призванию, уже успел обследовать здесь каждый уголок. Смею думать, что теперь мало кто знает торфяные болота лучше меня.

— А разве это такое нелегкое дело?

— Весьма нелегкое. Вот, например, прнсмотритесь к той равнине с подиимающимися кое-где причудливымн холмамн. Чем она, по-вашему, замечательна?

— По ней хорошо скакать галопом.

— Всякий так сказал бы на вашем месте, а между тем эта ошибка уже многим стоила жизни. Видите, сколько на ией ярко-зелеиых лужаек?

— Да, это, вероятно, те места, где почва лучше?

Стэплтон рассмеялся.

— Перед вами огромная Гримпеиская трясина,— сказал ои.— Попадн в эту трясиину человек нлн животное — один неосторожиый шаг... и все коичеио. Я только вчера видел, как туда забрела чья-то лошадь н, разумеется, погибла. Ее голова долго вднелась иад трясиной. Она все вытягивала шею, старалась выбраться, но в конце концов засосало бедняжку. Там даже в засуху опасно ходить, а после осеннн дождей это совсем гнблое место. И тем не менее я не раз пробирался в самое сердце Гримпеиской трясины н возвращался оттуда живым. Смотрите, еще одиа иесчастиая лошадь!

В зеленой осоке перекатывалось н бнлось что-то темиое. Потом над зарослями мелькиула мучительно вытянутая шея, и болота огласилнсь страшиым крнком. Я похолодел от ужаса, ио у моего спутника былн, по-виднмому, более крепкне нервы.

— Коичеио! — сказал ои.— Засосало. Вторая за два дня, только у меня на глазах. А сколько их еще погнбло! Они повадятся туда в засуху н ходят до самой осенн, пока не сгннут. Да, Грнмпенская трясина — страшное место.

— И вы все-таки пробираетесь туда?

— Да, там есть две-трн тропннкн, по которым ловкнй человек может пройти. Я отыскал нх.

— Но зачем вам ходнть в такое опасное место?

— А вои видите те холмы вдалеке? Это настоящне островкн средн иепролазной топн, которая мало-помалу окружила нх со всех сторон. Сумейте иа них пробраться, и какие там редкостиые растеиия, какне бабочки!

— Что же, когда-ннбудь попробую.

Стэплтон с удивленнем посмотрел на меня.

— Ради бога, выкиньте эту мысль из головы! — сказал ои.— Ваша гибель будет на моей совестн. Назад вам ие вернуться, поверьте мие. Я сам только потому и осмелнваюсь туда ходить, что у меия есть сложная система примет.

— Стойте! — крнкиул я.— Что это?

Негромкий, протяжный и невыразимо тоскливый вой пронесся над болотами. Воздух наполнился им, но откуда он шел, определить было невозможно. Начавшись с невнятного стона, этот звук постепенно перешел в глухой рев и опять сник до щемящего сердце стенанья. Стэплтон как-то странно посмотрел на меня.

— Таинственные места эти болота,— сказал он.

— Что это такое?

— Фермеры говорят, что так воет собака Баскервилей, когда ищет свою жертву. Мне и раньше приходилось ее слышать, но сегодня что-то уж очень громко.

Похолодев от страха, я оглядел широкую, поднимающуюся к горизонту равнину, покрытую зелеными зарослями тростника. Ни шороха, ни малейших признаков жизни на ней — только два ворона громко каркали, сидя на каменном столбе позади нас.

— Вы же образованный человек, вас такой чепухой не проведешь,— сказал я.— Как вы объясняете этот вой?

— Трясина иной раз издает очень странные звуки. То ли это ил оседает, то ли вода поднимается на поверхность, то ли еще что, кто знает?

— Нет, нет! Это был голос живого существа.

— Может быть. Вам никогда не приходилось слышать, как кричит выпь?

— Нет, не приходилось.

— В Англии эта птица попадается теперь очень редко, в сущности, она почти вымерла, но на таких болотах все возможно. Я бы нисколько не удивился, если б оказалось, что до нас донесся голос одной из последних представительниц этого вида.

— В жизни не слышал более странных и жутких звуков!

— Что и говорить, места таинственные. Посмотрите на тот холм. Что это такое, по-вашему?

Крутой склон был покрыт как бы кольцами из серого камня. Я насчитал их около двадцати.

— Что это? Овчарни?

— Нет, это жилища наших почтенных прадедов. Доисторический человек густо заселил торфяные болота, а так как после него здесь никто не жил, то весь этот домашний уют остался в целости и неприкосновенности.

Только крышн сняты. При желанни можно пойтн туда н увндеть его очаг и ложе.

— Да это целый городок! Когда же он был обнтаем?

— Неолнтнческнй человек — точный пернод ие установлен.

— А чем этот человек заннмался?

— Пас стада здесь же, на склонах, а когда каменный топор начал уступать первенство бронзовой палнце, научнлся добывать олово. Внднте вон тот ров на протнвоположном холме? Это следы его работы. Да, доктор Уотсон, вы найдете много любопытных особенностей на нашнх болотах. А, простнте, пожалуйста! Это, иаверно, Cyclopides!

Мнмо нас пролетел маленькнй мотылек, н Стэплтон с поразнтельной быстротой н ловкостью кннулся за ннм в погоню. Я с ужасом увндел, что мотылек понесся прямо к трясине, но мой новый знакомый как нн в чем не бывало прыгал с кочкн на кочку и размахивал своим зеленым сачком. Серый костюм н порывистые двнженя прндавалн ему самому сходство с какой-то огромной бабочкой. Я стоял, глядя на него со смешанным чувством восхнщення н страха,— мне все казалось, что он вот-вот оступнтся н уйдет в предательскую трясину. Вдруг позадн меня послышалнсь чьн-то шагн. Я оглянулся и увндел почтн рядом с собой женщнну. Она появнлась с той стороны, где вднелся дым, указывающнй на блнзость Мерршпнт-хауса, но раньше я не мог ее заметить, потому что тропннка, по которой она шла, уходнла под уклон.

Я не сомневался, что это и есть мисс Стэплтон, так как вряд лн в здешнх местах прнходнлось рассчнтывать на встречу с другнмн дамамн. Кроме того, мне говорнли о ней как о красавнце, а ндущая по тропннке женщнна действнтельно поражала своей красотой — красотой не совсем обычного тнпа. Большее несходство между сестрой н братом трудно было себе представить. Он бесцветный блондни с серымн глазами, оиа брюнетка — такнх жгучнх брюнеток мне еще не прнходнлось встречать в Англнн,— нзящная, стройная, высокая. Ее тонкне, горделнвые черты былн настолько правнльны, что лнцо могло бы показаться безжнзненным, еслн б не выразительиый рот н быстрый взгляд прекрасных темных глаз. Идеальная фнгура, нарядное платье — как странно было вн-

деть такое существо на безлюдной тропинке, вьющейся среди торфяных болот! Когда я оглянулся, взгляд этой женщины был устремлен на Стэплтона, но она тут же ускорила шаги и подошла ко мне. Я снял шляпу, уже приготовившись объяснить свое присутствие здесь, как вдруг ее слова направили мои мысли по совершенно иному пути.

— Уезжайте отсюда! — сказала она.— Немедленно уезжайте в Лондон!

В ответ на это я мог только с ошеломленным видом воззриться на нее. Она сверкнула глазами и нетерпеливо топнула ногой.

— Зачем же мне уезжать? — спросил я.

— Не требуйте объяснений.— Она говорила тихо, быстро и чуть-чуть картавила.— Ради бога, послушайтесь моего совета! Уезжайте, и чтоб ноги вашей больше не было на этих болотах!

— Но ведь я только что приехал!

— Боже мой,— воскликнула она,— неужели вы не понимаете, что я желаю вам добра? Уезжайте в Лондон! Сегодня же! Вам нельзя здесь оставаться. Тсс! Мой брат идет! Не говорите ему ни слова... Будьте так любезны, сорвите мне вон ту орхидею. У нас здесь очень много орхидей, но вы немного опоздали: к осени они уже начинают отцветать, и здешняя природа теряет свою красоту.

Стэплтон оставил погоню за мотыльком и подошел к нам, весь красный и запыхавшийся.

— А, это ты, Бэрил! — сказал он, и я не почувствовал в этом приветствии особой сердечности.

— Как ты разгорячился, Джек!

— Да, я погнался за великолепным экземпляром Cyclopides. Их здесь не часто увидишь поздней осенью. И подумай, какая жалость,— не поймал!

Он говорил спокойно-небрежным тоном, а сам все время переводил свои маленькие серые глазки с сестры на меня.

— Вы, кажется, успели познакомиться?

— Да. Я говорила сэру Генри, что сейчас уже поздно любоваться красотами наших болот — орхидеи отцветают.

— Что? Как ты думаешь, кто перед тобой?

— Сэр Генри Баскервиль.

— Нет, нет,— сказал я,— не награждайте меня чужим титулом. Я всего лишь друг сэра Генри, доктор Уотсон.

Краска досады разлилась по ее выразительному лицу.

— Значит, мы говорили, не понимая друг друга,— сказала она.

— Да у вас было не так уж много времени на разговоры,— заметил Стэплтон, продолжая пытливо глядеть на сестру.

— Я приняла доктора Уотсона за нашего соседа,— сказала она.— А ему, должно быть, совершенно безразлично, цветут сейчас орхидеи или нет. Но вы все-таки зайдете к нам в Меррипит-хаус?

Через несколько минут мы подошли к мрачной на вид ферме, которая, вероятно, в давние времена служила жильем какому-нибудь зажиточному скотоводу, а потом была перестроена на более современный лад. Ферму окружал фруктовый садик; деревья в нем, как и повсюду на болотах, были низкорослые, чахлые. Убожеством и грустью веяло от этого места. Слуга, открывший нам дверь, был под стать дому — старый, весь сморщенный, в порыжевшем сюртуке. Но самые комнаты удивили меня своими размерами и элегантностью убранства; последнее следовало, вероятно, приписать вкусу хозяйки. Я посмотрел в окно на бескрайние, усеянные гранитными валунами болота, которые тянулись до еле видной вдали линии горизонта, и не мог не подумать: «Что же привело в такую глушь этого образованного человека и его красавицу сестру?»

— Странное мы выбрали место, где поселиться? — сказал Стэплтон, будто отвечая на мои мысли.— И все-таки нам здесь хорошо. Правда, Бэрил?

— Да, очень хорошо,— ответила она, но ее слова прозвучали как-то неубедительно.

— У меня была школа в одном из северных графств,— сказал Стэплтон.— Для человека с моим темпераментом такая работа суховата, неинтересна, но что меня привлекало в ней, так это тесная близость с молодежью. Какое счастье передавать им что-то от самого себя, от своих идей, видеть, как у тебя на глазах формируются юные умы! Но судьба обернулась против нас. В школе

вспыхнула эпидемия, трое мальчиков умерли. Нам так и не удалось поправить дела после такого удара, бо́льшая часть моего капнтала была безвозвратно потеряна. И все же, еслн б не разлука с моимн дорогими мальчнками, я радовался бы этой неудаче, ибо для человека с моей страстью к ботаннке и зоологнн здесь непочатый край работы, да и сестра моя — не меньшая любительннца природы. Это прнзнание, доктор Уотсон, вы навлеклн на свою голову самн: вольно же вам было устремлять нз окна такой грустный взгляд на нашн болота!

— Да, не отрнцаю, мне действнтельно кажется, что жнть здесь скучно не столько вам, сколько вашей сестре.

— Нет, я не скучаю,— быстро ответнла она.

— Мы заняты иаучной работой, у нас большая библнотека н очень интересные соседи. Доктор Мортимер— весьма начитанный человек в своей областн. Несчастный сэр Чарльз тоже был прекрасным собеседнником. Мы с ним были очень близкн, и я даже не могу вам передать, как нам тяжела эта утрата. А что вы скажете, если я нанесу сегодня визит сэру Генрн? Это ему не помешает?

— Я уверен, что он будет очень рад познакомиться с вамн.

— Тогда будьте добры предупредить его. Может быть, нам удастся помочь ему первое время, пока он еще не освонлся на новом месте... А теперь, доктор Уотсон, давайте поднимемся наверх, я покажу вам свою коллекцию чешуекрылых. Смею думать, что более полной коллекцин вы не найдете в этой частн Англин. А когда мы кончим, к тому времени и завтрак будет готов.

Но я спешнл к своему подопечному, сэру Генри. Унылость болот, гнбель несчастной лошадн, загадочный вой, который ставнлся в какую-то связь с мрачной легендой, существовавшей в роду Баскервилей,— все это настронло меня на грустный лад. А к этнм более илн менее смутным впечатленням прибавилнсь еще н совершенно недвусмысленные слова мисс Стэплтон, которые былн сказаны с такой силой убеждения, что мне не приходилось сомневаться в серьезностн н глубине прнчин, нх вызвавших. Я отказался от настойчнвых приглашений к завтраку и отправнлся домой по той же самой тропинке.

Но, кроме этой тропннки, здесь был, очевидно, и дру-

гой, более короткий путь, ибо не успел я выйти на дорогу, как увидел перед собой мисс Стэплтон. Румяиец, горевший у нее на щеках, придавал ей еще бо́льшую прелесть; она сидела на придорожном камие, тяжело дыша и прижимая руку к груди.

— Мне хотелось опередить вас, доктор Уотсон, и я всю дорогу бежала,— проговорила она.— Даже шляпу не успела надеть. Я не стану задерживаться, а то брат может заметить мое отсутствие. Мне только хочется попросить у вас извинеиия за свою глупую ошибку: ведь я приняла вас за сэра Генри. Прошу вас, забудьте все, что я говорила. К вам зто ие имеет никакого отношения.

— Как же я могу это забыть, мисс Стэплтои! Судьба моего друга, сэра Генри, меня очень иитересует. Скажите мие, почему вы так иастаивали на его отъезде в Лондон?

— Жеиский каприз, доктор Уотсои! Когда мы с вами познакомимся поближе, вы убедитесь, что я не всегда могу объясиить свои слова и поступки.

— Нет, иет! Я помню, какой у вас был взволнованный голос, я помню ваши глаза. Мисс Стэплтои, будьте откровеииы со мной, прошу вас! Я, как только очутился здесь, сразу почувствовал, что вокруг меня собираются какие-то призраки. Ходишь словно по Гримпенской трясине: вот-вот увязнешь с головой иа одной из этих зеленых лужаек, и никто не поможет тебе выбраться оттуда. Объясните, на что вы намекали, и я передам ваше предостережеиие сэру Генри.

Тень нерешительности пробежала по лицу мисс Стэплтон, но не прошло и секунды, как взгляд ее стал снова суровым, и она ответила мне:

— Вы придаете слишком большое зиачеиие моим словам, доктор Уотсон. Смерть сэра Чарльза потрясла иас с братом. Мы часто встречались с покойным, потому что его излюбленная прогулка была вот по этой тропинке, что ведет к нашему дому. Легенда о проклятии, тяготеющем иад родом Баскервилей, угнетала сэра Чарльза, и когда катастрофа разразилась, я поняла, что его опасения были обоснованиы. Теперь меня очеиь беспокоит приезд иаследника сэра Чарльза, и я считала иужным

предупреднть его об опасностн, которая ему угрожает. Вот н все, ничего другого я не хотела сказать.

— Но в чем же, по-вашему, эта опасность?

— Вы знаете преданне о собаке?

— Я не верю этому вздору!

— А я верю. Если вы нмеете хоть какое-ннбудь влнянне на сэра Генри, увезнте его отсюда. Это роковое место для Баскервнлей. Мнр велнк. Почему сэру Генрн надо жнть нменно здесь, где ему грознт опасность?

— Вот потому-то он н решнл здесь жить. Таков характер этого человека, н если вы ие выскажетесь более определенно, вряд лн мне удастся увезтн его отсюда.

— Я не могу дать вам более определенных сведеннй по той простой прнчине, что у меня их нет.

— Тогда, мисс Стэплтон, разрешнте задать вам еще однн вопрос. Если это все, что вам иужио было сказать мне, почему же вы боялнсь, как бы вас ие услышал брат? По-моему, тут иет ннчего такого, что могло бы не понравиться ему илн кому-ннбудь другому.

— Мой брат очень не хочет, чтобы Баскервнль-холл пустовал: это повреднт бедному люду, который жнвет здесь на болотах. Оп бы страшно рассерднлся на меия, еслн бы знал, что я стараюсь как-то повлнять иа сэра Генрн. Но я исполнила свой долг н больше ннчего не скажу. А теперь мне надо идтн, не то он хватнтся меня и заподозрит, что я говорнла с вамн. Прощайте!

Оиа повернулась и вскоре нсчезла среди валунов, а я, полиый какнх-то неясных страхов, направнл свон шаги к Баскервнль-холлу.

ГЛАВА VIII

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Начнная с этого дия я буду нзлагать ход событнй по своим письмам к мнстеру Шерлоку Холмсу, которые лежат сейчас передо мной иа столе. Онн сохранились полностью, если не счнтать одного затерявшегося лнстка, н передадут все мои мысли и подозрения более точно, чем

я мог бы сделать это сам, полагаясь только на свою память, хотя из иее еще ие изгладились трагические события тех дней.

Баскервиль-холл,
13 октября.

Дорогой Холмс!

По моим предыдущим письмам и телеграммам вы зиаете все, что произошло за последиее время в этом самом глухом уголке мира. Чем дольше живешь здесь, тем больше и больше начинает въедаться тебе в душу уиылость этих болот, этих необъятных просторов, впрочем, не лишеииых даже какой-то мрачиой прелести. Стоит мне только выйти иа них, и я чувствую, что совремеиная Аиглия остается где-то позади, а вместо иее видишь вокруг лишь следы жилья и трудов доисторического человека. Это давио исчезиувшее племя напомииает о себе повсюду — вот его пещеры, вот могилы, вот огромные камеиные глыбы, оставшиеся там, где, по-видимому, были его капища. Глядя иа иссечеииые примитивиым орудием склоиы холмов, иа которых темиеют эти пещеры, забываешь, в каком веке живешь, и если бы вдруг под иизким сводом одиой из иих появилось одетое в звериную шкуру волосатое существо и вложило бы в лук стрелу с кремневым иаконечииком, вы почувствовали бы, что его присутствие здесь более уместио, чем ваше. Страииее всего то, что эти люди так густо заселяли здешние иеплодороднные места. Я ие археолог, ио, по-моему, это было отнюдь не воинственное, а скорее угиетеиное племя, которое довольствовалось тем, от чего отказывались другие.

Однако все это не имеет иикакого касательства к моему пребыванию здесь и, вероятно, нисколько не иитересио такому сугубо практическому человеку, как вы. Я до сих пор ие в силах забыть ваше равиодушие к вопросу о том, движется ли солице вокруг земли или земля вокруг солица. Так давайте же перейдем к фактам, имеющим непосредствеиное отиошеиие к Геири Баскервилю.

Последние несколько дней вы ие получали от меия иикаких сведеиий по той простой причиие, что рассказывать мне было ие о чем. Но с тех пор произошло одио страиное событие, о котором я доложу вам в свое время, а сейчас разберемся в других обстоятельствах, немаловажных для иашего дела.

Одно из этих обстоятельств — весьма существенное, хотя я почти не упоминал о нем в своих письмах,— каторжник, скрывающийся на болотах. Есть все основания предполагать, что он ушел из здешних мест, к великой радости обитателей одиноких ферм. Со времени его побега прошло две недели, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Трудно себе представить, чтобы человек мог просуществовать на болотах все это время. Правда, спрятаться там есть где. Любая из каменных пещер могла бы служить ему пристанищем. Но ведь без еды не проживешь. Разве только он ловит и убивает овец. Нет, каторжник, безусловно, ушел из этих мест, а посему жители отдаленных ферм спят теперь спокойно.

Мы, четверо здоровых сильных мужчин, живущих в Баскервиль-холле, в случае чего сможем постоять за себя, но признаюсь вам: думая о Стэплтонах, я беспокоюсь. Близких соседей у них нет, так что им трудно рассчитывать на чью-либо помощь. Горничная, старик лакей, сестра и брат — последний, по-видимому, отнюдь не силач — вот все обитатели Меррипит-хауса. Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого ноттингхиллского убийцы, если он заберется к ним в дом. Мы с сэром Генри очень тревожились за них и хотели даже, чтобы конюх Перкинс ночевал в Меррипит-хаусе, но Стэплтон не пожелал и слышать об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает проявлять сильный интерес к своей прекрасной соседке. Да это и не удивительно, ибо он человек живой, деятельный, ему скучно в такой глуши, а она, надо признаться, обворожительная и красивая женщина. В ней есть какая-то экзотическая пылкость, в противоположность ее хладнокровному и совершенно бесстрастному брату. И в то же время в нем чувствуется скрытый огонь. Судя по всему, он имеет на сестру большое влияние; мне не раз приходилось ловить взгляды, которые она бросает на него во время разговора, словно ожидая одобрения своим словам. Хочу надеяться, что они ладят между собой. Такой сухой блеск в глазах и такие тонкие, поджатые губы часто говорят о твердом, а может быть, и суровом характере. Во всяком случае, этот натуралист любопытный тип, и вы непременно заинтересовались бы им.

Он пришел с визитом к сэру Генри в тот же день, а на следующее утро повел нас туда, где произошло событие, связанное с легендой о беспутном Хьюго. Мы прошли несколько миль в глубь болот и очутились в небольшой долине, настолько мрачной, что она сама по себе могла способствовать зарождению подобной легенды. Узкий проход между искрошившимися каменными столбами вывел нас на открытую лужайку, поросшую болотной травой. Посередине ее лежат два огромных камня, суживающиеся кверху и напоминающие гигантские гнилые клыки какого-то чудовища. Все здесь в точности соответствует описанию той сцены, на которой разыгралась эта давняя трагедия. Сэр Генри с интересом осматривался по сторонам и все спрашивал Стэплтона, неужели тот верит в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Тон у него был небрежный, но он, по-видимому, относится ко всему этому очень серьезно. Стэплтон отвечал сдержанно, многого не договаривая и явно щадя чувства молодого баронета. Он рассказал нам несколько подобных случаев, когда семьи из рода в род испытывали на себе влияние каких-то недобрых сил, и после всех этих рассказов у нас создалось впечатление, что Стэплтон вместе со многими другими здешними жителями верит в легенду о собаке Баскервилей.

На обратном пути мы зашли в Меррипит-хаус позавтракать. Тогда-то сэр Генри и познакомился с мисс Стэплтон. Он увлекся ею с первой же встречи, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что это чувство взаимное. Когда мы возвращались домой, он то и дело заговаривал о ней, и с тех пор почти не проходит дня, чтобы мы не повидались со Стэплтонами. Сегодня они у нас обедают, а сэр Генри уже поговаривает о визите к ним на будущей неделе.

Казалось бы, лучшего мужа для сестры Стэплтону и желать нечего, и все же я не раз замечал, что он хмурится, когда сэр Генри оказывает ей внимание. Стэплтон, по-видимому, очень привязан к сестре, и ему будет тоскливо одному, но ведь это же верх эгоизма — препятствовать такой блестящей партии! Тем не менее факт остается фактом: Стэплтон явно не желает, чтобы эта дружба перешла в любовь, и, по моим наблюдениям, он всячески старается не оставлять их наедине. Кстати,

если все дело осложнится еще и романом, то ваше наставление не спускать глаз с сэра Генри окажется почти невыполнимым. Если же я буду строго следовать данному мне указанию, подумайте, как это пошатнет мою репутацию здесь!

На днях, точнее, в четверг, у нас завтракал доктор Мортимер. Он производил раскопки кургана в Длинной низине и нашел там череп доисторического человека, что повергло его в неописуемый восторг. Второго такого энтузиаста своего дела, пожалуй, и не сыщешь. После завтрака явились Стэплтоны, и, по просьбе сэра Генри, добрейший доктор повел нас всех в тисовую аллею показать, как все было в ту роковую ночь. Аллея эта длинная, сумрачная, с обеих сторон идут сплошной стеной подстриженные тисы и узкие полоски дерна. В дальнем ее конце стоит полуразрушенная беседка. Как раз посередине приходится калитка, ведущая на болота, около которой старик Баскервиль стряхивал пепел с сигары. Она деревянная, покрашена белой краской и заперта на задвижку. За ней расстилаются необъятные болота. Я вспомнил вашу теорию по поводу происшедшего здесь события и попытался представить, как все это было. Стоя у калитки, старик Баскервиль увидел нечто, приближающееся к нему с болот, и так испугался этого видения, что потерял голову, бросился бежать и бежал до тех пор, пока не упал мертвым от изнеможения и ужаса. Он бежал длинной, темной аллеей. Но кто обратил его в бегство? Какая-нибудь овчарка с болот? Или призрачная собака — огромная, черная, безмолвная? А может быть, это дело человеческих рук? Может быть, бледный, насторожившийся Бэрримор знает больше, чем говорит? Туман и полная неопределенность — и все же за всем этим неотступной тенью стоит преступление.

С тех пор как я вам писал в последний раз, мне удалось познакомиться еще с одним из наших соседей — с мистером Фрейклендом из Лефтер-холла, который живет милях в четырех к югу от нас. Это старик, седой, краснолицый и весьма желчный. Мистер Фрейкленд помешан на британском законодательстве и ухлопал целое состояние на всевозможные тяжбы. Он судится исключительно ради собственного удовольствия, выступая то в качестве истца, то в качестве ответчика, а такие развле-

чения, как вы сами понимаете, обходятся недешево. Ему вдруг взбредет в голову запретить проезд около своих владений — пусть приходский совет доказывает, что это неправильно. Потом разломает собственными руками чью-нибудь калитку и заявит, что здесь спокон веков была проезжая дорога,— пусть хозяин подает на него в суд за нарушение границ чужого землевладения. Он знает назубок древнее обычное право и применяет свои знания иной раз в интересах соседей деревушки Фериворси, иной раз наперекор ей, так что жители ее попеременно то проносят его с торжеством по улицам, то предают символическому сожжению. Говорят, будто сейчас на руках у мистера Фреиклейда семь тяжб, которые, по всей вероятности, съедят остатки его состояния, и он, лишенный таким образом жала, будет совершенно безобидным, мирным старичком. Во всех прочих отношениях это человек мягкий, добродушный, и я упоминаю о нем только потому, что вы требовали от меня описания всех наших соседей.

Сейчас мистер Фреиклейд нашел себе очень странное занятие. Будучи астрономом-любителем и обладая великолепной подзорной трубой, он по целым дням лежит на крыше своего дома и обозревает болота в надежде на то, что ему удастся обнаружить беглого каторжника. Если б мистер Фреиклейд употреблял свою нерастраченную энергию только на это, все было бы прекрасно, но ходят слухи, будто он собирается привлечь к ответственности доктора Мортимера за то, что тот разрыл какую-то могилу, не заручившись согласием ближайших родственников погребенного. Как вы догадываетесь, речь идет о черепе неолитического человека, обнаруженном при раскопке кургана в Длинной низине. Да, мистер Фреиклейд вносит некоторое разнообразие в нашу жизнь, а сейчас это нам как нельзя более кстати.

Теперь, сообщив вам все, что было можно, о беглом каторжнике, Стэплтонах, докторе Мортимере и мистере Фреиклейде из Лефтер-холла, я перейду к самому важному пункту и расскажу о Бэрриморах, в частности, о тех странных событиях, которые произошли сегодня ночью.

Начну с телеграммы, посланной вами из Лондона с тем, чтобы удостовериться, был ли Бэррнмор в тот день

иа месте. Вы уже зиаете о моей беседе с почтмейстером, из которой выясиилось, что иаша проверка иичего ие дала, и мы так и не получили нужных иам сведеиий. Я рассказал сэру Генри о своей иеудаче, и ои со свойствеииой ему иепосредствеииостью иемедлеиио вызвал Бэрримора и спросил его про телеграмму. Бэрримор сказал, что телеграмма была получена.

— Мальчик передал ее вам в собствениые руки? — спросил сэр Генри.

Бэрримор удивлеино посмотрел на него и мииуту подумал.

— Нет,— сказал ои.— Я тогда был иа чердаке, и телеграмму принесла мие жена.

— А ответ вы написали сами?

— Нет, я сказал жене, как ответить, оиа спустилась вннз и иапнсала.

Вечером Бэрримор снова вериулся к этой теме по своему собственному почиию.

— Сэр Геири, я не совсем поиял, почему вы расспрашивали меня о той телеграмме,— сказал ои.— Неужели я в чем-иибудь провинился и потерял ваше доверие?

Сэр Геири постарался уверить Бэрримора, что это не так, и, чтобы окончательио успокоить его, подарил ему довольно много из своих старых вещей, ибо покупки, сделаииые им в Лоидоне, уже доставлеиы в Баскервиль-холл.

Меня очень иитересует миссис Бэррнмор. Это весьма солидная, почтеииая жеищиа с пуританскими иаклоиностямн, трудно вообразнть себе существо более иевозмутимое. Но вы уже зиаете, что в первую иочь здесь я слышал ее горькие рыдания, и с тех пор мие ие раз приходилось замечать следы слез у иее иа лице. Эту жеищиу гложет какое-то тяжелое горе. Ииой раз мие приходит в голову: может быть, это муки иечистой совести? А потом я иачииаю подозревать в Бэрриморе домашнего тирана. Мие всегда казалось, что это личность сомиительная, страииая, а события прошлой иочи окоичательио усилили мои подозреиия.

Впрочем, само по себе это происшествие ие так уж зиачительио. Вы, вероятно, помиите, что я сплю ие очеиь крепко, а здесь, в Баскервиль-холле, когда все время при-

ходится быть настороже, сон у меня особенно чуткий. Вчера ночью, около двух часов, я услышал крадущиеся шаги около своей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в коридор. По нему скользила чья-то длинная черная тень. Она падала от человека, который еле слышно ступал по коридору со свечкой в руке. Он был в нижней рубашке, в брюках, босиком. Я различил только его смутные очертания, но по росту догадался, что это Бэрримор. Он шел медленно, тихо, и в каждом его движении было что-то воровато, настороженное.

Вы уже знаете из моих писем, что оба коридора пересекаются галереей, которая окружает холл. Я подождал, пока Бэрримор скроется у меня из глаз, и двинулся следом за ним. Когда я вышел на галерею, он был уже в самом конце дальнего коридора, потом в открытых дверях одной комнаты блеснул свет — значит, он вошел туда. Надо вам сказать, что эти комнаты нежилые и в них нет даже мебели, следовательно, поведение Бэрримора становилось совсем загадочным. Он стоял там, по-видимому, неподвижно, так как пламя свечи не колебалось. Стараясь шагать как можно тише, я прошел весь коридор и заглянул из-за косяка в открытую дверь.

Бэрримор стоял, притаившись, у окна, поднеся свечку к самому стеклу. Я видел его профиль — застывшее в напряженном ожидании лицо, взгляд, устремленный в непроглядную тьму болот. Несколько минут он пристально смотрел в окно, потом тихо застонал и нетерпеливым движением загасил свечу. Я сейчас же вернулся к себе в комнату и вскоре услышал за дверью те же крадущиеся шаги. Спустя долгое время, сквозь легкий сон, до меня донеслось, как где-то повернули ключ в замке, но откуда шел этот звук, определить было трудно.

Что все сие значит, я не понимаю, но в этом мрачном доме творятся какие-то тайные дела, до сути которых мы рано или поздно доберемся. Не хочу утруждать вас изложением собственных теорий на этот счет, так как вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром я долго говорил с сэром Генри, и мы разработали план кампании, основываясь на моих ночных наблюдениях. Но я умолчу о нем до следующего письма, которое только выиграет от этого.

ГЛАВА IX

ВТОРОЙ ОТЧЕТ ДОКТОРА УОТСОНА

Баскервиль-холл,
15 октября.

Дорогой Холмс!

Если первое время после приезда сюда ваш послаи-ник ие баловал вас иовостями, то призиайтесь, что теперь ои иаверстывает упущеииое, так как события быстро следуют одио за другим. Свой последиий отчет я закоичил драматическим описаиием Бэрримора у окиа пустой комиаты, а с тех пор у меия накопился целый ворох иовостей, которые, без сомнеиия, сильио удивят вас. Я иикак ие мог предугадать, что дела примут такой оборот. За последиие двое суток обстаиовка, с одиой стороиы, зиачительио проясиилась, с другой — стала еще сложиее. Но расскажу вам все по порядку, так, чтобы вы могли судить об этом сами.

На следующее утро после моего иочиого приключеиия я еще перед завтраком обследовал ту комиату, куда заходил Бэрримор. Окио, в которое он так пристальио смотрел, имеет одио преимущество по сравиеиию со всеми другими окиами дома: из иего открывается самый лучший вид иа болота. В просвете между двумя деревьями оии лежат как на ладоии, а из другнх окои их почти ие видно. Следовательио, Бэрримор избрал это окио, чтобы высмотреть кого-то или что-то иа просторах торфяиых болот. Впрочем, иочь была темиая, и я ие зиаю, иа что он рассчитывал. Потом мие пришло в голову: может быть, это какая-иибудь любовиая иитрижка? Тогда все стаиет понятиым — и осторожиость, с какой ои действовал, и страдаиия его жеиы. У человека с его виешиостью есть все даиные, чтобы плеиить сердце какой-иибудь деревеиской девушки, так что это предположеиие небезосиовательио. Вернувшись тогда к себе в комиату, я слышал, как где-то открылн дверь. Вероятио, Бэрримор ходил иа тайиое свидаиие. Такие мысли заиимали меия все следующее утро. В дальиейшем мои подозрения могут оказаться иесостоятельиыми, и все же, иевзирая иа это, я считаю иеобходимым сообщить их вам.

Я чувствовал, что возьму на себя слишком большую ответственность, если умолчу о событиях этой ночи, дожидаясь, пока мотивы действий Бэрримора не станут яснымн. После завтрака мы с баронетом ушли в его кабинет, и там я рассказал ему все. Сверх моих ожиданий, он отнесся к этому довольно спокойно.

— Я знаю, что Бэрримор разгуливает по ночам, и давно собираюсь поговорить с ним,— сказал он.— Я несколько раз слышал его шаги в коридоре примерно в те же часы, что и вы.

— Может быть, он каждую ночь ходит к тому окну?

— Может быть. А если так, надо его выследить и посмотреть, чем он там занимается. Интересно, как бы поступил в таком случае ваш друг Холмс?

— Уверен, что он сделал бы то же самое,— сказал я.— Прокрался бы за Бэрримором и узнал, что ему там понадобилось.

— Тогда давайте сделаем это вместе.

— Но он услышит нас!

— Нет. Бэрримор туговат на ухо, и, во всяком случае, надо рискнуть. Давайте ждать его у меня в комнате.

Сэр Генри с удовольствием потер руки, видимо, радуясь малейшей возможности внести какое-то разнообразие в монотонное течение жизни, которую ему приходится вести здесь.

Баронет уже успел снестись с архитектором, подготовлявшим для сэра Чарльза планы перестройки, и пригласил подрядчика из Лондона, так что в скором времени здесь надо ждать больших перемен. Из Плимута приехали декораторы и меблировщики. Судя по всему, наш друг размахнулся очень широко и не пожалеет ни трудов, ни денег, чтобы восстановить былое величие своего рода. Когда дом будет заново отделан и обставлен, для полного завершения картины баронету потребуется только жена. Между нами говоря, есть все основания предполагать, что за этим дело не станет, ибо он так увлечен своей очаровательной соседкой, мисс Стэплтон, что дальше идти некуда. Однако роман протекает не так гладко, как следовало бы ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на его поверхности появилась маленькая рябь, очень удивившая и расстроившая нашего друга.

После разговора о Бэррнморе сэр Генрн надел шляпу н собрался ндтн куда-то. Я, разумеется, сделал то же самое.

— Вы со мной, Уотсон? — спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

— Это завнснт от того, куда вы идете. Если на болота, то да,— ответил я.

— На болота.

— Вы же знаете, какне мне даны распоряженння. Я не хочу мешать вам, но Холмс не велел оставлять вас одного, особенно на болотах. Вы самн это слышали.

Сэр Генрн с милой улыбкой похлопал меня по плечу.

— Дорогой друг,— сказал он,— несмотря на всю свою дальновидность, Холмс не мог предугадать во всех подробностях, как сложнтся моя жнзнь здесь. Вы меня понимаете? Уж кому другому, а вам-то наверняка не захочется мешать мне. Нет, пустнте меня одного.

Посудите самн, каково было мое положение. Я растерялся, не зная, что сказать, как поступить, а тем временем сэр Генрн взял свою палку н ушел.

Но стонло мне только немного поразмыслить, н меня начала мучить совесть: зачем я позволил ему уйтн нзпод моего наблюдения! А что, еслн, вернувшнсь в Лондон, я должен буду признаться вам, что мое попустительство довело нас до беды? Меня бросило в жар при одной мыслн об этом. Еще не поздно, его можно догнать. И я сразу же отправился к Меррипнт-хаусу.

Я быстро шагал по дороге, не вндя сэра Генрн, и через несколько минут подошел к тому месту, где начинается тропинка, уводящая в глубь болот. Тут меня взяло сомнение в правильностн выбранного пути, и я поднялся на холм, с которого открывается шнрокий вид на болота,— тот самый холм, где была когда-то каменоломня. Оттуда я сразу увидел баронета. Он шагал по тропннке прнмерно на расстоянин четверти мнлн от меня, а рядом с ннм шла женщина — не кто нная, как мисс Стэплтон. Было ясно, что этн двое давно обо всем договорнлнсь н что сегодняшняя встреча не случайна. Погруженные в разговор, онн шлн очень медленно, н, судя по жестнкуляцни мисс Стэплтон, она старалась в чем-то убедить сэра Генри, который внимательно слушал ее и время от временн отрнцательно качал головой. Я стоял

среди валунов, ие зная, как мне быть. Догнать их н нарушить эту интимную беседу иемыслнмо. Но в чем состоит мой долг? В том, чтобы нн на секунду не спускать глаз с сэра Генрн. Выслеживать друга — крайне иепрнятное занятне. И все же я не видел иного выхода н решил продолжать свое наблюдение с вершины холма, а потом для очистки совестн признаться баронету во всем. Правда, еслн б он вдруг оказался в опасностн, я бы ие смог ему помочь, так как был слншком далеко, но, согласитесь сами,— выбирать не приходилось.

Пройдя несколько шагов, наш сэр Генрн и девушка остановнлись, увлечеиные своим разговором, н тут мне вдруг стало ясно, что я не еднистенный свидетель нх встречи. Среди валунов мелькнуло что-то зелеиое. Приглядевшись, я увндел, что это зеленый лоскут иа палке, а палку несет человек, идущий по направленню к тропинке. Это оказался Стэплтон со своим сачком для ловли бабочек. Он был гораздо блнже к нашей парочке, чем я, и шел прямо на нее. В эту мииуту сэр Генри обнял мисс Стэплтон, но она отвернулась, стараясь вырваться из его объятий. Он нагнулся к ней, она заслоиилась от него ладонью... А потом оин отскочнли друг от друга и оглянулись иазад. Виной этому был Стэплтои, который бежал к ним со всех ног, нелепо размахивая сачком. Он отчаяиио жестикулировал н, поравнявшись с влюбленными, в страшиом волиенни заметался перед ннмн. Я не мог понять, что все это значит, но, по-вндимому, Стэплтон в чем-то обвииял сэра Генрн, а тот оправдывался и мало-помалу начинал выходнть нз себя. Девушка стояла рядом, храня высокомерное молчаине. Наконец Стэплтон круто повернулся, повелительно махиул сестре рукой, н она, броснв нерешительный взгляд на сэра Генри, пошла следом за братом. Порывнстые жесты натуралнста свндетельствовалн о том, что его гнев пал н иа девушку. Бароиет проводнл их взглядом, потом повесил голову и медлеино зашагал в обратиый путь.

Я так ничего н не понял нз этой разыгравшейся у меия на глазах сцены и чувствовал глубокий стыд, что был свидетелем ее без ведома моего друга. Мне не оставалось инчего другого, как сбежать с холма н встретнть бароиета внизу. Лицо у иего было красное от гиева, бро-

ви нахмурены — человек явно не знал, что делать, как поступнть.

— А, Уотсон! Откуда вас принесло? Неужели вы все-таки пошли следом за миой?

Прншлось объяснить ему все: как я почувствовал, что не могу отпустить его одного, как пошел следом за ним н оказался свидетелем их встречн н всех последующих событий. Сэр Генри сверкиул на меня глазами, но моя откровеиность обезоружнла его, н он рассмеялся, правда, невесело:

— Уж, кажется, в такой пустыне можно было рассчнтывать на уединение, так нет! Все словно сговорилнсь н вышлн полюбоваться, как я ухаживаю за девушкой! А ухаживанне получилось довольно неудачное. Где вы абоннровалн себе место?

— Вон на том холме.

— Значит, на галерке. А ее братец устронлся в первых рядах. Вы видели, как ои на нас налетел?

— Да, видел.

— Вам ннкогда не приходнло в голову, что этот субъект не в своем уме?

— Нет, не приходило.

— Мне тоже. До сегодняшнего дня я счнтал Стэплтона самым нормальиым человеком, а теперь мие кажется, что на него — а может, на меня — надо иадеть смнрнтельную рубашку. Неужелн я так уж плох? Вы живете со мной не первую неделю, Уотсон. Будьте откровенны. Что мие мешает стать хорошим мужем женщнны, которую я люблю?

— По-моему, ничто не мешает.

— К моему положению в обществе он не может прндраться,— значнт, дело во мне самом. Что он нмеет протнв меня? Я в жнзнн ннкому не причинил зла. А этот субъект даже блнзко меня к ией не хочет подпускать.

— Он так н сказал?

— Да, и добавнл кое-что сверх этого. Знаете, Уотсон, я ведь познакомился с ней всего несколько недель назад, но мне с первой же встречн стало ясно, что эта женщииа создаиа для меия. И она... она тоже... ей было хорошо со миой, я готов поклясться в этом! Женскне глаза говорят лучше слов. Но он протнвился нашему

сближению, и я только сегодня улучил возможность поговорить с ней наедине. Она с радостью согласилась на это свидание, но, как вы думаете, зачем? Чтобы говорить о нашей любви? Нет, будь ее воля, она и меня заставила бы замолчать. У нее одно на языке: здесь опасно, и она не успокоится до тех пор, пока я не уеду из Баскервиль-холла. Я сказал, что после встречи с ней никуда отсюда не уеду, а если это так уж необходимо, пусть уезжает вместе со мной. Одним словом, я сделал ей предложение, но она даже не успела ответить мне, потому что в эту минуту ее милейший братец налетел на нас, как сумасшедший. Он был весь белый от ярости, а его бесцветные глазки буквально метали искры. Что я себе позволил! Как я смею приставать к женщине со своими ухаживаниями, которые ничего не вызывают у нее, кроме отвращения! Я, вероятно, воображаю, что баронету все дозволено? Не будь он ее братом, я бы знал, как ему ответить! Пришлось сказать только, что ничего позорного в моих чувствах нет и что я надеюсь иметь честь назвать когда-нибудь мисс Стэплтон своей женой. Но это ничему не помогло, и под конец я тоже вышел из себя и погорячился, а горячиться не следовало, принимая во внимание, что она стояла тут же. После этого он удалился вместе с ней, как вы сами видели, я же остался один в полном недоумении. Теперь, Уотсон, объясните мне, что все это значит, и я век не забуду вам такого одолжения!

Я прикинул мысленно и так и эдак, но, по правде сказать, вся эта история повергла меня в не меньшее недоумение. Титул нашего друга, его богатство, молодость, доброе имя, наружность — все говорит в его пользу, и я не знаю за ним ничего дурного, кроме, пожалуй, темного рока, тяготеющего над его семьей.

Да, странно, что предложение сэра Генри было отвергнуто с такой резкостью и даже без всякой ссылки на желание самой девушки. Странно и то, что она отнеслась ко всему происходящему столь безучастно. Впрочем, наши сомнения разрешил в тот же день сам Стэплтон. Он явился с извинениями за грубость, долго беседовал с сэром Генри в его кабинете, и ссоры как не бывало,— мы получили на будущую пятницу приглашение к обеду в Меррипит-хаус.

— Я все же ие перестал сомиеваться в иормальиости этого человека,— сказал сэр Генри,— у меия до снх пор стоит перед глазами его лицо, когда он иакинулся на иас сегодня утром, ио, иадо отдать ему справедлнвость, извинения были нсчерпывающнмн, к нним ие прндерешься.

— А как ои объясинл свою вспышку?

— Сестра для иего — все. Это понятно, н я очень рад, что ои зиает ей цену. Оин всю жизнь прожнлн вместе, н, если верить ему, другнх близких людей у иего нет, так что возможность разлуки с ией приводит его в ужас. Ои будто бы ие догадывался о моих чувствах, а убедившнсь в инх собствеиными глазами, поиял, что сестру могут отиять у иего, и при одиой этой мысли потерял иад собой всякую власть. Он очень сожалеет о случнвшемся и прнзиает, что эгонстично и глупо с его стороиы думать, будто бы можио удержать около себя такую красивую женщиу, как мисс Стэплтои. Если разлука с ней иензбежна, то пусть уж разлучиком буду я, их сосед. Так или иначе, это для него большой удар, н вряд ли ему удастся скоро прнмнрнться с ним. Но он ие будет иам препятствовать, еслн я пообещаю молчать о своей любви в течеиие блнжайшнх трех месяцев и довольствоваться только дружбой его сестры. Я пообещал, н иа том дело и кончилось.

Как вндите, одна нз нашнх малеиькнх тайн разъясиилась. А иащупать иогамн дио в этой трясиие, где мы барахтаемся, дело иешуточное. Теперь иам известио, почему Стэплтон так иеодобрнтельно отиосился к поклоиинку своей сестры — к такому завидиому поклоннику, как сэр Генри.

А теперь я потяиу за другую иточку, которую мие удалось высвободнть нз этого спутаииого клубка. Перейдем к таиистваииым ночным рыдаииям, к заплакаиному лицу мнссис Бэрримор и загадочиым путешествням лакея к окиу, выходящему иа болота. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы ие разочаровалнсь в своем помощинке. Доверие, которое вы мие оказалн, послав меия сюда, вполие оправдано. Чтобы выясинть эту очередиую загадку, поиадобилась одиа иочь.

Я говорю «одна иочь», но вериее будет сказать, «две ночи», нбо в первую мы нничего не дозиались. Мы с сэром Геирн сидели в его комнате чуть ли ие до трех часов

утра, но так ничего и не услышали, кроме боя часов на лестнице. Это томительное бдение закончилось тем, что и сэр Генри и ваш покорный слуга оба заснули, сидя в креслах. Впрочем, эта неудача нас не обескуражила, решено было попробовать еще раз. На следующую ночь мы прикрутили фитиль у лампы и сидели, куря сигарету за сигаретой, в полном молчании. Время тянулось невероятно медленно, но нас подбадривал тот же азарт, какой бывает у охотника, терпеливо подстерегающего дичь у капкана.

Пробило час, два, и мы уже готовы были отчаяться, как вдруг усталости нашей словно не бывало — и я и сэр Генри оба невольно выпрямились. В коридоре послышался скрип половиц. Крадущиеся шаги поравнялись с нашей комнатой и мало-помалу замерли вдали. Баронет бесшумно открыл дверь. Мы отправились следом за нашей дичью. Она уже успела пройти галерею, а в коридоре была полная темнота. Соблюдая всяческую осторожность, мы дошли до дальнего крыла, и там перед нами промелькнула фигура высокого человека с черной бородой, который на цыпочках, ссутулив плечи, ступал по коридору. Вот он шмыгнул в ту же дверь, свеча на секунду осветила ее, а потом в темный коридор протянулся тоненький желтый луч. Мы двигались к этому лучу, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы были босиком, и все же старые половицы стонали и поскрипывали под тяжестью наших шагов. Мне казалось, что их нельзя не услышать, но, к счастью, Бэримор действительно туг на ухо, да к тому же он был слишком поглощен своим делом.

Добравшись, наконец, до двери, мы заглянули в комнату. Лакей стоял со свечой у окна, почти прижавшись к стеклу лицом, то есть в той же позе, в какой я видел его две ночи назад.

У нас не было заранее разработанного плана действий, но баронет принадлежит к тому сорту людей, для которых решительные поступки кажутся самыми естественными. Он смело вошел в комнату. Бэррымор отскочил от окна, прерывисто переводя дух, и, мертвенно бледный, дрожа всем телом, стал перед нами. В его темных глазах, горевших на белой маске лица, сквозил ужас. Он растерянно переводил их с меня на сэра Генри.

— Бэрримор, что вы здесь делаете?

— Нячего, сэр.— От волнення он едва ворочал языком; свеча дрожала в его руке, бросая на стены н на потолок неровные теин.— Окно, сэр... Я проверяю по ночам, все лн заперты.

— Даже на втором этаже?

— Да, сэр, во всем доме.

— Слушайте, Бэррнмор,— строго сказал сэр Генрн,— мы решнли добиться от вас правды, так что, чем скорее вы во всем признаетесь, тем лучше. Ну, довольно нзворачнваться! Что вам здесь понадобилось?

Лакей броснл на нас беспомощный взгляд н в полном смятеннн стиснул руки.

— Я ничего плохого не делал, сэр! Я только посветнл свечкой в окно.

— А зачем вы светилн свечкой в окно?

— Не спрашнвайте меня, сэр Геирн... Не спрашивайте! Кляиусь вам, сэр, это не моя тайна, я не могу ее выдать. Если б она касалась только меия, я нячего не стал бы скрывать от вас.

Вдруг меня осеннла неожнданная мысль, н я взял свечу, стоявшую на подоконнике.

— Это, вероятно, условный знак. Сейчас посмотрнм, будет лн на него какой-нибудь ответ.

Я поднес свечку к самому стеклу, так же, как делал Бэрримор, и вгляделся в непроглядиый мрак ночн. Луна спряталась за облака, н в первую минуту мне удалось разглядеть только гряду деревьев, оттенявшую мутную ширь болот. И вдруг я торжествующе вскрикнул, увидев в черном квадрате окна крошечную желтую точку, прорезавшую ночную тьму.

— Вот, смотрите!

— Нет, нет, сэр!..— забормотал лакей.— Уверяю вас, сэр...

— Перенесите свечу вправо, Уотсон! — крнкнул бароиет.— Вндите? Там огонь тоже передвннулся... Ну, негодяй, вы все еще будете упорствовать? Ведь это снгнал! Прнзнавайтесь: кто ваш сообщнник? Что вы замышляете?

Лакей броснл иа иего явио вызывающий взгляд.

— Это мое дело, вас оно не касается. Я нячего не скажу.

— Тогда можете считать себя уволенным.

— Слушаю, сэр. Видно, ничего не поделаешь.

— Я выгоню вас с позором! Стыдитесь! Наши предки больше ста лет жили вместе под одной кровлей, а вы замыслили какой-то заговор против меня.

— Нет, нет, сэр! Не против вас!

Эти слова произнес женский голос, и, оглянувшись, мы увидели в дверях насмерть перепуганную миссис Бэрримор, которая своей бледностью могла поспорить с мужем. Эта грузная женщина в нижней юбке и в шали могла бы произвести весьма комическое впечатление, если б не ужас, написанный у нее на лице.

— Нас рассчитали, Элиза. Вот чем все кончилось!.. Пойди уложи вещи,— сказал Бэрримор.

— Джон, Джон! До чего же я тебя довела!.. Это все моя вина, сэр Генри. Он только ради меня на это пошел... ради одной меня.

— Так говорите же! В чем тут дело?

— Мой несчастный брат погибает от голода на болотах. Не можем же мы допустить, чтобы он умер у самых наших дверей! Джон подает ему знак, что еда приготовлена, а он показывает, куда ее принести.

— Значит, ваш брат и есть тот...

— ...беглый каторжник, сэр... убийца Селден.

— Это все правда, сэр,— подтвердил Бэррнмор.— Я вам сказал, что не могу открыть чужую тайну, а теперь вы сами все услышали, и теперь вы знаете, что против вас мы ничего не замышляли.

Так вот как разъяснились эти загадочные ночные путешествия со свечой! Мы с сэром Генри в изумлении смотрели на миссис Бэрримор. Неужели эта флегматичная почтенная женщина той же крови, что и один из самых страшных преступников, которых знает наша страна?

— Да, сэр, моя девичья фамилия Селден, он мой младший брат. Мы избаловали его с детских лет, потакали ему во всем, вот он и уверился, будто ему все дозволено, будто мир существует только для его удовольствия. Потом подрос, попал в дурную компанию, и словно бес вселился в нашего мальчика. Он разбил материнское сердце и смешал наше имя с грязью. А чем дальше, тем хуже и хуже — от одного преступления к другому. Что

его спасло от вселицы? Только милость божья. Но для меня, сэр, он остается все тем же маленьким кудрявым мальчуганом, с которым я играла, которого нянчила, как старшая сестра. Поэтому он и убежал из тюрьмы: знал, что я здесь и что мы не откажемся помочь ему. Когда он приплелся сюда ночью, усталый, голодный, а погоня — по пятам, что нам оставалось делать? Мы впустили его, накормили, помогли всем, чем можно. Потом приехали вы, сэр, и он решил, что лучше переждать на болотах, пока суматоха не уляжется, и с тех пор скрывается там. А мы проверяем через ночь, не ушел ли, светим ему в окно, и, если он отвечает, мой муж носит на условленное место хлеб и мясо. Каждый день надеемся, может, ушел, но пока он здесь, мы его не бросим. Я женщина верующая и лгать вам не стану. Если тут есть что дурное, так муж ни в чем не виноват; он пошел на это только ради меня.

Она говорила с таким чувством, что ей нельзя было не поверить.

— Это правда, Бэрримор?

— Да, сэр Генри. Все до последнего слова правда.

— Ну что ж, я не стану вас осуждать за преданность жене. Забудьте то, что я вам говорил. Идите оба к себе, а утром мы обсудим все как следует.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в окно. Сэр Генри открыл его настежь, и в лицо нам пахнуло холодным ночным ветром. Далеко в непроглядной тьме все еще мерцал крошечный желтый огонек.

— Удивляюсь, как он не боится! — сказал сэр Генри.

— Огонь, вероятно, только отсюда и видно.

— Может быть. Как, по-вашему, где это?

— Где-нибудь около гранитных столбов.

— Мили две, не больше?

— И того не будет.

— Да, если Бэрримор носил туда еду, значит, недалеко. И он ждет сейчас, что к нему придут на его огонек. Нет, Уотсон, я пойду и поймаю этого изверга!

Та же самая мысль мелькнула и у меня. Ведь Бэрриморы не сделали нас соучастниками — мы заставили их выдать свою тайну. Этот человек опасен для общества. Такого, как он, нельзя ни жалеть, ни оправдывать. Мы должны воспользоваться представившейся нам возмож-

ностью, чтобы вернуть его туда, где он уже никому не повредит. В противном случае за нашу оплошность поплатятся другие, например, Стэплтоны, на которых он может напасть в любую ночь. Я думаю, что именно эта мысль толкала сэра Генри на такой смелый поступок.

— Я пойду с вами.

— Тогда возьмите револьвер и наденьте башмаки. Надо торопиться, не то он потушит огонь и скроется.

Не прошло и пяти минут, как мы уже быстро шли по темной аллее, прислушиваясь к монотонному вою осеннего ветра и шороху осыпающихся листьев. В воздухе стоял пряный запах гнили и сырости. Луна лишь изредка показывалась из-за туч, тянувшихся по небу, а как только мы вышли на болота, замороснл мелкий дождь. Желтый огонек по-прежнему мерцал впереди.

— А вы что-нибудь прихватили с собой? — спросил я.

— Да, хлыст.

— Давайте действовать быстро, чтобы не дать ему опомниться и оказать сопротивление, ведь он, говорят, отчаянный. Захватим его врасплох.

— Слушайте, Уотсон! — вдруг заговорил бароиет.— А что бы сказал об этом Холмс? Помните? «Ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно...»

И, словно в ответ на его слова, где-то вдали, на мрачных просторах болот, возник тот странный звук, который так поразил меня несколько дней назад около Гримпенской трясины. Ветер донес до нас сначала глухое ворчанье, а потом рев, мало-помалу перешедший в тоскливый вой. Эти дикие, грозные звуки повторялись в той же последовательности раз за разом, наполняя собой воздух. Бароиет схватил меня за рукав, и я даже в темноте разглядел, какой мертвенной бледностью покрылось его лицо.

— Боже мой, Уотсон, что это?

— Не знаю. Говорят, что такие звуки — не редкость на болотах. Я уже слышал их.

Вой снова замер, наступила полная тишина. Мы стояли, напряженно прислушиваясь, но больше ничто не нарушало окружающего нас безмолвия.

— Уотсон,— сказал бароиет,— это была собака.

Кровь похолодела у меня в жилах, ибо голос сэра Генри дрогнул от ужаса.

— Как они объясняют этот звук? — спросил он.

— Кто?

— Здешние жители.

— Но ведь это совершенно невежественные люди! Не все ли вам равно, как они его объясняют?

— Уотсон, скажите мне, что они говорят об этом?

Минуту я колебался, но вопрос был поставлен так, что отмолчаться мне не удалось.

— Они говорят, что это воет собака Баскервилей.

Сэр Генри застонал.

— Да, так может выть только собака,— сказал он после долгого молчания,— но она где-то далеко, в той стороне.

— Я не могу определить, откуда шел этот вой.

— Его принесло ветром. А где Гримпенская трясина? Вон там?

— Да.

— Так оттуда он и шел. Бросьте, Уотсон! Вы же сами думаете, что это выла собака. Я не ребенок. Не бойтесь сказать мне правду.

— В тот раз со мной был Стэплтон. Он говорит, что так кричат какие-то птицы.

— Нет, это собака. Боже мой! Неужели во всех этих небылицах есть хоть доля правды? Неужели мне угрожает какая-то неведомая опасность? Вы не верите в это, Уотсон?

— Нет, нет!

— А все-таки одно дело — смеяться над такими глупостями в Лондоне и совсем другое — слышать этот вой, стоя в темноте на болотах. А мой дядя? Ведь около его тела нашли собачьи следы. Все одно к одному. Я далеко не трус, Уотсон, но у меня кровь стынет в жилах от этих звуков. Потрогайте мою руку.

Она была холодна, как мрамор.

— Ничего, завтра все пройдет.

— Нет, этого воя мне никогда не забыть. Что же нам теперь делать?

— Поверим домой?

— Ни за что! Ловить этого негодяя, так ловить. Мы с вами охотимся за каторжником, а чудовищная собака,

наверно, охотится за нами. Пойдемте, Уотсон! Пусть все исчадия ада рииутся сюда, на болота, все равно отступать нельзя.

Спотыкаясь иа каждом шагу, мы медленно двииулнсь дальше. И справа н слева от иас громоздилнсь иеясные в темноте очертаиия скалнстых холмов. Впереди по-прежиему маячнл малеиький желтый огонек. Нет ничего обмаичнвее расстояиня в кромешной тьме. Огонек мерцал то у самого горизонта, то всего в нескольких шагах от нас. Но иаконец мы разглядели нсточник света н поняли, что теперь до иего недалеко. Это была оплывшая свечка, вставлениая в расселниу между камнямн, которые защищали ее н от ветра н от постороинних глаз, оставляя открытой только с той стороиы, где был Баскервиль-холл. Наше прнближенне скрывал большой граинтный валун. Мы притаилнсь за ним н осторожио выглянули иаружу. Странио было видеть эту одииокую свечу среди болот! Желтый язычок пламени, отсвечивающий на камнях,— н ни прнзнака жнзнн вокруг.

— Что же теперь делать? — прошептал сэр Генри.

— Подождем здесь. Он, вероятно, где-иибудь поблизости. Может быть, сейчас покажется.

Я не успел договорить, как мы увидели его. В расселине, где горела свеча, появилось страшное, изборождеиное следами пагубиых страстей лицо, в котором не было ничего человеческого. Такое лицо, облепленное грязью, заросшее щетиной, все в космах спутаниых волос, вполне могло бы быть у одного из тех дикарей, которые жнли когда-то на склонах этих холмов. Огонек свечи отражался в хитрых маленьких глазках, злобно бегавшнх по сторонам, точно глаза зверя, заслышавшего в темноте шагн охотинков. Что-то, вероятно, возбудило его подозреине. То ли у них с Бэрримором был какой-то неизвестный нам условный знак, то ли он почувствовал, что дело иеладио, но я сразу подметнл следы страха на его отвратнтельной фнзиономни. Он мог каждую секунду погаснть свечу и скрыться в темноте. Я выбежал вперед, сэр Генрн за мной. Каторжиик с воплем швырнул в нас камием, и камеиь разлетелся иа кускн, ударнвшись рядом о валун. Я успел только разглядеть, что ои прнземнстый, широкоплечнй. К счастью, в эту мнноту из-за туч показалась луна. Мы кинулись вверх по холму, а

«Собака Баскервилей»

«Собака Баскервилей»

каторжник мчался по другому его склоиу, с ловкостью горного козла прыгая по камиям. Удачный выстрел мог бы раиить его, ио я захватил с собой револьвер только для защиты, а ие для того, чтобы стрелять в спиину иевооружеииому человеку.

И я и сэр Генри были иеплохие бегуиы, одиако мы вскоре поияли, что иам ие догнать его. Ои долго видиелся впереди, освещеииый ярким луииым светом, и иакоиец почти исчез, превратившись в малеиькую точку, быстро движущуюся по склоиу отдаленного холма. Расстояние между нами все увеличивалось. Накоиец мы окоичательио выбились из сил, сели на камии и стали смотреть вслед его удаляющейся фигуре.

И вот тут-то произошло иечто страиное и совершеиио иеожидаиное. Мы уже подиялись, решив оставить бесполезиую погоию. Луиа была справа от иас; иеровиая вершина гранитиого столба четко вырисовывалась иа фоие ее серебряиого диска. И на этом столбе я увидел человеческую фигуру, стоявшую иеподвижио, словио статуя из черного дерева. Не думайте, Холмс, что это была галлюцииация. Я, как иикогда, мог положиться иа свое зреине! Насколько мие удалось разглядеть, это был высокий, худой человек. Ои стоял, чуть расставив иоги, скрестив руки иа груди, опустив голову, и, словио в раздумье, смотрел на царство торфа и граиита, которое лежало перед иим. Вот таким и представляется мие дух здешиих болот! Это был ие каторжиик. Ои стоял далеко от места, где скрылся Селдеи, да и ростом был выше. Вскрикиув от иеожидаииости, я повериулся к бароиету и схватил его за руку. Секунды, которая поиадобилась мие иа это, было достаточно — человек исчез. Острая вершииа граиитиого столба по-прежиему врезалась в луниый диск, но иеподвижиой, безмолвиой фигуры иа ией уже ие было.

Я сразу же решил, что иадо пойти туда и осмотреть этот столб, ио ои стоял довольно далеко от иас, а бароиету было не до приключений,— ои все еще ие мог успокоиться после страшиого воя, иапомиившего ему о мрачиом семейном преданин. К тому же сам ои иичего ие видел, и, следовательио, его ие могло взволиовать это страиное зрелище.

— Наверно, часовой. Со времени побега болота так и кишат ими,— сказал он.

Возможно, что сэр Генри был прав, но мне так хотелось окончательно убедиться в этом! Сегодня мы дадим знать пристаувским властям, где скрывается беглый каторжник. Но все-таки жалко, что нам не удалось поймать его самим и с торжеством водворить обратно в тюрьму!

Таковы события последней ночи, и вы, дорогой Холмс, должны признать, что вам представлен полный отчет о них. Бо́льшая часть моих рассказов, конечно, не имеет никакого отношения к нашему делу, но я считаю нужным сообщать в своих письмах все факты — выбирайте из них те, которые сослужат вам службу. Кое-какие успехи у нас все же есть. Мы узнали теперь всю подоплеку поведения Бэрриморов, а это значительно прояснило обстановку. Но тайна торфяных болот, тайна их странных обитателей остается по-прежнему не разгаданной. Может быть, в следующем письме мне удастся немного приоткрыть над ней завесу. А лучше всего было бы, если б вы приехали сюда сами.

ГЛАВА X

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ДОКТОРА УОТСОНА

До сих пор я вполне обходился в своем повествовании отчетами, которые Шерлок Холмс получал от меня в первое время после моего приезда в Баскервиль-холл. Теперь же мы подошли к такому моменту, когда я вынужден оставить этот способ и снова положиться на свою память, подкрепив ее выписками из собственного дневника. Эти два отрывка подведут нас вплотную к тем событиям, которые навеки запечатлелись у меня в мозгу.

Я остановился на описании нашей неудачной погони за каторжником и на том, что за ней последовало. Продолжаю свой рассказ на другое утро.

16 октября. Туманный, серый день, моросит дождь. Над Баскервиль-холлом низко нависли тучи; время от времени гряда их редеет, и тогда сквозь просветы вдали виднеются мрачные просторы торфяных болот, на которых поблескивают серебром склоны холмов и мокрые валуны. И дома и под открытым небом — всюду одина-

ково тоскливо. После пережитого ночью бароиет находится в мрачном настроеиии. Я сам ощущаю какую-то тяжесть иа сердце, и меия гнетет предчувствие немнуемой беды — предчувствие тем более страшное, что объяснить его я не в силах.

А разве оснований для беспокойства нет? Стоит только вспомиить цепь событий, которые все указывают на присутствие какнх-то темных сил, действующих здесь. Смерть последнего хозяина Баскервиль-холла, в точиости совпадающая с семейным предаинем, толки средн фермеров о страином существе, которое появляется на болотах. Да я собственнымн ушами дважды слышал звукн, похожие на отдалеиный собачнй вой. Нельзя же в самом деле поверить, что все это — вие законов прнроды! Призрачиая собака, которая оставляет следы на земле и громко воет? Нет, это невыносимо! Стэплтон, а за ннм и Мортнмер могли поддаться общему настроению, но еслн у меня есть какое-ннбудь достоинство, так это здравый смысл, н я инкогда ие стаиу предаваться суеверию. Для этого надо опустнться на уровень развитня здешиих фермеров, которые, не довольствуясь рассказамн о какой-то свнрепой собаке, иаделяют ее пламенем, пышущим из глаз н пастн. Холмс ие стал бы даже слушать подобные бреднн, а я представляю здесь его персону. Одиако факты остаются фактамн: мне пришлось дважды слышать этот вой. А что, еслн по болотам действнтельно бегает какая-то огромная собака? Ведь тогда все стаиет понятным! Но где она прячется, что она ест, откуда она взялась, почему ннкто не вндел ее днем? Надо сознаться, что, давая всему этому правдоподобное объясиенне, мы наталкнваемся на не меньшие трудностн. Но даже еслн оставить собаку в стороне,— как объяснить то, что было в Лондоне? Нензвестный в кэбе, пнсьмо, автор которого заклинал сэра Геири не выходнть на торфяные болота? Уж в этом-то иет ничего сверхъестественного, хотя и то и другое можно в одинаковой степеии прнпнсать н дружеским и враждебным снлам. Но где он сейчас, этот друг нлн враг? Остался ли в Лондоне нли последовал за иамн сюда? Неужелн... Неужели его-то я и вндел на вершнне граиитиого столба?

Правда, ои всего лишь мелькиул у меня перед глазами, ио кое-что я все же прнметнл н готов подтвердить это

под присягой. Он ие из здешиих жителей — теперь я зиаю всех соседей сэра Геири. Он выше Стэплтоиа и гораздо худее Фреикленда. Его можио было бы прииять за Бэрримора, ио Бэрримор оставался дома, и я увереи, что ему ие удалось бы прокрасться за иами незамечеиным. Следовательиио, здесь, так же как и в Лоидоие, иас выслеживает какой-то иеизвестиый. Мы до сих пор не можем отделаться от иего. Если б мие удалось поймать этого человека, тогда все наши иедоумеиия сразу бы разъясиились. Вот моя цель, и я приложу все силы, чтобы достигиуть ее.

Первым моим побуждеиием было поделиться своими планами с сэром Геири. Но, поразмыслив, я решил вести игру самостоятельиио и помеиьше говорить об этом. Баронет молчалив и погружеи в свои мысли. Вой, который мы слышали иа болотах, очеиь на иего подействовал. Я решил ие усугублять его беспокойства, ио оружия не сложу и буду действовать иа свой страх и риск.

Сегодня после завтрака у иас разыгралась небольшая сцеиа. Бэрримор попросил у сэра Геири разрешеиия поговорить с иим, и оии ушли в кабииет. Сидя в бильярдной, я слышал их повышеииые голоса и прекрасио догадывался, о чем там идет речь. Вскоре дверь кабииета растворилась, и бароиет позвал меия.

— Бэрримор в обиде иа иас,— сказал сэр Геири.— С иашей стороны, видите ли, было иечестио преследовать его шурииа, тайну которого ои выдал иам по собствеиной воле.

Лакей стоял бледиый, ио держал себя в руках.

— Я, может быть, погорячился, сэр, в таком случае прошу прощеиия. Но все же меия очеиь удивило, когда я услышал ваши шаги иа рассвете и узиал, что вы хотели поймать Селдена. Незачем мне наводить людей иа его след,— ему, несчастному, и без того плохо.

— Если бы вы действительиио выдали Селдеиа по собствеииой воле, это было бы совсем другое дело,— сказал бароиет.— Но ведь вы, вернее, ваша жеиа, призиались во всем только под нашим иажимом. Вам инчего другого ие оставалось.

— Я ие думал, что вы воспользуетесь иашим признанием, сэр Геири. Никак ие думал.

— Селден опасен для общества. Ведь он ни перед чем не остановится, это по его физиономии видно! Вспомните, как редко здесь встречается жилье. Взять хотя бы мистера Стэплтона — в случае нападения ему надеяться не на что, разве только на собственные силы. Нет, пока этого человека не посадят под замок, мы не можем чувствовать себя в безопасности!

— Селден никого не тронет, сэр, клянусь вам! Для здешних жителей он теперь не страшен. Поверьте мне, сэр Генри, через несколько дней все будет улажено, и он уедет в Южную Америку. Умоляю вас, не сообщайте полиции, что Селден все еще здесь, на болотах. Его уже перестали искать, и он может спокойно дождаться парохода. Если вы донесете на него, нам с женой несдобровать. Прошу вас, сэр, не обращайтесь в полицию!

— Уотсон, что вы на это скажете?

Я пожал плечами:

— Если этот человек уберется из Англии, налогоплательщики вздохнут свободнее.

— А вдруг он натворит каких-нибудь бед до отъезда?

— Нет, сэр! Ведь не безумный же он! Мы дали ему все, что нужно. А новое преступление выдаст его с головой.

— Это верно,— сказал сэр Генри.— Хорошо, Бэрримор...

— Да благословит вас бог, сэр! Как я вам благодарен! Если Селдена поймают, моя жена не переживет такого горя.

— Выходит, Уотсон, мы с вами укрываем уголовного преступника. Но у меня, кажется, не хватит теперь духу выдать его. Хорошо, покончим на этом. Вы можете идти, Бэрримор.

Пробормотав дрогнувшим голосом несколько слов благодарности, лакей пошел к дверям, но на пороге вдруг остановился.

— Вы так хорошо со мной обошлись, сэр, что мне хочется как-то отблагодарить вас,— нерешительно начал он.— Я кое-что знаю, сэр Генри... может быть, напрасно я так долго молчал, но это выяснилось, когда дознание было уже закончено. Я еще ни с кем не говорил об этом... Речь идет о смерти сэра Чарльза.

Мы с баронетом так и подскочили на месте.

— Вам известны обстоятельства его смерти?

— Нет, сэр.

— Тогда что же?

— Я знаю, почему он стоял у калитки в такой поздний час. У него было свидание с женщиной.

— Свидание с женщиной! У сэра Чарльза!

— Да, сэр.

— Кто она такая?

— Имени ее я вам не скажу, сэр. Я знаю только первые буквы: «Л. Л.».

— Откуда вам это известно, Бэрримор?

— Сэр Генри, в то утро ваш дядюшка получил письмо. На его имя обычно приходило очень много писем, ведь он был человек известный и славился своей отзывчивостью. К нему каждый обращался со своим горем. Но в то утро пришло только одно письмо, почему я его и запомнил. Почерк на конверте был женский, и на штемпеле стояло: «Кумб-Треси».

— Дальше?

— Я бы не вспомнил больше об этом письме, если б не жена. Несколько недель тому назад она приняла за уборку в кабинете сэра Чарльза — в первый раз после его смерти — и нашла в глубине камина листок бумаги. Бо́льшая часть его превратилась в пепел, но один маленький кусочек — самый конец — уцелел, и слова еще можно было разобрать, хотя чернила посерели от огня, а бумага обуглилась. Это была, наверно, только приписка, и мы прочли вот что: «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера». Внизу стояли две буквы: «Л. Л.».

— Вы сохранили этот обрывок?

— Нет, сэр. Он рассыпался у меня в руках.

— А до этого сэр Чарльз получал письма, написанные тем же почерком?

— Не знаю, сэр, не обращал внимания. Да и это письмо запомнилось мне только потому, что оно было единственное в тот день.

— И вы не знаете, кто такая «Л. Л.»?

— Нет, сэр, понятия не имею. Но я думаю, что, если б нам удалось разыскать эту леди, мы бы узнали кое-какие подробности о смерти сэра Чарльза.

— Я просто ие понимаю вас, Бэрримор! Как можио было скрывать до сих пор такие важные сведеиия?

— Видите ли, сэр, сразу же вслед за этим иа иас самих свалилась беда. Кроме того, мы с жеиой очеиь любили сэра Чарльза и ие забывали его благодеяиий. Зачем, думаем, ворошить старое? Нашему иесчастному хозяиину это уже не поможет, а когда в дело замешаиа жеищиина, тут иадо действовать осторожио. Ведь даже самые достойиые люди...

— По-вашему, это может оскорбить его память?

— Да, сэр, я решил, что ничего хорошего из этого не получится. Но вы были так добры к иам... Мие ие захотелось скрывать от вас то, что я зиаю.

— Хорошо, Бэрримор, можете идти.

Когда лакей вышел, сэр Генри повернулся ко мие.

— Ну, Уотсои, что вы скажете об этом иовом луче света?

— По-моему, он еще больше сгустил темноту.

— Да, верно. Но если б иам удалось выследить эту «Л. Л.», тогда все бы проясиилось. Мы теперь зиаем, что есть жеищиина, которой многое известио, а это уже серьезиое достиженне! Надо только иайти ее. Что же иам теперь делать?

— Немедленио сообщить обо всем Холмсу. Может быть, это наведет его иа иужиый след. Я почти уверен, что ои сейчас же приедет сюда.

Я ушел к себе и иаписал Холмсу подробиый отчет о событиях сегодияшиего утра. Мой друг, по-виднмому, очеиь заият последиее время, так как письма с Бейкер-стрит становятся все реже н все короче. В иих ии словом ие упоминается о моих отчетах, а о цели моей поездки сюда — лишь вскользь. Дело о шаитаже, вероятио, поглощает все силы Холмса. Но последиие события, безусловио, привлекут его виимаиие и сиова пробудят в ием иитерес к иашему расследоваиию. Как бы мие хотелось, чтобы ои был здесь!

17 октября. Сегодия весь деиь льет дождь; тяжелые капли шуршат в густом плюще, падают с карнизов. Я вспомиил каторжиика, скрывающегося в глубиие мрачных, открытых небу торфяных болот. Бедияга! Каковы бы ии были совершеиные им преступлеиия, теперешние его муки в какой-то мере искупают их. А потом вспомиил-

ся мие и тот, другой человек... Лицо, мелькиувшее в окие кэба, чериый силуэт иа луиием диске. Неужели этот иеуловимый соглядатай, этот пособиик тьмы тоже где-то бродит сейчас под таким ливием?

Вечером я иадел иепромокаемый плащ и отправился в глубь болот, рисуя в своем воображении страшиые картииы. Дождь хлестал мие в лицо, в ушах свистел ветер. Да храиит господь тех, кто блуждает сейчас около Гримпеиской трясииы! В такую погоду даже взгорья превращаются здесь в сплошиую топь. Я отыскал граиитный столб, иа котором стоял тот одииокий созерцатель, и с его иеровиой, уступчатой вершины оглядел расстилавшиеся виизу уиылые болота. Дождевые потоки заливали эти бурые иизиины, тяжелые, свиицово-серые тучи иизко стлались иад землей, а сквозь их обрывки проступали причудливые очертаиия холмов. Вдали, по левую руку от меия, иад деревьями ложбиины подиимались чуть видиые в тумаие узкие башии Баскервиль-холла. Только оии одии и говорили о присутствии человека в этих местах, если ие считать доисторических пещер, ютившихся иа склоиах холмов. И иигде ии малейшего следа того иезиакомца, одииокую фигуру которого я видел иа этой самой вершиие две иочи иазад!

На обратиом пути меия догнал доктор Мортимер, ехавший в своей тележке со стороиы Гиилого болота. Все это время доктор был к иам очеиь виимателеи, и ие проходило почти ии одиого дия, чтобы ои ие загляиул в Баскервиль-холл справиться, как мы поживаем. Доктор усадил меия к себе в тележку и предложил подвезти домой. Ои очеиь огорчеи пропажей своего спаииеля. Собака убежала иа болота и ие вериулась. Я утешал доктора как мог, а сам, вспомииая лошадь, увязшую в Гримпеиской трясиие, думал, что Мортимеру вряд ли придется увидеть когда-иибудь свою собачоику.

— Кстати, доктор,— сказал я, трясясь вместе с иим по рытвииам дороги,— вы, вероятно, зиаете здесь всех, кто иаходится в радиусе ваших разъездов?

— Думаю, что всех.

— Тогда вы, может быть, скажете мне полиое имя и фамилию жеищиины, иициалы которой «Л. Л.»?

Мортимер задумался, потом ответил:

— Нет. Правда, за цыган и работников на фермах я не могу ручаться, но среди самих фермеров и мелких помещиков такие инициалы как будто ни к кому не подходят. Хотя постойте,— добавил он после паузы,— есть некая Лора Лайонс — вот вам «Л. Л.». Но она живет в Кумб-Треси.

— Кто она такая? — спросил я.

— Дочь Фрейклейда.

— Как! Дочь этого старого чудака?

— Совершенно верно. Она вышла замуж за художника по фамилии Лайонс, который приезжал сюда на этюды. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, насколько я слышал, нельзя сваливать всю вину на одну сторону. Отец отрекся от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть, и не только поэтому. Одним словом, два греховодника — и старый и молодой — допекали несчастную женщину как могли.

— Чем же она живет?

— Старик Фрейклейд, вероятно, дает ей кое-что, разумеется, немного, так как его собственные дела находятся в плачевном состоянии. Но каковы бы ни были ее прегрешения, нельзя же было позволять ей скатываться все ниже и ниже. Эта история стала известна здесь, и соседи — а именно Стэплтон и сэр Чарльз — помогли ей, дали возможность честно зарабатывать на жизнь. Я тоже кое-что пожертвовал. Мы хотели, чтобы она выучилась печатать на машинке.

Мортимер спросил, почему меня это интересует, и я кое-как удовлетворил его любопытство, стараясь не вдаваться в подробности, ибо нам совершенно незачем посвящать в свои дела лишних людей.

Завтра утром я съезжу в Кумб-Треси, и, если мне удастся повидать эту даму с весьма сомнительной репутацией, миссис Лору Лайонс, мы сделаем большой шаг вперед к тому, чтобы одной загадкой стало у нас меньше.

Между прочим, ваш покорный слуга мало-помалу превращается в мудрого змия: когда Мортимер зашел уж слишком далеко в своих расспросах, я осведомился, к какому типу принадлежит череп Френклейда, и спас положение — вся остальная часть пути была посвящена лекции по краниологии. Годы, проведенные в обществе Шерлока Холмса, не прошли для меня даром.

Чтобы покончить с описанием этого унылого, дождливого дня, упомяну еще об одном разговоре, на сей раз с Бэрримором. Этот разговор дал мне козырь в руки, с которого я и пойду в нужную минуту.

Мортимер остался у нас, и после обеда они с баронетом затеяли партию в экартэ. Лакей подал мне кофе в кабинет, и я воспользовался этим, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Ну, Бэрримор, что поделывает ваш милый родственник? Уехал или все еще прячется на болотах?

— Не знаю, сэр. Хоть бы поскорее уехал! Ведь сколько мы с ним хватили горя! Я ничего о нем не знаю с тех пор, как отнес ему последний раз еду, а это было третьего дня.

— А тогда вы его видели?

— Нет, сэр, но я потом проверил — еды на месте не оказалось.

— Раз еды не было, значит, он все еще там.

— Да как будто так, сэр, если только ее не взял тот, другой человек.

Моя рука с чашкой замерла на полдороге, и я во все глаза уставился на Бэрримора.

— Так вы знаете, что там есть кто-то другой?

— Да, сэр, на болотах прячется еще один человек.

— Вы его видели?

— Нет, сэр.

— Откуда же вы о нем знаете?

— Мне говорил про него Селдэн неделн полторы назад. Этот человек тоже скрывается, но, по-моему, он не из каторжников... Не нравится мне это, доктор Уотсон, совсем не нравится! — с неожиданной силой вырвалось вдруг у Бэрримора.

— Слушайте, друг мой! Я здесь действую исключительно в интересах вашего хозяина. Я только затем и приехал, чтобы помочь ему. Скажите мне прямо: что, собственно, вам не нравится?

Минуту Бэрримор колебался, точно сожалея о своей вспышке или же не находя подходящих слов для выражения обуревающих его чувств.

— Да все, что там делается, сэр! — воскликнул он наконец, показав на залитое дождевыми потоками окно, которое выходит на болота.— Не к добру это. Там

замышляют черное дело, поверьте моему слову! Мне теперь хочется только одного: чтобы сэр Генри поскорее уехал отсюда в Лондон.

— Да что вас так напугало?

— А вы вспомните смерть сэра Чарльза! Мало ли что там решили на дознании! Прислушайтесь ночью, что делается на болотах. Ведь люди ни за какие деньги не согласятся выйти туда после захода солнца... А этот человек, который там прячется и кого-то выслеживает,— кого он выслеживает? Что все это значит? Нет, для тех, кто носит имя Баскервилей, это добром не кончится, и я не дождусь того дня, когда новые слуги сэра Генри заступят мое место и мне можно будет уехать отсюда!

— Расскажите мне про этого человека,— сказал я.— Что вы о нем знаете? Что говорил Селден? Ему известно, где тот прячется и зачем?

— Селден видел его раза два, но он осторожный, хитрый. Сначала Селден принял его за полицейского, а потом убедился, что тут нечто совсем другое. По виду он джентльмен, но что ему там нужно, никак не поймешь.

— А где он прячется?

— Селден говорит, что в старых пещерах на склонах холма,— знаете, там есть каменные пещеры, где в древности жили люди.

— А чем он питается?

— Селден подглядел, что к нему ходит какой-то мальчишка. Он, наверно, носит ему еду и все прочее из Кумб-Тресн.

— Хорошо, Бэрримор. Мы еще с вами поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

Когда лакей вышел, я остановился у окна и посмотрел сквозь мутное стекло на бегущие по небу облака и на деревья, которые трепал ветер. Если в такую погоду неуютно даже в доме, то каково же в каменной пещере на болотах! Какой ненавистью надо пылать, чтобы устроить засаду в таком месте и в такое время! И что побудило этого человека пойти на столь тяжкое испытание?

В одной из этих пещер таится самая суть той задачи, которая так мучит меня. Клянусь, не пройдет и дня, как я сделаю все, что в человеческих силах, и доберусь до разгадки этой тайны!

ГЛАВА XI

ЧЕЛОВЕК НА ГРАНИТНОМ СТОЛБЕ

Отрывки из моего дневника, составившие последнюю главу, подвели нас вплотную к 18 октября, то есть к тому числу, начиная с которого все эти невероятные события быстро двинулись к своей страшной развязке. Происшествия последних дней настолько врезались мне в память, что я могу рассказывать о них, не прибегая к своим записям.

Итак, начнем с того дня, в канун которого я выяснил два обстоятельства первостепенной важности. Первое: что миссис Лора Лайонс из Кумб-Тресн писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свидание в том самом месте, где он встретил свою смерть (причем в тот же условленный час), и второе: что человека, скрывающегося на болотах, следует искать в каменных пещерах на склоне холма. Я чувствовал, что теперь только недостаток мужества и сообразительности может помешать мне разгадать эти две загадки.

В тот вечер мне не удалось рассказать баронету о миссис Лайонс, так как они с доктором Мортимером допоздна засиделись за картами. Но на другой день во время завтрака я поделился с ним своим открытием и предложил съездить со мной в Кумб-Тресн. Сначала он охотно согласился на это, но, поразмыслив, мы решили, что лучше мне поехать одному. Чем официальнее будет обставлен этот визит, тем меньших результатов мы добьемся. И я не без угрызений совести покинул сэра Генри, а сам отправился на эти новые розыски.

Подъехав к Кумб-Треси, я велел Перкинсу остановить лошадей и навел справки о леди, которую мне предстояло допросить. Отыскать ее дом оказалось нетрудно — он стоял в самом центре деревни. Служанка, открывшая дверь, без дальнейших церемоний ввела меня в гостиную, где за пишущей машинкой сидела женщина. Она с приятной улыбкой поднялась мне навстречу, но, увидев перед собой незнакомца, нахмурилась, снова села к столу и осведомилась о цели моего посещения.

С первого взгляда миссис Лайонс поразила меня своей красотой. Светло-карие глаза, каштановые волосы,

иежиый румяиец иа щеках, правда, усыпаииых весиушками,— румянец того восхитительиого оттеика, что таится в самом сердце белой розы. Повторяю, первое впечатлеиие было очеиь сильиое. Одиако, присмотревшись, я иастроился иа критический лад. В этом лице было что-то иеприятиое, грубое — его совершеииую красоту портили то ли безвольиые складки у рта, то ли жесткость взгляда. Но все эти мысли пришли мие в голову задним числом. В первую же мииуту я просто почувствовал, что передо миой сидит очеиь красивая жеищииа и эта жеищииа спрашивает меия, зачем я пришел. И мие только тогда стало ясио, иасколько щекотлива цель моего визита.

— Я имею удовольствие зиать вашего батюшку,— сказал я.

Начало было довольио иеудачиое, и леди сразу же дала мие поиять это.

— У меия иет иичего общего с моим отцом,— сказала оиа.— Я иичем ему ие обязаиа и ие могу считать его друзей своими друзьями. Ои ие обремеияет себя отцовскими заботами. Если б ие покойиый сэр Чарльз Баскервиль и иекоторые другие сердобольиые люди, мие пришлось бы голодать.

— А я как раз хочу поговорить с вами о покойиом сэре Чарльзе Баскервиле.

Весиушки ярко выступили иа ее побледневшем лице.

— Что имению вас иитересует? — спросила она, и ее пальцы иервио потрогали клавиши машиики.

— Вы были зиакомы с иим?

— Я же говорю, что я миогим ему обязаиа. Если мие удалось стать иа иоги, то это объясияется главиым образом тем участием, которое ои проявил к моей судьбе.

— Вы с иим переписывались?

Леди метнула иа меия быстрый взгляд, и в ее светло-карих глазах вспыхнул злой огоиек.

— Объясиите мие цель этих расспросов,— резко сказала оиа.

— Цель их может быть только одиа: избежать иеприятиой для вас огласки. Давайте поговорим здесь, иначе это уже будет ие в иашей власти, а тогда выйдет хуже.

Оиа побледнела еще больше и долго молчала. Потом вдруг посмотрела иа меия и сказала дерзким, вызывающим тоиом:

— Хорошо, я согласиа. Что вы хотите зиать?

— Вы переписывались с сэром Чарльзом?

— Да, я писала ему раза два, благодарила за его велнкодушне и делнкатность.

— Даты этих писем вы помните?

— Нет.

— А вы встречалнсь с инм лично?

— Счнтаиное чнсло раз, во время его приездов в Кумб-Треси. Сэр Чарльз был очень скромный человек, он ие любнл выставлять иапоказ свои добрые дела.

— Вы редко с ним перепнсывались, редко встречались, тем ие меиее ои был иастолько посвящеи в ваши дела, что даже оказывал вам помощь? Как же это так?

Она ответила иа мой каверзиый вопрос, ие задумываясь:

— Мне помогали общими снлами н другие джеитльмены, которые знали мою печальиую нсторию. Одии из них был мнстер Стэплтон, сосед и близкий друг сэра Чарльза. Ои проявнл ко мне нсключительную доброту, и сэр Чарльз через иего познакомился со миой.

Я уже зиал, что сэр Чарльз Баскервиль ие раз поручал Стэплтону вести свои благотворительиые дела, н поэтому счел такое объясиенне вполне правдоподобиым.

— Теперь скажите: в свонх письмах к сэру Чарльзу вы не иастаивали иа личном свидаиии?

Оиа гиевио вспыхиула.

— Я считаю такой вопрос неуместиым, сэр!

— Простнте, сударыня, но я вынужден повторить его.

— Хорошо, я отвечу: конечно, нет!

— Даже в деиь смерти сэра Чарльза?

Румянец в мгновение ока схлынул с ее щек; лицо, смотревшее на меия, покрылось мертвениой бледиостью. Пересохшне губы дрогиули, и я скорее увидел, чем услышал еще одно «иет».

— Вам явио измеияет память. Я могу даже процнтировать одиу фразу нз вашего письма. Там было сказаио: «Умоляю вас, как джеитльмеиа, сожгите это письмо н будьте у калитки в десять часов вечера».

Мие показалось, что еще секуида — и мнссис Лайоис потеряет созиаиие, ио оиа поборола себя огромиым усилием воли.

— Значит, нет на свете порядочных джентльменов? — вырвалось у нее.

— Вы несправедливы к сэру Чарльзу: он исполнил вашу просьбу. Но иной раз можно прочесть даже сожженное письмо. Теперь вы признаетесь, что писали ему в тот день?

— Да, писала. Я не стану отказываться! — воскликнула она, вкладывая всю душу в свои слова.— Мне нечего стыдиться этого письма. Я просила его о помощи. Я была уверена, что, если мне удастся поговорить с ним, он не откажется поддержать меня.

— Но почему вы назначили такой час для встречи?

— Я узнала, что он уезжает на другой день в Лондон, возможно, на несколько месяцев. А раньше я не могла прийти, на это у меня были свои причины.

— Зачем же вы назначили свидание на аллее? Разве нельзя было устроить его в доме?

— По-вашему, женщина может явиться одна в такой поздний час в дом холостяка?

— Хорошо. Что же было, когда вы пришли на свидание?

— Я никуда не ходила.

— Миссис Лайонс!

— Клянусь вам всем, что для меня свято, я не ходила туда! Мне помешали.

— Что же вам помешало?

— Это мое личное дело, я не могу говорить о нем.

— Следовательно, вы назначили свидание сэру Чарльзу в том самом месте, где его постигла смерть, и даже в тот самый час, но сами туда не пошли?

— Это святая правда.

Все мои дальнейшие ухищрения ни к чему не привели, она продолжала стоять на своем.

— Миссис Лайонс,—сказал я, заканчивая этот длинный и безрезультатный допрос,— вы не хотите говорить начистоту и тем самым берете на себя большую ответственность. Ваше положение весьма щекотливое. Если я обращусь к помощи полиции, вы убедитесь, насколько все это скомпрометирует вас. Допустим, что вы ни в чем не виноваты, но тогда зачем вам понадобилось с первых же слов отказываться от своего письма, которое было послано сэру Чарльзу в день его смерти?

— Я боялась, что нз этого будут сделаны ложные выводы н меня вовлекут в неприятную нсторню.

— А почему вы так настанвалн, чтобы сэр Чарльз уннчтожнл ваше пнсьмо?

— Еслн вы чнталн его, вам это должно быть ясио самому.

— Я не говорил, что чнтал все пнсьмо.

— Вы прнвелн на память целую фразу.

— Только постскрнптум. Я уже сказал вам, что пнсьмо было сожжено, мне не удалось прочнтать его целнком. Повторяю свой вопрос еще раз: почему вы так иастаивалн, чтобы сэр Чарльз уинчтожнл ваше пнсьмо?

— Это касается только меня.

— Тогда вы тем более должны остерегаться публнчного расследования.

— Хорошо, я расскажу вам все. Еслн слухн о моей горькой судьбе дошлн н до вас, то вы должны зиать, что я вышла замуж опрометчиво н имею все основаиня сожалеть об этом.

— Да, я кое-что слышал.

— С тех пор муж, которого я ненавнжу, не перестает преследовать меня своимн домогательствами. Закон на его стороне, н мие каждый раз грознт опасность, что он прннуднт меня к совместной жнзнн. Перед тем как напнсать пнсьмо сэру Чарльзу, я узнала, что могу получить свободу, но для этого требовалнсь деньгн. Свобода даст мне все: душевное спокойствне, счастье, самоуваженне — решнтельно все! Великодушне сэра Чарльза было хорошо нзвестно, н я думала: еслн рассказать ему о своем горе, он не откажется помочь.

— Так почему же вы не пошлн на свндание?

— Потому, что за это время я успела получнть помощь нз другнх рук.

— Тогда надо было напнсать вторнчно н объяснить, почему вы ие можете прнйтн!

— Я так бы н сделала, еслн б не прочла на следующее утро в газетах о его смертн.

Рассказ получнлся довольно связный, н мон вопросы не моглн поколебать его правдоподобне. Проверить все это можно было только одним способом: узиать, начала лн мнссис Лайонс бракоразводное дело вскоре после трагнческой смертн сэра Чарльза.

Она вряд ли осмелилась бы солгать, что не была на свидании, так как ей пришлось бы поехать в Баскервиль-холл в шарабане и вернуться в Кумб-Треси только к рассвету. Такую поездку не сохранишь в тайне. Следовательно, она говорит правду или по крайней мере часть правды.

Я ушел от нее, сбитый с толку и удрученный своей неудачей. Опять передо мной та глухая стена, которая вырастает на всех моих путях к намеченной цели. И все же, вспомнив лицо этой женщины и ее поведение во время нашего разговора, я все больше и больше убеждался, что она многое утаила от меня. Почему она вдруг так побледнела? Почему мне приходилось силой вырывать у нее каждое слово? Почему она не поехала на свидание, назначенное на тот час, когда произошла трагедия? Уж, наверно, причины всего этого не так просты, как ей хотелось внушить мне. Да, тут ничего нельзя было поделать! Приходилось идти по другим следам, которые вели к каменным пещерам на болотах.

Но следы эти были в высшей степени неясные, в чем я убедился на обратном пути, проезжая мимо холмов, испещренных остатками жилья доисторического человека. Бэрримор сказал, что неизвестный прячется в одной из заброшенных пещер, но ведь тут они попадаются всюду! Впрочем, кроме указаний Бэрримора, у меня были и свои собственные соображения, так как я сам видел этого человека на вершине гранитного столба. Следовательно, оттуда и надо начинать поиски. Я обследую каждую пещеру в этом месте и в конце концов найду нужную. Если незнакомец попадется мне, я заставлю его назвать себя, заставлю признаться, почему он так упорно преследует нас. Пусть даже для этого придется пригрозить ему револьвером. Он улизнул от Холмса на многолюдной Риджент-стрит, но здесь, на пустынных болотах, это ему не удастся. Если же я найду ту самую пещеру, а ее обитателя там не окажется, что ж, буду ждать его возвращения, когда бы он ни пришел. Холмс упустил этого человека в Лондоне. Как же я буду торжествовать, если мне удастся настигнуть его и тем самым взять верх над моим учителем!

Счастье столько раз изменяло нам во время этого расследования, но теперь оно обернулось ко мне лицом. И

вестнпком удачн был не кто нной, как седовласый, румяный мнстер Френкленд, который встретнл меня у своей садовой калнтки, выходнвшей на проезжую дорогу.

— Добрый день, доктор Уотсон! — крнкнул он с необычной для него прнветлнвостью.— Дайте лошадям передохнуть! Зайднте, порадуйтесь вместе со мной, выпьем по стаканчнку вина.

После всего, что я слышал об отношенпн мнстера Френкленда к родной дочерн, у меня не могло быть особо дружескнх чувств к нему, но мне хотелось во что бы то нн стало отослать Перкннса домой, н такой предлог оказался как нельзя более кстатн. Я вылез нз коляски, велел передать сэру Генрн, что вернусь к обеду, н последовал за Френклендом прямо в столовую.

— Сегодня у меня торжественный день, сэр, настоящнй праздннк! — объявнл он, радостно похохатывая.— Я вынграл два судебных процесса. Теперь здешняя публнка поймет, что закон есть закон н что в моем лице она нмеет дело с человеком, который не побонтся обрушнть его возмездне на головы непокорных. Я добился права свободного проезда через парк старнка Мндлтона — через самый парк, сэр! — в какнх-ннбудь ста шагах от его дверей! Ну, что вы на это скажете? Мы еще проучнм нашнх магнатов, будь онн прокляты! Пусть знают, что нм ннкто не позволнт безнаказанно попирать общнпные права! Кроме того, я закрыл доступ в лес, где здешняя публнка повадилась устранвать пнкникн. Эти негодяи ведут себя так, будто права частной собственности не существует! Онн воображают, что нм всюду можно оставлять пустые бутылкн н клочки бумагн. Оба дела закончены, доктор Уотсон, н оба в мою пользу. У меня давно не было такого счастлнвого дня — с тех самых пор, как я притянул к ответу сэра Джона Морленда за браконьерство, когда он охотнлся на кролнков в своем собственном загоне.

— Как же это вам удалось?

— Обратнтесь к судебным архнвам, сэр, вы не пожалеете потраченного времени. «Френкленд протнв Морленда». Дело слушалось в Лондоне. Оно обошлось мне в двести фунтов, но я его вынграл!

— И что это вам дало?

— Ничего, сэр, ровным счетом ничего. Я горжусь тем, что у меня нет личной заинтересованности в этих делах. Я только выполняю свой общественный долг. Не сомневаюсь, что сегодня ночью жители деревушки Фериворси сожгут на костре мое чучело. В последний раз, когда они это затеяли, я потребовал, чтобы полиция положила конец такому безобразию. Но ведь полицейские власти в нашем графстве ведут себя совершенно позорно, сэр! Я вправе рассчитывать на их защиту, а они мне ее не оказывают! Подождите, дело «Фрейклейд против полиции» привлечет к себе внимание общества. Я предупреждал, что местным властям придется пожалеть о своем возмутительном отношении ко мне, и вот мои слова уже сбылись.

— Каким же образом? — спросил я.

Старик бросил на меня многозначительный взгляд.

— Им до смерти хочется узнать одну вещь, а мне кое-что известно. Но я ни за какие блага в мире не стану помогать этим негодяям!

Я уже давно подыскивал предлог, чтобы поскорее отделаться от этого болтуна, но последние его слова меня заинтересовали. Однако мне был хорошо известен строптивый нрав старого греховодника; я знал, что стоит только проявить интерес к его рассказу, как он замолчит, и поэтому спросил совершенно равнодушным тоном:

— Наверно, опять браконьерство?

— Ха-ха! Нет, друг мой, тут дело гораздо серьезнее. А что, если оно касается беглого каторжника?

Я так и вздрогнул.

— Вы знаете, где он прячется?

— Точного места, может быть, и не знаю, а навести полицию на его след могу. Неужели вам не приходило в голову, что изловить этого человека удастся лишь тогда, когда мы узнаем, кто носит ему пищу, и проследим за ее доставкой?

Старик был настолько близок к истине, что мне стало не по себе.

— Да, правильно,— сказал я.— Но почему вы думаете, что каторжник все еще прячется на болотах?

— Потому что я собственными глазами видел того, кто носит ему еду.

У меня сжалось сердце при мысли о Бэрриморе. Ес-

ли ои попадет во власть этого злобного, проиырливого старнкашки, его дело плохо. Но, услышав дальиейшее, я вздохнул свободиее.

— Представьте себе, еду носит ребеиок! — продолжал Фреикленд.— Я каждый деиь его вижу в подзориую трубу, которая у меия иа крыше. Ходит он одной н той же дорогой, в одио и то же время. К кому? — спрашнвается. Конечно, к каторжиику!

Вот оиа, удача, накоиец-то! Но я даже виду ие подал, насколько это меня нитересует. Ребеиок! Бэрримор говорил, что нашему иеизвестиому прислуживает какой-то мальчншка. Зиачит, Фреиклеид иапал иа след этого человека, а каторжник тут совершеино ни при чем. Еслн б я мог выпытать у старика все, что ему известио, это избавило бы меия от долгнх и утомнтельиых поисков. Но моимн козырями в нгре по-прежиему оставалнсь недоверне и полиое равнодушне.

— А мие кажется,что это сыи какого-иибудь здешнего пастуха. Наверио, иосит обед отцу.

Малейшее протнворечие выбивало искры из властного старика. Ои злобно сверкиул иа меня глазамн н весь ощетнинлся, словно разъяреиная кошка.

— Вам так кажется, сэр? — И, протяиув руку, ои показал иа расстнлавшнеся перед иамн болота: — А тот гранитиый столб вы видите? Так! А иевысокий холм позадн него, с кустами терновиика? Это — самое каменнстое место на всех болотах. Что там делать пастухам? Ваше предположеиие просто иелепо, сэр!

Я кротко согласнлся, что ие учел этого обстоятельства. Моя покорность понравилась Фреиклеиду, н он пустился в дальнейшие разглагольствованія:

— Можете быть увереиы, сэр, что я ннкогда ие делаю поспешиых заключеиий. Я вижу этого мальчишку с узелком не впервые. Каждый день, а то н два раза на дню он... постойте, доктор Уотсои!.. Это обмаи зрення нли же по склоиу вон того холма что-то двнжется?

И действнтельно, я даже на расстояинн нескольknх миль разглядел на тускло-зелеиом склоне малеикую темную точку.

— Пойдемте, сэр, пойдемте! — крнкиул Фреикленд, кидаясь вверх по лестиице.— Вы увидите его собственными глазами!

На плоской крыше стояла укрепленная на треноге подзорная труба весьма внушительных размеров. Френкленд припал к ней и разразился восторженным воплем:

— Скорей, доктор Уотсон, скорей! Пока он не скрылся за холмом!

В самом деле, вверх по склону медленно карабкался мальчик с узелком за плечами. Вот он выбрался на гребень холма, и я совершенно ясно увидел, как его нескладная фигурка, одетая в отрепья, выступила на холодной синеве неба. Мальчик украдкой огляделся, видимо, проверяя, не следят ли за ним, и скрылся за холмом.

— Ну что, прав я или нет?

— Действительно, мальчик, и, вероятно, у него есть причины пробираться туда тайком.

— А что это за тайные причины, об этом догадался бы даже полицейский констебль. Но я им ни единым словом не обмолвлюсь, и вас, доктор Уотсон, тоже прошу, молчите. Понимаете? Ни единого слова!

— Как вам будет угодно.

— Они пренебрегают мной самым возмутительным образом. Когда все обстоятельства дела «Френкленд против полиции» выплывут на свет божий, по стране пронесется волна негодования. Нет, пусть не рассчитывают на мою помощь! Они бы палец о палец не ударили, если б эти мерзавцы вздумали сжечь вместо чучела меня самого... Как, вам пора уходить? Неужели вы не поможете мне распить вот этот графин в честь такого радостного события?

Но я не поддался ни на какие мольбы, а когда старик заявил, что хочет проводить меня домой, уговорил его отказаться от этого намерения. Пока он мог видеть меня, я шел по дороге, но потом свернул напрямик к тому каменистому холму, за которым скрылся мальчик.

Все складывалось как нельзя лучше, и я поклялся мысленно, что если мне не удастся воспользоваться счастливым случаем, дарованным судьбой, то вина этому будет все что угодно, только не отсутствие энергии и настойчивости с моей стороны.

Когда я взобрался на вершину, солнце уже садилось и пологие склоны холма с одного бока были золотисто-зеленые, с другого — тонули в серой тени. Вдали, над самым горизонтом, низко стлалась мглистая дымка, из кото-

рой проступали фантастические очертания Лисьего столба. Кругом ни звука, ни движения. Только какая-то большая серая птица — не то чайка, не то кроншнеп — высоко парила в сннем небе. Она и я — мы были единственными живыми существами между огромным небосводом и расстилающейся под ним пустыней. Голые просторы болот, безлюдье, неразгаданная тайна и важность предстоящей мне задачи — все это проннзало холодом мое сердце. Мальчугана нигде не было видно. Но между холмами, у самых моих ног, ютились древние каменные пещеры, и в середине их круга была одна, уцелевшие своды которой могли служить защитой в непогоду. У меня екнуло сердце, когда я увидел ее. Вот в этой норе, должно быть, и прячется тот человек. Наконец-то моя нога ступит на порог его убежища — он у меня в руках!

Я крадучись подходил к этой каменной дыре — точь-в-точь как Стэплтон, когда его сачок уже занесен над бабочкой! И, подойдя ближе, с удовлетворением убедился, что место здесь обжитое. К отверстию, служившему входом, вела еле заметная среди камней тропинка. Из самой пещеры не доносилось ни звука. Неизвестный или притаился там, или же рыщет по болотам. Нервы у меня были натянуты до предела в ожидании предстоящей встречи. Отбросив в сторону сигарету, я сжал рукоятку револьвера, быстро подошел к входу и заглянул внутрь. Пещера была пуста.

Но чутье не обмануло меня: тут явно кто-то жил. На каменном ложе, где когда-то почивал неолитический человек, лежали одеяла, завернутые в непромокаемый плащ. В примитивном очаге виднелась кучка золы. Рядом с ним стояли кое-какие кухонные принадлежности и ведро, до половины налитое водой. Груда пустых консервных банок свидетельствовала о том, что здесь живут уже не первый день, а когда глаза мои привыкли к полутьме, я разглядел в углу железную кружку и початую бутылку виски. Посередине лежал плоский камень, служивший столом, а на нем — маленький узелок, вероятно, тот самый, который я разглядел в подзорную трубу у мальчишки за спиной. В узелке были три консервные банки — одна с копченым языком, две с персиками в сиропе — и хлеб. Осмотрев все это, я хотел было положить узелок обратно, как вдруг сердце у меня так и екнуло:

иа камие лежал листок бумаги, иа котором было что-то иаписаио. Я взял его и, с трудом разобрав караидашиые каракули, прочел следующее:

«Доктор Уотсои уехал в Кумб-Треси».

Мииуту я стоял иеподвижио с запиской в руках и раздумывал иад смыслом этого краткого послаиия. Выходит, что иезиакомец охотится ие за сэром Генри, а за миой? Ои выслеживает меия ие сам, а приставил ко мие кого-то другого — может быть, этого мальчика? И вот его последиее доиесеиие. С тех пор как я живу здесь, за каждым моим шагом, вероятио, ведется слежка. Ведь все это время меия ие оставляло ощущеиие, что здесь действуют какие-то иевидимые силы и что оии осторожио и умело стягивают вокруг иас тоичайшую сеть, легкое прикосиовеиие которой мы чувствуем иа себе лишь изредка, в самые критические минуты.

Эта записка, вероятио, ие единственная. Я оглядел-ся по стороиам, ио иичего больше ие иашел. Не удалось мие обиаружить и какие-либо следы, по которым можио было бы судить о человеке, избравшем себе столь страиное жилье, или о его иамереииях. О ием можио было сказать только то, что ои, по-видимому, спартанец в своих привычках и ие придает особого зиачеиия жизиеиным удобствам. Вспомиив ливии последиих дией и посмотрев иа зияющую дыру в своде пещеры, я поиял, иасколько этот человек поглощеи своим делом, если ради иего ои мирится даже с таким иеуютиым пристаиищем. Кто же ои — иаш злобиый враг или ангел-хранитель? И я дал себе клятву ие выходить из пещеры, ие узиав всего до коица.

Солице уже пряталось, и иебо иа западе горело золотом. Отсветы заката ложились красиоватыми пятиами иа разводья далекой Гримпеиской трясииы. Вдали поднимались башии Баскервиль-холла, а в стороие от них еле видиелся дымок, встающий иад крышами Гримпена. Между иим и Баскервиль-холлом стоял дом Стэплтоиа. Золотой вечериий свет придавал всему столько прелести и безмятежиого покоя! Но мое сердце ие верило миру, разлитому в природе, и трепетало от той страшиой иеизвестиости, которую таила в себе немииуемая, приближающаяся с каждой секуидой встреча. Нервы у меия были иатяиуты, ио я сидел, полиый решимости, в темиой

пещере и с угрюмым упорством ждал возвращеиия ее обитателя.

И иакоиец я услышал его. Вот камеиь попал ему под каблук. Еще раз... еще... шаги все ближе, ближе... Я отскочил в самый темиый угол и взвел курок револьвера, решив ие показываться иа свет до тех пор, пока мие ие удастся хоть иемиого рассмотреть этого человека. Сиаружи все смолкло; по-видимому, ои остаиовился. Потом шаги послышались сиова, и вход в пещеру заслоиила чья-то теиь.

— Сегодия такой чудесиый вечер, дорогой Уотсои,— сказал хорошо зиакомый мие голос.— Зачем сидеть в духоте? На воздухе гораздо приятиее.

ГЛАВА XII

СМЕРТЬ НА БОЛОТАХ

Мииуту или две я стоял, ие веря своим ушам, и ие мог перевести дух от иеожидаииости. Потом дар речи вериулся ко мие, и я почувствовал, как огромиая тяжесть спала у меия с плеч. Этот холодиый, язвительиый голос мог прииадлежать только одиому человеку во всем мире.

— Холмс! — крикиул я.— Холмс!

— Выходите,— сказал ои,— и, пожалуйста, поосторожиее с револьвером.

Я вылез из пещеры и увидел его. Холмс сидел иа камие и с озориым блеском в серых глазах смотрел иа мою изумлеииую физиоиомию. Ои сильио похудел за это время, ио вид у иего был бодрый, спокойиый, лицо — броизовое от загара. Строгий спортивиый костюм, кепи — ии дать ии взять турист, страиствующий по болотам! Ои даже остался вереи своему поистиие кошачьему пристрастию к чистоплотности: гладко выбритые щеки, рубашка без едииого пятиышка. Как будто все это происходило иа Бейкер-стрит!

— Кто другой мог бы так обрадовать меия своим появлеиием! — сказал я, крепко пожимая ему руку.

— А заодио и удивить?

— Да, вы правы.

— Но, уверяю вас, друг мой, удивились ие вы одии. Я и ие подозревал, что вам удалось иайти мое времеииое

пристанище, и никак не думал застать вас здесь. Это выяснилось всего лишь за двадцать шагов до пещеры.

— Вы узнали мои следы?

— Нет, Уотсон! Боюсь, что это непосильная задача — различить ваши следы среди множества других, которые существуют на свете. Если же в будущем вы захотите как-нибудь провести меня, то советую вам сначала переменить табачный магазин, ибо стоит только мне увидеть сигарету с маркой «Бредли. Оксфорд-стрит», как я сразу же догадаюсь, что мой друг Уотсон находится где-то поблизости. Вон он, ваш окурок, валяется около тропинки. Вы, вероятно, бросили его в ту минуту, когда решили взять приступом мое пустое жилье?

— Совершенно верно.

— Так я и думал... И, зная ваш дотошный характер, догадался, что вы устроили в пещере засаду и ждете возвращения ее обитателя, держа револьвер наготове. Так вы в самом деле приняли меня за преступника?

— Я не знал, кто вы такой, но решил выяснить.

— Великолепно, Уотсон! А как вам удалось отыскать мое жилье? Вы, вероятно, увидели меня во время погони за каторжником, когда я по собственной оплошности позволил луне светить мне в спину?

— Да, я вас увидел тогда.

— И стали обыскивать все пещеры подряд, пока не наткнулись на эту?

— Нет, меня навел на след ваш мальчишка — за ним тут кое-кто наблюдает.

— А! Старый джентльмен с подзорной трубой! Я видел, как солнце поблескивает на ее линзе, и сначала не мог догадаться, что это за штука.— Он встал и заглянул в пещеру.— Ага, Картрайт уже побывал здесь. Что это за бумажка? Так вы ездили в Кумб-Треси?

— Да.

— Повидаться с миссис Лорой Лайонс?

— Совершенно верно.

— Прекрасно! В своих розысках мы с вами, очевидно, двигались по параллельным линиям. Что ж, теперь надо поделиться добытыми сведениями, и тогда у нас будет более или менее ясное представление об этом деле.

— Я страшно рад, что вы здесь! У меня уже нервы начали сдавать под бременем всех этих тайн и ответст-

веииости, которая лежала иа мие. Но как вы сюда попали и что вы здесь делаете? А я-то думал, что Холмс сидит иа Бейкер-стрит и трудится иад делом о шаитаже!

— Я хотел, чтобы вы имеиио так и думали.

— Зиачит, вы пользуетесь моей помощью и в то же время ие доверяете мие! — рассерднлся я.— Это иезаслужеино, Холмс!

— Друг мой, и в теперешием деле и во миогих других ваша помощь была для меня бесцеииа. Если вам кажется, что я вас как-то иадул, умоляю, не сердитесь! Откровеиио говоря, я пошел иа это отчасти ради вас же самих. Я чувствовал, что вы подвергаетесь опасиости, и прнехал сюда личио расследовать это дело. Если б я был вместе с сэром Геири и с вами, моя точка зреиия иичем ие отличалась бы от вашей, да и противиики иаши быдн бы иачеку. Приезд в Баскервиль-холл меия очеиь связал бы, а так я мог действовать совершеиио свободио, оставаясь за кулисамн и готовясь выступить иа сцеиу в самую критическую мииуту.

— Но зачем вам понадобилось скрываться от меия?

— Если б вы зиали, что я здесь, это иичему бы ие помогло и, может быть, даже коичилось моим разоблачением. Вам, иаверио, захотелось бы рассказать мие чтонибудь, или же вы, по свойствеииой вам доброте, вдруг вздумали бы обставлять меня здесь удобствамн. Зачем подвергаться иенужному риску? Я привез с собой Картрайта — помиите мальчугаиа из рассыльиой конторы? — и ои великолепно обслуживает меия. А вы зиаете мои скромные требоваиия: кусок хлеба, чистый воротиичок, что еще человеку иужио? Кроме того, Картрайт — это лишняя пара глаз и лишияя пара иог, весьма быстрых. То и другое оказалось для меия просто кладом.

— Зиачит, все мои отчеты писались впустую! — сказал я дрогиувшим голосом, вспомиив, сколько труда и гордости этим трудом было вложеио в иих.

Холмс выиул из кармана пачку писем.

— Вот ваши отчеты, друг мой, изучеииые самым тщательным образом, в чем вы можете ие сомиеваться. Я так хорошо все устроил, что оии попадали ко мие с опоздаиием только иа одии день. Примите мои горячие поздравлеиия. Упорство и иаблюдательиость, которые вы про-

явнлн в таком иеобычайно трудном деле, выше всякой похвалы.

Я все еще никак не мог примнрнться с тем, что меня так ловко провелн, но теплые слова Холмса рассеяли мою досаду. Кроме того, в глубнне души я чувствовал правоту моего друга н прнзнавал, что в нитересах дела мне не следовало знать о его появленнн в здешних местах.

— Ну, то-то же! — сказал ои, глядя на мое просветлевшее лнцо.— А теперь расскажнте мне о своем внзнте к миссне Лоре Лайонс. Я сразу догадался, к кому вы поехалн, так как теперь мне уже ясно, что это едиистве иный человек в Кумб-Тресн, от которого мы можем коечего добиться. Откровенно говоря, еслн б вы не побывали там сегодня, я, по всей вероятностн, отправился бы к ней завтра сам.

Солнце уже спряталось, над болотамн сгустнлнсь сумеркн. В воздухе сразу похолодало, н мы перешли в пещеру. И там, сндя в полутьме рядом с Холмсом, я рассказал ему о своем разговоре с миссне Лайонс. Ои так заинтересовался нм, что миогое мие пришлось повторять по два раза.

— Это все очень важно,— сказал Холмс, когда я кончнл.— Дело чрезвычайно сложное, и в нем был одии пробел, который до снх пор мне иикак не удавалось заполнить. Вы, вероятно, знаете, что Стэплтон в большой дружбе с миссне Лайоис?

— Нет, о дружбе я иичего не слыхал.

— Это факт. Онн встречаются, обменнваются письмами — вообще между инмн полное согласне, что дает иам крупный козырь в рукн. Еслн б пустнть этот козырь в ход, чтобы воздействовать на его жеиу...

— Его жену?

— Теперь я поделюсь кое-чем с вами в обмеи на ваши открытня. Женщниа, которую он выдает здесь за мнсс Стэплтон, на самом деле его жена.

— Боже мой, Холмс! Вы уверены в этом? Тогда как же он допустнл,чтобы сэр Генрн влюбился в нее?

— Романтическне чувства сэра Генрн грозят бедой только самому сэру Генри. Как вы заметнлн, Стэплтон всяческн оберегает ее от ухажнванн баронета. Повторяю, эта ледн не сестра, а жена Стэплтоиа.

— Но зачем понадобнлнсь такне хитросплетення?

— А вот зачем: Стэплтои предвидел, что оиа будет гораздо полезнее ему в роли свободиой женщииы.

Все мои иеясиые подозреиия, все подсказаиное чутьем вдруг выплыло иаружу и сомкиулось вокруг иатуралиста. От этого спокойиого, бесцветиого человека в соломеиной шляпе и с сачком для ловли бабочек веяло чем-то грозиым. Выдержка и терпеиие, сопряжеиное с хитростью, иа губах улыбка, а в сердце черная злоба...

— Зиачит, это и есть иаш противиик? Зиачит, ои и выслеживал иас в Лоидоие?

— Да, так я разгадал эту загадку.

— А предостережеиие... Его прислала оиа?

— Совершеиио верио.

Из мрака, в котором я так долго блуждал, выступили иаполовииу увидеиные, иаполовииу угадаиные миою очертаиия чудовищиого злодейства.

— Неужели это верио, Холмс? Откуда вы узиали, что оиа его жеиа?

— В первую свою встречу с вами Стэплтои иастолько увлекся, что поведал вам часть своей биографии, о чем, вероятно, ие перестает жалеть до сих пор. А ведь отыскать учителя — самое простое дело. На этот предмет существуют школьные агеитства, которые дадут вам сведеиия о любом лице, связаином с этой профессией. Я иавел справки и вскоре узиал, что действительио в одиой школе разыгрались очеиь иеприятиые события и что директор ее — фамилия у иего была другая — скрылся вместе с жеиой. Все их приметы совпадали в точиости. А когда мие стало известио его увлечеиие энтомологией, тут уж я совсем перестал сомиеваться.

Тьма, окутывавшая меия, мало-помалу иачииала редеть, ио миогое еще оставалось в теии.

— Если эта жеищиа его жеиа, то при чем тут миссис Лора Лайоис? — спросил я.

— Это одии из пуиктов, на который вы сами пролили иекоторый свет. После вашей поездки в Кумб-Треси миогое стало ясиым. Я, иапример, не зиал, что миссис Лайоис хочет развестись с мужем. Оиа, вероятио, рассчитывает иа брак со Стэплтоиом — ведь ей иевдомек, что ои жеиат.

— А когда оиа узиает правду?

— Тогда эта леди может оказаться весьма полезиой

для нас. Нам обоим нужно завтра же повидать ее. А теперь, Уотсон, как вы думаете, не пора ли вам вернуться к своим обязанностям? Ваше место в Баскервиль-холле.

Последние красные отблески заката погасли на западе, и на болота спустилась ночь. В лиловатом небе слабо мерцали редкие звезды.

— Еще один, последний, вопрос, Холмс,— сказал я вставая.— Нам нечего скрывать друг от друга. Что все это значит? К чему он ведет?

Холмс ответил мне глухим голосом:

— К убийству, Уотсон... хладнокровно обдуманному убийству. Не допытывайтесь о подробностях. Стэплтон затягивает в свои сети сэра Генри, а я затягиваю его самого. Он почти у меня в руках, с вашей помощью. Теперь нам угрожает только одна опасность: он может нанести удар первым. Еще день, самое большее два, и у меня все будет готово, а до тех пор берегите сэра Генри, как любящая мать бережет больного ребенка. Ваше отсутствие сегодня вполне простительно, и все же я бы, пожалуй, предпочел, чтобы вы не оставляли его... Слышите?

Страшный, протяжный вопль, полный ужаса и муки, пронесся над безмолвными болотами. Я слушал его и чувствовал, как у меня стынет кровь в жилах.

— Боже мой! Что это? Что это такое?

Холмс вскочил с места, и его высокая фигура заслонила от меня вход в пещеру. Он стал там, пригнувшись, вытянув шею, напряженно вглядываясь в темноту, и только успел бросить мне шепотом:

— Тише! Тише!

Этот крик, поразивший нас своей пронзительностью, шел из глубины беспросветно темных болот. Но вот он послышался ближе, явственнее...

— Где это? — шепнул Холмс, и по тому, как дрогнул у него голос — у него, у человека с железными нервами! — я понял, что этот вопль проник ему в самую душу.— Где кричат, Уотсон?

— По-моему, в той стороне.— Я протянул руку, показывая в темноту.

— Нет, вон там!

Мучительный крик снова пронесся в безмолвной ночи, но теперь он был еще ближе, еще громче. И к нему

примешивались какие-то другие звуки — глухое иизкое рычаиие, иапомииающее чем-то иепрестаииый рокот моря.

— Это собака! — крикиул Холмс.— Бежим, Уотсои, бежим! Боже мой! Только бы ие опоздать!

Ои бросился в темиоту, я следом за иим. И вдруг где-то впереди, за валуиами, раздался отчаяиный вопль, потом глухой, тяжелый стук. Мы остаиовились, прислушиваясь. Но больше иичто ие иарушало давящей тишиины безветреииой иочи.

Я видел, как Холмс, словио обезумев, схватился за голову и топиул иогой о землю:

— Ои опередил иас, Уотсои! Мы опоздали!

— Нет, этого ие может быть!

— Чего я медлил, дурак! И вы тоже хороши, Уотсои! Оставили Баскервиля одиого, и вот чем все коичилось! Нет, если поправить иичего иельзя, я все равио отомщу иегодяю!

Не разбирая дороги, мы бросились туда, откуда донесся этот страшиый крик. Мы взбирались вверх по склоиам, сбегали вииз, иатыкались в темиоте иа валуиы, продирались сквозь заросли дрока. С вершиины каждого холма мой друг быстро оглядывался по стороиам, ио болота покрывал густой мрак, и иа их угрюмой шири иельзя было приметить ии малейшего движеиия.

— Вы что-иибудь видите?

— Ничего.

— Подождите! Что это?

До иас доиесся приглушеииый стои. Ои шел откуда-то слева. Камеииая гряда круто обрывалась там вииз, переходя в усеяниый валуиами склои, и среди валуиов лежало что-то темиое. Мы подбежали ближе, и темиый предмет прииял более ясиые очертаиия. Это был человек, лежащий иа земле лицом вииз. Ои словио готовился сделать кульбит — подвериутая под каким-то иевероятиым углом голова, приподиятые плечи, округлеииая лиия спиины. Нелепость этой позы помешала мие в первую мииуту осозиать, что его стои был предсмертиым. Мы стояли, иаклоиившись иад иим, и ие слышали ии хрипа, ие могли уловить ии шороха. Холмс троиул иеподвижное тело, вскрикиул в ужасе и тут же отдериул руку. Зажжеииая спичка осветила окровавлеииые пальцы и страш-

ную лужу, медлеино расплывавшуюся из-под разбитого черепа мертвеца. И сердце у нас замерло — при свете спички мы увидели, что перед иами лежит сэр Геири Баскервиль!

Разве можио было забыть этот иеобычиый красновато-коричиевый костюм — тот самый, в котором бароиет впервые появился иа Бейкер-стрит! Нам достаточио было секуиды, чтобы узиать его, а потом спичка вспыхиула и погасла так же, как погасла в иас последияя искра иадежды. Холмс застонал, и я даже в темиоте разглядел, какой бледиостью покрылось его лицо.

— Мерзавец! Мерзавец! — Руки у меия сами собой сжались в кулаки.— Холмс, я иикогда ие прощу себе, что оставил его иа произвол судьбы!

— Моя вииа больше, Уотсои. Я пожертвовал жизиью клиеита только ради того, чтобы подытожить, так сказать, закруглить, это дело. Я ие помию другого такого удара за всю свою практику. Но кто мог зиать, кто мог зиать, что, иесмотря иа все мои предостережеиия, ои рискиет выйти одии иа болота!

— И мы слышали его крик—боже мой, какой крик!— и ие могли сразу прийти ему иа помощь! Но куда делась эта чудовищиая собака — виновница его смерти? Может быть, оиа и сейчас где-иибудь здесь? И где Стэплтои? Он ответит за это!

— Да, ои ответит за все, об этом я позабочусь. И дядя и племяиник — оба убиты. Одии умер от страха, только увидев перед собой это чудовище, которое ои считал сверхъестествеииым существом, другой погиб, спасаясь от него бегством. Но теперь нам иадо доказать, что между этим человеком и собакой есть связь. Мы слышали ее вой, но это еще ие доказательство, так как сэр Геири, вероятио, разбился при падеиии. И все же, кляиусь, как ии хитер иаш противиик, а завтра ои будет у меия в руках!

Потрясеииые виезапиой непоправимой бедой, положившей столь грустиый коиец иашим долгим и нелегким трудам, мы стояли возле изуродоваииого тела. Потом, когда из-за туч показалась луиа, подиялись иа камеииую гряду, с которой упал иаш иесчастиый друг, и оглядели оттуда серебрившиеся в луиием свете болота. Вдали, где-то около Гримпеиа, видиелся желтый огоиек. Ои мог го-

реть только в уединением жилище Стэплтонов. Я с проклятием погрозил в ту сторону кулаком.

— Чего мы ждем? Надо схватить его немедленно!

— Дело еще не закончено, а он человек осторожный, хитрый. Мало ли что мы знаем, а вот попробуйте доказать это. Один неосторожный шаг — и негодяй ускользнет от нас.

— Так что же тогда делать?

— На завтра забот у нас хватит. А сегодня нам остается только оказать последнюю услугу несчастному сэру Генри.

Мы спустились по крутому откосу и подошли к бесформенной черной груде, лежавшей на посеребренных лунной камнях. При виде этого мучительно скорченного тела сердце у меня сжалось от боли и глаза заволокло слезами.

— Придется послать за помощью, Холмс. Мы не донесем его до дому... Боже мой, что с вами? Вы сошли с ума!

Холмс вскрикнул и наклонился над телом сэра Генри. И вдруг начал приплясывать, с хохотом тряся мне руку. Неужели это мой строгий, всегда такой сдержанный друг? Вот что бывает, когда скрытое пламя прорывается наружу!

— Борода! У него борода!

— Борода?

— Это не сэр Генри!.. Боже, да это мой сосед — каторжник!

Мы с лихорадочной быстротой перевернули тело, и окровавленная борода уставилась теперь прямо в холодный яркий лик луны. Сомнений быть не могло! Низкий лоб, глубоко запавшие, как у обезьяны, глаза. Это было то же лицо, которое при свете свечи мелькнуло передо мной в расселине,— лицо убийцы Селдена!

И тут я понял все. Я вспомнил, что баронет подарил Бэрримору чуть ли не весь свой старый гардероб. Значит, Бэррымор отдал его Селдену, чтобы тот переоделся к отъезду. Башмаки, рубашка, кепи — все носил когда-то сэр Генри. Правда, трагедия оставалась трагедией, но ведь этот человек так или иначе заслужил смерть по законам нашей страны. Сам не свой от радости, я объяснил Холмсу, как все это получилось.

«Собака Баскервилей»

«Собака Баскервилей»

— Зиачит, иесчастиый погиб из-за костюма,— сказал ои.— Собаке, коиечио, дали поиюхать какую-иибудь вещь сэра Геири — по всей вероятиости, тот самый башмак, который был украдеи в гостинице,— и пустили ее по следам каторжиика. Остается невыясиеииым только одио: каким образом Селдеи увидел в темиоте, что за иим кто-то гоинтся?

— Наверио, услышал.

— Услышал, что по болотам бегает собака, и стал звать иа помощь, рискуя быть поймаииым? Нет, каторжиика этим ие иапугаешь. Так вот: как Селдеи мог увидеть, что за иим гоиится собака?

— А по-моему, есть вещи более страиные. Почему эту собаку — предполагая, что иаши догадки правильиы...

— Я ничего такого не предполагаю.

— Хорошо. Почему эту собаку выпустили иа болота сегодня ночью? Вряд ли оиа всегда пользуется такой свободой. Стэплтои, вероятио, ждал, что сэр Геири придет сюда.

— Моя загадка трудиее. На вашу мы скоро получим ответ, а моя, вероятио, так и остаиется иеразгаданиой. А теперь давайте решим, что иам делать с этим иесчастиым. Нельзя же оставлять его здесь иа съедеиие лисицам и коршуиам.

— Пусть полежит в какой-иибудь пещере, пока мы ие сообщим в полицию.

— Правильно. Туда-то мы его, во всяком случае, донесем. Смотрите, Уотсои! Что это? Неужели ои сам? Нет, какова дерзость!.. Ни слова о иаших подозреииях, ии едииого слова! Не то все мои плаиы рухиут.

Из глубииы болот к иам приближался человек. Ои курил сигару, огоиек которой тускло мерцал вдали. Луиа ярко освещала его, и я сразу узиал щуплую фигуру и быструю, подпрыгивающую походку иатуралиста. Увидев иас, ои остаиовился, потом сиова зашагал вперед.

— Доктор Уотсои! Неужели это вы? Вот уж иикак ие думал встретить вас иочью на болотах! Боже мой, что это? Что случилось? Нет, ие может быть! Неужели это иаш друг, сэр Геири?

Стэплтои пробежал мимо меия и иагиулся над трупом...

Я услышал прерывистый вздох, сигара выпала из его рук на землю.

— Кто... кто это? — запинаясь, пробормотал он.

— Это Селден, каторжник, сбежавший из принстаунской тюрьмы.

Стэплтон повернул к нам мертвенно-бледное лицо. Ему стоило громадного усилия воли овладеть собой и ничем не выдать своего удивления и разочарования. Его пристальный взгляд остановился сначала на Холмсе, потом на мне.

— Боже мой, какой ужас! Как это случилось?

— Должно быть, свалился вон с того откоса и сломал себе шею. Мы с приятелем гуляли по болотам и услышали чей-то крик.

— А я на этот крик и вышел из дому. Меня беспокоил сэр Генри.

— Почему именно сэр Генри? — не удержался я.

— Он должен был зайти к нам сегодня и почему-то не пришел, что меня очень удивило. А когда я услышал на болотах крики, то, естественно, встревожился за него. Кстати,— Стэплтон снова перевел взгляд с меня на Холмса,— кроме этих криков, вы ничего не слышали?

— Нет,— сказал Холмс.— А вы?

— Тоже нет.

— Тогда зачем об этом спрашивать?

— Ах, вы же знаете, что у нас тут рассказывают о призрачной собаке и тому подобных чудесах! Здешние фермеры говорят, будто бы она каждую ночь выбегает на болота. Вот я и интересуюсь: может быть, вы слышали ее?

— Нет, мы ничего такого не слышали,— сказал я.

— А как вы объясняете гибель этого несчастного?

— Я уверен, что у него помутился рассудок от страха, от постоянной опасности быть пойманным. Вероятно, бегал по болотам в припадке сумасшествия и в конце концов упал под откос и сломал себе шею.

— Да, это вполне правдоподобно,— сказал Стэплтон и вздохнул с явным облегчением.— А что об этом думаете вы, мистер Шерлок Холмс?

— Какая догадливость! — сказал мой друг, отвесив ему низкий поклон.

— Мы давно вас поджидаем, с тех самых пор, как здесь появился доктор Уотсон. И вы вовремя приехали— как раз к трагедии.

— Да, в самом деле! Я уверен, что мой друг даст ей правильное объяснение. А я уеду завтра в Лондон с неприятным осадком в душе.

— Как! Вы завтра уезжаете?

— Собираюсь.

— Но ваш приезд, конечно, прольет свет на все эти события, которые поставили нас буквально в тупик?

Холмс пожал плечами.

— Успех не всегда дается нам в руки. При расследовании надо опираться на факты, а не на легенды и слухи. У меня что-то ничего не получается из этого дела.

Мой друг говорил самым естественным и самым спокойным тоном. Стэплтон взглянул на него внимательно, пристально. Потом обратился ко мне:

— Я охотно предложил бы перенести тело к нам в дом, но моя сестра так перепугается, что, пожалуй, лучше этого не делать. Давайте прикроем ему чем-нибудь лицо и оставим здесь. До утра с ним ничего не случится.

Так и было сделано. Мы с Холмсом отклонили предложение Стэплтона зайти в Меррипит-хаус и, предоставив ему возвращаться домой в одиночестве, пошли к Баскервиль-холлу. Пройдя несколько шагов, мы оглянулись и увидели его фигуру, медленно удаляющуюся в глубь болот, а дальше, позади нас, единственное черное пятно на посеребренном луной склоне — там, где лежал погибший такой страшной смертью человек.

— Наконец-то мы схватились врукопашную! — сказал Холмс, шагая рядом со мной.— Но какая выдержка! Как быстро он овладел собой! А ведь удар был поистине ошеломляющий — увидеть, что твоей жертвой пал совсем не тот человек, которого ты намечал. Я, Уотсон, говорил вам об этом в Лондоне и повторяю сейчас: нам еще не приходилось скрещивать рапиры с более достойным противником.

— Все-таки жалко, что он вас увидел!

— Я сначала сам об этом пожалел. Но, в конце концов, что ж поделаешь!

— А как вы думаете, встреча с вами отразится на его планах?

— Да, он будет действовать с еще большей осторожностью или же решится на какой-нибудь отчаянный шаг. Как и большинство незаурядных преступников, Стэплтон, вероятно, слишком полагается на свою хитрость и воображает, что обвел нас вокруг пальца.

— Почему же вы не хотите арестовать его?

— Мой дорогой Уотсон! Вы человек действия. Ваши инстинкты толкают вас на самые решительные меры. Ну хорошо, допустим, что ночью он будет арестован. А что это даст нам? Мы ничего не сможем доказать. Вот в чем дьявольская хитрость этого замысла! Если б пособником Стэплтона был человек, мы бы раздобыли кое-какие улики, но попробуйте вытащить на свет божий огромного пса! Разве это поможет нам затянуть петлю на шее его хозяина?

— Но ведь состав преступления налицо?

— Ничего подобного! Все это одни догадки и предположения. Нас поднимут на смех в суде, если мы явимся туда с такой фантастической историей и подкрепим ее такими уликами.

— А сэр Чарльз?

— Найден мертвым, следов насильственной смерти не обнаружено. Мы-то с вами знаем, что он умер от страха, и знаем, что́ его напугало. Но как убедить в этом тех двенадцать тупиц, которые будут присяжными заседателями? На чем основано предположение, что тут замешана какая-то собака? Где следы ее укусов? Мы с вами опять-таки знаем, что собаки не кусают мертвых и что сэр Чарльз умер до того, как она на него кинулась. Но ведь это надо *доказать*, а доказывать нам нечем.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Она ничего особенного не дала. Прямой связи между собакой и гибелью каторжника все-таки нет. Никто этой собаки не видел. Правда, мы ее слышали, но у нас нет доказательств, что она гналась за каторжником. Полное отсутствие мотивировки! Нет, друг мой, факт остается фактом: состав преступления мы установить еще не можем, но, чтобы сделать это, стоит пойти на любой риск.

— Что же вы намерены предпринять?

— Я возлагаю большие надежды на миссис Лору Лайонс. Когда истинное положение дел станет ей извест-

но, она окажет нам серьезную помощь. Кроме того, у меня есть и другой план. Но не надо загадывать вперед, хотя я все-таки надеюсь, что завтра победа будет за мной.

Больше мне ничего не удалось выведать от Холмса, и до самых ворот Баскервиль-холла он шел молча, погруженный в свои думы.

— Вы зайдете?

— Да. Теперь уже не имеет смысла скрываться. Но еще одно слово, Уотсон. Не говорите сэру Генри о собаке. Пусть приписывает смерть Селдена тем же причинам, которые старался подсказать нам Стэплтон. Так ему будет легче перенести то испытание, что ждет его завтра, когда он пойдет обедать в Меррипит-хаус, если я правильно цитирую ваш последний отчет.

— Но меня тоже туда звали.

— Тогда вам надо отказаться от приглашения. Пусть идет один, это легко устроить... Ну-с, так. К обеду мы, наверно, опоздали, но к ужину пришли в самый раз.

ГЛАВА XIII

СЕТИ РАССТАВЛЕНЫ

Сэр Генри не столько удивился, сколько обрадовался своему новому гостю, так как был уверен, что, узнав о событиях последних дней, Шерлок Холмс не усидит в Лондоне. Тем не менее баронет изумленно поднял брови, когда выяснилось, что мой друг явился без багажа и даже не дает себе труда объяснить его отсутствие. Холмса тут же снабдили всем необходимым, и за поздним ужином мы поведали баронету ту часть своих приключений, которую ему следовало знать. Но до этого мне пришлось выполнить одну тяжелую обязанность — сообщить Бэрримору и его жене о гибели Селдена. Лакей принял это известие с нескрываемым чувством облегчения, но миссис Бэрримор горько плакала, закрыв лицо передником. В глазах всего мира этот Селден был преступником, чем-то средним между дьяволом и зверем, а она по-прежнему видела в нем озорного

мальчугана, ребенка, цеплявшегося в детстве за ее руку. Поистине чудовищем должен быть человек, если не найдется женщины, которая оплачет его смерть!

— С тех пор как вы уехали, Уотсон, я все сижу дома и пропадаю с тоски,— сказал баронет.— Надеюсь, такое послушание мне зачтется? Если б не данное вам слово не выходить на болота, я бы провел вечер гораздо веселее, потому что Стэплтон прислал мне записку с приглашением.

— Да, вы провели бы вечер гораздо веселее, я в этом не сомневаюсь,— сухо сказал Холмс.— Кстати, вы, вероятно, не цените, что, глядя на человека со сломанной шеей, мы оплакивали вас?

Сэр Генри широко открыл глаза.

— Это почему же?

— Потому что злосчастный каторжник был в костюме с вашего плеча. Он получил его от Бэрримора, у которого могут быть из-за этого серьезные неприятности с полицией.

— Нет, вряд ли. Насколько я помню, там не было никаких меток.

— Ну что ж, его счастье, да и ваше тоже, поскольку вы все замешаны в противозаконных деяниях. В сущности говоря, мне как добросовестному сыщику следовало бы немедленно арестовать всю вашу компанию. Обличающим документом могут послужить письма Уотсона.

— Расскажите лучше, как обстоит наше дело? — спросил баронет.— Удалось ли вам разобраться в этой путанице? Мы с Уотсоном с чем приехали, с тем и сидим,— ничего не разузнали.

— Я думаю, что в самом ближайшем будущем многое выясните. Дело на редкость трудное и запутанное. Для меня некоторые пункты до сих пор покрыты мраком. Но он рассеется, непременно рассеется.

— Уотсон, вероятно, уже рассказывал вам о том, что мы слышали на болотах. Так что это не пустое суеверие. Мне в свое время приходилось иметь дело с собаками, и тут меня не проведешь — собачий вой нельзя не узнать. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и по-

садить его иа цепь, то я буду считать вас величайшим сыщиком в мире.

— Будет ои и в намордиике, будет и иа цепи, только помогите мие.

— Я сделаю все, что вы прикажете.

— Прекрасио! Но я потребую слепого повииовеиия, без всяких «зачем» и «почему».

— Как вам будет угодно.

— Если вы соглашаетесь иа это, тогда мы разрешим иашу задачу. Я не сомиеваюсь, что...

Холмс осекся на полуслове и устремил пристальиый взгляд куда-то поверх моей головы. Лампа светила ему прямо в лицо — иеподвижиое, застывшее, словио лицо классической статуи. Оио было олицетвореиием тревоги и насторожеииости.

— Что случилось? — в одии голос воскликнули мы с сэром Геири.

Холмс перевел взгляд иа иас, и я почувствовал, что ои старается подавнть свое волиеиие. Его лицо по-прежиему иичего ие выражало, ио глаза светились торжеством.

— Простите меия, ио я ие мог сдержать свой восторг,— сказал ои, показывая на портреты, висевшие иа противоположиой стеие.— Уотсои утверждает, что я иичего ие смыслю в живописи, ио это в ием говорит чувство сопериичества, так как мы расходимся в своих оцеиках произведеиий искусства. А портреты иа самом деле великолепиые.

— Рад слышать,— сказал сэр Геири, с удивлеиием глядя иа моего друга.— Я в картииах мало что поиимаю. Вот лошадь или бычок — другое дело. Но кто бы мог подумать, что у вас есть время иитересоваться искусством!

— Не беспокойтесь, хорошую вещь я всегда замечу. Бьюсь об заклад, что вои та дама в голубом шелковом платье — кисти Неллера. А толстый джентльмеи в парике, безусловио, иаписаи Рейнольдсом. Это, вероятно, фамильные портреты?

— Да, все до едииого.

— И вы знаете их по имеиам?

— Бэрримор долго иатаскивал меия по этому предмету, и я, кажется, могу ответить свой урок без запинки.

— Кто этот джентльмен с подзорной трубой?

— Это контр-адмирал Баскервиль, служивший в Вест-Индии. А вон тот, в синем сюртуке и со свитком в руках, сэр Вильям Баскервиль, председатель комиссии Палаты общин при Питте [1].

— А этот кавалер напротив меня, в черном бархатном камзоле с кружевами?

— О! С ним вы должны познакомиться поближе. Это и есть виновник всех бед — злодей Хьюго, положивший начало легенде о собаке Баскервилей. Мы его, вероятно, не скоро забудем.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым недоумением.

— Боже мой! — сказал Холмс.— А ведь по виду он такой спокойный, тихонький. Правда, в глазах есть что-то бесовское. Но я представлял себе вашего Хьюго эдаким дюжим молодцом с разбойничьей физиономией.

— Портрет подлинный, в этом не может быть ни малейших сомнений. Сзади на полотне написано его имя и дата — тысяча шестьсот сорок седьмой год.

Весь остальной вечер Холмс говорил мало, но портрет беспутного Хьюго словно приковал его к себе, и за ужином он почти не отрывал от него глаз. Однако ход мыслей моего друга стал ясен мне только тогда, когда сэр Генри ушел к себе. Холмс захватил свечу со своего ночного столика и, вернувшись вместе со мной в пиршественный зал, поднес ее к потемневшему от времени портрету.

— Вы ничего особенного не замечаете?

Я долго рассматривал широкополую шляпу с плюмажем, белый кружевной воротник и длинные локоны, обрамляющие суровое узкое лицо. Это лицо никто не упрекнул бы ни в грубости черт, ни в жестокости выражения, но в поджатых тонких губах, в холодном, непреклонном взгляде было что-то черствое, строгое, чопорное.

— Он никого вам не напоминает?

— В нижней части лица есть что-то общее с сэром Генри.

---

[1] Питт, Уильям Старший (1708—1778) — английский государственный деятель.

— Да, пожалуй, чуть-чуть есть. Но подождите минутку!

Он встал иа стул и, держа свечку в левой руке, прикрыл согнутой правой широкополую шляпу и длиииые локоиы.

— Силы небесиые! — воскликиул я вие себя от изумлеиия.

С полотиа иа меня смотрело лицо Стэплтоиа.

— Ага! Разглядели? Мои-то глаза привыкли отделять самое лицо от того, что его обрамляет. Умение проиикать взором за маскировку — осиовиое качество сыщика.

— Поразительиио! Как будто его портрет!

— Да, любопытиый пример возврата к прошлому и в физическом и в духовиом отношеиии. Вот так начнешь изучать фамильиые портреты и, пожалуй, увериешь в переселеиие душ. Ои тоже Баскервиль, это совершеиио очевидио.

— И метит в иаследиики.

— Безусловио. Этот случайио попавшийся мие иа глаза портрет помог иам восполиить одии из самых трудных пробелов. Теперь мы его поймали, Уотсои, теперь мы его поймали! И кляиусь вам, завтра к иочи он будет биться в иаших сетях, как бьются его бабочки под сачком. Булавка, пробка, ярлычок — и коллекция на Бейкерстрит пополиится еще одиим экземпляром.

Холмс громко расхохотался и отошел от портрета. В тех редких случаях, когда мие приходилось слышать его смех, я зиал, что это всегда предвещает какому-нибудь злодею большую беду.

Одеваясь иа следующее утро, я выглянул в окио и увидел Холмса, который, оказывается, встал еще раиьше и уже успел куда-то отлучиться.

— Да, деиек у иас будет хлопотливый,— сказал ои, радостио потирая руки в предвкушеиии всех этих хлопот.— Скоро иачием действовать. Сети уже расставлеиы. А к вечеру будет видио, запуталась в иих эта большая зубастая щука или же ускользиула иа волю.

— Вы уже успели побывать иа болотах?

— Я дошел до Гримпеиа и дал оттуда телеграмму в Приистауи о смерти Селдеиа. Думаю, что иикого из

вас не станут беспокоить по этому делу. Кроме того, я связался с моим верным Картрайтом, который от тревоги за меня, по всей вероятности, не замедлил бы умереть на пороге пещеры, как собака на могиле своего хозяина.

— С чего же мы сегодня начнем?

— Прежде всего повидаем сэра Генри. Да вот он и сам!

— С добрым утром, Холмс! — сказал баронет.— Вы похожи на генерала, который обсуждает с начальником штаба план предстоящего сражения.

— Так оно и есть. Уотсон явился за приказаниями.

— Я тоже.

— Прекрасно. Если не ошибаюсь, наши друзья Стэплтоны пригласили вас сегодня к обеду?

— Надеюсь, вы тоже пойдете? Они люди гостеприимные и будут очень рады вам.

— К сожалению, мы с Уотсоном должны уехать в Лондон.

— В Лондон?

— Да. При данных обстоятельствах нам лучше быть там.

Лицо у баронета вытянулось.

— А я-то думал, что вы не покинете меня до конца! Откровенно говоря, в Баскервиль-холле не так-то уютно одному.

— Друг мой, вы должны повиноваться мне беспрекословно и делать все, что я от вас потребую. Скажите вашим друзьям, что мы рады бы с удовольствием, но неотложные дела призывают нас в Лондон. Впрочем, мы скоро вернемся в Девоншир. Вы не забудете передать им это?

— Если вы настаиваете.

— Уверяю вас, другого выхода нет.

По тому, как баронет нахмурился в ответ на эти слова, я понял, что он обиделся и считает наш отъезд дезертирством.

— Когда вы думаете выехать? — холодно спросил он.

— Сразу же после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумб-Тресн, но Уотсон оставит вам свои вещи в залог, так что ждите его обратно. Уотсон, напишите

запнсочку Стэплтону, нзвнннтесь, что не можете быть у них.

— Мне тоже захотелось уехать в Лондон,— сказал баронет.— Почему я должен сидеть здесь один?

— Потому, что вам нельзя покндать свой пост. Потому, что вы дали слово слушаться меня во всем, а теперь я говорю вам: оставайтесь здесь.

— Хорошо, я останусь.

— Еще одна просьба. Поезжайте в Мерринт-хаус на лошадях. Отошлнте экнпаж обратно н скажнте Стэплтоиам, что домой вы пойдете пешком.

— Пешком, через болота?

— Да.

— Но ведь вы же самн столько раз удержнвалн меня от этого!

— А теперь можете ндтн совершенно спокойно. Я настаиваю на этом только потому, что уверен в вашем мужестве.

— Хорошо, я так н сделаю.

— И еслн вы хоть сколько-ннбудь дорожнте жнзнью, не сворачнвайте с тропннкн, которая ведет от Мерринт-хауса к Гримпенской дороге, тем более что это блнжайшнй путь к Баскервнль-холлу.

— Все будет нсполнено в точности.

— Вот н хорошо. А мы постараемся выехать сразу же после завтрака, чтобы попасть в Лондон днем.

Меня очень удивнла эта программа действнй, хотя я помнил, как наканупе вечером Холмс предупреждал Стэплтона о своем отъезде. Но кто бы мог подумать, что ему прндет в голову ехать вместе со мной, да еще в такое время, которое он сам считал крнтическнм! Впрочем, мне не оставалось нпчего другого, как беспрекословно повнноваться моему другу, н вскоре мы простнлнсь с опечаленным баронетом, а через два часа, отослав шарабан домой, вышлн на станцнонную платформу в Кумб-Тресн. Там нас ждал небольшого роста мальчнк.

— Какне будут прнказання, сэр?

— Саднтесь в поезд, Картрайт, н поезжайте в Лондон. Как только прнедете, сейчас же дайте от моего нмени телеграмму сэру Генри Баскервнлю. Запросите его, не нашел лн он где-ннбудь мою запнсную кнпжку, которую

я потерял. Если нашел, пусть вышлет ее заказной бандеролью на Бейкер-стрит.

— Слушаю, сэр.

— А сейчас узнайте в станционной конторе, нет ли там чего на мое имя.

Мальчик вскоре вернулся с телеграммой; Холмс прочитал ее и протянул мне. Там было написано следующее:

«Телеграмму получил. Выезжаю ордером на арест. Буду пять сорок. Лестрейд».

— Это ответ на мою утреннюю. Лестрейд — лучший сыщик-профессионал, нам может понадобиться его помощь... Ну-с, Уотсон, время у нас есть, и я думаю, что сейчас самый раз нанести визит вашей знакомой, миссис Лоре Лайонс.

План кампании, составленный Холмсом, прояснялся для меня с каждой минутой. С помощью баронета он убедит Стэплтона, что нас здесь нет, а на самом деле мы вернемся к тому времени, когда наша помощь будет больше всего нужна. Если сэр Генри упомянет о телеграмме, полученной от Холмса из Лондона, это рассеет последние подозрения Стэплтона. И я уже видел мысленно, как наши сети все туже и туже стягиваются вокруг зубастой щуки.

Миссис Лора Лайонс сидела у себя в рабочей комнате. Шерлок Холмс приступил к разговору с такой прямотой и откровенностью, что у нее широко открылись глаза от изумления.

— Я расследую обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля,— начал он.— Мой друг, доктор Уотсон, передал мне все, что вы ему сообщили в связи с этим и о чем предпочли умолчать.

— О чем же я умолчала? — дерзко спросила она.

— Вы признались, что вызывали сэра Чарльза к калитке к десяти часам вечера. Как мы знаем, он умер именно в тот час и на том самом месте. Вы умолчали о связи, существующей между этими двумя фактами.

— Между ними не существует никакой связи.

— В таком случае совпадение получилось поистине поразительное. Но я думаю, что в конце концов мы эту

связь установнм. Я буду с вами совершеино откровенен, мнссис Лайонс. Речь идет об убнйстве, а улнки по этому делу таковы, что под следствнем может оказаться не только ваш друг, мнстер Стэплтон, но и его жена.

Мнссис Лайонс вскочнла с кресла.

— Его жена!

— Это уже нн для кого ие тайна. Особа, которую он выдает за свою сестру, на самом деле его жена.

Миссис Лайонс опустилась в кресло н с такой силой впилась пальцамн в его ручкн, что ногтн у иее побелелн.

— Его жена! Его жена... Но ведь ои холостяк!

Шерлок Холмс пожал плечами.

— Докажите мие это! Докажите! И тогда я...— Яростный блеск ее глаз говорнл лучше всякнх слов.

— За доказательствамн дело не станет,— сказал Шерлок Холмс, вынимая из кармана какие-то бумаги.— Вот фотографня этой супружеской четы, снятая четыре года назад в Йорке. На обороте иадпнсь: «М-р н м-с Ванделер»,— ио вы, конечио, узнаете н его н эту жеищниу, еслн вам приходнлось встречаться с ней. Дальше — трн документа, подписанные людьмн, заслужнвающими всяческого доверия. Это опнсанне мистера и миссис Ваиделер, которые содержали некогда частиую школу «Сент-Олнвер». Прочтите его, н у вас ие остаиется ии малейшнх сомнений в том, что это действительно знакомые вам людн.

Миссис Лайонс мельком просмотрела лежавшне перед ней бумагн н перевела взгляд на нас. Отчаяиие превратило ее лнцо в неподвнжную маску.

— Мнстер Холмс,— сказала она,— этот негодяй обещал женнться на мне, если я получу развод. Зиачнт, иельзя верить ии одному его слову? Зиачнт, ои все время обманывал меня? Но зачем? Зачем? Я думала, что он печется только обо мие. А выходит, я была орудием в его руках. Чего ради хранить вериость человеку, который так лжет? Чего ради выгораживать его? Пусть поплатится за свое злодейство! Спрашивайте меня о чем угодно, я ничего не утаю. В одиом клянусь вам: когда я писала то пнсьмо, мне н не снилось, что это погубит сэра Чарльза, моего лучшего друга!

— Я верю каждому вашему слову, сударыня,— сказал Шерлок Холмс.— Вам, вероятно, очень тяжело рассказывать об этом. Давайте сделаем так: я буду говорить сам и, если ошибусь в чем-нибудь существенном, вы меня поправите. Письмо было написано по наущению Стэплтона?

— Под его диктовку.

— Он, вероятно, говорил вам, что сэр Чарльз возьмет на себя все издержки по бракоразводному процессу?

— Да.

— А потом, когда письмо было отослано, убедил вас не ходить на свидание?

— Он сказал, что перестанет уважать самого себя, если деньги на процесс даст кто-то другой. Клялся, что, несмотря на всю свою бедность, отдаст последнее пенни, лишь бы уничтожить препятствие, которое отделяет нас друг от друга.

— Он, по-видимому, весьма последователен в своих поступках! Итак, о дальнейших событиях вы ничего не слышали и узнали о смерти сэра Чарльза только из газет?

— Да.

— И Стэплтон взял с вас слово, что вы никому не скажете о предполагавшемся свидании?

— Да. Он сказал, что смерть сэра Чарльза произошла при загадочных обстоятельствах и, если о письме узнают, я буду взята на подозрение. Он запугал меня, и я решила молчать.

— Так, понимаю. Но вы все-таки подозревали что-то?

Миссис Лайонс опустила глаза, видимо, не решаясь ответить.

— Я хорошо знала этого человека,— сказала она наконец.— Но если б он не обманул меня, я бы его не выдала.

— В общем, вы счастливо отделались,— сказал Шерлок Холмс.— Он был в ваших руках и прекрасно знал это, а вы все-таки остались живы. Последние месяцы вы ходили по краю бездны. А теперь, миссис Лайонс, разрешите пожелать вам всего хорошего. Но мы еще, вероятно, увидимся.

— Ну вот, все мало-помалу выясняется, туман редеет,— сказал Холмс, когда мы снова вышли на станци-

оиную платформу к приходу лоидоиского экспресса.— Скоро я смогу пуикт за пунктом воссоздать это преступление — пожалуй, самое сеисационное преступлеиие нашего времеии. Криминалисты скажут, что иечто подобное уже было, и, конечио, вспомият убийство в Гродно, на Украине, в 1866 году и Аидерсона из Северной Каролины, ио у теперешиего нашего дела есть иекоторые совершеиио своеобразные черты. Мы даже сейчас ие можем предъявить прямые улики этому коварному хитрецу. Но помяинте мое слово, Уотсон: к тому времеии, когда мы ляжем спать, все будет выяснеио.

Лондонский экспресс с грохотом подкатил к станции, и из вагона первого класса выскочил на платформу маленький, кореиастый человек, чем-то напоминающий бульдога. Мы поздоровались, и по той почтительности, с какой Лестрейд относился к моему товарищу, мне стало ясио, что он многое поиял с тех пор, как они начали работать вместе. Я прекрасно помиил, сколько презреиия вызывали когда-то у этого практика логические выкладки иашего любителя теорий.

— Ну как, крупиое дело? — спросил Лестрейд.

— Такого давно не было,— сказал Холмс.— У нас в запасе два часа свободиого времеии. Давайте употребим его на обед, а потом, Лестрейд, мы угостим вас чистейшим иочиым воздухом Дартмура и поможем вам прочистить горло от лондоиского тумаиа. Никогда здесь ие были? В таком случае вы не скоро забудете свое первое зиакомство с этими местами.

ГЛАВА XIV

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Одним из иедостатков Шерлока Холмса — если только это можно назвать иедостатком — было то, что он иикогда и ни с кем не делился своими планами вплоть до их свершеиия. Такая скрытиость объяснялась отчасти властиой натурой этого человека, любившего повелевать окружающими и поражать их воображеиие, отчастн профессиональной осторожиостью, ие позволявшей ему рис-

ковать без нужды. Как бы то ни было, эта черта характера Шерлока Холмса доставляла много неприятностей тем, кто работал с ним в качестве его агентов или помощников. Я сам часто страдал от нее, но то, что мне пришлось вытерпеть за это долгое путешествие в темноте, превзошло все мои прошлые муки. Нам предстояло нелегкое испытание, мы были готовы нанести последний, решающий удар, а Холмс упорно молчал, и я мог только догадываться о его планах. Мое нервное напряжение дошло до предела, как вдруг в лицо нам пахнуло холодным ветром, и, глянув в темноту, на пустынные просторы, тянувшиеся по обеим сторонам узкой дороги, я понял, что мы снова очутились на болотах. Каждый шаг лошадей, каждый поворот колес приближал нас к развязке всех этих событий.

В присутствии возницы, нанятого в Кумб-Треси, нельзя было говорить о деле, и мы, несмотря на все свое волнение, беседовали о каких-то пустяках. Я облегченно вздохнул, когда в стороне от дороги показался коттедж Френкленда, от которого оставалось две-три мили до Баскервиль-холла и до того места, где должна была разыграться заключительная сцена трагедии. Не доезжая до дома, мы расплатились с возницей у ворот, отправили его обратно в Кумб-Тресн, а сами пошли по направлению к Мерripит-хаусу.

— Вы с оружием, Лестрейд?

Маленький сыщик улыбнулся.

— Раз на мне брюки,— значит, и задний карман у них есть, а раз есть задний карман,— значит, он не пустует.

— Вот и прекрасно! Мы с Уотсоном тоже приготовились ко всяким неожиданностям.

— Я вижу, вы настроены очень серьезно, мистер Холмс. А что от нас теперь требуется в этой игре?

— Требуется терпение. Будем ждать.

— Действительно, места здесь не очень веселые! — Сыщик повел плечами, глядя на мрачные склоны холмов и туман, озером разлившийся над Гримпенской трясиной.— А вон где-то горит огонек.

— Это Мерripит-хаус — конечная цель нашего путешествия. Теперь попрошу вас ступать как можно тише и говорить шепотом.

Мы осторожно шагали по тропинке, которая вела к дому, но ярдов за двести от него Холмс остановился.

— Дальше не надо,— сказал он.— Вот эти валуны послужат нам прекрасной ширмой.

— Здесь и будем ждать?

— Да, устроим засаду. Станьте вот сюда, Лестрейд. Уотсон, ведь вы бывали в доме? Расположение комнат знаете? Вон те окна с переплетом — что это?

— По-моему, кухня.

— А следующее, ярко освещенное?

— Это столовая.

— Шторы подняты. Вы лучше меня знаете, как туда пройти. Загляните в окно: что они там делают? Только, ради бога, тише! Как бы нас не услышали!

Я подкрался на цыпочках к низкой каменной ограде, окружающей чахлый садик Стэплтонов, и, пробираясь в ее тени, дошел до того места, откуда можно было заглянуть в незанавешенное окно.

В комнате было двое мужчин — сэр Генри и Стэплтон. Они сидели друг против друга за круглым столом, ко мне в профиль, и курили сигары. Перед ними стояли чашки с кофе и вино. Стэплтон оживленно говорил о чем-то, но баронет сидел бледный и слушал его невнимательно. Ему, вероятно, не давала покоя мысль о скором возвращении домой по зловещим болотам.

Но вот Стэплтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри подлил себе вина в стакан и откинулся на спинку стула, попыхивая сигарой. Я услышал скрип двери, потом похрустывание гравия на тропинке. Шаги приближались ко мне. Выглянув из-за стены, я увидел, что натуралист остановился у небольшого сарая в углу сада. Звякнул ключ в замке, и в сарае послышалась какая-то возня. Стэплтон пробыл там не больше двух минут, снова звякнул ключом, прошел мимо меня и исчез в доме. Я увидел, что он вернулся к своему гостю; осторожно пробравшись к товарищам, я рассказал им все это.

— Значит, женщина не с ними? — спросил Холмс, когда я кончил.

— Нет.

— Тогда где же оиа? Ведь, кроме кухнн н столовой, все окиа темные.

— Право, не знаю.

Я уже говорил, что над Грнмпеиской трясниой стлался густой белый туман. Ои медлеиио полз в нашу стороиу, окружая нас н справа и слева низким, но плотным валом. Лившийся сверху луниый свет превращал его в мерцающее ледяиое поле, иад которым, словно черные пики, вздымались верхушки отдаленных граинтных столбов. Холмс повернулся в ту стороиу н, глядя на эту медленно подползающую белую стеиу, иетерпеливо пробормотал:

— Смотрите, Уотсон, туман двнжется прямо на нас.

— А это нехорошо?

— Хуже некуда! Туман — единствеииое, что может нарушить мои плаиы. Но сэр Генрн там ие задержится. Уже десять часов. Теперь все — и наш успех н даже его жизнь — зависит от того, выйдет ли он прежде, чем туман доползет до тропинки, нлн нет.

Ночное небо было чистое, без едииого облачка. Звезды холодно поблескивали в вышине, луиа заливала болота мягким неверным светом. Прямо перед намн смутно чернели очертаиня дома с остроконечиой крышей, словно ощетниившейся трубами, которые четко выступали на звездном иебе. Широкие золотые полосы падали из окон инжиего этажа в сад и дальше, на болота. Одиа нз них вдруг погасла. Слугн вышли нз кухии. Теперь лампа горела только в столовой, где те двое — убийца-хозяин и иичего не подозревающнй гость — покуривали сигары н продолжали свой разговор.

Белая волокиистая пелеиа, затянувшая почти все болото, с каждой мииутой прнближалась к дому. Первые прозрачиые клочья уже завивались у золотистого квадрата освещеиного окна. Дальняя стена сада совсем нсчезла в этой клубящейся мгле, над которой видиелись только верхушкн деревьев. Вот белесые кольца показались с обеих сторон дсма н медленио слились в плотный вал, и верхиий этаж с крышей всплыл иад нним, точно волшебный корабль на волиах призрачиого моря. Холмс яростио ударнл кулаком о камень, за которым мы стоялн, и вне себя от нетерпеиия топнул иогой.

— Если ои ие появится через четверть часа, тропику затяиет тумаиом, а через полчаса мы уже ие сможем разглядеть собствеииую руку в этой тьме.

— Отойдем иемного иазад, там выше.

— Да, пожалуй, так и сделаем.

По мере того, как туман надвигался иа иас, мы отступали все дальше и дальше, пока не очутились в полумиле от дома. Но сплошное белесое море, посеребренное сверху луиой, подбиралось и туда, продолжая свое медлеииое, иеуклоииое наступлеиие.

— Мы слишком далеко зашли,— сказал Холмс.— Это уже рисковаиио: его могут настигиуть прежде, чем ои дойдет до иас. Ну, будь что будет, остаиемся здесь.

Ои опустился иа колеии и приложил ухо к земле.

— Слава богу! Кажется, идет!

В тишиие болот послышались быстрые шаги. Пригиувшись за валуиами, мы иапряжеиио всматривались в подступавшую к иам мутио-серебристую стеиу. Шаги все приближались, и вот из тумаиа, словио распахиув перед собой заиавес, выступил тот, кого мы поджидали. Увидя иад собой чистое звездиое небо, он с удивленнем осмотрелся по стороиам. Потом быстро зашагал по тропиике, прошел мимо иас и стал подниматься вверх по отлогому склоиу, иачииавшемуся сразу за валуиами. На ходу ои то и дело оглядывался через плечо, видимо, опасаясь чего-то.

— Тсс! — шепиул Холмс и щелкиул курком.— Смотрите! Вот оиа!

В самой гуще подползающего к иам тумана послышался мериый, дробиый топот. Белая стеиа была от иас уже ярдах в пятидесяти, и мы трое вперили в иее взгляд, ие зиая, какое чудовище появится оттуда. Стоя рядом с Холмсом, я мельком взгляиул ему в лицо— бледиое, взволиоваииое, с горящими при луиием свете глазами. И вдруг оио преобразилось: взгляд стал сосредоточеи и суров, рот приоткрылся от изумлеиия. В ту же секуиду Лестрейд вскрикиул от ужаса и упал иичком иа землю. Я выпрямился и, почти парализоваииый тем зрелищем, которое явилось моим глазам, потяиулся ослабевшей рукой к револьверу. Да! Это была собака, огромиая, чериая, как смоль. Но такой собаки еще

никто нз нас, смертных, не видывал. Из ее отверстой пастн вырывалось пламя, глаза металн искры, по морде н загрнвку перелнвался мерцающий огонь. Нн в чьем воспаленном мозгу не могло бы возникнуть внденне более страшное, более омерзнтельное, чем это адское существо, выскочнвшее на нас нз тумана.

Чудовнще неслось по тропннке огромными прыжкамн, прннюхнваясь к следам нашего друга. Мы опомнялнсь лншь после того, как оно промчалось мнмо. Тогда н я н Холмс выстрелнлн одновременно, н раздавшийся вслед за этнм оглушнтельный рев убеднл нас, что по меньшей мере одна нз пуль попала в цель. Но собака не остановнлась н продолжала мчаться вперед. Мы виделн, как сэр Генрн оглянулся, мертвенно-бледный прн свете луны, поднял в ужасе рукн н замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с чудовища, которое настнгало его.

Но голос взвывшей от болн собакн рассеял все наши страхн. Кто уязвнм, тот н смертен, н еслн она ранена, значнт, ее можно и убнть. Боже, как бежал в ту ночь Холмс! Я всегда счнтался хорошим бегуном, но он опередил меня на такое же расстоянне, на какое я сам опередил маленького сыщнка. Мы неслнсь по тропинке и слышали непрекращающнеся крнкн сэра Генрн н глухой рев собаки. Я подоспел в ту мннуту, когда она кннулась на свою жертву, повалнла ее на землю и уже прнмернвалась схватнть за горло. Но Холмс всаднл ей в бок одну за другой пять пуль. Собака взвыла в последннй раз, яростно щелкнула зубами, повалнлась на спнну н, судорожно дернув всемн четырьмя лапами, замерла. Я нагнулся над ней, задыхаясь от бега, и прнставил дуло револьвера к этой страшной светящейся морде, но выстрелнть мне не прншлось — исполнннская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без сознания там, где она настигла его. Мы сорвалн с него воротнннчок, и Холмс возблагодарнл судьбу, убеднвшись, что он не ранен н что наша помощь подоспела вовремя. А потом векн у сэра Генрн дрогнулн и он слабо шевельнулся. Лестрейд просунул ему между зубамн горлышко флягн с коньяком, н через секунду на нас глянулн два испуганных глаза.

— Боже мой! — прошептал баронет.— Что это было? Где оно?

— Его уже нет,— сказал Холмс.— С привиденнем, которое преследовало ваш род, покончено навсегда.

Чудовище, лежавшее перед нами, поистине могло кого угодно испугать своими размерами и мощью. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, а, видимо, помесь — поджарый, страшный пес величиной с молодую львицу. Его огромная пасть все еще светилась голубоватым пламенем, глубоко сидящие дикие глаза были обведены огненными кругами. Я дотронулся до этой светящейся головы и, отняв руку, увидел, что мои пальцы тоже засветились в темноте.

— Фосфор,— сказал я.

— Да, и какой-то особый препарат,— подтвердил Холмс, потянув носом.— Без запаха, чтобы у собаки не исчезло чутье. Простите нас, сэр Генри, что мы подвергли вас такому страшному испытанию. Я готовился увидеть собаку, но никак не ожидал, что это будет такое чудовище. К тому же нам помешал туман, и мы не смогли оказать псу достойную встречу.

— Вы спасли мне жизнь.

— Подвергнув ее сначала опасности. Ну как, можете встать?

— Дайте мне еще один глоток коньяку, и тогда все будет в порядке. Ну вот! Теперь с вашей помощью я встану. А что вы намерены делать дальше?

— Пока оставим вас здесь — вы уже достаточно натерпелись за сегодняшний вечер,— а потом кто-нибудь из нас вернется с вами домой.

Баронет попробовал подняться, но не смог. Он был бледен, как полотно, и дрожал всем телом. Мы повели его к валуну. Он сел там, все еще дрожа, и закрыл лицо руками.

— А теперь нам придется уйти,— сказал Холмс.— Надо кончить начатое дело. Дорога каждая минута. Состав преступления теперь налицо, остается только схватить преступника.

— Держу пари, в доме его уже не окажется,— продолжал Холмс, быстро шагая рядом с нами по тропин-

ке.— Он не мог не слышать выстрелов и понял, что игра проиграна.

— Ну что вы! Это было далеко от дома, к тому же туман приглушает звуки.

— Можете не сомневаться, что он кинулся следом за собакой,— ведь ее надо было оттащить от тела. Нет, мы его уже не застанем! Но на всякий случай надо обшарить все уголки.

Входная дверь была открыта настежь, и, вбежав в дом, мы быстро осмотрели комнату за комнатой, к удивлению дряхлого слуги, встретившего нас в коридоре. Свет горел только в столовой, но Холмс взял оттуда лампу и обошел с ней все закоулки в доме. Человек, которого мы искали, исчез бесследно. Однако на втором этаже дверь одной из спален оказалась запертой.

— Там кто-то есть! — крикнул Лестрейд.

В комнате послышался слабый стон и шорох. Холмс ударил ногой чуть повыше замка, и дверь распахнулась настежь. Держа револьверы наготове, мы ворвались туда.

Но дерзостного негодяя, за которым мы охотились, не оказалось и тут. Вместо него глазам нашим предстало нечто до такой степени странное и неожиданное, что мы замерли на месте.

Эта комната представляла собой маленький музей. Ее стены были сплошь заставлены стеклянными ящиками, где хранилась коллекция мотыльков и бабочек — любимое детище этой сложной и преступной натуры. Посередине поднималась толстая подпорка, подведенная под трухлявые балясины потолка. И у этой подпорки стоял человек, привязанный к ней простынями, которые укутывали его с головы до ног, так что в первую минуту даже нельзя было разобрать, кто это — мужчина или женщина. Одно полотнище шло вокруг шеи, другое закрывало нижнюю часть лица, оставляя открытыми только глаза, которые с немым вопросом смотрели на нас, полные ужаса и стыда. В мгновение ока мы сорвали эти путы, вынули кляп, и к нашим ногам упала не кто иная, как миссис Стэплтон. Голова ее опустилась на грудь, и я увидел красный рубец у нее на шее от удара плетью.

— Мерзавец!—крикиул Холмс.—Лестрейд, где коньяк? Посадите ее иа стул. Такие пытки кого угодно доведут до обморока!

Миссис Стэплтои открыла глаза.

— Ои спасся? — спроснла она.— Ои убежал?

— От иас ои иикуда не убежит, сударыия.

— Нет, нет, я ие про мужа. Сэр Геири... спасся?

— Да.

— А собака?

— Убнта.

У нее вырвался долгий вздох облегчеиня.

— Слава богу! Слава богу! Негодяй! Смотрите, что ои со миой сделал! — Она засучила оба рукава, и мы увидели, что ее руки все в сиияках.— Но это еще иичего... это ннчего. Он истерзал, он опоганил мою душу. Пока у меня теплилась надежда, что этот человек любнт меня, я все сиосила, все: дуриое обращенне, одиночество, жизнь, полиую обмана... Но ои лгал мие, я была орудием в его руках! — Она ие выдержала н разрыдалась.

— Да, сударыня, у вас иет иикаких основаиий желать ему добра,— сказал Холмс.— Так откройте же, где его искать. Если вы были его сообщницей, воспользуйтесь случаем загладнть свою вниу — помогите нам.

— Он может спрятаться только в одиом месте, больше ему некуда деваться,— ответила она.— В самом сердце трясиины есть островок, иа котором был когда-то рудиик. Там он н держал свою собаку, и там у иего все было приготовлено иа тот случай, если придется бежать.

Холмс посветил в окно лампой. Туман, словио белая вата, лип к стеклу.

— Смотрите,— сказал он.— Сегодия иочью никто ие сможет пробраться на Гримпеискую трясниу.

Миссис Стэплтои рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза ее сверкиули иедобрым огием.

— Туда-то ои иайдет дорогу, а обратно не выберется! — воскликиула оиа.— Разве в такую иочь разглядишь вехи? Мы ставили их вместе, чтобы иаметить тропу через трясину. Ах, почему я ие догадалась убрать их сегодия! Тогда ои был бы в вашей власти!

При таком тумане о погоне нечего было и думать. Мы оставили Лестрейда полновластным хозяином Меррипит-хауса, а сами вместе с сэром Генри вернулись в Баскервиль-холл. Скрывать от него историю Стэплтонов больше было нельзя. Узнав всю правду о любимой женщине, он мужественно принял этот удар.

Однако пережитое ночью потрясение не прошло даром для баронета. К утру он уже лежал без памяти в горячке под надзором доктора Мортимера. В дальнейшем им обоим было суждено совершить кругосветное путешествие, и только после него сэр Генри снова стал тем же веселым, здоровым человеком, каким приехал когда-то в Англию наследником этого злополучного поместья.

А теперь мое странное повествование быстро подходит к концу. Записывая его, я старался, чтобы читатель делил вместе с нами все те страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали нашу жизнь и завершились такой трагедией.

К утру туман рассеялся, и миссис Стэплтон проводила нас к тому месту, где начиналась тропинка, ведущая через трясину. Эта женщина с такой охотой и радостью направляла нас по следам мужа, что нам только тогда и стало ясно, как страшна была ее жизнь. Мы расстались с ней на узкой торфяной полоске, полуостровом вдававшейся в трясину. Маленькие прутики, воткнутые то там, то сям, намечали тропу, извивающуюся зигзагами от кочки к кочке, между затянутыми зеленью окнами, которые преградили бы путь всякому, кто был незнаком с этими местами. От гниющего камыша и покрытых илом водорослей над трясиной поднимались тяжелые испарения. Мы то и дело оступались, уходя по колено в темную зыбкую топь, мягкими кругами расходившуюся на поверхности. Вязкая жижа присасывалась к нашим ногам, и ее хватка была настолько сильна, что казалось, чья-то цепкая рука тянет нас в эти мерзостные глубины. На глаза нам попалось только одно-единственное доказательство, что не мы первые идем по этому опасному пути. На кочке, поросшей болотной травой, лежало что-то темное. Потянувшись туда, Холмс сразу

ушел по пояс в тину, и если б не мы, вряд ли ему удалось бы когда-нибудь почувствовать под ногой твердую землю. Он держал в руке старый черный башмак. Внутри была метка: «Мейерс. Торонто».

— Из-за такой находки стоило принять грязевую ванну. Вот он, пропавший башмак нашего друга!

— Брошенный второпях Стэплтоном?

— Совершенно верно. Он дал собаке понюхать его, когда наводил ее на след сэра Генри, и так и убежал с ним, а потом бросил. Теперь мы, по крайней мере, знаем, что до этого места он добрался благополучно.

Но больше нам ничего не удалось узнать, хотя догадываться мы могли о многом. Разглядеть на тропинке следы не было никакой возможности — их сразу же затягивало тиной. Мы решили, что они обнаружатся на более сухом месте, однако все поиски были тщетны. Если земля говорила правду, то Стэплтону так и не удалось добраться до своего убежища на островке, к которому он стремился в ту памятную нам туманную ночь. Этот холодный, жестокий человек был навеки погребен в самом сердце зловонной Гримпенской трясины, засосавшей его в свою бездонную глубину.

Мы нашли немало его следов на опоясанном топью островке, где он прятал своего страшного сообщника. Огромный ворот и шахта, до половины заваленная щебнем, говорили, что когда-то здесь был рудник. Рядом с ним стояли развалившиеся лачуги рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда ядовитые болотные испарения. В одной из этих лачуг мы нашли кольцо в стене, цепь и множество обглоданных костей. Здесь, вероятно, Стэплтон и держал своего пса. Среди мусора валялся скелет собаки с оставшимся на нем клочком рыжей шерсти.

— Боже мой! — воскликнул Холмс.— Да это спаниель! Бедный Мортимер больше никогда не увидит своего любимца. Ну что ж, теперь, я думаю, этот островок открыл нам все свои тайны. Спрятать собаку было нетрудно, а вот попробуйте заставить ее молчать! Отсюда и шел этот вой, от которого людям даже днем становилось не по себе. В случае крайней необходимости Стэплтон мог бы перевести собаку в сарай, поближе к дому, но на такой риск можно было пойти только в самую

критическую минуту, в расчете на близкую развязку. А вот эта паста в жестянке — тот самый светящийся состав, которым он смазывал своего пса. Его натолкнуло на эту мысль не что иное, как легенда о чудовищной собаке Баскервилей, и он решил разделаться таким способом с сэром Чарльзом. Теперь не удивительно, что злосчастный каторжник с воплями пустился наутек, когда эдакое страшилище выскочило на него из темноты. Точно так же поступил и наш друг, да и мы сами были недалеки от этого. Стэплтон хитро придумал! Уж не говоря о том, что собака помогла бы ему убить его жертву, кто из здешних фермеров решился бы поближе познакомиться с ней? С такой тварью достаточно и одной встречи. А ведь ее многие видели на болотах. Я говорил об этом в Лондоне, Уотсон, и повторяю опять: нам никогда не приходилось иметь дело с человеком более опасным, чем тот, кто лежит теперь там! — И он показал на зелено-бурую трясину, уходившую вдаль, к пологим склонам торфяных болот.

ГЛАВА XV

ВЗГЛЯД НАЗАД

Был конец ноября. Ненастным, туманным вечером мы с Холмсом сидели у пылающего камина в кабинете на Бейкер-стрит. Со времени трагедии, которая завершила нашу поездку в Девоншир, мой друг успел расследовать два очень серьезных дела. В первом из них ему удалось разоблачить полковника Эпвуда, замешанного в скандале, разыгравшемся за карточным столом в клубе «Патриций», во втором — полностью снять с несчастной мадам Монпенсье обвинение в убийстве падчерицы, молоденькой мадемуазель Карэр, которая, как известно, полгода спустя объявилась в Нью-Йорке и благополучно вышла там замуж. После успешного разбора двух таких трудных и серьезных дел Холмс был в прекрасном расположении духа, и, пользуясь этим, я решил выведать у него некоторые подробности загадочной баскервильской истории. Я терпеливо ждал своего часа, зная, что Холмс не любит держать в голове сразу по нескольку дел и что его ясный, логический ум не станет

отвлекаться от текущей работы ради воспоминаний о прошлом.

В эти дни в Лондоне как раз были сэр Генри и доктор Мортимер, готовившиеся к далекому путешествию, которое врачи предписали баронету для укрепления расшатанной нервной системы. Утром они нанесли нам визит, так что у меня был хороший повод завести разговор на нужную тему.

— С точки зрения человека, имеющего себя Стэплтоном, события разворачивались как по-писаному,— начал Холмс,— но нам все это казалось чрезвычайно сложным, потому что мы не имели тогда ни малейшего понятия, чем он руководствуется в своих действиях, и знали только кое-какие факты. С тех пор у меня было два разговора с миссис Стэплтон, и все разъяснилось. Думаю, что теперь загадок уже нет. Можете посмотреть мои заметки по этому делу в картотеке под литерой «Б».

— А может, вы изложите ход событий просто по памяти?

— С удовольствием, хотя и не ручаюсь, что вспомню все подробности. Когда сосредоточишься на чем-нибудь одном, прошлые помыслы улетучиваются из головы. Адвокат, знающий назубок свое очередное дело и ломающий из-за него копья в суде, недели через две начисто все забывает. Так и у меня: каждое новое расследование вытесняет из памяти предыдущее, и мадемуазель Карэр своей персоной заслонила в моем сознании Баскервиль-холл. Завтра передо мной, может быть, встанет следующая загадка, которая, в свою очередь, заслонит очаровательную француженку и шулера Эпвуда. Но я все-таки постараюсь изложить вам всю эту историю, а если я что-нибудь забуду, вы мне подскажете.

Наведенные справки окончательно убедили меня, что фамильный портрет не лгал и что этот человек действительно из рода Баскервилей. Он оказался сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, которому пришлось бежать в Южную Америку, где он и женился, и после него остался сын, носивший отцовскую фамилию. Сей небезызвестный вам молодчик женился на некой Бэрил Гарсиа, одной из красавиц Коста-Рики,

растратил казеииые деиьги и, переменив фамилию иа Ванделер, бежал в Аиглию, где вскоре открыл школу в восточной части Йоркшира. Этот род деятельности он избрал потому, что сумел воспользоваться знаииями и опытом одного учителя, с которым позиакомился в пути. Но его компаньон Фрезер был в последнем градусе чахотки и вскоре умер. Дела школы шли все хуже и хуже, а конец у иее был совсем бесславиый. Супруги Ванделер сочли за благо перемеиить фамилию и с тех пор стали именоваться Стэплтонами. В дальиейшем Стэплтон вместе с остатками своего состояиия, новыми планами иа будущее и страстью к эитомологии перебрался иа юг Аиглии. Я иаводил справки в Британском музее и выясиил, что Ванделер считался призиаииым авторитетом в своей области и что его имя было присвоеио одной иочиой бабочке, описаиной им еще в Йоркшире.

Теперь мы дошли до того периода его жизни, который оказался столь интересным для нас. Этот человек, по-видимому, разузнал, что между ним и крупиым поместьем стоят всего лишь две жизни. Когда ои собрался в Девоишир, его плаиы были, вероятно, еще весьма тумаины, ио недобрый замысел зрел — иедаром он с самого иачала выдал свою жеиу за сестру. Мысль воспользоваться ею в качестве приманки овладела им сразу, хотя ои, может быть, еще и ие представлял себе, как все сложится в дальнейшем. Его цель была — получить поместье; ради этого ои ие стесиялся в средствах и шел иа любой риск. Итак, для иачала иадо было поселиться как можно ближе к Баскервиль-холлу, а потом завязать дружеские отиошения с сэром Чарльзом и с другими соседями.

Бароиет сам рассказал ему предание о собаке и, таким образом, ступил иа свой смертиый путь. Стэплтон, как я его по-прежнему буду называть, знал, что у старика больиое сердце и что снльиое потрясение может убить его. Все это ои слышал от доктора Мортимера. Кроме того, ему стало известно, что сэр Чарльз — человек суеверный и придает большое зиачение этой мрачной легеиде. Изворотливый ум Стэплтоиа иемедленно подсказал ему способ, каким можио убить бароиета и остаться самому вие подозрений.

Выработав план действий, Стэплтон приступил к его осуществлению со всей изощренностью, свойственной его натуре. Заурядный преступник удовольствовался бы в таком случае просто злой собакой, но Стэплтона осенила гениальная мысль — сделать из нее исчадие ада. Он купил этого пса в Лондоне у Росса и Менгласа, на Фулем-роуд, выбрав самого крупного и самого свирепого из всех, какие там были. Потом приехал с ним в Девоншир по северной линии и сделал немалый конец пешком через болота, чтобы провести его домой незаметно. Во время своих экскурсий за бабочками он нашел путь в глубь Гримпенской трясины, а более надежного места для собаки нельзя и придумать. Он посадил ее там на цепь и стал ждать удобного случая.

Но такой случай долго не представлялся: сэра Чарльза нельзя было выманить ночью за пределы усадьбы. Стэплтон не раз подстерегал старика, держа собаку наготове, но все было тщетно. Вот во время этих бесплодных блужданий по болотам он, вернее, его сообщник, и попался на глаза кое-кому из тамошних фермеров, и легенда о чудовищном псе получила новое подтверждение. Тогда Стэплтон возложил все свои надежды на жену, но на сей раз она проявила неожиданную твердость характера. Миссис Стэплтон наотрез отказалась пускать в ход свои чары против старика, зная, что это может погубить его. Ни угрозы, ни даже — увы! — побои, ничто не помогало. Она не хотела принимать участие в кознях мужа, и на время Стэплтон оказался в тупике.

Но выход из этого тупика был найден. Сэр Чарльз проникся дружескими чувствами к Стэплтону и послал его в качестве своего посредника к миссис Лоре Лайонс. Выдав себя за холостяка, Стэплтон совершенно покорил эту несчастную женщину и дал ей понять, что женится на ней, если она добьется развода. И тут же вскоре выяснилось, что надо действовать безотлагательно: сэр Чарльз собрался в Лондон по настоянию доктора Мортимера, с которым Стэплтон для видимости соглашался. Нельзя было терять ни минуты, иначе жертва могла ускользнуть. Стэплтон заставил миссис Лайонс написать сэру Чарльзу письмо, в котором она умоляла старика дать ей возможность повидаться с ним накануне его отъезда из Баскервиль-холла. Потом под

благовидиым предлогом ои уговорил ее не ходить на свидание, и вот долгожданный случай представился.

Вернувшись вечером из Кумб-Треси, Стэплтои успел сбегать за собакой, смазал ее этим адским составом и привел на то место, куда должен был прийти старик. Собака, иатравленная хозяиом, перемахиула через калитку и помчалась за несчастным баронетом, который с криками бросился бежать по тисовой аллее. Представляю себе, какое это было страшное зрелище! Кругом темиота, и в этой темиоте за тобой мчится что-то огромное со светящейся мордой и огиеиными глазами. Сердце у баронета не выдержало, и он упал мертвый в самом конце аллеи. Собака неслась за ним по узкой полоске дерна, и поэтому на дорожке ие было никаких следов, кроме человеческих. Когда сэр Чарльз упал, оиа, вероятио, обиюхала его, ио ие стала трогать мертвеца и убежала. Вот эти следы и заметил доктор Мортимер. Стэплтон подозвал своего пса и поторопился увести его назад, в глубь Гримпенской трясины. Таково происхождеиие этой загадки, которая сбила с толку полицию, переполошила всех окрестных жителей и, наконец, была представлена на наше рассмотреиие.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы понимаете, с какой дьявольской хитростью этот человек обделал свое дело! Ведь уличить преступиика не представлялось возможным! Соучастиик у него был только один, причем такой, который ие выдаст, а непостижимый, фаитастический характер всего замысла и вовсе запутал расследоваиие. Обе женщины, замешаиные в это дело, миссис Стэплтои и миссис Лора Лайонс, подозревали, кто истиииый виновник смерти сэра Чарльза. Миссис Стэплтои знала, что муж строит козии против старика, знала и о существоваиии собаки. Миссис Лайоис не имела ии малейшего поиятия ни о том, ни о другом, но ее поразило, что смерть сэра Чарльза совпала по времеии с иесостоявшейся встречей у калитки, о которой, кроме Стэплтона, никто не знал. Но обе они были всецело под его влияиием, и он мог не бояться их. Таким образом, первая половина задачи была выполиена успешно, оставалась вторая — куда более трудиая.

Очень возможно, что сначала Стэплтон даже не подозревал о существовании наследника в Канаде. Но он не замедлил узнать об этом от своего приятеля, доктора Мортимера, который заодно уведомил его и о дне приезда Генри Баскервиля. Прежде всего ему пришла в голову мысль, нельзя ли будет разделаться с этим молодым канадцем в Лондоне до того, как он приедет в Девоншир. Жене Стэплтон больше не доверял, помня, что она отказалась завлечь в свои сети старика Баскервиля. Оставлять ее надолго одну он тоже не решался: так можно было совсем утратить над ней власть. Пришлось ехать в Лондон вместе. Они остановились, как я потом выяснил, в гостинице «Мексборо», на Крэвен-стрит, куда Картрайт тоже заходил в поисках нарезанной страницы «Таймса». Стэплтон держал жену взаперти в номере, а сам, приклеив фальшивую бороду, ходил по пятам за доктором Мортимером — на Бейкер-стрит, на вокзал, в гостиницу «Нортумберленд». Миссис Стэплтон подозревала, какие планы строит ее супруг, но она испытывала такой страх перед ним — страх, рожденный его жестокостью,— что не решалась написать сэру Генри о грозящей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стэплтона, кто бы мог поручиться за ее жизнь? В конце концов, как мы уже знаем, она пошла на хитрость: вырезала нужные слова из газеты и написала адрес измененным почерком. Письмо дошло до баронета и послужило ему первым предостережением.

Стэплтону нужно было во что бы то ни стало раздобыть какую-нибудь вещь из туалета сэра Генри на тот случай, если придется пускать собаку по его следу. Действуя, как всегда, быстро и смело, он не стал медлить, и мы можем не сомневаться, что и коридорный и горничная в гостинице получили щедрую мзду за оказанную ему помощь. Увы! Первый башмак оказался ненадеванным и, следовательно, был непригоден. Он вернул его и взамен получил другой. Из этого факта я сделал очень важный вывод. Мне стало ясно, что мы имеем дело с настоящей собакой, ибо только этим можно было объяснить старания Стэплтона получить старый башмак. Чем нелепее и грубее кажется вам какая-нибудь деталь, тем больше внимания она заслуживает. Те обстоятельства, которые на первый взгляд лишь усложняют дело, чаще всего

приводят вас к разгадке. Надо только как следует, не по-дилетаитски разобраться в них.

На другое утро наши друзья пожаловали к нам, а Стэплтои следовал за ними издали в кэбе. Судя по многим признакам и хотя бы по тому, что он знал меня в лицо, знал и мой адрес, его карьера не ограничивалась баскервильским делом, я в этом почти уверен. Так, например, за последние три года в западных графствах было совершено четыре крупных ограбления, а преступников обнаружить не удалось. Последнее из них — это было в Фолкстоун-Корте в мае месяце — не обошлось без кровопролития. Грабитель в маске уложил выстрелом из револьвера мальчика-слугу, который застиг его. Теперь я не сомневаюсь, что Стэплтои поправлял таким способом свои расстроенные финансовые дела и что он уже давно был опасным преступником.

В его находчивости и дерзости мы могли убедиться в то утро, когда он так ловко улизнул от нас и потом назвался моим же именем, прекрасно зная, что я доберусь до этого кэбмена. И тогда Стэплтои понял: в Лондоне рассчитывать на успех нечего, так как за это дело взялся я. Он уехал в Дартмур и стал ждать приезда баронета.

— Постойте! — перебил я Холмса.— Вы совершенно точно изложили весь ход событий, но один пункт все же для меня неясен. Что стало с собакой, когда ее хозяин уехал в Лондон?

— Вопрос очень существенный, я сам этим интересовался. У Стэплтона, конечно, был какой-то сообщник, хотя вряд ли он делился с ним всеми своими планами: это значило бы полностью отдаться в его власть. Помните слугу в Меррипит-хаусе, старика Этони? Он жил у Стэплтонов несколько лет, еще в то время, когда у них была школа, и, конечно, знал, что они муж и жена. Так вот этот самый Этони исчез бесследно, в Англии его нет. Обратите также внимание на то, что имя Энтони встречается у нас довольно редко, а в Испании и в Латинской Америке Антонио попадаются на каждом шагу. Старик говорил по-английски не хуже миссис Стэплтон, но с тем же странным акцентом. Я сам видел, как он ходил в глубь Гримпенской трясины по тропинке, намеченной Стэплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсут-

ствие хозяина собаку кормил слуга Эитони, хотя, может статься, ему было иевдомек, с какой целью ее здесь держат.

Итак, Стэплтоны вериулись в Девоишир, а вскоре туда приехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о себе. Вы, вероятно, помните, что, разглядывая письмо, присланное сэру Генри, я заинтересовался, есть ли на нем водяные знаки. Я подиес листок к глазам и уловил легкий запах — от него пахло духами «Белый жасмин». Есть семьдесят три сорта духов, которые опытный сыщик должен уметь отличать один от другого. Я на собственном опыте убедился, что успешное расследование преступлений не раз зависело именно от этого. Если пахнет жасмином, значит, автор письма — женщина, а к тому времени Стэплтоны уже начинали интересовать меня. Итак, я понял, что собака существует на самом деле, и догадался, кто преступник, еще до своей поездки в Девоишир.

За Стэплтоном надо было установить слежку. Но если б я следил за ним, находясь в вашем обществе, он бы сразу насторожился. Пришлось обмануть всех, в том числе и вас. Я сказал, что останусь в Лондоне, а сам поехал следом за вами. Лишения, которые мне пришлось испытать, вовсе не так страшны, как вам кажется. Впрочем, подобные пустяки не должны мешать нашей работе. Я жил, собственно, в Кумб-Треси, а пещеру на болотах навещал лишь в тех случаях, когда требовалось быть поближе к месту действия. Картрайт приехал в Девоншир вместе со мной и, расхаживая повсюду под видом деревенского мальчика, оказал мне большую помощь. Кроме того, он снабжал меня едой и чистым бельем и следил за вами, когда я был занят Стэплтоном. Так что, как видите, все нити были у меня в руках.

Вы уже знаете, что ваши отчеты немедленно пересылались с Бейкер-стрит в Кумб-Треси. Я очень много из них почерпнул, особенно из того, где сообщался единственный подлинный эпизод из биографии Стэплтонов. После этого мне уже нетрудно было установить личность их обоих, и я понял, с кем имею дело. Однако расследование осложнялось одним побочным обстоятельством — бегством каторжника и связью между ним и Бэрриморами. Но вы распутали и этот узел, хотя я уже сам при-

шел к тем же выводам на основе собственных наблюдений.

К тому времени, когда вы отыскали меня в пещере на болотах, картина преступления стала окончательно ясна, но передавать это дело в суд было преждевременно. Даже неудачное покушение Стэплтона на сэра Генри, закончившееся гибелью злосчастного каторжника, не давало прямых улик. Оставался единственный выход: схватить его на месте преступления, выставив сэра Генри в качестве приманки. Баронет должен был идти один, якобы никем не охраняемый. Так мы и сделали и ценой тяжелого потрясения, пережитого нашим другом, не только завершили расследование, но и довели Стэплтона до гибели. Подвергнув своего клиента такому испытанию, я, конечно, вполне заслужил упрек в плохом ведении дела, но кто мог знать заранее, какое страшное, ошеломляющее зрелище предстанет нашим глазам, кто мог предвидеть, что ночью будет туман и собака выскочит из него прямо на нас! Мы достигли своей цели дорогой ценой, но оба врача — и специалист по нервным болезням и доктор Мортимер — уверяют меня, что сэр Генри скоро поправится. Путешествие поможет нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но и залечить сердечные раны. Ведь ему пришлось так обмануться в миссис Стэплтон, к которой он питал такие искренние и глубокие чувства! Это его больше всего и угнетает.

Теперь мне остается рассказать, какую роль сыграла она в этой мрачной истории. Я не сомневаюсь,что Стэплтон совершенно подчинил ее своему влиянию. Чем это объяснить? Любила она его или боялась, или и то и другое? Ведь эти чувства вполне совместимы. Во всяком случае, он действовал наверняка. Миссис Стэплтон согласилась выдать себя за его сестру, но стать прямой пособницей убийства все же отказалась наотрез, и тут ему пришлось убедиться, что его власть над ней не безгранична. Она не раз пыталась предупредить сэра Генри о грозящей ему опасности, но делала это так, чтобы не подвести мужа. Стэплтон, по-видимому, был способен на ревность, и когда баронет начал проявлять нежные чувства к даме своего сердца, Стэплтон не выдержал, хотя это входило в его планы, и выдал в бешеной вспышке всю страстность своей натуры, до тех пор

тщательно скрываемую. Тем не менее он продолжал поощрять ухаживания сэра Генри, рассчитывая, что тот будет частым гостем в Меррипит-хаусе и рано или поздно попадется ему в лапы. Но в самую решительную минуту жена взбунтовалась. Она прослышала о гибели беглого каторжника и узнала, что в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти к обеду, собаку перевели в сарай во дворе. Последовала бурная сцена. Миссис Стэплтон назвала мужа преступником и впервые услышала от него, что у нее есть соперница. Былая преданность уступила место ненависти. Стэплтон понял, что жена его выдаст, и связал ее, чтобы она не могла предостеречь сэра Генри. Все его расчеты основывались на том, что, узнав о смерти баронета, в графстве вспомнят о проклятии, тяготеющем над родом Баскервилей, а тогда он снова добьется от жены повиновения и заставит ее молчать. Стэплтон и тут просчитался. Его судьба была решена и без нашего вмешательства. Женщина, в жилах которой течет испанская кровь, не простила бы ему измены...

Вот и все, дорогой мой Уотсон. А если вам нужен более подробный отчет об этом из ряда вон выходящем деле, то мне придется заглянуть в свои записи. Но я, кажется, ничего существенного не упустил.

— Неужели Стэплтон надеялся, что сэр Генри тоже умрет от страха при виде этого пугала?

— Собака была совершенно дикая, кроме того, он держал ее впроголодь. Если б сэр Генри не умер на месте, то, во всяком случае, такое страшное зрелище могло бы парализовать его силы и он не оказал бы никакого сопротивления.

— Да, пожалуй. Теперь остается только один вопрос. Если бы Стэплтон доказал свои права на владение Баскервиль-холлом, как бы ему удалось объяснить тот факт, что он, наследник, жил под чужим именем да еще так близко от поместья? Неужели это не возбудило бы подозрений?

— На этот вопрос я вряд ли смогу вам ответить: вы слишком многого от меня требуете. Моя сфера деятельности — прошлое и настоящее. Что человек собирается делать в будущем — это я не берусь решать. По словам миссис Стэплтон, ее супруг думал об этом не раз. Он мог

найтн трн выхода. Первый: уехать в Южную Америку, установнть там свою личность в брнтанском консульстве н затребовать наследство оттуда, не прнезжая в Англню. Второй: проделать все это в Лондоне, предварнтельно нзменнв себя до неузнаваемостн. И третнй: выдать за наследника подставное лнцо, снабднв его всемн необходнмымн документамн, а себе выговорнть за это нзвестную часть доходов. Зная Стэплтона, мы можем не сомневаться, что тот нлн нной выход нз положення был бы найден.

А теперь, друг мой, обратнмся мыслямн к предметам более приятным. Несколько недель такого тяжелого труда дают нам право на свободный вечер. Я взял ложу в оперу. Вы слушалн де Рецке в «Гугенотах»? Так вот, будьте любезны собраться в теченне получаса. Еслн успеете, мы заедем по дороге к Марцннн н не торопясь пообедаем там.

Его прощальный поклон

В СИРЕНЕВОЙ СТОРОЖКЕ

1

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С МИСТЕРОМ ДЖОНОМ СКОТТ-ЭКЛСОМ

Я читаю в своих записях, что было это в пасмурный и ветреный день в конце марта тысяча восемьсот девяносто второго года. Холмс, когда мы с ним завтракали, получил телеграмму и тут же за столом написал ответ. Он ничего не сказал, но дело, видно, не выходило у него из головы, потому что потом он стоял с задумчивым лицом у огня, куря трубку, и все поглядывал на телеграмму. Вдруг он повернулся ко мне с лукавой искрой в глазах.

— Полагаю, Уотсон, мы вправе смотреть на вас как на литератора,— сказал он.— Как бы вы определили слово «дикий»?

— Первобытный, неприрученный, затем — странный, причудливый,— предложил я.

Он покачал головой.

— Оно заключает в себе кое-что еще,— сказал он.— Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое. Припомните иные из тех рассказов, посредством которых вы испытываете терпение публики,— и вы сами увидите, как часто под диким крылось преступное. Поразмыслите над этим «делом рыжих». Поначалу оно рисовалось просто какой-то дичью, а ведь разрешилось попыткой самого дерзкого ограбления. Или эта дикая история с пятью апельсиновыми зернышками, которая раскрылась как

заговор убийц. Это слово заставляет меня насторожиться.

— А оно есть в телеграмме?

Он прочитал вслух:

— «Только что со мной произошла совершенно дикая, невообразимая история. Не разрешите ли с вами посоветоваться?

Скотт-Эклс.
Чаринг-Кросс, почтамт».

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Мужчина, конечно. Женщина никогда бы не послала телеграммы с оплаченным ответом. Просто приехала бы.

— Вы его примете?

— Дорогой мой Уотсон, вы же знаете, как я скучаю с тех пор, как мы посадили за решетку полковника Каруэрса. Мой мозг, подобно перегретому мотору, разлетается на куски, когда не подключен к работе, для которой создан. Жизнь — сплошная пошлость, газеты выхолощены, отвага и романтика как будто навсегда ушли из преступного мира. И вы еще спрашиваете, согласен ли я ознакомиться с новой задачей, хотя бы она оказалась потом самой заурядной! Но если я не ошибаюсь, наш клиент уже здесь.

На лестнице послышались размеренные шаги, и минутой позже в комнату вошел высокий, полный, седоусый и торжественно благопристойный господин. Тяжелые черты его лица и важная осанка без слов рассказывали его биографию. Все — от гетр до золотых его очков — провозглашало, что перед вами консерватор, верный сын церкви, честный гражданин, здравомыслящий и в высшей степени приличный. Но необыденное происшествие, как видно, возмутило его прирожденное спокойствие и напомнило о себе взъерошенной прической, горящими сердитыми щеками и всей его беспокойной, возбужденной манерой. Он немедленно приступил к делу.

— Со мной произошел очень странный и неприятный случай, мистер Холмс,— сказал он.— Никогда за всю свою жизнь я не попадал в такое положение. Такое... непристойное, оскорбительное. Я вынужден настаивать

иа каком-то разъясиеиии.— Ои сердито отдувался и пыхтел.

— Садитесь, мистер Скотт-Эклс, прошу,— сказал успокоительио Холмс.— Прежде всего позвольте спросить, почему вообще вы обратились ко мие?

— Поиимаете, сэр, дело тут явио такое, что полиции оио ие касается; и все же, когда вы узиаете все факты, вы, коиечио, согласитесь, что я ие мог оставить это так, как есть. На частиых сыщиков, как иа извеетиую категорию, я смотрю иеодобрительио, ио тем ие меиее все, что я слышал о вас...

— Ясио. А во-вторых, почему вы ие пришли ко мие сразу же?

— Позвольте, как вас поиять?

Холмс поглядел иа часы.

— Сейчас четверть третьего,— сказал ои.— Ваша телеграмма была отправлеиа в час дия. Между тем, посмотрев иа вашу одежду и иа весь ваш туалет, каждый скажет, что иелады у вас иачались с первой же мииуты пробуждеиия.

Наш клиеит провел рукой по своим иечесаиым волосам, по иебритому подбородку.

— Вы правы, мистер Холмс. Я и ие подумал о своем туалете. Я рад был уже и тому, что выбрался из такого дома. А потом я бегал иаводить справки и уж только после этого поехал к вам. Я обратился, зиаете, в земельиое агеитство, и там мие сказали, что мистер Гарсия платит аккуратио и что с Сиреиевой Сторожкой все в порядке.

— Позвольте, сэр! — рассмеялся Холмс.— Вы совсем как мой друг, доктор Уотсои, который усвоил себе скверную привычку вести свои рассказы ие с того коица. Пожалуйста, соберитесь с мыслями и изложите мие в должиой последовательиости самое существо тех событий, которые погиали вас, иечесаиого, в иепочищеииом платье, в застегиутых иаискось гетрах и жилете, искать совета и помощи.

Наш клиент сокрушеиио оглядел свой ие совсем благопристойный туалет.

— Что и говорить, мистер Холмс, это должио производить иеприятиое впечатлеиие, и я ие припомию, чтобы когда-иибудь за всю мою жизиь мие случилось показы-

ваться на людях в таком виде; но я расскажу вам по порядку всю эту нелепую историю, и, прослушав меня, вы, я уверен, согласитесь, что у меня есть достаточное оправдание.

Но его прервали, не дав даже начать рассказ. В коридоре послышался шум, и миссис Хадсон, отворив дверь, впустила к нам двух крепких, военной осанки, мужчин, одним из которых оказался наш старый знакомец инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда, энергичный, храбрый и при некоторой ограниченности все же способный работник сыска. Он поздоровался с Холмсом за руку и представил ему своего спутника — полицейского инспектора Бэйнса из графства Суррей.

— Мы вместе идем по одному следу, мистер Холмс, и он привел нас сюда.— Он навел свой бульдожий взгляд на нашего посетителя.— Вы мистер Джон Скотт-Эклс из Попем-хауса в Ли?

— Он самый.

— Мы вас разыскиваем с раннего утра.

— И нашли вы его, конечно, по телеграмме,— сказал Холмс.

— Точно, мистер Холмс. Мы напали на след в Чаринг-Кроссе, на почтамте, и вот явились сюда.

— Но зачем вы меня разыскиваете? Что вам от меня нужно?

— Нам, мистер Скотт-Эклс, нужно получить от вас показания о событиях, которые привели этой ночью к смерти господина Алонсио Гарсии, проживавшего в Сиреневой Сторожке под Эшером.

Наш клиент с застывшим взглядом выпрямился в кресле, и вся краска сбежала с его изумленного лица.

— Умер? Он, вы говорите, умер?

— Да, сэр, он умер.

— Но отчего? Несчастный случай?

— Убийство, самое несомненное убийство.

— Боже правый! Это ужасно! Вы не хотите сказать... не хотите сказать, что подозрение падает на меня?

— В кармане убитого найдено ваше письмо, и мы таким образом узнали, что вчера вы собирались приехать к нему в гости и у него заночевать.

— Я так и сделал.

— Ага! Вы так и сделали?

Инспектор достал свой блокнот.

— Минуту, Грегсон,— вмешался Холмс.— Все, что вам нужно,— это просто снять показания, не так ли?

— И я обязан предупредить мистера Скотт-Эклса, что они могут послужить свидетельством против него же.

— Когда вы вошли сюда, мистер Эклс как раз и собирался рассказать нам об этом. Думаю, Уотсон, коньяк с содовой ему не повредит. Я предложил бы вам, сэр, не смущаться тем, что слушателей стало больше, и вести свой рассказ в точности так, как вы его вели бы, если бы вас не прервали.

Наш посетитель залпом выпил свой коньяк, и краска снова проступила на его лице. С сомнением покосившись на инспекторский блокнот, он сразу приступил к своим необычайным показаниям.

— Я холост,— объявил он,— и так как человек я по натуре общительный, у меня широкий круг друзей. В числе моих друзей я могу назвать и семью одного отошедшего от дел пивовара, мистера Мелвила, проживающего в Кенсингтоне, в собственном доме. За их столом я и познакомился недели три тому назад с молодым человеком по фамилии Гарсйя. Родом он был, как я понимаю, испанец и был как-то связан с посольством. Он в совершенстве владел английским языком, обладал приятными манерами и был очень хорош собой — я в жизни своей не видел более красивого мужчины.

Мы как-то сразу подружились, этот молодой человек и я. Он как будто с самого начала проникся ко мне симпатией и на второй же день после того, как мы с ним познакомились, он навестил меня в Ли. Раз навестил, другой, потом, как водится, и сам пригласил меня к себе погостить у него в Сиреневой Сторожке, что между Эшером и Оксшоттом. Вчера вечером я и отправился, следуя этому приглашению, в Эшер.

Приглашая, он расписывал мне, как у него поставлен дом. По его словам, он жил с преданным слугой, своим соотечественником, который его избавил от всех домашних забот. Этот слуга говорит по-английски и сам ведет все хозяйство. И есть у него, сказал он, удивительный повар-мулат, которого он выискал где-то в своих путешествиях и который умеет подать гостям превосходный обед. Помню, он еще заметил, что и дом его и этот штат при-

слугн покажутся мне необычнымн — не каждый день встретншь подобное в англнйском захолустье, н я с нним согласнлся, но все же они оказалнсь куда более необычнымн, нежели я ожндал.

Я приехал туда — это за Эшером, мнли две к югу. Дом довольно большой, стоит немного в стороне от шоссе, подъездная дорога ндет полукругом через высокнй вечнозелеиый кустарник. «Сторожка» оказалась старым, обветшалым строением, донельзя запущениым. Когда шарабан, прокатнв по заросшей травой подъездной дороге, остаиовился перед измызгаииой, в дождевых подтеках дверью, меня взяло сомиение, умио лн я поступнл, прнехав в гостн к человеку, с которым так мало знаком. Он, однако, сам отворнл мне дверь, поздоровался со миой очеиь радушио. Меня препоручнлн слуге—угрюмому, чернявому субъекту, который, подхватнв мой чемодаи, провел меия в мою спальию. Все в этом доме производнло гиетущее впечатление. Мы обедали вдвоем, н хотя мой хозяин старался как мог занимать меня разговором, что-то, казалось, все время отвлекало его мысли, н говорил ои так туманно и бессвязио, что я с трудом его поиимал. Он то н дело прнннмался постукнвать пальцами по столу, грыз иогти и выказывал другие признаки нервозностн н нетерпення. Сам по себе обед прноготовлен был очеиь иеважно да и сервирован неумело, а прнсутствне мрачного н молчаливого слугн отнюдь не оживляло его. Смею вас уверить, мие ие раз в течеине вечера хотелось нзобрести какой-нибудь благопрнлнчиый предлог н вернуться в Лн.

Одиа вещь приходит мне на память, возможно, нмеющая отношенне к тому делу, по которому вы, джентльмены, ведете расследованне. В то время я не прндал ей зиачения. К коицу обеда слуга подал хозяину запнску. Я обратил внимаиие, что, прочнтав ее, хозяин стал еще более рассеян и странен, чем раиьше. Он перестал даже хотя бы для вндимости поддерживать разговор — только сндел, погруженный в свон мыслн, н курнл снгарету за снгаретой, ни слова, однако, не сказав насчет той запнски. В одиннадцать я с радостью пошел к себе и лег спать. Некоторое время спустя Гарсня заглянул ко мне — у меня в это время был уже потушен свет — н, стоя в дверях, спроснл, не звонил лн я. Я сказал, что нет. Он нзвинил-

ся, что обеспокоил меня в такое позднее время, и добавил, что уже без малого час. Я после этого сразу засиул и крепко спал до утра.

И вот тут и пойдут в моем рассказе всякие удивительные вещи. Я проснулся, когда уже давно рассвело. Смотрю на часы, оказалось без пятн девять. Я настоятельно просил разбудить меня в восемь, и такая нерадивость очень меня удивила. Я вскочил и позвонил в звонок. Слуга не явился. Звоню еще и еще раз — никакого ответа. Тогда я решил, что звонок испорчен. Наспех оделся и в крайне дурном расположении духа сошел вниз истребовать горячей воды. Можете себе представить, как я был поражен, никого не застав на месте. Захожу в переднюю, звоню — ответа нет. Тогда я стал бегать из комнаты в комнату. Нигде никого. Накануне мой хозяин показал мне свою спальню, так что я знал, где она, и постучал к нему в дверь. Никто не отозвался. Я повернул ручку и вошел. В комнате никого, а на постели, как видно, и не спали. Он пропал со всеми вместе. Хозяин-иностранец, иностранец лакей, иностранец повар — все исчезли за ночь! На том и кончилось мое знакомство с Скрипевой Сторожкой.

Шерлок Холмс потирал руки и посменвался, добавляя этот причудливый случай к своему подбору странных происшествий.

— С вами, как я понимаю, случилось нечто совершенно исключительное,— сказал он.— Могу я спросить вас, сэр, как вы поступили дальше?

— Я был взбешен. Моею первой мыслью было, что со мной сыграли злую шутку. Я уложил свои вещи, захлопнул за собой дверь и отправился в Эшер с чемоданом в руке. Я зашел к Братьям Аллеи — в главное земельное агентство по этому городку — и выяснил, что вилла снималась через их фирму. Мне подумалось, что едва ли такую сложную затею могли провести нарочно ради того, чтобы меня разыграть, и что тут, наверно, цель была другая: уклониться от арендной платы — вторая половина марта, значит, приближается срок квартального платежа. Но это предположение не оправдалось. Агент поблагодарил меня за предупредительность, сообщив, однако, что арендная плата внесена вперед. Я вернулся в Лондон и наведался в испанское посольство. Там этого человека не

знали. Тогда я поехал к Мелвилу, в доме у которого я познакомился с Гарсией, но убедился, что он знает об испанце даже меньше, чем я. И вот, получив от вас ответ на свою депешу, я приезжаю к вам, так как слышал, что вы можете подать совет в затруднительном случае жизни. Но теперь, господин инспектор, из того, что вы нам сообщили, когда вошли в эту комнату, я понял, что вы можете продолжить мой рассказ и что произошла какая-то трагедия. Могу вас заверить, что каждое сказанное мною слово — правда и что сверх того, что я вам рассказал, я ровно ничего не знаю о судьбе этого человека. У меня лишь одно желание — помочь закону чем только я могу.

— В этом я не сомневаюсь, мистер Скотт-Эклс, ничуть не сомневаюсь,— сказал инспектор Грегсон самым любезным тоном.— Должен отметить, что все, рассказанное вами, точно соответствует установленным нами фактам. Например, вы упомянули о записке, переданной за обедом. Вы случайно не заметили, что с ней произошло?

— Заметил. Гарсия скатал ее и бросил в огонь.

— Что вы на это скажете, мистер Бэйис?

Деревенский сыщик был крепкий толстяк, чье пухлое красное лицо казалось бы и вовсе простецким, если бы не пара необыкновенно ярких глаз, прячущихся в глубокой складке между толстых щек и нависших бровей. С медлительной улыбкой он вытащил из кармана скрученный и обесцвеченный листок бумаги.

— В камине там, мистер Холмс, колосники устроены на подставках, и он промахнулся — закинул записку слишком далеко. Я выгреб ее из-за подставок даже не обгоревшую.

Холмс одобрительно улыбнулся.

— Чтобы найти этот единственный уцелевший клочок бумаги, вы должны были самым тщательным образом обыскать весь дом.

— Так и есть, мистер Холмс. Это у меня первое правило. Прочитать, мистер Грегсон?

Лондонец кивнул головой.

— Писано на обыкновенной гладкой желтоватой бумаге без водяных знаков. Четвертинка листа. Отрезано в два надреза короткими ножничками. Листок был сло-

жеи втрое и запечатаи красно-фнолетовым сургучом, который иакапали второпях и прндавили каким-то овальным предметом. Адресоваио мистеру Гарсии, Сиреневая Сторожка. Текст гласнт:

«Цвета — иашн нсконные: зеленый н белый. Зелеиый — открыто, белый — закрыто. Парадиая лестница, второй этаж, первый корндор, седьмая иаправо, зеленое сукно. Да хранит вас бог. Д.». Почерк жеискнй. Текст иапнсаи острым пером, адрес же — либо другим пером, либо иаписал кто-то другой. Здесь, как вы вндите, почерк смелый и толще иажим.

— Очеиь иитересиая записка,— сказал Холмс, просмотрев ее сам.— Должеи вас похвалнть, мистер Бэйнс, за такое внимаине к деталям. Можно добавить разве что кое-какне мелочи. Овальиый предмет — иесомиенио, обыкиовеиная запоика для маижет — что другое может иметь такую форму? Ножиицы былн кривые, для ногтей. Как ин коротки два иадреза, вы ясио можете разглядеть на каждом однн н тот же легкнй нзгнб.

Деревенский сыщик усмехнулся.

— Я-то думал, что выжал из нее все, что можно,— сказал он,— а вот, оказывается, кое-что оставил н другим. Признаться, запнска эта мие иичего не говорнт, кроме того, что там что-то затевалось и что тут, как всегда, дело в жеищине.

Пока шел весь этот разговор, мистер Скотт-Эклс ерзал в своем кресле.

— Я рад, что вы иашли эту запнску, потому что оиа подтверждает мой рассказ,— сказал он.— Но разрешнте иапомнить, что я еще ие слышал, что же случилось с мнстером Гарсией и куда исчезли все слуги.

— Насчет Гарсии,— сказал Грегсои,— ответ простой. Его сегодия утром нашлн мертвым на Оксшоттском Выгоие в миле от его дома. Ему размозжили голову — дубасили чем-то тяжелым вроде мешка с песком или другого подобного орудия, чем-то, что ие режет, а скорей раздавливает. Место глухое, ии одного дома иа четверть мили вокруг. Первый удар был иаиесеи, очевндио, сзадн и сразу его свалил, ио потом его еще долго били уже мертвого. Нападенне совершеио было, как видно, в страшной злобе. Следов нникаких, никакого ключа к раскрытню преступиików.

— Ограблен?

— Нет; и ничего, что указывало бы на попытку ограбления.

— Весьма прискорбно, прискорбно и страшно,— сказал мистер Скотт-Эклс плаксивым голосом,— и какая же это неприятность для меня! Я тут совершенно ни при чем, если мой хозяин вышел ночью на прогулку и его постигла такая печальная судьба. И почему-то я оказался замешан в эту историю!

— Очень просто, сэр,— ответил инспектор Бэйис.— Единственным документом, какой нашли в кармане у покойника, было ваше письмо, сообщающее, что вы собираетесь к нему с ночевкой — как раз в ночь его смерти. По адресу на письме мы и узнали имя убитого и где он проживал. В десятом часу утра мы пришли в его дом и не застали ни вас, ни кого-либо другого. Я дал мистеру Грегсону телеграмму с просьбой, чтобы он разыскал вас в Лондоне, пока я проведу обследование в Сиреневой Сторожке. Затем я поехал в город, встретился с мистером Грегсоном — и вот мы здесь.

— Нам теперь следует,— заявил Грегсон,— оформить дело по всем правилам. Вы пройдете вместе с нами в полицию, мистер Скотт-Эклс, и мы снимем с вас показания в письменном виде.

— Конечно! Пойду сейчас же. Но я не отказываюсь от ваших услуг, мистер Холмс. Я хочу дознаться до истины и прошу вас не стесняться расходами и не щадить трудов.

Мой друг повернулся к деревенскому инспектору.

— Надеюсь, вы не будете возражать против моего сотрудничества с вами, мистер Бэйис?

— Почту за честь, сэр.

— До сих пор вы, я вижу, действовали быстро и толково. Разрешите спросить: есть ли данные, позволяющие уточнить час, когда его настигла смерть?

— Тело к часу ночи уже лежало там. С часу пошел дождь, а смерть наступила, несомненно, еще до дождя.

— Но это совершенно исключено, мистер Бэйис! — объявил наш клиент.— Его голос нельзя спутать ни с каким другим. Я могу подтвердить под присягой, что в час ночи я лежал в постели и не кто, как Гарсия, говорил со мной в моей спальне.

— Примечательно, но отнюдь не исключено,— сказал с улыбкой Холмс.

— Вы нашли разгадку? — спросил Грегсон.

— Дело выглядит не слишком сложным, хотя, конечно, в нем есть новые и любопытные черты. Необходимо собрать дополнительные данные, прежде чем я позволю себе вынести окончательное и определенное суждение. Кстати, мистер Бэйнс, вы при осмотре дома, кроме этой записки, не обнаружили ничего примечательного?

Сыщик посмотрел на моего друга каким-то особенным взглядом.

— Там есть,— сказал он,— очень даже примечательные вещи. Может быть, когда я управлюсь в полиции, вы съездите со мной на место и скажете мне, что вы о них думаете?

— Я весь к вашим услугам,— сказал Шерлок Холмс и позвонил.— Проводите джентльменов, миссис Хадсон, и пошлите мальчика на почту с этой телеграммой. Пять шиллингов на оплаченный ответ.

Когда посетители ушли, мы некоторое время сидели молча. Холмс жадно курил, сдвинув брови над своими пронзительными глазами и выдвинув голову вперед в характерном для него страстном напряжении мысли.

— Ну, Уотсон,— спросил он, вдруг повернувшись ко мне,— что вы об этом скажете?

— Насчет шутки с мистером Скотт-Эклсом не скажу вам ровно ничего.

— А насчет преступления?

— Поскольку все, проживавшие в доме, исчезли, я сказал бы, что они так или иначе причастны к убийству и сбежали от суда.

— Это, конечно, вполне возможное предположение. Однако, если его допустить, очень странным представится, что двое слуг, вступив в заговор против хозяина, почему-то нападают на него в ту единственную ночь, когда у него гость. Они могли разделаться с ним без помехи во всякую другую ночь.

— А почему же тогда они сбежали?

— Вот именно. Почему они сбежали? Это существенный факт. Другой существенный факт — замечательное происшествие с нашим клиентом, Скотт-Эклсом. Неужели, дорогой мой Уотсон, это вне пределов человече-

ской изобретательности — дать объясиеиие, которое могло бы связать эти два существенных факта? И еслн к тому же под него удастся подогнать и таиственную запнску, составленную в таких странных выражениях, что ж, тогда его бы стоило приинять как рабочую гипотезу. Если потом новые установлеииые иами факты все улягутся в схему, тогда иаша гипотеза может постепеино перейтн в решеиие.

— Но какова оиа, иаша гипотеза?

Холмс откннулся в кресле, полузакрыв глаза.

— Вы должиы согласиться, дорогой мой Уотсои, что о розыгрыше здесь и думать не приходится. Готовились серьезные дела, как показало дальнейшее, и то, что Скотт-Эклса заманили в Сиреиевую Сторожку, стоит с ними в прямой связи.

— Но какая здесь возможиа связь?

— Разберем шаг за шагом. Есть что-то иеестествеи-ное — это сразу видно — в страиной и виезапиой дружбе между молодым испанцем и Скотт-Эклсом. Почин принадлежит испанцу. Едва познакомившись, он на следующий же деиь едет к Эклсу в гости в другой конец Лондоиа и поддерживает с ним тесную связь, пока тот не приезжает к иему в Эшер. Что же ему было нужио от Эклса? Что Эклс мог ему дать? Я не вижу в этом человеке никакого обаяиия. Ои и умом ие блещет; и едва ли можно думать о духовиом сродстве между иим и человеком живого и тонкого латииского иителлекта. Почему же Гарсня из всех своих зиакомых избирает имеиио его как человека, особеино подходящего для его целей? Есть у него какое-нибудь выделяющее его качество? Я сказал бы, есть. Он воплощенная британская добропорядочность, как раз такой человек, какой в роли свидетеля должен импоиировать другому британцу. Вы сами видели, что его показаиия при всей их необычайиости ие виушили и тени сомнения ни одному из наших двух инспекторов.

— Но что он должен был засвидетельствовать?

— Как обериулось дело,— ничего, но сложись оио иначе,— все, что угодно. Так я толкую факты.

— Понятио. Он мог бы подтвердить алиби.

— Вот имеиио, мой дорогой Уотсон: ои мог бы подтвердить алиби. Допустим, в порядке обсуждения, что слуги в Сиреневой Сторожке все являются соучастника-

ми некоего заговора. Покушение, в чем бы оно ни заключалось, предполагалось совершить, скажем, до часу ночи. Возможно, что-нибудь подстроили с часами, и когда Скотт-Эклс ложился спать, было раньше, чем он думал; и уж, во всяком случае, очень вероятно, что когда Гарсия нарочно зашел к нему и сказал, что уже час ночи, на самом деле было не позже двенадцати. Если бы Гарсия успешно совершил намеченное дело, в чем бы оно ни состояло, и к часу вернулся бы домой, у него был бы, очевидно, убедительный ответ на обвинение. Был бы налицо этот англичанин безупречной репутации, готовый присягнуть на любом суде, что обвиняемый сидел все время дома. Это при самом дурном повороте давало некоторую гарантию.

— Да, конечно, тут мне все понятно. Но как объяснить исчезновение остальных?

— Я еще не располагаю всеми фактами, но думается, с этим едва ли возникнут неразрешимые трудности. Все же это ошибка — строить дедукцию до того, как получены достаточные данные. Незаметно для самого себя начинаешь их подгонять под свою схему.

— А записка?

— Как она гласила? «Цвета — наши исконные: зеленый и белый». Речь как будто о соревнованиях. «Зеленый — открыто, белый — закрыто». Это явно сигнализация. «Парадная лестница, второй этаж, первый коридор, седьмая направо, зеленое сукно». Это — указание места встречи. За всем этим, возможно, кроется ревнивый муж. Затеянное, во всяком случае, связано было с большой опасностью. Будь это иначе, она не добавила бы: «Да хранит вас бог». «Д.» — это то, что может навести на след.

— Гарсия — испанец. Я полагаю, «Д.» проставлено вместо «Долорес». В Испании это очень распространенное женское имя.

— Отлично, Уотсон, превосходно, но совершенно неприемлемо. Испанка писала бы испанцу по-испански. Записка бесспорно от англичанки. Итак, нам остается только набраться терпения и ждать, когда этот умница инспектор вернется за нами. А пока мы можем благодарить свою счастливую судьбу, что она на несколько часов избавила нас от невыносимой тягости безделья.

Наш суррейскнй нисиектор еще ие вернулся, когда прншел ответ на телеграмму Холмса. Он его прочел и уже хотел заложить в свою записиую кинжку, но, верио, заметил, как у меия вытяиулось лицо, и со смехом перебросил мие эту ответиую телеграмму.

— Мы вращаемся в высоких сферах,— сказал ои.

Телеграмма представляла собой перечень нмеи и адресов: «Лорд Харрингби — Ущелье. Сэр Джордж Фоллнот — Оксшоттскнй Замок. Мистер Хайнс Хайис, мировой судья — Парди-Плейс. Мистер Джеймс Бейкер Унльямс — Фортои, Старын Дом. Мнстер Хеидерсои — Дозориая Башня. Преподобиый Джошуа Стоуи — Ннжиий Уолслниг».

— Этнм и ограиичнвается иаше поле действий,— сказал Холмс.— Способ иапрашнвается сам собой. Бэйнс с его методическим умом, иесомиеиио, избрал подобный же плаи.

— Мне ие совсем ясио.

— Но, дорогой мой друг, мы ведь уже прншли к выводу, что в записке, которую Гарсия получнл за обедом, назиачалась какая-то встреча. Далее, еслн напрашнвающееся толковаиие правильно и для того, чтобы попасть на место тайиого свидания, иадо подняться с парадиого хода на второй этаж н искать седьмую дверь по коридору, то совершенио ясно, что дом очень большой. Столь же очевидио, что он стоит ие дальше, как в двух милях от Оксшотта, коль скоро Гарсня направнлся туда пешком и рассчитывал, по моему толкованию даниых, вовремя вернуться в Сиреневую Сторожку, пока в снле его алнби, то есть до часу ночн. Так как больших домов поблизости от Оксшотта, иаверио, ие так уж много, я прибег к простому, самоочевидному методу: запроснл агентство, упомянутое Скотт-Эклсом, н получнл нх спнсок. Здесь они все налнцо, в этой телеграмме, и наша запутаииая инть другим своим коицом уходнт в одни из иих.

Было около шести, когда мы добрались в сопровождении ииспектора Бэйнса до Эшера — славиого городка в графстве Суррей.

Мы с Холмсом прихватилн с собой все, что нужио для ночевки, и сияли довольио удобные комнаты в гостинице «Бык». Накоиец вместе с иашнм сыщиком мы от-

правнлнсь на осмотр Снреневой Сторожкн. Вечер был холодный н темный, резкнй мартовскнй ветер н мелкий дождь хлестали нам в лнцо, н от этого еще глуше казался пустынный выгон, которым шла дорога, еще печальней цель, к которой она нас вела.

2

ТИГР ИЗ САН-ПЕДРО

Отшагав мнлн две, мы подошлн, невеселые н озябшне, к высокнм деревянным воротам, за которымн начннлась угрюмая каштановая аллея. Изогнутая, укрытая тенью, она прнвела нас к ннзкому, темному дому, черному, как смоль, на свннцово-сером небе. По фасаду в одном нз окон — слева от дверн — чуть мерцал слабый отблеск света.

— Тут у нас дежурнт констебль,— сказал Бэйнс.— Я постучусь в окно.— Он прошел прямо по газону н легонько постучал пальцамн в ннжнее стекло. Сквозь потное стекло я смутно увидел, как с кресла у камина вскочнл какой-то человек, услышал донесшнйся нз комнаты резкнй крнк, и через полмннуты нам открыл дверь полисмен, бледный, тяжело дыша н с трудом удержнвая в дрожащей руке шатающуюся свечу.

— В чем дело, Уолтерс? — резко спроснл Бэйнс.

Полнсмен отер лоб носовым платком н облегченно вздохнул.

— Хорошо, что вы прншлн, сэр. Вечер тянулся так долго, а нервы у меня что-то не те, что былн.

— Нервы, Уолтерс? А я и не знал, что у вас есть нервы.

— Поннмаете, сэр, дом пустой, н тншнна такая, да еще эта странная штука на кухне. И потом, когда вы постучалн в окно, я подумал, что это опять вернулся он.

— Кто он?

— Сам не знаю. Не нначе, как дьявол, сэр. Он тут все стоял под окном.

— Кто стоял под окном н когда?

— Часа два тому назад. Когда только начало темнеть. Я сндел в кресле н чнтал. Не знаю, что меня толкнуло поднять голову, но только в окошко, в ннжнее стек-

ло, на меня смотрело чье-то лицо. Боже мой, сэр, что это была за рожа! Она мне будет сниться по ночам.

— Ну-ну, Уолтерс! Констеблю полиции не пристало так говорить.

— Знаю, сэр, знаю. Но меня кинуло в дрожь, сэр, что пользы скрывать? Она была не черная, сэр, и не белая, и ни какого ни на есть известного мне цвета, а какая-то землистая, что ли, в желтоватых разводах. И широченная, сэр,— вдвое больше вашего лица. А глядела-то как: выпученные глазища и белые оскаленные зубы — ну, совсем, точно голодный зверь. Говорю вам, сэр, я пальцем не мог пошевелить, не мог вздохнуть, пока это чудовище не исчезло, сэр, шмыгнуло куда-то и пропало. Я кинулся за ним в кусты, но там, слава богу, никого не оказалось.

— Когда бы я не знал, что вы хороший работник, Уолтерс, я бы за такие слова закатил вам выговор. Будь там сам дьявол, полицейский на посту никак не должен говорить «слава богу», когда не сумел его схватить. Может, вам это все померещилось, нервы шалят?

— Проверить это очень просто,— сказал Холмс, зажигая свой карманный фонарик.— Да,— доложил он, быстро осмотрев газон,— башмаки, по-моему, номер двенадцатый. Если у него и рост под стать, он должен быть великаном.

— Куда он делся?

— Видимо, продрался сквозь кусты и выбежал на большую дорогу.

На лице инспектора отразилось важное раздумье.

— Ладно,— сказал он.— Кто бы это ни был и что бы он ни затевал, его здесь нет, и мы должны заняться нашей прямой задачей. С вашего разрешения, мистер Холмс, мы сейчас осмотрим с вами дом.

В спальнях и гостиных тщательный обыск, по словам Бэйнса, ничего особенного не дал. Очевидно, жильцы не привезли с собою почти что ничего, и все вещи в доме, вплоть до последних мелочей, были взяты на прокат. Оставлено было много одежды с маркой «Маркс и К°, Хай-Холборн». Телеграфный запрос уже был сделан и тоже ничего не дал: Маркс знал о своем клиенте только одно, что он исправный плательщик. Из собственного имущества было обнаружено несколько табачных тру-

бок, кое-какие романы — два из них на испанском,— устарелый револьвер системы Лефоше да гитара — вот, собственно, и все.

— Тут ничего особенного,— сказал Бэйис, вышагивая со свечой в руке из комнаты в комнату.— Теперь, мистер Холмс, я предложу вашему вниманию кухню.

Это было мрачное, с высоким потолком помещение окнами на задний двор. В одном углу — соломенная подстилка, служившая, должно быть, повару постелью. Стол был завален початыми блюдами со снедью и грязными тарелками — остатки вчерашнего обеда.

— Посмотрите вот на это,— сказал Бэйис.— Как, по-вашему, что это может быть?

Он поднес свечу к какому-то необыкновенному предмету, приставленному к задней стенке посудного шкафа. Он был такой сморщенный, съежившийся, выцветший, что не разберешь, что же это такое. Можно было только сказать, что это что-то черное, обтянутое кожей, и что похоже оно на крошечное человеческое тельце. Посмотрев на него, я сперва подумал, что передо мною мумия негритянского младенца, а потом мне показалось, что это скорей сильно скрючившаяся и очень старая обезьянка. Я так и не решил, чье же это в конце концов тело — человеческое или звериное? Посередине оно было опоясано двойною нитью бус из белых ракушек.

— Интересно... очень интересно! — заметил Холмс, вглядевшись в эти зловещие останки.— Есть что-нибудь еще?

Бэйис молча подвел нас к раковине и поднял над ней свечу. По ней раскиданы были туловище и конечности зверски растерзанной, с неощипанными перьями крупной белой птицы. Холмс указал на оторванную голову с красным жабо на шее.

— Белый петух,—сказал он. — Чрезвычайно интересно! Случай в самом деле весьма любопытный.

Но самое зловещее мистер Бэйис приберег напоследок. Он вытащил из-под раковины цинковое ведро, полное крови. Потом взял со стола и показал нам большое плоское блюдо с горой изрубленных и обгорелых костей.

— Здесь убивали и жгли. Это все мы выгребли из топки. Утром у нас был тут врач. Говорит, кости не человеческие.

Холмс улыбался, потирая руки.

— Должен вас поздравить, инспектор: вам достался очень необычный и поучительный случай. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу вам, что ваши способности выше тех возможностей, какие открыты перед вами.

Маленькие глазки Бэйкса засверкали от удовольствия.

— Вы правы, мистер Холмс. Нас тут, в провинции, губит застой. Такой случай, как этот, для человека редкая удача, и я постараюсь не упустить ее. Что вы скажете об этих костях?

— Кости ягненка, сказал бы я, или козленка.

— А о белом петухе?

— Любопытно, Бэйкс, очень любопытно. Я бы даже сказал — уникально!

— Да, сэр, в этом доме жили, наверно, очень странные люди, и уклад у них был очень странный. Один из них погиб. Может быть, его слуги проследили его и убили? Если так, мы их перехватим; во всех портах стоят у нас посты. Но, на мой взгляд, тут другое. Да, сэр, на мой взгляд, тут нечто совсем другое.

— Значит, у вас есть своя теория?

— И я проверю ее сам, мистер Холмс. Мне это послужит к чести. Вы уже составили себе репутацию, а мне свою надо еще только утверждать. Хотелось бы мне, чтобы потом я мог говорить, что решил задачу без вашей помощи.

Холмс добродушно рассмеялся.

— Ладно, инспектор,— сказал он.— Ступайте своим путем, а я пойду своим. Если я чего-то достигну, все будет к вашим услугам по первой вашей просьбе. Пожалуй, я видел в доме все, что было нужно; и мое время может быть потрачено с большей пользой где-нибудь еще. Au revoir [1], желаю вам успеха.

По множеству тонких признаков, которые, верно, никому, кроме меня, ничего не сказали бы, я видел, что Холмс напал на след. Стороннним наблюдателям он показался бы спокойным, как всегда; и тем не менее в его посветлевших глазах, в живости его движений ощущалась какая-то еле сдерживаемая страстность и какая-то

[1] До свидания *(франц.)*.

напряженность, позволявшие мне заключить, что гон начался. Холмс по своему обыкиовению ничего не говорил, а я по своему — не задавал вопросов. С меня было довольио н того, что я участвую в охоте и оказываю другу посильную помощь, не отвлекая его ненужиыми расспросами от неотступного размышления. В положенное время он сам обратнтся ко мие.

Итак, я ждал, ио, к своему все возрастающему разочароваиню, ждал напрасно. Проходил деиь за дием, а друг мой не предпрннимал иикаких шагов. Как-то он съездил утром в город, н по одному брошенному вскользь замечанню я понял, что он заходнл в Брнтаискнй музей. Еслн не считать этого единственного случая, он проводнл свои дии в долгнх н иередко однноких прогулках илн в разговорах с местиыми кумушкамн, с которыми завел зиакомство.

— По-моему, Уотсон, неделя в деревне прннесет вам неоцеиимую пользу,— заметил он одиажды.— Так прнятно увидеть опять первые зеленые побегн на жнвой нзгородн н сережки на орешннке! С лопатой в руке, с ботанизиркой н краткнм определнтелем растеннй тут отличио можио отдохнуть, расширяя прн том свон зиаиня.

Он н сам бродяжил в таком снаряженин, но вечерами мог предъявить довольио скудный сбор трав н цветов.

В наших прогулках мы иногда набредалн на иисиектора Бэйнса. Толстое, красное его лнцо, когда он здоровался с моим спутиком, собиралось в складкн от шнрокой улыбкн, маленькие глазкн поблескивалн. О розысках свонх он говорил иемного, но из этого немногого мы могли заключнть, что н он вполие доволен ходом дела. Все же, прнзиаюсь, я порядком удивился, когда дней через пять после убийства, развернув утром газету, я увндел набранное огромными буквамн:

ТАЙНА ОКСШОТТА РАСКРЫТА
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ УБИЙЦА АРЕСТОВАН

Холмс, как ужаленный, подскочил в своем кресле, когда я прочитал вслух этн заголовкн.

— Быть ие может! — вскрнчал он.— Это что ж означает, что Бэйнс его накрыл?

— Очевидно, так,— сказал я, пробежав глазами следующую заметку.

«Сильное волнение охватило город Эшер и его окрестности, когда вчера поздно вечером распространилось известие об аресте, произведенном в связи с Оксшоттским убийством. Наши читатели, вероятно, помнят, что мистер Гарсия из Сиреневой Сторожки был найден мертвым на Оксшоттском Выгоне, причем на его теле были обнаружены следы, с несомненностью говорящие о насильственной смерти; и что в ту же ночь его лакей и повар сбежали, что наводило на мысль об их соучастии в убийстве. Есть предположение, очень вероятное, хотя и недоказанное, что покойный хранил в доме ценности, похищение которых и явилось мотивом преступления. Инспектор Бэйис, ведущий это дело, прилагал все усилия к обнаружению места укрытия преступников и не без оснований полагал, что они не могли сбежать далеко, а укрылись в каком-то заранее подготовленном убежище. Однако с самого начала представлялось несомненным, что беглецы непременно будут обнаружены, так как повар, по свидетельству двух-трех разносчиков, мельком видевших его в окно, обладает чрезвычайно приметной внешностью: это очень рослый и на редкость безобразный мулат с желтоватым лицом резко выраженного негритянского склада. Человека этого уже видели после совершения убийства: констебль Уолтерс обнаружил его и пытался преследовать, когда тот в первый же вечер имел дерзость наведаться в Сиреневую Сторожку. Рассчитав, что для такого посещения мулат должен был иметь какую-то цель и, значит, по всей вероятности, повторит свою попытку, инспектор Бэйис оставил дом пустым, но поместил засаду в кустах. Ночью мулат попал в ловушку и был схвачен после борьбы, в которой этот дикарь жестоко укусил констебля Даунинга. После первых допросов арестованного полиции, очевидно, разрешат дальнейшее содержание его под стражей, и его поимка вселяет надежду, что Оксшоттская тайна будет вскоре раскрыта».

— Нужно немедленно повидаться с Бэйисом! — закричал Холмс.— Времени в обрез, но мы еще успеем застать его дома.

Мы быстро прошли деревенскую улицу и, как и ожидали, захватили инспектора при выходе из дому.

— Читали, мистер Холмс? — спросил он, протягивая нам газету.

— Да, Бэйис, читал. Не примите в обиду, но я позволю себе по-дружески предостеречь вас.

— Предостеречь, мистер Холмс?

— Я и сам вникал в это дело, и я уверен, что вы на ложном пути. Не хочется мне, чтобы вы слишком долго блуждали понапрасну, пока убедитесь в этом сами!

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Холмс.

— Уверяю вас, я говорю это, желая вам добра.

Мне показалось, будто Бэйис чуть подмигнул одним своим крошечным глазом.

— Мы условились, что будем работать каждый сам по себе, мистер Холмс. И я следую уговору.

— Ага, очень хорошо,— сказал Холмс.— Так уж не ругайте меня потом.

— Зачем же, сэр? Я вижу, что вы со мной по-хорошему. Но у каждого своя система, мистер Холмс. Вы действуете по своей, а я, может, по своей.

— Не будем больше об этом говорить.

— Я всегда с удовольствием поделюсь с вами новостями. Этот парень совершенный дикарь, силен, как ломовая лошадь, и свиреп, как черт. Он Даунингу чуть совсем не откусил большой палец, пока мы с ним совладали. Он по-английски ни слова, и мы ничего не можем вытянуть из него — мычит и только.

— У вас, вы думаете, есть доказательства, что он убил своего хозяина?

— Я этого не говорю, мистер Холмс. Не говорю. У нас у каждого своя дорожка. Вы пробуете идти по вашей, я по своей. Ведь так мы договорились?

— Не пойму я этого человека,— сказал, пожимая плечами, Холмс, когда мы вышли от инспектора.— Сам себе яму роет. Что ж, попробуем, как он говорит, идти каждый своей дорожкой и посмотрим, что из этого получится. А все-таки этот инспектор Бэйис не так прост — я тут чего-то не понял.

— Сядьте же в это кресло, Уотсон,— сказал Холмс, когда мы вернулись в свои комнаты в «Быке».— Я хочу,

чтобы вы уясинли себе ситуацию, так как сегодня вечером мне, возможно, понадобится ваша помощь. Сейчас я покажу вам, как шло, насколько я мог проследить, развитие этого случая. Он как будто вовсе и не сложен в основных своих чертах, а между тем представляет неожиданные трудности для ареста виновных. В этом смысле у нас остаются пробелы, которые еще предстоит заполнить.

Вернемся к записке, полученной Гарсией за обедом в день его смерти. Мы можем отбросить идею Бэйнса, что в деле замешаны слуги Гарсии. Это опровергается тем, что он сам же постарался завлечь в дом Скотт-Эклса, что могло быть сделано единственно в целях алиби. Значит, именно Гарсия замыслил какое-то предприятие — и, по-видимому, преступное — на ту самую ночь, когда он встретил свою смерть. Я говорю «преступное», потому что, только замыслив преступное, человек желает подготовить себе алиби. Кто же тогда всего вероятней лишил его жизни? Конечно, тот, против кого был направлен его преступный умысел. До сих пор мы, как мне кажется, стоим на твердой почве.

Теперь нам видно, что могло послужить причиной к исчезновению слуг Гарсии. Они были оба соучастниками в том неизвестном нам покушении. Если бы к возвращению Гарсии оно было бы уже совершено, всякое подозрение отпало бы благодаря свидетельству аигличанина и все прошло бы безнаказанно. Но покушение сопряжено было с опасностью, и если бы к намеченному часу Гарсия не вернулся, это означало бы, что он сам поплатился жизнью. Поэтому они условились, что в этом случае двое его подчиненных должны уйти в какое-то заранее приготовленное место, где они могли бы укрыться от преследования, чтобы в дальнейшем повторить свою попытку. Так, не правда ли, все факты получают объяснение?

Передо мною все легло, точно распутанная пряжа. Я, как всегда, только диву давался, как мне раньше не было это столь же очевидно самому.

— А почему же один из слуг вернулся?

— Мы можем представить себе, что при побеге он в спешке забыл захватить какую-то вещь, очень ему доро-

гую — такую, что расстаться с ней для него невыносимо. Как, по-вашему, это объясняло бы его упрямые попытки вернуться за нею?

— Хорошо. Следующее звено?

— Следующее звено — записка, полученная Гарсией за обедом. Это нить, ведущая к другому сообщнику. Где же мы найдем ее второй конец? Я вам уже показывал, что его надо искать в некоем большом доме и что число больших домов ограничено. Свои первые дни в деревне я посвятил планомерным прогулкам, и, гуляя, я между своими ботаническими поисками ознакомился со всеми большими домами и выведал семейную историю их обитателей. Один из этих домов — и только один — привлек мое внимание. Это Дозорная Башня, знаменитый старый замок времен Якова I. Он стоит в одной миле от того конца Оксшотта и менее чем в полумиле от места, где разыгралась трагедия. Все прочие большие дома принадлежат прозаическим, почтенным людям, живущим размеренной жизнью, далекой от всякой романтики. А вот мистер Хендерсон из Дозорной Башни выглядел во всех рассказах необыкновенным человеком, с которым могут происходить необыкновенные вещи. Поэтому я сосредоточил свое внимание на нем и его домашних.

Удивительные это люди, Уотсон, и всех удивительней он сам. Я исхитрился явиться к нему под благовидным предлогом, но, кажется, я прочел в его темных, глубоко запавших, подозрительных глазах, что он безошибочно разгадал мою действительную цель. Это человек лет пятидесяти, крепкий, энергичный, со стальными волосами, густыми, черными, кустистыми бровями, поступью льва и осанкой императора — жестокий, властный человек, снаружи пергамент, а под ним раскаленное железо. Он или иностранец или же долго жил в тропиках, потому что он желтый и высохший, но тугой, как плеть. Его друг и секретарь, мистер Лукас, тот, несомненно, иностранец, шоколадно-коричневый, коварный и вкрадчивый — с кошачьей повадкой и ядовито-любезным разговором. Как видите, Уотсон, теперь перед нами уже две группы иностранцев, одна в Сиреневой Сторожке, другая в Дозорной Башне. Таким образом, наши пробелы понемногу заполняются.

Этн два человека, связаиные дружбой н взанмным довернем, составляют ядро второй группы; но в доме есть еще одна особа, может быть, более важная для нас в смысле иаших розысков. У Хендерсона двое детей — две дочкн, одиа трннадцатн, другая одннадцати лет. Гувернанткой при иих — мисс Бернет, англичаика лет сорока. И есть еще доверенный лакей. Эта небольшая компания образует тесную семью: онн всегда путешествуют вместе, а Хендерсон, надо сказать, большой путешественник, ои вечно в разъездах. Он всего лишь несколько иедель как вернулся в Дозорную Башню после годичного отсутствия. Добавлю, что он несметно богат н может с легкостью удовлетворнть свою любую прнхоть. Дом его полон всякнх буфетчнков, лакеев, горнничиых н прочей прислуги — обычиый зажравшийся и обленнвшийся штат большого барского дома в англнйской деревне.

Все это я зиаю частью нз деревенскнх сплетен, частью по собствеиным наблюдениям. Нет лучшего орудия для этой цели, чем уволеиные слугн с нх обидой, и мие выпала удача найтн одного такого. Я говорю «удача», но я не встретнл бы ее на своем пути, еслн б не нскал. Как заметил Бэйнс, у нас у каждого есть своя система. Вот система-то моя и помогла мне иайтн Джоиа Уорнера, бывшего садовнпка с Дозориой Башнн, которого властный хозяин под горячую руку уволнл. А у иего, со своей стороиы, есть друзья среди жнвущнх в доме слуг, которые все до одиого трепещут перед своим господином н ненавндят его. Такнм образом у меня оказался ключ к тайнам дома.

Странные людн, Уотсон! Я, может быть, там еще не во всем разобрался, но это, во всяком случае, очень странные люди! Дом на два крыла, н слуги жнвут все в одном крыле, семья в другом. Между теми н другнмн нет нного связующего звена, кроме лнчного лакея самого Хендерсона, прнслужнвающего также всей семье за столом. Все подается к некой двери, соединяющей обе половнны. Гувернантка с девочкамн чуть лн вообще ннкуда не выходит за пределы сада. Хендерсон никогда, нн под каким видом ие выходнт из дому однн. Его всюду сопровождает, как тень, его темнолицый секретарь. Слугн говорят между собой, будто ои страшно чего-то бонтся.

«Душу дьяволу продал за деньги,— говорит Уорнер,— вот и ждет, что кредитор придет истребовать свое». Никто понятия не имеет, кто они и откуда явились. Они очень необузданны. Хендерсону дважды случилось отхлестать человека плеткой, и только тугой кошелек оба раза позволил ему, откупившись большими деньгами, уйти от суда.

Теперь, Уотсон, давайте обсудим ситуацию в свете этих добавочных сведений. Мы можем с достоверностью принять, что записка была от кого-то из слуг этого странного дома и приглашала Гарсию осуществить некое покушение согласно ранее составленному плану. Кем написана записка? Кем-то внутри цитадели — и при том женщиной. Так кем же тогда, если не мисс Бериет, гувернанткой? Все наше построение, очевидно, приводит нас к ней. Во всяком случае, мы можем принять это как гипотезу и посмотрим, какие следствия она за собой повлечет. Я могу добавить, что возраст мисс Бернет и ее репутация, бесспорно, исключают мою первую мысль, что подоплекой в этом деле могла быть какая-то любовная история.

Если записка от нее, то, по всей вероятности, эта женщина — друг и сообщница Гарсии. Тогда как же она должна была себя повести, узнав о его смерти? Если он встретил свой конец, когда сам совершал беззаконное дело, сообщница должна держать рот на замке. Все же в сердце она, конечно, затаила жестокую ненависть к его убийцам и, наверно, чем только может, станет помогать отмщению за него. Так нельзя ли нам повидаться с ней и воспользоваться ее помощью? Это первое, что мне пришло на ум. Но тут перед нами встает один зловещий факт. С ночи убийства никто и нигде не видел мисс Бернет. Она еще с вечера точно исчезла. Жива ли она? Может быть, и ее постигла смерть в ту же ночь — вместе с другом, которого она призывала? Или ее только держат взаперти? Вот вопрос, на который мы должны дать ответ.

Вы оцените, Уотсон, всю трудность положения. Нам не на что опереться, чтобы требовать вмешательства закона. Наше построение покажется фантасмагорией, если с ним явиться к судье. Что женщина исчезла, не поставят ни во что,— весь уклад этого странного дома таков, что

любой из его обитателей может иеделю ие показываться людям иа глаза. А между тем жеищие, возможио, в любую мииуту грозит смерть. В моей власти иаблюдать за домом, поставить своего человека, Уориера, сторожить у ворот — и только. Но мы же ие можем дать делу идти своим ходом. Если закои бессилеи, мы должиы взять риск на себя.

— Что же вы предлагаете?

— Я зиаю, в какой оиа комиате. Туда можио пробраться с крыши флигеля. Мое предложеиие: ие попробовать ли иам с вами сегодия иочью проиикиуть в самое сердце тайиы?

Перспектива, должеи я призиаться, была ие слишком замаичива. Старый дом, дышащий убийством, страиные и страшиые его обитатели, тайиые опасиости, подстерегающие приходящего, и то, что мы сами при этом выступаем правоиарушителями,— все это, взятое вместе, охлаждало мой пыл. Но было в холодиых рассуждеииях Холмса иечто такое, что вы, ие дрогиув, пошли бы с иим иа самое рисковаиное дело. Вы зиали, что так и только так можио иайти решеиие задачи. Я молча пожал ему руку, и жребий был брошеи.

Но иашему расследоваиию ие суждеио было закоичиться такою аваитюрой. Было около пяти часов, мартовский вечер уже стелил свои теии, когда в комиату к иам ворвался в сильиом возбуждеиии какой-то деревеиский житель.

— Оии уехали, мистер Холмс. С последиим поездом. Леди вырвалась, оиа в моем кэбе — здесь, виизу.

— Превосходио, Уориер! — прокричал, вскочив иа иоги, Холмс.— Уотсои, пробелы быстро заполияются!

Жеищииа в кэбе была в полуобмороке от иервиого истощеиия. На ее горбоиосом, исхудалом лице лежал отпечаток какой-то иедавией трагедии. Ее голова безжизиеиио свесилась иа грудь, но, когда оиа подияла голову и тупо повела глазами, я увидел черные точки зрачков иа серых радужиых оболочках: ее опоили опиумом.

— Я поджидал у ворот, как вы иаказывали, мистер Холмс,— докладывал иаш тайиый агеит, хеидерсоновский уволеииый садовиик.— Когда оии выехали в карете, я двииул за иими следом иа стаицию. Леди шла по плат-

форме, как во сне, но, когда они стали сажать ее в поезд, она ожила и давай отбиваться. Они впихнули ее в вагон. Она стала опять вырываться. Я вступился за нее, посадил ее в свой кэб, и вот мы здесь. Никогда не забуду, с каким лицом глядел на меня в окно вагона этот человек, когда я ее уводил. Его бы воля — не долго б я пожил на свете. Черные глаза, лицо желтое, сам осклабился — сущий дьявол!

Мы внесли женщину наверх, уложили на диван, и две чашки крепчайшего кофе быстро разогнали пары опиума и прояснили ее мысли. Холмс вызвал Бэйнса и коротко объяснил ему, как обстоит дело.

— Прекрасно, сэр, вы мне доставили то, чего мне не хватало,— показания свидетельницы,— с жаром сказал инспектор, пожимая руку моему другу.— Я ведь с самого начала шел с вами по одному и тому же следу.

— Как? Вы подозревали Хендерсона?

— Когда вы, мистер Холмс, прятались в кустах у Дозорной Башни, я там сидел в саду на дереве и смотрел на вас сверху. Все дело было в том, кто первый добудет доказательства.

— Зачем же тогда вы арестовали мулата?

Бэйнс усмехнулся.

— Я был уверен, что этот Хендерсон, как он себя называет, понял, что попал под подозрение, и, значит, будет изчеку и не шелохнется, покуда чует над собой опасность. Вот я и арестовал не того человека — пусть его думает, что у нас другие подозрения. Я знал, что тут он, вероятно, попробует смыться и даст нам возможность подобраться к мисс Бернет.

Холмс положил руку на плечо инспектору.

— Вы далеко пойдете в своей профессии,— сказал он.— У вас есть чутье и интуиция.

Бэйнс покраснел от удовольствия.

— У меня всю неделю караулил на станции сотрудник в штатской одежде. Куда бы кто из «Башни» ни поехал, он проследил бы. Но когда мисс Бернет вырвалась, он, видно, растерялся. К счастью, ваш человек ее подхватил, и все обернулось благополучно. Мы, ясное дело, не можем арестовать их без ее показаний, так что чем скорей мы снимем допрос, тем лучше.

— Она приходит в себя,— сказал Холмс, поглядев на гувернантку.— Но скажите мне, Бэйнс, кто он, этот Хендерсон?

— Хендерсон,— ответил инспектор,— это дон Мурильо, известный когда-то под прозванием Тигра из Сан-Педро.

Тигр из Сан-Педро! Вся его история мгновенно пронеслась в моей памяти. За ним утвердилась слава самого низкого, кровожадного тирана, какой когда-либо правил страной, притязающей на цивилизованность. Сильный, бесстрашный, энергичный — этих качеств оказалось довольно, чтобы он мог принудить устрашенный народ терпеть его мерзкие пороки чуть не двенадцать лет. Его имя повергало в ужас всю Центральную Америку. К концу этого срока поднялось против него всеобщее восстание. Но он был так же хитер, как жесток, и при первом же слухе о надвигающихся беспорядках тайно вывез свои богатства на пароходе с экипажем из своих приверженцев. На другой день повстанцы ворвались в пустой дворец. Диктатор, его двое детей, его секретарь, его сокровища — все ускользнуло от них. С этого часа он исчез из мира, и в европейской печати часто обсуждалось, не скрывается ли он за той или другою личностью.

— Да, сэр, дон Мурильо, Тигр из Сан-Педро,— продолжал Бэйнс.— Загляните в справочник, и вы увидите, что цвета Сан-Педро — зеленый и белый, те же, что в нашей записке, мистер Холмс. Он взял себе имя «Хендерсон», но я проследил его через Парнж, Рим и Мадрид вплоть до Барселоны, где пришвартовался его пароход в восемьдесят шестом году. Все это время его разыскивали, чтобы отомстить ему, но только недавно им удалось его выследить.

— Его нашли год тому назад,— сказала миссис Бернет. Приподнявшись на локте, она теперь напряженно следила за разговором.— Было уже одно покушение на его жизнь, но какой-то злой гений ограждает его. Вот и сейчас благородный, рыцарственный Гарсия погиб, а это чудовище вышло невредимым. Но придет другой и третий, пока однажды не совершится над злодеем правый суд. Это верно, как то, что завтра встанет солнце.— Ее худые руки сжались в кулаки, и страстная ненависть выбелила ее изможденное лицо.

— Но как вы, мнсс Бернет, оказалнсь втяиуты в это дело? — спроснл Холмс.— Дама, англичаика, вдруг вступает в заговор убийц?

— Я вступила в заговор, потому что только такнм путем могло свершиться правосудне. Какое дело англнйскому закону до моря крови, пролнтой миого лет назад в Саи-Педро, нли до судиа, гружеиного цеииостямн, которые украдены этнм человеком? Для вас это все равно как преступлеиия, совершенные на другой плаиете. Но мы-то зиаем. Мы знаем правду, выстраданную в горе н муках. Для нас нет в пренсподией дьявола, подобиого Хуану Мурильо, н нет на земле покоя, пока его жертвы еще взывают о местн.

— Ои, бесспорио, таков, как вы говорите,— вставнл Холмс.— Я наслышаи о его жестокостн. Но как это коснулось лнчно вас?

— Расскажу вам все. Этот негодяй избрал своим политическим прнципом расправляться под тем или другим предлогом с каждым, кто мог бы со временем стать для иего опасным соперииком. Мой муж (да, мое настоящее имя — сеньора Внсеите Дурандо), мой муж, Внсеите Дурандо, был посланником Сан-Педро в Лоидоие. Здесь мы встретилнсь с ним, н он на мие жеиился. Не было на земле человека благородией его. На мое горе Мурнльо прослышал о его даровнтостн, отозвал его под каким-то предлогом н отдал под расстрел. Предчувствуя свою судьбу, муж отказался взять меия с собой. Его землн и все имущество былн коифисковаиы, я осталась одна со своим горем н без средств к существованию.

Потом пронзошло паденне тирана. Ои бежал, как вы сейчас рассказывалн. Но миогне нз тех, чью жнзиь он нскалечнл, чьи родные н близкне претерпели пыткн и смерть от его рукн, не прнмнрилнсь с таким нсходом. Они сплотнлнсь в союз, который не распадется до тех пор, пока не сделает своего дела. Как только мы разведалн, что ннзвергнутый деспот скрывается под видом Хендерсона, на меня возложили задачу наияться к иему на службу и извещать остальных при его переездах. Мне удалось выполннть задачу, получив место гувернанткн в его доме. Он и не подозревал, что каждый деиь саднтся за стол с той самой жеищниой, мужа которой он без суда,

единым росчерком пера послал на казнь. Я улыбалась ему, добросовестно воспитывала его дочерей — и ждала своего часа. Одно покушение было сделано в Париже и сорвалось. Мы метались туда и сюда по Европе, чтобы сбить преследователей со следа, и наконец вернулись в этот дом, который он снял еще при первом своем приезде в Англию.

Но и здесь ждали вершители правосудия. Понимая, что он непременно вернется сюда, Гарсия, чей отец до Мурильо занимал в Сан-Педро высший правительственный пост, ждал его здесь с двумя своими верными товарищами — людьми невысокого звания, но которым, как и ему, было за что мстить. Днем он едва ли смог бы что-то сделать, так как Мурильо соблюдал всемерную осторожность и не выходил из дому иначе, как в сопровождении своего сподвижника Лукаса, или Лопеса, как его именовали в дни его величия. Ночью, однако, он спал один, и тут мститель мог бы к нему подобраться. Однажды вечером, как было заранее условлено, я собралась послать другу последние указания, так как Мурильо был всегда настороже и непрестанно менял спальню. Я должна была проследить, чтобы входная дверь была не заперта, и зеленым или белым светом в окне дать знать, что все благополучно или что попытку лучше отложить.

Но все у нас пошло вкривь и вкось. Я чем-то возбудила подозрение у Лопеса, секретаря. Он подкрался сзади и, как только я дописала записку, набросился на меня. Вдвоем с хозяином он уволок меня в мою комнату, и здесь они держали надо мною суд как над уличенной предательницей. Во время суда они не раз готовы были всадить в меня нож — и всадили бы, когда бы знали, как потом уйти от ответа. Наконец после долгих споров они пришли к заключению, что убивать меня слишком опасно. Но они решили раз и навсегда разделаться с Гарсией. Мне заткнули рот, и Мурильо выкручивал мне руки до тех пор, пока я не дала ему адрес. Клянусь вам, я дала бы ему выкрутить их вовсе, если бы знала, что грозило Гарсии. Лопес сам надписал адрес на моей записке, запечатал ее своею печаткой и отправил ее со слугой, испанцем Хосе. Как они его убили, я не знаю, одно мне ясно,— что погиб он от руки Мурильо, потому что Лопес остался стеречь меня. Дорога вьется по зарослям

дрока, так он, должно быть, подстерег его в кустах и там оглушил его и прикончил.

Сперва они думали дать Гарсни войти в дом и затем убить, как будто поймаиного с поличиым грабителя; но потом рассудили, что если их прнпутают к следствию и станут снимать с них допрос, то сразу откроется, кто оии такие, и огласка вскоре иавлечет на иих новое покушеиие. А так со смертью Гарсии преследоваиие могло и вовсе прекратнться, потому что эта прямая расправа отпугиула бы других от подобных попыток.

Оии теперь могли бы успоконться, если бы не то, что я зиала об нх преступленин. Я не сомиеваюсь, что моя жизнь ие раз висела иа волоске. Меия заперлн в моей комнате, грознлн мне всякими ужасами, всячески истязали, чтобы сломить мой дух — вндите эту ножевую раиу на моем плече, этн снияки по всей руке,— а когда я попробовала раз закричать в окно, мие забили в горло кляп. Пять дией длилось это тюремиое заключеиие, и есть мие давали совсем мало — только-только, чтобы с голоду ие умереть. Сегодия к часу дня мие прииесли хороший завтрак, но я сразу поияла, что в него чего-то намешали. Помию, меня в каком-то полусне не то вели, не то иеслн к карете; в том же состоянии посадилн в поезд. Только, когда дериулнсь колеса, я вдруг поияла, что моя свобода в моих руках. Я соскочила, меня пробовали втащнть обратно, и, если бы ие пришел на помощь этот добрый человек, который усаднл меия в свой кэб, мне бы не вырваться от иих. Теперь, слава богу, нм уже миой не завладеть иикогда.

Мы все иапряженно слушалн этот удивительиый рассказ.

Первым прервал молчаиие Холмс.

— Трудности для иас еще не кончнлись,— заметил он, покачав головой.— С полнцней иаше дело закоичеио, иачииается работа для суда.

— В том-то и суть,— сказал я.— Ловкий адвокат сумеет представить это как меру самозащиты. За нимн может числиться сотия преступленнй, но судить их будут сейчас только за это одно.

— Ну нет! — бойко возразил Бэйис.— Не так он плох, наш закои. Самозащита — это одио. А умышлеино заманнть человека с целью убить его — это совсем дру-

гое, какой бы опасиостн вы от него ни страшнлнсь. Нет, иет, иам иичего ие поставят в внну, когда обнтателн Дозорной Башнн предстанут пред судом на блнжайшей сессни в Гилдфорде.

История, однако, говорнт, что еслн Тнгр нз Сан-Педро получнл наконец по заслугам, то это случнлось еще не сразу. Коварный н смелый, он со своим сообщником ушел от преследователей, зайдя на Эдмонтон-стрит в какой-то пансноп н выйдя нз него заднимн воротамн на Керзон-сквер.

С того дия в Англии нх больше не виделн. А полгода спустя в Мадрнде, в гостнннце «Эскурнал», былн убнты в своих иомерах некий маркнз Монтальва н его секретарь, сеньор Руллн. Преступленне прнписывалось нигилистам, ио захватить убийц так н ие удалось. Инспектор Бэйнс зашел к иам на Бейкер-стрнт и показал газету, где описывались темное лицо секретаря н властные черты хозяина, его магнетнческне черные глаза, его косматые бровн. У нас не осталось сомнений, что правосудие, хоть и запоздалое, наконец свершилось.

— Сумбурное дело, мой дорогой Уотсон,— сказал Холмс, покуривая свою вечернюю трубку.— Вам едва ли удастся представить его в том сжатом изложеннн, которое так любезио вашему сердцу. Оно раскинулось на два материка, охватывает две группы таинственных лнчностей н вдобавок осложняется прнсутствнем респектабельного гостя, нашего друга Скотт-Эклса, прнвлечение которого показывает мне, что покойный Гарсия обладал вкусом к иитриге и развитым инстнпктом самосохранення. Тут замечательно только то, что в дебрях всяческих возможностей мы с нашим достойным сотрудником, нспектором Бэйнсом, оба цепко ухватнлнсь за самое существениое, н это правнльио вело нас по нзвнвам кривой тропы. Что-ннбудь все-такн остается, что не совсем вам ясно?

— Чего ради возвращался повар-мулат?

— Думаю, на это нам ответит та странная вещь на кухне. Человек этот — неразвитый дикарь из глухнх лесов Сан-Педро, н это был его фетнш. Когда он со своим товарнщем бежал в нх заранее подготовленное убежн-

ще, где, несомненно, уже засел кто-то из их сообщников, товарищ уговорил его не брать с собой такую громоздкую улику. Но сердце мулата не могло от нее оторваться, и на другой же день он потянулся к ней. Заглядывает в окно, видит полисмена Уолтерса — дом занят! Он переждал еще три дня, и тут его вера или его суеверие толкнули его сделать новую попытку. Инспектор Бэйнс, хотя передо мной и делал вид, что недооценивает этот инцидент, на самом деле со свойственной ему проницательностью понял все его значение и расставил мулату ловушку, в которую тот и попался. Что-нибудь еще, Уотсон?

— Растерзанная птица, кровь в ведре, обугленные кости — вся тайна ведьминской кухни.

Холмс улыбался, раскрывая свой блокнот на длинной выписке.

— Я провел целое утро в Британском музее, читая по этим и смежным вопросам. Вот вам цитата из книги Эккермана «Вудунизм и негритянские религии»:

«Убежденный вудуист никогда не приступит ни к какому важному делу, не принеся установлением жертвы своим нечистым богам, дабы умилостивить их. В чрезвычайных случаях эти обряды принимают вид человеческого жертвоприношения, сопровождающегося людоедством. Обычно же в жертву приносится белый петух, которого раздирают на куски живьем, или черный козел, которому перерезают горло, а тело сжигают».

Как видите, наш темнокожий друг проводил обряд по всем правилам своей религии. Да, Уотсон, дикая история,— добавил Холмс, медленно закрывая на застежку свой блокнот,— но, как я имел уже случай заметить, от дикого до ужасного только шаг.

КАРТОННАЯ КОРОБКА

Выбирая несколько типичных дел, иллюстрирующих замечательные свойства ума моего друга Шерлока Холмса, я старался, насколько возможно, отыскать среди них наименее сенсационные, но в то же время открывающие широкое поле для его талантов. Однако, к сожалению, совершенно невозможно отделить сенсационное от криминального, и летописец оказывается перед дилеммой: он должен либо пожертвовать подробностями, необходимыми для его отчета, и, следовательно, дать неверное представление о деле в целом, либо использовать материалы, которые дает ему не выбор, а случай. После этого краткого вступления я перехожу к моим запискам о странной и в своем роде ужасной цепи событий.

Стоял неимоверно жаркий августовский день. Бейкер-стрит была раскалена, как печь, и ослепительный блеск солнца на желтом кирпиче дома напротив резал глаза. Трудно было поверить, что это те самые стены, которые так мрачно глядели сквозь зимний туман. Шторы у нас были наполовину спущены, и Холмс, поджав ноги, лежал на диване, читая и перечитывая письмо, полученное с утренней почтой. Сам я за время службы в Индии привык переносить жару лучше, чем холод, и тридцать три градуса выше нуля не особенно меня тяготили. Но в утренних газетах не было ничего интересного. Сессия парламента закрылась. Все уехали за город, и я начал тосковать по полянам Нью-Фореста и по каменистому пляжу Саутси. Однако истощенный банковский

счет заставил меня отложить отпуск, а что касается моего друга, то ни сельская местность, ни море никак не привлекали его. Ему нравилось затаиться среди пяти миллионов людей, перебирая их своими щупальцами и чутко ловя каждый слух или подозрение о неразгаданном преступлении. Любви к природе не нашлось места среди множества его достоинств, и он изменял себе лишь тогда, когда оставлял в покое городского злодея и начинал выслеживать его деревенского собрата.

Увидев, что Холмс слишком поглощен чтением, чтобы беседовать со мной, я отбросил скучную газету и, откинувшись на спинку кресла, погрузился в размышления. Внезапно голос моего друга прервал их.

— Вы правы, Уотсон,— сказал он.— Это совершенно нелепый способ решать споры.

— Совершенно нелепый! — воскликнул я и, внезапно поняв, что он угадал мою невысказанную мысль, подскочил в кресле и в изумлении уставился на него.

— Что это, Холмс? — вскричал я.— Я просто не представляю себе, как это возможно.

Он от души рассмеялся, видя мое недоумение.

— Помните,— сказал он,— не так давно, когда я прочел вам отрывок из рассказа По, в котором логически рассуждающий наблюдатель следит за внутренним ходом мыслей своего собеседника, вы были склонны рассматривать это просто как tour de force[1] автора. Я же сказал, что постоянно занимаюсь тем же, но вы мне не поверили.

— Ну что вы!

— Возможно, вы не выразили этого словами, дорогой Уотсон, но бровями выразили несомненно. Итак, когда я увидел, что вы отложили газету и задумались, я был рад возможности прочитать ваши мысли и под конец ворваться в них в доказательство того, что я не отстал от вас ни на шаг.

Но я все же далеко не был удовлетворен таким объяснением.

— В том отрывке, который вы прочли мне,— сказал я,— наблюдатель делает свои умозаключения на основа-

[1] Фокус, выдумка *(франц.)*.

нии действий человека, за которым он наблюдает. Насколько я помню, этот человек споткнулся о кучу камней, посмотрел на звезды и так далее. Но я спокойно сидел в кресле. Какой же ключ я мог вам дать?

— Вы несправедливы к себе. Человеку даны черты лица как средство для выражения эмоций, и ваши верно служат вам.

— Вы хотите сказать, что прочли мои мысли по лицу?

— По лицу и особенно по глазам. Вероятно, вы сами не можете теперь вспомнить, с чего начались ваши размышления.

— Не могу.

— Тогда я скажу вам. Отложив газету — это и было действием, которое привлекло к вам мое внимание,— вы полминуты сидели с отсутствующим видом. Затем ваши глаза остановились на недавно вставленном в раму портрете генерала Гордона [1], и по тому, как изменилось ваше лицо, я понял, что размышления начались. Но они увели вас не очень далеко. Вы бросили взгляд на портрет Генри Уорда Бичера [2], который без рамы стоит на ваших книгах. Затем вы посмотрели вверх на стену, и ваша мысль стала ясна. Вы подумали, что, если вставить этот портрет в раму, он как раз и займет пустое пространство и будет хорошо сочетаться с портретом Гордона.

— Вы удивительно проследили за мной! — воскликнул я.

— До сих пор я едва ли мог ошибиться. Но тут ваши мысли вернулись к Бичеру, и вы посмотрели на него внимательно, даже испытующе. Затем вы перестали щуриться, но продолжали смотреть на портрет, и ваше лицо стало задумчивым. Вы вспоминали эпизоды карьеры Бичера. Я прекрасно понимал, что при этом вы не можете не думать о той миссии, которую он выполнял по поруче-

[1] Гордон, Чарльз Джордж (1833—1885)—английский генерал. В начале 1884 года был послан английским правительством для подавления махдистского освободительного восстания в Судане и в январе 1885 года был убит при взятии повстанцами Хартума.

[2] Бичер, Генри Уорд (1813—1887) — американский священник, брат Г. Бичер-Стоу — автора «Хижины дяди Тома». Сторонник женского равноправия, противник рабства. В 1863 году приезжал в Англию с циклом лекций об освобождении негров.

нию северян во время Гражданской войны, потому что я помию ваше иегодоваиие по поводу того, как его встретили иаиболее нетерпимые иаши сограждане. Вы были так возмущены, что, разумеется, думая о Бичере, ие могли не подумать и об этом. Когда через секунду вы отвели глаза от портрета, я предположил, что ваши мысли обратились к Гражданской войие, а заметив, как сжались ваши губы, засверкали глаза, а руки стисиули подлокотники кресла, я уже ие сомневался, что вы в самом деле думаете о храбрости, проявлеиной обеими стороиами в этой отчаяиной борьбе. Но затем на ваше лицо снова иабежала теиь; вы покачали головой. Вы размышляли об ужасах войиы и бесполезиых человеческих жертвах. Ваша рука потянулась к старой раие, а губы искрнвились в усмешке — я поиял, что иелепость такого способа разрешеиия междуиародиых коифликтов стала вам ясна. Тут я согласнлся, что это иелепо, и был рад обиаружить, что все мои заключения оказались правильиыми.

— Абсолютио! — сказал я.— Но и теперь, когда вы мне все объяснили, признаюсь, я не перестаю удивляться.

— Все это было очень поверхиостно, дорогой Уотсои, уверяю вас. Я ие стал бы отвлекать этим вашего виимаиия, не вырази вы иедоверия в тот раз. Но вот здесь у меия в руках задача, решеиие которой может оказаться трудиее, чем этот маленький опыт чтеиия мыслей. Вндели ли вы в газете коротенькую заметку об удивительном содержаиии пакета, присланного по почте иекой мисс Кушииг иа Кросс-стрит, в Кройдоие?

— Нет, я ничего такого ие видел.

— Так, зиачит, вы пропустили ее. Бросьте-ка мие газету. Смотрите, вот тут, под финансовым обзором. Не будете ли вы любезны прочесть ее вслух?

Я подиял газету, которую он бросил мие обратио, и прочел указанную заметку. Она была озаглавлеиа «Страшиая посылка».

«Мисс Сьюзен Кушинг, проживающая на Кросс-стрит, в Кройдоие, стала жертвой возмутительиейшей шутки, если только не окажется, что это пронсшествие имеет более зловещий смысл. Вчера в два часа дня почтальон принес ей иебольшой пакет, завернутый в бумагу.

Это была картоииая коробка, наполиеииая крупиой солью. Высыпав соль, мисс Кушииг в ужасе обиаружила два человеческих уха, отрезаииых, по-видимому, совсем недавио. Коробка была отправлеиа по почте из Белфаста иакаиуие утром. Отправитель ие указаи, и таииствеиность дела усугубляется тем, что мисс Кушииг, иезамужияя особа пятидесяти лет, ведет самый уедииеииый образ жизии и имеет так мало знакомых и корреспоидеитов, что очеиь редко получает что-либо по почте. Одиако иесколько лет иазад, живя в Пеидже[1], оиа сдавала в своем доме комиаты трем молодым студеитам-медикам, от которых была выиуждеиа избавиться вследствие их шумливости и распущеииости. Полиция считает, что безобразиый поступок, возможно, является делом рук этих молодых людей, которые имели зуб иа мисс Кушииг и хотели иапугать ее, послав ей этот сувеиир из аиатомического театра. Некоторое правдоподобие этой версии придает тот факт, что одии из студеитов раиьше жил в Северной Ирлаидии, иасколько известио мисс Кушииг,— в Белфасте. А пока ведется эиергичиое расследоваиие, поручеииое мистеру Лестрейду, одиому из лучших агеитов иашей сыскиой полиции».

— С «Дейли кроиикл» все,— сказал Холмс, когда я дочитал статью.— Теперь послушаем иашего друга Лестрейда. Утром я получил от иего записку, в которой он пишет:

«Я думаю, что это дело придется Вам очеиь по вкусу. Мы иадеемся довести его до коица, но у иас возникли иекоторые трудиости в связи с отсутствием материала. Мы, разумеется, телеграфировали в белфастский почтамт, ио в тот деиь было отправлеио миого посылок, и оии ничего не могут сказать про эту и ие помият ее отправителя. Коробка полуфуитовая, из-под паточиого табака, и она иам иичего ие дает.

Предположеиие иасчет студеита-медика все еще кажется мие иаиболее вероятиым, ио если у Вас есть иесколько свободиых часов, я был бы очеиь рад видеть

[1] Пригород Лондона.

Вас здесь. Я весь день буду либо в этом доме, либо в полицейском участке».

— Что вы на это скажете, Уотсон? Можете ли вы презреть жару и поехать со мной в Кройдон с некоторой надеждой на новое дело для ваших анналов?

— Я как раз думал, чем бы мне заняться.

— Тогда у вас будет занятие. Позвоните, чтобы нам принесли ботинки, и пошлите за кэбом. Я буду готов через минуту, только сниму халат и наполню портсигар.

Пока мы ехали в поезде, прошел дождь, и в Кройдоне жара была менее гнетущей, чем в столице. Перед отъездом Холмс отправил телеграмму, и Лестрейд, как всегда подвижной, щегольски одетый и похожий на хорька, встретил нас на станции. Через пять минут мы были на Кросс-стрит, где жила мисс Кушинг.

Это была очень длинная улица, застроенная двухэтажными кирпичными домами, чистенькими и немного чопорными; на беленых каменных крылечках судачили женщины в передниках. Пройдя около половины улицы, Лестрейд остановился и постучал в дверь; на стук вышла девочка-служанка. Нас провели в гостиную, где сидела мисс Кушинг. У нее было спокойное лицо, большие кроткие глаза и седеющие волосы, закрывавшие виски. Она вышивала салфеточку для кресла, а рядом стояла корзинка с разноцветными шелками.

— Эта пакость лежит в сарае,— сказала она, когда Лестрейд вошел в комнату.— Хоть бы вы их совсем забрали!

— Я так и сделаю, мисс Кушинг. Я держал их здесь только для того, чтобы мой друг мистер Холмс мог взглянуть на них в вашем присутствии.

— А почему в моем присутствии, сэр?

— На случай, если он захочет вас о чем-нибудь спросить.

— Что тут еще спрашивать, раз я сказала вам, что ровно ничего об этом не знаю?

— Совершенно верно, сударыня,— сказал Холмс успокаивающе.— Не сомневаюсь, что вам больше чем достаточно надоели в связи с этим делом.

— Еще бы, сэр. Я человек скромный, живу тихо. Мне никогда не случалось видеть свое имя в газетах, и полн-

ция у меня в доме ие бывала. Я ие позволю, чтобы эту пакость виосили сюда, мистер Лестрейд. Если вы хотите взгляиуть иа иих, вам придется пойти в сарай.

Малеиький сарай иаходился в узком садике за домом. Лестрейд вошел в сарай и выиес желтую картоииую коробку, кусок оберточиой бумаги и веревку. В коице дорожки была скамья, мы сели иа иее, и Холмс приияся рассматривать предметы, которые Лестрейд передавал ему одии за другим.

— Прелюбопытиейшая веревка,— заметил ои, подиимая ее к свету и обиюхивая.— Что вы скажете об этой веревке, Лестрейд?

— Оиа просмолеиа.

— Совершеино верио. Это кусок просмолеииого шпагата. Несомиеиио, вы заметили также, что мисс Кушиг разрезала веревку иожиицами, это видио по двум срезам с каждой стороиы. Это очеиь важио.

— Не поиимаю, что тут важиого,— сказал Лестрейд.

— Важио, что узел остался цел и что это узел особого рода.

— Ои завязаи очень аккуратио. Я уже обратил иа это виимаиие,— ие без самодовольства сказал Лестрейд.

— Ну, хватит о веревке,—сказал Холмс, улыбаясь,— теперь займемся упаковкой. Оберточиая бумага с отчетливым запахом кофе. Как, вы этого ие заметили? Здесь не может быть никакого сомиеиия. Адрес иаписаи печатиыми буквами, довольио коряво: «Мисс С. Кушиг, Кросс-стрит, Кройдои». Написаио толстым пером, возможио, «роидо», и очеиь плохими чериилами. Слово «Кройдои» виачале было иаписаио через «е», которое затем измеиено на «о». Итак, посылка была отправлеиа мужчиной —почерк явио мужской,— ие очеиь образоваиным и ие зиающим Кройдона. Пойдем дальше. Коробка желтая, полуфуитовая, из-под паточиого табака, иичем ие примечательиая, если ие считать двух отпечатков больших пальцев в левом нижием углу. Оиа иаполиеиа крупиой солью, которая примеияется для храиеиия кож и для других промышлеииых целей, связаиных с сырьем. И в соли иаходится весьма своеобразное вложеиие.

С этими словами он вытащил два уха и, положив себе на колено доску, стал внимательно их изучать, а мы с Лестрейдом, стоя по обе стороны, наклонились вперед и смотрели то на эти страшные сувениры, то на серьезное, сосредоточенное лицо нашего спутника. Наконец он положил их обратно в коробку и некоторое время сидел, глубоко задумавшись.

— Вы заметили, конечно,— сказал он наконец,— что это непарные уши.

— Да, это я заметил. Но если это шутка каких-нибудь студентов-медиков, им нечего не стоило послать и два непарных уха и пару.

— Совершенно правильно. Но это не шутка.

— Вы в этом убеждены?

— Многое в этом убеждает. Для работы в анатомическом театре в трупы вводят консервирующий раствор. На этих ушах его не заметно. Кроме того, они свежие. Они были отрезаны тупым инструментом, что едва ли могло бы случиться, если бы это делал студент. Далее, в качестве консервирующего вещества медик, естественно, выбрал бы раствор карболки или спирт и уж, конечно, не крупную соль. Повторяю: это не розыгрыш, перед нами серьезное преступление.

Легкая дрожь пробежала по моему телу, когда я услышал слова Холмса и увидел его помрачневшее лицо. За этим решительным вступлением таилось нечто странное, необъяснимое и ужасное. Лестрейд, однако, покачал головой, как человек, которого убедили только наполовину.

— Несомненно, кое-что говорит против версии с розыгрышем,— сказал он,— но против другой версии есть более сильные аргументы. Мы знаем, что эта женщина в течение последних двадцати лет, как в Пендже, так и здесь, жила самой тихой и добропорядочной жизнью. За это время она едва ли провела хоть один день вне дома. С какой же стати преступник станет посылать ей доказательство своей вины, тем более, что она — если только она не превосходная актриса — понимает в этом так же мало, как и мы?

— Это и есть задача, которую мы должны решить,— ответил Холмс,— и я, со своей стороны, начну с предположения, что мои рассуждения правильны и что было со-

вершено двойное убийство. Одно из этих ушей женское, маленькое, красивой формы, с проколом для серьги. Второе — мужское, загорелое и также с проколом для серьги. Эти два человека, по-видимому, мертвы, иначе мы бы уже услышали о них. Сегодня пятница. Посылка была отправлена в четверг утром. Следовательно, трагедия произошла в среду, или во вторник, или раньше. Если эти два человека были убиты, кто, кроме самого их убийцы, мог послать мисс Кушинг это свидетельство его преступления? Будем считать, что отправитель пакета и есть тот человек, которого мы ищем. Но у него должны быть веские причины для отправки этого пакета мисс Кушинг. Что же это за причины? Должно быть, необходимость сообщить ей, что дело сделано! Или, может быть, желание причинить ей боль. Но тогда она должна знать, кто этот человек. А знает ли она это? Сомневаюсь. Если она знает, зачем ей было звать полицию? Она могла закопать уши, и все осталось бы в тайне. Так она поступила бы, если бы хотела покрыть преступника. А если она не хотела его покрывать, она назвала бы его имя. Вот головоломка, которую нужно решить.

Он говорил быстро, высоким, звонким голосом, глядя невидящим взором поверх садовой ограды, потом проворно вскочил на ноги и пошел к дому.

— Я хочу задать несколько вопросов мисс Кушинг,— сказал он.

— В таком случае я вас покину,— сказал Лестрейд,— потому что у меня здесь есть еще одно дельце. Я думаю, что от мисс Кушинг мне больше ничего не нужно. Вы найдете меня в полицейском участке.

— Мы зайдем туда по дороге на станцию,— отозвался Холмс.

Через минуту мы были снова в гостиной, где мисс Кушинг продолжала спокойно и безмятежно вышивать свою салфеточку. Когда мы вошли, она положила ее на колени и устремила на нас открытый, испытующий взгляд своих голубых глаз.

— Я убеждена, сэр,— сказала она,— что это ошибка и посылка предназначалась вовсе не мне. Я несколько раз говорила это джентльмену из Скотленд-Ярда, но он только смеется надо мной. Насколько я знаю, у

меия нет нн одного врага на свете, так зачем же вдруг кому-то понадобнлось сыграть со миой такую шутку?

— Я склоняюсь к такому же миению, мисс Кушннг,— сказал Холмс, садясь рядом с ней.— По-моему, более чем вероятно...— Он умолк, н я, посмотрев в его сторону, с удивлением увндел, что он впнлся глазами в ее профнль. Удивлеиие, а затем н удовлетворение промелькнулн на его энергичном лице, но, когда она взглянула на него, чтобы узнать причиу его молчаиия, он уже всецело овладел собой. Теперь н я, в свою очередь, прнстальио посмотрел на ее гладко прнчесаниые седеющие волосы, опрятный чепец, маленькие позолоченные серьгн, спокойное лнцо; но я не увидел ничего, что могло бы объясинть явное волнеиие моего друга.

— Я хочу задать вам несколько вопросов...

— Ох, надоели мие эти вопросы! — раздраженио воскликнула мисс Кушинг.

— По-моему, у вас есть две сестры.

— Откуда вы знаете?

— Как только я вошел в комиату, я заметил иа камнне групповой портрет трех женщнн, одна нз которых, несомненио, вы самн, а другне так похожи на вас, что родство ие подлежнт сомненню.

— Да, вы совершенно правы. Это мои сестры — Сара и Мэрн.

— А вот тут, рядом со мной, висит другой портрет, сделанный в Ливерпуле, портрет вашей младшей сестры н какого-то мужчнны, судя по одежде — стюарда. Я вижу, что оиа в то время не была замужем.

— Вы очень быстро все замечаете.

— Это моя профессия.

— Ну что же, вы совершеино правы. Но она вышла замуж за мнстера Брауиера через несколько дней после этого. Когда был сделан синмок, он служил на Южноамерикаиской лиинн, но ои так любнл мою сестру, что не мог вынестн долгой разлукн с ней н перевелся на пароходы, которые ходят между Лнверпулом н Лондоном.

— Случайно ие на «Победнтеля»?

— Нет, на «Майский деиь», иасколько я знаю. Джнм однажды прнезжал сюда ко мне в гости. Это было до то-

го, как он нарушил свое обещание не пить; а потом он всегда пил, когда бывал на берегу, и от самой малости становился как сумасшедший. Да! Плохой это был день, когда его снова потянуло к бутылке. Сначала он поссорился со мной, потом с Сарой, а теперь Мэри перестала нам писать, и мы не знаем, что с ними.

Тема эта явно волновала мисс Кушниг. Как большинство одиноких людей, она вначале стеснялась, но под конец стала чрезвычайно разговорчивой. Она рассказала нам много подробностей о своем зяте-стюарде, а затем, перейдя к своим бывшим постояльцам — студентам-медикам, долго перечисляла все их провинности, сообщила их имена и название больницы, где они работали. Холмс слушал внимательно, время от времени задавая вопросы.

— Теперь о вашей средней сестре, Саре,— сказал он.— Как-то удивительно, что вы не живете одним домом, раз вы обе не замужем.

— Ах! Вы не знаете, какой у нее характер, а то бы не удивлялись. Я попыталась было, когда переехала в Кройдон, и мы жили вместе до недавнего времени — всего месяца два прошло, как мы расстались. Не хочется говорить плохое про родную сестру, но она, Сара, всегда лезет не в свое дело и привередничает.

— Вы говорите, что она поссорилась с вашими ливерпульскими родственниками?

— Да, а одно время они были лучшими друзьями. Она даже поселилась там, чтобы быть рядом с ними. А теперь не знает, как покрепче обругать Джима Браунера. Последние полгода, что она жила здесь, она только и говорила, что о его пьянстве и скверных привычках. Наверно, он поймал ее на какой-нибудь сплетне и сказал ей пару теплых слов; ну, тут все и началось.

— Благодарю вас, мисс Кушниг,— сказал Холмс, вставая и откланиваясь.— Ваша сестра Сара живет, кажется, в Уоллингтоне, на Нью-стрит? Всего хорошего, мне очень жаль, что пришлось вас побеспокоить по делу, к которому, как вы и говорите, вы не имеете никакого отношения.

Когда мы вышли на улицу, мимо проезжал кэб, и Холмс окликнул его.

— Далеко ли до Уоллингтона? — спросил он.

— Всего около мили, сэр.

— Отличио. Садитесь, Уотсои. Надо ковать железо, пока горячо. Хоть дело и простое, с иим связаны кое-какие поучительиые детали. Эй, остановитесь возле телеграфа, когда будем проезжать мимо.

Холмс отправил короткую телеграмму и всю остальиую часть пути сидел в кэбе, развалившись и иадвиив шляпу иа иос, чтобы защититься от солица. Наш возиица остаиовился у дома, похожего на тот, который мы только что покииули. Мой спутиик приказал ему подождать, но едва ои взялся за двериой молоток, как дверь отворилась, и иа пороге появился серьезиый молодой джеитльмеи в черном, с очеиь блестящим цилиндром в руке.

— Мисс Кушииг дома? — спросил Холмс.

— Мисс Сара Кушииг серьезио больиа,— ответил тот.— Со вчерашиего дия у нее появились симптомы тяжелого мозгового заболеваиия. Как ее врач, я ни в коем случае ие могу взять иа себя ответствеииость и пустить к ией кого-либо. Советую вам зайти дней через десять.

Ои иадел перчатки, закрыл дверь и зашагал по улице.

— Ну что ж, нельзя — зиачит, иельзя,— бодро сказал Холмс.

— Вероятио, оиа и ие смогла бы, а то и не захотела бы миого вам сказать.

— А мие вовсе и ие иужио, чтобы оиа мне что-нибудь говорила. Я хотел только посмотреть иа иее. Впрочем, по-моему, у меия и так есть все, что иадо... Отвезите иас в какой-иибудь приличиый отель, где можио позавтракать, а потом мы поедем к нашему другу Лестрейду в полицейский участок.

Мы отлично позавтракали; за столом Холмс говорил только о скрипках и с большим воодушевлеиием рассказал, как ои за пятьдесят пять шиллиигов купил у одиого еврея, торгующего подержаниыми вещами иа Тоттенхем-Корт-роуд, скрипку Страдивариуса, которая стоила по меньшей мере пятьсот гиней. От скрипок он перешел к Пагаиини, и мы около часа просидели за бутылкой кларета, пока он рассказывал мие одну за другой истории об этом иеобыкновеиием человеке. Было уже далеко за пол-

день, и жаркий блеск солнца сменился приятным мягким светом, когда мы приехали в полицейский участок. Лестрейд ждал нас у двери.

— Вам телеграмма, мистер Холмс,— сказал он.

— Ха, это ответ! — Он распечатал ее, пробежал глазами и сунул в карман.— Все в порядке,— сказал он.

— Вы что-нибудь выяснили?

— Я выяснил все!

— Что? — Лестрейд посмотрел на него в изумлении.— Вы шутите.

— Никогда в жизни не был серьезнее. Совершено ужасное преступление, и теперь, мне кажется, я раскрыл все его детали.

— А преступник?

Холмс нацарапал несколько слов на обороте своей визитной карточки и бросил ее Лестрейду.

— Вот о ком идет речь,— сказал он.— Произвести арест можно будет самое раннее завтра вечером. Я просил бы вас не упоминать обо мне в связи с этим делом, ибо я хочу, чтобы мое имя называли только в тех случаях, когда разгадка преступления представляет известную трудность. Идемте, Уотсон.

Мы зашагали к станции, а Лестрейд так и остался стоять, восхищенно глядя на карточку, которую бросил ему Холмс.

— В этом деле,— сказал Шерлок Холмс, когда мы, закурив сигары, беседовали вечером в нашей квартире на Бейкер-стрит,— как и в расследованиях, которые вы занесли в свою хронику под заглавиями «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырех», мы были вынуждены рассуждать в обратном порядке, идя от следствий к причинам. Я написал Лестрейду с просьбой сообщить нам недостающие подробности, которые он узнает только после того, как возьмет преступника. А об этом можно не беспокоиться, потому что, несмотря на полное отсутствие ума, он вцепится, как бульдог, если поймет, что надо делать; эта-то цепкость и помогла ему сделать карьеру в Скотленд-Ярде.

— Значит, вам еще не все ясно? — спросил я.

— В основном все. Мы знаем, кто совершил это от-

вратительное преступлеиие, хотя одиа из жертв иам еще неизвестиа. Коиечио, вы уже прйшли к какому-то выводу.

— Очевидно, вы подозреваете этого Джима Брауиера, стюарда с ливерпульского парохода?

— О! Это больше чем подозрение.

— И все же я не вижу ничего, кроме весьма неопределеииых указаиий.

— Напротив, по-моему, иичто ие может быть ясиее. Давайте еще раз пройдем по осиовиым этапам нашего расследоваиия. Как вы помиите, мы подошли к делу абсолютно иепредвзято, что всегда является большим преимуществом. У нас не было зараиее построеиией теории. Мы просто отправились туда, чтобы иаблюдать и делать выводы из иаших иаблюдеиий. Что мы увидели прежде всего? Очеиь спокойиую и почтеиию жеищиу, судя по всему, ие имеющую никаких тайи, и фотографию, из которой я узиал, что у нее есть две младшнх сестры. Тогда же у меия мелькиула мысль, что коробка могла предиазиачаться одиой из иих. Но я оставил эту мысль, решив, что подтвердить ее или опровергиуть еще успею. Затем, как вы помните, мы пошли в сад и увидели необычайиое содержимое малеиькой желтой коробки.

Веревка была такая, какой шьют паруса, и в иашем расследоваиии сразу же запахло морем. Когда я заметил, что оиа завязаиа распростраиеииым морским узлом, что посылка была отправлеиа из порта и что в мужском ухе сделаи прокол для серьги, а это чаще встречается у моряков, чем у людей сухопутиых, мие стало совершеино ясио, что всех актеров этой трагедии иадо искать поближе к кораблям и к морю.

Рассмотрев иадпись иа посылке, я обнаружил, что оиа адресоваиа мисс С. Кушниг. Самая старшая сестра была бы, разумеется, просто мисс Кушииг, ио хотя ее имя иачииается иа «С», с этой же буквы могло иачииаться имя и одиой из двух других. В таком случае расследование пришлось бы иачииать сиачала, совсем иа другой осиове. Для того, чтобы выясиить это обстоятельство, я и вериулся в дом. Я уже собирался заверить мисс Кушинг, что, по-моему, здесь произошла ошнбка, когда, как вы, вероятио, помните, я внезапио умолк. Дело в том, что я вдруг увидел нечто, страшно меня удивившее и в то же

время чрезвычайно сузившее поле нашего расследования.

Будучи медиком, Уотсон, вы знаете, что нет такой части человеческого тела, которая была бы столь разнообразна, как ухо. Каждое ухо, как правило, очень индивидуально и отличается от всех остальных. В «Антропологическом журнале» за прошлый год вы можете найти две мои статейки на эту тему. Поэтому я осмотрел уши в коробке глазами специалиста и внимательно отметил их анатомические особенности. Вообразите мое удивление, когда, взглянув на мисс Кушинг, я понял, что ее ухо в точности соответствует женскому уху, которое я только что изучал. О совпадении не могло быть и речи. Передо мной была та же несколько укороченная ушная раковина, с таким же широким изгибом в верхней части, та же форма внутреннего хряща. Словом, судя по всем важнейшим признакам, это было то же самое ухо.

Конечно, я сразу понял огромную важность этого открытия. Ясно, что жертва находилась в кровном и, по-видимому, очень близком родстве с мисс Кушинг. Я заговорил с ней о ее семье, и вы помните, что она сразу сообщила нам ряд ценнейших подробностей.

Во-первых, имя ее сестры Сара, и адрес ее до недавнего времени был тот же самый, так что понятно, как произошла ошибка и кому посылка предназначалась. Затем мы услышали об этом стюарде, женатом на третьей сестре, и узнали, что одно время он был очень дружен с мисс Сарой и та даже переехала в Ливерпуль, чтобы быть ближе к Браунерам, но потом они поссорились. После этой ссоры все отношения между ними прервались на несколько месяцев, так что, если бы Браунер решил отправить посылку мисс Саре, он, несомненно, послал бы ее по старому адресу.

И вот дело начало удивительным образом проясняться. Мы узнали о существовании этого стюарда, человека неуравновешенного, порывистого,— вы помните, что он бросил превосходное, по-видимому, место, чтобы не покидать надолго жену,—и к тому же запойного пьяницы. Мы имели основание полагать, что его жена была убита и тогда же был убит какой-то мужчина — очевидно, моряк. Конечно, в качестве мотива преступления прежде всего напрашивалась ревность. Но почему эти доказательства

совершенного злодеяния должна была получить мисс Сара Кушинг? Вероятно, потому, что за время своего пребывания в Ливерпуле она сыграла важную роль в событиях, которые привели к трагедии. Заметьте, что пароходы этой линии заходят в Белфаст, Дублин и Уотерфорд; таким образом, если предположить, что убийца — Браунер и что он сразу же сел на свой пароход «Майский день», Белфаст — первое место, откуда он мог отправить свою страшную посылку.

Но на этом этапе было возможно и другое решение, и, хотя я считал его очень маловероятным, я решил проверить себя, прежде чем двигаться дальше. Могло оказаться, что какой-нибудь неудачливый влюбленный убил мистера и миссис Браунер и мужское ухо принадлежит мужу. Против этой теории имелось много серьезных возражений, но все же она была допустима. Поэтому я послал телеграмму Элгару, моему другу из ливерпульской полиции, и попросил его узнать, дома ли миссис Браунер и отплыл ли мистер Браунер на «Майском дне». Затем мы с вами направились в Уоллингтон к мисс Саре.

Прежде всего мне любопытно было посмотреть, насколько точно повторяется у нее семейное ухо. Кроме того, она, конечно, могла сообщить нам очень важные сведения, но я не слишком надеялся, что она захочет это сделать. Она наверняка знала о том, что произошло накануне, поскольку об этом шумит весь Кройдон, и она одна могла понять, кому предназначалась посылка. Если бы она хотела помочь правосудию, она, вероятно, уже связалась бы с полицией. Во всяком случае, повидать ее было нашей прямой обязанностью, и мы пошли. Мы узнали, что известие о прибытии посылки — ибо ее болезнь началась с того момента — произвело на нее такое впечатление, что вызвало горячку. Таким образом, окончательно выяснилось, что она поняла значение посылки, но не менее ясно было и то, что нам придется некоторое время подождать, прежде чем она сможет оказать нам какое-то содействие.

Однако мы не зависели от ее помощи. Ответы ждали нас в полицейском участке, куда Элгар послал их по моей просьбе. Ничто не могло быть убедительнее. Дом миссис Брауиер стоял запертый больше трех дней, и сосе-

ди полагали, что она уехала иа юг к своим родствеиникам. В пароходном агентстве было установлеио, что Брауиер отплыл иа «Майском дие», который, по моим расчетам, должеи появиться иа Темзе завтра вечером. Когда ои прибудет, его встретит туповатый, ио решительный Лестрейд, и я ие сомиеваюсь, что мы узнаем все недостающие подробиости.

Шерлок Холмс ие обмаиулся в своих ожиданиях. Два дия спустя ои получил объемистый коиверт, в котором была короткая записка от сыщика и отпечатаииый на машинке докумеит, заннмавший иесколько страииц большого формата.

— Ну вот, Лестрейд поймал его,— сказал Холмс, взгляиув иа меия.— Вероятио, вам будет иитересио послушать, что ои пишет.

«Дорогой мистер Холмс!
Согласио плаиу, который мы выработали с целью проверки иаших предположений (это «мы» великолепио, правда, Уотсои?), я отправился вчера в шесть часов вечера в Альберт-док и взошел иа борт парохода «Майский деиь», курсирующего иа лиии Ливерпул — Дублии — Лондои. Наведя справки, я узиал, что стюард по имеии Джеймс Брауиер находится иа борту и во время рейса вел себя так странно, что капитаи был вынужден освободить его от его обязаииостей. Сойдя вииз, где находилась его койка, я увидел, что ои сидит на сундуке, обхватив голову руками и раскачиваясь из стороны в стороиу. Это большой, крепкий пареиь, чисто выбритый и очеиь смуглый — иемного похож иа Олдриджа, который помогал иам в деле с миимой прачечиой. Когда ои услышал, что мне иужно, ои вскочил на иоги, и я подиес свисток к губам, чтобы позвать двух человек из речиой полиции, которые стоялн за дверью; но ои словио бы совсем обессилел и без всякого сопротивлеиия дал иадеть иа себя иаручники. Мы отправили его в участок и захватили его сундук, иадеясь обиаружить в ием какие-иибудь веществеиные доказательства; ио за исключением большого острого иожа, который есть почти у каждого моряка, мы не нашли иичего, что возиаградило бы иаши стараиия. Одиако выясиилось, что нам ие иужиы иикакие доказательства, потому что, когда его при-

вели к ииспектору, ои пожелал сделать заявлеиие, которое, разумеется, записывал иаш стеиографист. Мы отпечатали три экземпляра, одии из которых я прилагаю. Дело оказалось, как я всегда и думал, исключительио простым, ио я благодареи Вам за то, что Вы помогли мие его расследовать. С сердечиым приветом

Искреиие Ваш
Дж. Лестрейд».

— Хм! Это действительио было очеиь простое расследоваиие,— заметил Холмс,— ио едва ли оио представлялось ему таким виачале, когда он обратился к иам. Одиако давайте посмотрим, что говорит сам Джим Брауиер. Вот его заявление, сделаиное инспектору Моитгомери в Шедуэллском полицейском участке,— по счастью, запись стеиографическая.

«Хочу ли я что-нибудь сказать? Да, я миого чего хочу сказать. Все хочу выложить, иачистоту. Вы можете повесить меия или отпустить — мие плевать. Говорю вам, я с тех пор ии иа мииуту ие мог засиуть; иаверио, если я и засиу теперь, так только вечиым сиом. Иногда его лицо стоит передо миой, а чаще — ее. Все время так. Ои смотрит хмуро, злобио, а у иее лицо такое удивлеииое. Ах, бедиая овечка, как же ей было ие удивляться, когда оиа прочла смерть иа лице, которое всегда выражало одиу только любовь к ней.

Но это все Сара виновата, и пусть проклятие человека, которому оиа сломала жизнь, падет иа ее голову и свериет кровь в ее жилах! Не думайте, что я оправдываюсь. Я зиаю, я сиова иачал пить, вел себя, как скотииа. Но оиа простила бы меия, оиа льиула бы ко мие, как веревка к блоку, если бы эта жеищииа ие переступила иашего порога. Ведь Сара Кушиг любила меия — в этом все дело,— оиа любила меия, пока ее любовь ие превратилась в смертельиую иеиависть, когда оиа узнала, что след моей жеиы в грязи зиачит для меия больше, чем все ее тело и душа.

Их было три сестры. Старшая была просто хорошая женщииа, вторая — дьявол, а третья — ангел. Когда я жеиился, Саре было тридцать три, а Мэри — двадцать

девять. Мы зажили своим домом и счастливы были не знаю как, и во всем Ливерпуле ие было женщины лучше моей Мэри. А потом мы пригласили Сару на иедельку, и иеделька превратилась в месяц, а дальше — больше, так что она стала члеиом иашей семьи.

Тогда я ходил в трезвенниках, мы понемножку откладывали и жили припеваючи. Боже мой, кто бы мог подумать, что все так коичится? Кому это могло прийти в голову?

Я обычио приезжал домой иа субботу и воскресенье, а иногда, если пароход задерживался для погрузки, я бывал свободеи по целой иеделе, поэтому довольно часто вндел свою своячеиицу Сару. Была оиа ладиая, высокая, черноволосая, быстрая и горячая, с гордо закинутой головой, а в глазах у иее вспыхивали искры как из-под кремия. Но я даже и ие думал о ией, когда крошка Мэри была рядом, вот бог мие свидетель.

Иногда мне казалось, что ей иравится сидеть со миой вдвоем нли вытаскивать меия иа прогулку, да я ие придавал этому значеиия. Но однажды вечером у меия открылись глаза. Я пришел с парохода; жены не было, ио Сара была дома. «Где Мэри?» — спросил я. «О, пошла платить по какнм-то счетам». От иетерпения я принялся мерять шагами комиату. «Джим, иеужели ты н пяти минут ие можешь быть счастлив без Мэри? — спросила она.— Плохи мои дела, если моя компания не устраивает тебя даже иа такое короткое время». «Да будет тебе, сестрица»,— сказал я и ласково протянул ей руку, а оиа схватила ее обеими руками, такими горячими, точио оиа была в жару. Я посмотрел ей в глаза и все там прочел. Оиа могла иичего ие говорить, да и я тоже. Я иахмурился и отдериул руку. Оиа молча постояла рядом со миой, потом подияла руку и похлопала меия по плечу. «Вериый старый Джим!» — сказала оиа и с легким смешком, словио издеваясь иадо мной, выбежала из комиаты.

И вот с этого времеии Сара возиеиавидела меия всей душой, а оиа такая жеищииа, которая умеет иенавидеть. Я был дурак, что позволил ей остаться у иас,— пьяный дурак, но я ии слова ие сказал Мэри, потому что это ее огорчило бы. Все шло почтн как прежде, но через иекоторое время я иачал замечать, что Мэри как будто изменн-

лась. Она всегда была такой доверчивой и простодушной, а теперь стала странная и подозрительная и все допытывалась, где я бываю, и что делаю, и от кого получаю письма, и что у меня в карманах, и прочие такие глупости. С каждым днем она становилась все чуднее и раздражительнее, и мы то и дело ссорились из-за пустяков. Я не знал, что и думать. Сара теперь избегала меня, но с Мэри они были просто неразлучны. Сейчас-то я понимаю, как она интриговала и настраивала мою жену против меня, но в то время я был слеп, как крот. Потом я снова запил, но этого бы не было, если бы Мэри оставалась прежней. Теперь у нее появилась причина чувствовать ко мне отвращение, и пропасть между нами стала увеличиваться. А потом появился этот Алек Фэрберн, и все покатилось к чертям.

Сперва он пришел в мой дом из-за Сары, но скоро стал ходить уже к нам,— он умел расположить к себе человека и без труда всюду заводил друзей. Лихой был малый, развязный, такой щеголеватый, кудрявый; объехал полсвета и умел рассказать о том, что повидал. Я не спорю, в компании он был парень что надо и для матроса на редкость учтив: видно, было время, когда он больше торчал на мостике, чем на баке. Он то и дело забегал к нам, и за весь этот месяц мне ни разу не пришло в голову, что его мягкость и обходительность могут довести до беды. Наконец кое-что показалось мне подозрительным, и с той поры я уже не знал покоя.

Это была просто мелочь. Я неожиданно вошел в гостиную и, переступая через порог, заметил радость на лице жены. Но когда она увидела, кто идет, оживление исчезло с ее лица, и она отвернулась с разочарованным видом. Этого было для меня достаточно. Мои шаги она могла спутать только с шагами Алека Фэрберна. Попадись он мне тогда, я бы его убил на месте, потому что я всегда теряю голову, когда выхожу из себя. Мэри увидела дьявольский огонь в моих глазах, бросилась ко мне, схватила меня за рукав и кричит: «Не надо, Джим, не надо!» «Где Сара?» — спросил я. «На кухне»,— ответила она. «Сара,— сказал я, входя в кухню,— чтоб ноги этого человека здесь больше не было». «Почему?» — спросила она. «Потому что я так сказал». «Вот как! — сказала

оиа.— Если мои друзья иедостаточио хороши для этого дома, тогда и я для иего иедостаточио хороша». «Ты можешь делать что хочешь,— сказал я,— но если Фэрбери покажется здесь сиова, я прншлю тебе его ухо в подарок». Навериое, мое лицо испугало ее, потому что оиа ие ответила ии слова и в тот же вечер от нас уехала.

Я ие зиаю, от одиой ли злости оиа делала все это или думала поссорить меия с жеиой, подбивая ее на измеиу. Во всяком случае, оиа сияла дом через две улицы от иас и стала сдавать комиаты морякам. Фэрбери обычио жил там, и Мэри ходила туда пить чай со своей сестрой и с ним. Часто оиа там бывала или иет, я не зиаю, ио однажды я выследил ее, и, когда я ломился в дверь, Фэрбери удрал, как подлый трус, перепрыгиув через задиюю стеиу сада. Я пригрозил жеие, что убью ее, если еще раз увижу их вместе, и повел ее домой, а оиа всхлипывала, дрожала и бледиая была, как бумага. Между иами теперь ие оставалось уже и следа любви. Я видел, что оиа иеиавидит меия и боится, и, когда от этой мысли я сиова прииимался пить, оиа вдобавок презирала меия.

Тем времеием Сара убедилась, что в Ливерпуле ей ие заработать иа жизиь, и уехала, как я поиял, к своей сестре в Кройдои, а у иас дома все продолжалось по-старому. И вот иаступила последияя иеделя, когда случилась эта беда и пришла моя погибель.

Дело было так. Мы ушли иа «Майском дие» в семидневиый рейс, ио большая бочка с грузом отвязалась и пробила переборку, так что иам пришлось вериуться в порт иа двеиадцать часов. Я сошел иа берег и отправился домой, думая, каким сюрпризом это будет для моей жеиы, и иадеясь, что, может, оиа обрадуется, увидев меия так скоро. С этой мыслью я повернул иа иашу улицу, и тут мимо меия проехал кэб, в котором сидела она рядом с Фэрберием; оба оии болтали, и смеялись, и даже ие думали обо мие, а я стоял и глядел иа иих с тротуара.

Правду вам говорю, даю слово, с той мииуты я был сам не свой, и как вспомию — все это кажется мне туманиым сиом. Последиее время я много пил и от всего

вместе совсем свнхнулся. В голове моей н сейчас что-то стучнт, как клепальный молоток, но в то утро у меня в ушах шумела н гудела целая Ннагара.

Я погнался за кэбом. В руке у меня была тяжелая дубовая палка, н говорю вам: я сразу потерял голову. Но пока я бежал, я решнл быть похнтрее н немного отстал, чтобы вндеть нх, но самому не попадаться нм на глаза. Вскоре онн остановнлнсь у вокзала. Возле кассы была большая толпа, так что я подошел к ннм совсем блнзко, но онн меня не вндели. Онн взялн билеты до Нью-Брайтона. Я тоже, только сел на трн вагона дальше. Когда мы прнехалн, онн пошлн по набережной, а я — в какой-ннбудь сотне ярдов следом за ннми. Наконец я увндел, что онн берут лодку н собнраются ехать кататься, потому что день был очень жаркнй, н онн, конечно, решнлн, что на воде будет прохладнее.

Теперь нх словно отдалн мне в рукн. Стояла легкая дымка, н вднмость не превышала нескольknх сот ярдов. Я тоже взял лодку н поплыл за ннмн. Я смутно вндел нх впередн, но онн шлн почтн с такой же скоростью, как я, н успелн, должно быть, отъехать от берега на добрую мнлю, прежде чем я догнал нх. Дымка окружала нас, словно завеса. О господн, я не забуду, какне у ннх сталн лнца, когда онн увиделн, кто был в лодке, которая к ннм прнблнжалась. Она вскрнкнула не своим голосом. А он стал ругаться, как сумасшедшнй, н тыкать в меня веслом: должно быть, в монх глазах он увндел смерть. Я увернулся н нанес ему удар палкой — голова его раскололась, как яйцо. Ее я, может быть, н пощаднл бы, несмотря на все мое безумне, но она обвнла его рукамн, заплакала н стала звать его «Алек». Я ударнл еще раз, н она упала рядом с ним. Я был как днкнй зверь, почуявшнй кровь. Еслн бы Сара была там, клянусь богом, н она бы пошла за ннмн. Я вытащнл нож н... ну ладно, хватнт. Мне доставляло какую-то жестокую радость думать, что почувствует Сара, когда получнт это н увиднт, чего она добнлась. Потом я прнвязал тела к лодке, проломнл доску н подождал, пока онн не утонулн. Я был уверен, что хозяин лодкн подумает, будто онн заблуднлнсь в тумане н нх унесло в море. Я прнвел себя в порядок, прнчалнл к берегу, вернулся на свой корабль, н нн одна душа не подозревала о случившемся. Ночью

я приготовил посылку для Сары Кушинг, а на другой день отправил ее из Белфаста.

Теперь вы знаете всю правду. Вы можете повесить меня или сделать со мной что хотите, но не сможете наказать меня так, как я уже наказан. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу эти два лица — они все смотрят на меня, как смотрели тогда, когда моя лодка выплыла из тумана. Я убил их быстро, а они убивают меня медленно; еще одна такая ночь, и к утру я либо сойду с ума, либо умру. Вы не посадите меня в одиночку, сэр? Умоляю вас, не делайте этого, и пусть с вами обойдутся в ваш последний день так же, как вы сейчас обойдетесь со мной».

— Что же это значит, Уотсон? — мрачно спросил Холмс, откладывая бумагу.— Каков смысл этого круга несчастий, насилия и ужаса? Должен же быть какой-то смысл, иначе получается, что нашим миром управляет случай, а это немыслимо. Так каков же смысл? Вот он, вечный вопрос, на который человеческий разум до сих пор не может дать ответа.

АЛОЕ КОЛЬЦО

I

— По-моему, миссис Уорреи, у вас нет серьезных причин беспокоиться,— сказал Шерлок Холмс,— а мне, человеку, чье время в какой-то степени ценно, нет смысла ввязываться в эту историю. Право же, у меня достаточно других занятий.— И он снова взялся за свой огромный альбом с газетными вырезками, намереваясь вклеить в него и вписать в указатель какие-то новые материалы.

Но миссис Уоррен, упрямая и лукавая, как всякая женщина, твердо стояла на своем.

— В прошлом году вы распутали дело одного моего жильца,— сказала она.— Мистера Фэрдела Хоббса.

— О да, пустяковое дело.

— Но он, не переставая, говорил об этом — про вашу доброту, сэр, про то, как вы сумели раскрыть тайну. Я вспомнила его слова теперь, когда сама брожу в потемках и окружена тайной. Я уверена, вы найдете время, если только захотите.

Холмс поддавался на лесть и, надо отдать ему справедливость, был человеком отзывчивым. Эти две силы побудили его, вздохнув, безропотно положить на место кисточку для клея и отодвинуться от стола вместе со своим креслом.

— Ну что ж, миссис Уоррен, рассказывайте. Вам не помешает, если я закурю? Спасибо. Уотсон,— спички!

Насколько я понимаю, вы обеспокоены тем, что ваш новый жилец не выходит из своих комнат и вы никогда его не видите? Простите, миссис Уоррен, но будь я вашим постояльцем, вы частенько не видели бы меня неделями.

— Вы правы, сэр, только тут совсем другое. Мне страшно, мистер Холмс. Я не сплю по ночам от страха. Слушать, как он ходит там взад и вперед, с раннего утра и до позднего вечера, и никогда его не видеть — такого мне не вынести. Мой муж нервничает, как и я, но он весь день на службе, а мне куда деваться? Почему он прячется? Что он натворил? Кроме служанки, я одна с ним в доме, и мои нервы больше не выдерживают.

Холмс наклонился к женщине и положил ей на плечо свои длинные, тонкие пальцы. Он, когда хотел, проявлял чуть ли не гипнотическую способность успокаивать. Взгляд женщины утратил выражение испуга, а черты ее взбудораженного лица обрели присущую им обыденность. Она села в указанное Холмсом кресло.

— Если я берусь распутать загадку, я должен знать мельчайшие подробности,— сказал он.— Соберитесь с мыслями. Самая незначительная деталь может оказаться самой существенной. Вы говорите, этот человек явился десять дней назад и заплатил вам за квартиру и стол вперед за две недели?

— Он спросил, какие будут мои условия, сэр. Я ответила — пятьдесят шиллингов в неделю. На верхнем этаже у меня небольшая гостиная и спальня — обособленная квартирка.

— Дальше?

— Он сказал: «Я буду платить вам вдвое больше — пять фунтов в неделю, если вы согласитесь на мои условия». Я женщина небогатая, сэр, мистер Уоррен зарабатывает мало, и такие деньги для меня большое подспорье. Он тут же достал десятифунтовый кредитный билет. «Вы будете получать столько же каждые две недели в течение долгого времени, если согласитесь,— сказал он,— а нет — так я с вами никаких дел больше не имею».

— И какие же он поставил условия?

— Так вот, сэр, он хотел иметь ключ от дома. В этом ничего удивительного нет. Жильцы нередко имеют свой

ключ. А также, чтоб его предоставнли самому себе, и никогда, ни при каких обстоятельствах не тревожнли.

— Но ведь н в этом нет ничего особенного.

— Так-то оно так, сэр, да надо меру знать. А тут какая уж мера. Он у нас десять дней, и ни я, ни мистер Уоррен, нн служанка нн разу его не видели. Мы слышим, как он там ходит н ходит — ночью, утром, днем, но нз дому он выходил только в первый вечер.

— О, значит, в первый вечер он выходил?

— Да, сэр, н вернулся очень поздно — мы все уже легли спать. Он предупредил, что прндет поздно, н просил не запирать дверь на задвижку. Я слышала, как он поднимался по лестнице, это было уже после полуночи.

— А как насчет еды?

— Он особо наказал, чтоб еду ставили на стул за его дверью после того, как он позвонит. Когда поест, он звонит опять, н мы забираем подпос с того же стула. А если ему надо что-нибудь еще, он оставляет клочок бумагн, на котором написано печатнымн буквамн.

— Печатными буквами?

— Да, сэр, карандашом. Только одно слово н ничего больше. Я прнпесла вам показать, вот: МЫЛО. А вот еще: СПИЧКА. Эту запнску — «ДЕЙЛИ ГАЗЕТТ» — он положил в первое утро. Я оставляю ему эту газету на стуле каждое утро вместе с завтраком.

— Вот как! — сказал Холмс, с любопытством разглядывая клочкн бумаги, протянутые ему миссис Уоррен.— Это действительно не совсем обычно. Желание отгородиться от людей мне понятно, но зачем печатные буквы? Писать печатными буквами — утомительное занятие. Почему он не пишет просто? Как вы это объясните, Уотсон?

— Он хочет скрыть свой почерк?

— Но зачем? Что ему до того, если квартирная хозяйка получит бумажку, написанную его рукой? Впрочем, может, вы и правы... Ну, а почему такие лаконичные записки?

— Понятия не имею.

— Это открывает перед нами нитересные возможности для умозаключений. Напнсано плохо отточенным, фиолетового цвета карандашом весьма обычного образца. Обратнте внимание, у запнскн оборвали уголок по-

сле того, как она была напечатана, недостает кусочка буквы «м» в слове «мыло». Наводит на размышления, Уотсон, а?

— Он чего-то опасается?

— Безусловно. На бумажке, по-видимому, остался след, отпечаток пальца или что-нибудь еще, по чему его могли бы опознать. Так вы говорите, миссис Уоррен, что человек этот среднего роста, брюнет и носит бороду. А сколько ему лет?

— Молодой, сэр, не больше тридцати.

— На что вы еще обратили внимание?

— Он правильно говорил по-английски, сэр, и все-таки, судя по произношению, я подумала, что он иностранец.

— И он был хорошо одет?

— Очень хорошо, сэр, настоящий джентльмен. Черный костюм — ничего такого, что бросалось бы в глаза.

— Он не назвался?

— Нет, сэр.

— Не получал писем, и никто не навещал его?

— Нет.

— Но вы или служанка, разумеется, входите по утрам в его комнату?

— Нет, сэр, он сам себя обслуживает.

— Неужели! Поистине удивительно. Ну, а какой у него был багаж?

— Один большой коричневый чемодан — и только.

— М-да, не сказал бы, что у нас много данных. Так вы говорите, что из комнаты ничего не выносили, совсем ничего?

Миссис Уоррен извлекла из сумочки конверт и вытряхнула из него на стол две использованные спички и окурок сигареты.

— Это было нынче утром на подносе. Я принесла, так как слышала, что даже из мелочей вы умеете делать серьезные выводы.

Холмс пожал плечами.

— Из этого никаких серьезных выводов не сделаешь. Спичками, разумеется, зажигали сигареты, судя по тому, что обгорел только кончик. Когда зажигают сигару или трубку, сгорает половина спички. Э, а вот окурок дейст-

вительно представляет интерес. Вы говорите, у этого джентльмена усы и борода?

— Да, сэр.

— Тогда не понимаю. Эту сигарету, по-моему, мог курить только гладко выбритый человек. Ведь даже ваши скромные усы, Уотсон, нельзя было бы не опалить.

— Мундштук? — предположил я.

— Ни в коем случае: примят кончик. А может быть, у вас в доме живут два человека, миссис Уорреи?

— Нет, сэр. Он ест так мало, что я порой удивляюсь, как одному-то хватает.

— Что ж, придется ждать еще материала. В конце концов вам не на что жаловаться. Квартирную плату вы получили, и он спокойный жилец, хотя, безусловно, не совсем обычный. Он хорошо вам платит, а если предпочитает не показываться, то, собственно, вас это не касается. У нас нет причин нарушать его уединение, пока нет оснований полагать, что он скрывается от закона. Я берусь за это дело и буду о нем помнить. Сообщите, если произойдет что-либо новое, и рассчитывайте на мою помощь, если она понадобится.

— В этом деле, несомненно, есть кой-какие занятные особенности, Уотсон,— сказал он после того, как миссис Уорреи ушла.— Оно может оказаться пустяковым — допустим, жилец просто оригинал; возможно, однако, что оно гораздо серьезнее, чем выглядит поначалу. Прежде всего приходит в голову, что в комнатах миссис Уоррен живет вовсе не тот человек, который их снимал.

— Почему вы так думаете?

— На такую мысль наводит окурок, и потом, разве не было установлено, что жилец выходил один раз и в тот же день, как снял квартиру? Он — или кто-то другой — возвратился, когда никто в доме не мог его видеть. У нас нет никаких доказательств, что вернувшийся — тот самый человек, который уходил. Далее, человек, снявший комнаты, правильно говорил по-английски. Этот же пишет печатными буквами и «спичка» вместо «спички». По-видимому, он нашел слово в словаре, ведь словарь дает существительное только в единственном числе. Краткость, возможно, ему нужна, чтобы скрыть незнание английского языка. Да, Уотсон, у нас достаточно оснований подозревать, что тут произошла замена.

— Но с какой целью?

— Наша задача в том и заключается, чтобы это разгадать. Одии очевидиый путь к разгадке у нас, пожалуй, есть.— Ои достал свой огромиый альбом, куда изо дия в деиь вклеивал вырезаииые из лоидоиских газет объявлеиия о розыске пропавших, о месте встреч и тому подобиое.— Боже мой!— воскликиул ои, листая страиицы.— Какая разиоголосица стоиов, криков, иытья! Какой короб иеобычайиых происшествий! А ведь имеиио из этого короба человек, изучающий иеобычиое, может выудить самые цеиные сведеиия! Жилец миссис Уорреи уедиился, и ему ие шлют писем из опасеиия, что раскроется тайна, которую так хотят сохраиить. Каким же путем сообщать ему о том, что происходит за стеиами дома? Разумеется, через газеты. По-видимому, другого способа иет, и, по счастью для иас, мы можем ограиичиться изучеиием одиой газеты. Вот вырезки из «Дейли газетт» за последиие две иедели. «Дама в черном боа в Коиькобежиом Клубе Прииса» — это пропустим. «Неужели Джимми разобьет сердце своей матери!» — и это вряд ли имеет к нам отношеиие. «Если жеищиа, потерявшая созиание в Брикстонском омиибусе...» — меия оиа ие иитересует. «Душа моя тоскует по тебе...» — иытье, Уотсои, самое настоящее иытье! А вот это подходит больше. Слушайте: «Терпеиие. Найду какой-иибудь вериый способ общаться. А пока этот столбец. Дж.» Напечатаио через два дия после того, как жилец поселился у миссис Уорреи. Вполне годится, верио? Таиистveиный иезиакомец, возможно, читает по-аиглийски, хотя и ие умеет писать. Попытаемся сиова иапасть иа этот след. Ну вот, так и есть — три дия спустя. «Дело идет иа лад. Терпеиие и благоразумие. Тучи рассеются. Дж.» Потом — иичего целую иеделю. А вот иечто более определеииое. «Путь расчищается. Если иайду возможиость сообщить, помии условлеииый код — один А, два Б и так далее. Узиаешь вскорости. Дж.» Напечатаио во вчерашией газете, в сегодняшией — иичего. Все это весьма подходит к случаю с жильцом миссис Уорреи. Ждать иедолго, Уотсои, я увереи, что положеиие проясиится.

Мой друг оказался прав. Утром я застал его стоящим на коврике перед камиием, спиной к огию, с улыбкой полиого удовлетвореиия иа лице.

— Ну, что вы теперь скажете, Уотсон! — воскликнул он и взял со стола газету. «Высокий красный дом с белыми каменными карнизами. Четвертый этаж. Второе окно слева. Когда стемнеет. Дж.» Это уже вполне определенно. После завтрака мы, пожалуй, произведем небольшую разведку в окрестностях дома миссис Уоррен... А-а, миссис Уоррен! Какие у вас новости?

Стремительность, с какой наша клиентка влетела в комнату, говорила о том, что произошло что-то очень важное.

— С меня хватит, мистер Холмс! — вскричала она.— Надо сообщить в полицию! Пусть укладывает чемодан и убирается. Я бы сразу поднялась к нему и так ему и сказала бы, да подумала, что сперва надо посоветоваться с вами. Но терпение мое кончилось, уж если дошло до того, что избили моего старика...

— Избили мистера Уорреиа?

— Ну, во всяком случае, обошлись с ним по-свински.

— Но кто с ним обошелся по-свински?

— Вот это мы и хотим узнать! Случилось это нынче утром, сэр. Мистер Уоррен работает табельщиком у Мортона и Вейлайта на Тоттенхем-Корт-роуд. Уходит он из дому около семи. Так вот, нынче утром, не прошел он и десяти шагов по улице, как его нагнали двое, накинули на голову пальто и сунули в кэб, стоявший у обочины. Целый час они возили его, потом отворили дверь и вышвырнули. Он лежал на мостовой, обезумев от страха, и, конечно, ему было не до того, куда девался кэб. Когда он встал, то увидел, что находится на Хэмстед-Хит. Он приехал домой в омнибусе и теперь лежит на кушетке, а я сразу помчалась сюда рассказать, что произошло.

— Чрезвычайно интересно,— сказал Холмс.— Не заметил ли он, как выглядели эти люди, не слышал ли, о чем говорили?

— Нет, он совсем обалдел. Знает только, что подняла его будто нечистая сила и будто нечистая сила бросила наземь. Их было не меньше, чем двое, а может, и трое.

— И вы связываете нападение на вашего мужа с жильцом?

— А как же! Мы живем здесь пятнадцать лет, и подобного никогда не случалось. Больше я не желаю тер-

петь. Деньги — это еще не все в жизни. Я сегодня же выставлю его из своего дома.

— Подождите немиого, миссис Уоррен. Не делайте ничего иаспех. Боюсь, что случай куда более серьезен, чем кажется на первый взгляд. Теперь ясно, что вашему жильцу грозит какая-то опасность. Столь же ясно, что в туманном утреннем свете враги, подстерегавшие его у двери, приняли за него вашего мужа. Обнаружив свою ошибку, они его отпустили. Мы можем лишь гадать, как бы они поступили, если бы ие ошиблись.

— Ну, а мие что делать, мистер Холмс?

— Мие было бы весьма любопытно посмотреть на вашего жильца, миссис Уоррен.

— Ума ие приложу, как это устроить, если не взломать дверь. Когда я оставляю поднос и спускаюсь по лестнице, я всегда слышу, как он ее отпирает.

— Ему приходится уиосить поднос в комнату. Разве иельзя где-нибудь спрятаться и последить за иим?

Хозяйка задумалась.

— Верио, сэр, иапротив есть чулан. Я могла бы поставить туда зеркало, и если вы скроетесь за дверью...

— Великолепно! — воскликиул Холмс.— А когда у него второй завтрак?

— Около часа, сэр.

— Значит, мы с доктором Уотсоном придем к тому времени. Всего вам хорошего, миссис Уорреи.

В половиие первого мы были уже у дома миссис Уоррен — высокого, узкого, желтого кирпичного дома иа Грейт-Орм-стрит, неширокой улочке к северо-востоку от Британского музея. Ои был расположен поблизости от угла, и из иего открывался вид на Хау-стрит с ее более солидными строеииями. Посмеиваясь, Холмс указал иа одио из них — большой многоквартирный дом, стоявший несколько впереди других, из тех, что иевольио привлекают внимание.

— Вот оио, Уотсои! Высокий красиый дом с белыми камеиными кариизами. А вот и окио, откуда будут подавать сигиалы. Место известио, известеи и код; наша задача не окажется трудиой. В том окие объявление: «Сдается внаем». Следовательно, квартира пуста и сообщиик может ею пользоваться... Ну, как дела, миссис Уоррен?

— Я все для вас подготовила. Оставьте башмаки внизу, поднимайтесь, и я впущу вас в чулан.

Она все устроила очень удобно. Зеркало было так поставлено, что, сидя в темноте, мы ясно видели дверь напротив. Только мы уселись и миссис Уорреи нас покинула, как отдаленное звяканье возвестило, что таинственный сосед позвонил. Вскоре явилась хозяйка, поставила поднос на стул возле запертой двери и, тяжело ступая, удалилась. Скрючившись в уголке за нашей дверью, мы устремили взгляд на зеркало. Замерли шаги хозяйки, тут же щелкнул ключ, повернулась дверная ручка, и две тонких руки взяли со стула поднос. Через минуту его быстро поставили на место, и передо мною мелькнуло прекрасное смуглое личико, с ужасом глядевшее на чуть приоткрытую дверь чулана. Потом дверь в комнату захлопнулась, ключ в замке повернулся снова, и все стихло. Холмс дернул меня за рукав, и мы, крадучись, спустились по лестнице.

— Вечером я приду опять,— сказал он выжидающе смотревшей на него хозяйке.— По-моему, Уотсон, нам лучше обсудить это дело у себя дома.

— Итак, мое предположение подтвердилось,— начал он, удобно расположившись в кресле.— Произошла замена. Я только не предугадал, Уотсон, что мы встретим женщину, и женщину незаурядную.

— Она увидела нас.

— Она увидела что-то испугавшее ее. Это несомненно. В общем, ход событий достаточно ясен, вы согласны с этим? Парочка ищет убежища в Лондоне, спасаясь от нависшей над ними страшной угрозы. Насколько серьезна угроза, можно судить по тому, что приняты строгие меры предосторожности. Мужчина, которому необходимо что-то совершить, желает на это время обеспечить женщине полную безопасность. Задача нелегкая, однако он решил ее весьма своеобразно и настолько успешно, что присутствие женщины в доме неизвестно даже квартирной хозяйке, которая ей носит еду. Теперь ясно, зачем нужны печатные буквы: чтобы не видно было, что пишет женщина. Встречаться с ней мужчина не может — он навел бы врагов на ее след. А поскольку ему нельзя

с нею видеться, он сообщал ей о себе через газету. Пока что все понятно.

— Но что за этим кроется?

— Ах, Уотсон, вы, как всегда, практичны донельзя! Что за всем этим кроется? Забавная проблема миссис Уоррен несколько усложнилась и принимает все более зловещий характер. Покамест мы можем с уверенностью сказать одно: это не банальное любовное приключение. Вы заметили выражение лица женщины, когда ей почудилась опасность? Мы слышали также о нападении на хозяина, ведь его, несомненно, приняли за жильца. Все это, а также крайняя необходимость сохранить тайну, говорит о том, что речь идет о жизни и смерти. Далее, нападение на мистера Уоррена показывает, что врагам, кто бы они ни были, неизвестно о замене квартиранта-мужчины женщиной. Это весьма любопытно и запутанно, Уотсон.

— А почему бы вам не отстраниться от этого дела? Никакой выгоды оно вам не сулит.

— Правда, не сулит. Искусство для искусства, Уотсон. Вы ведь тоже, когда занимались врачебной практикой, наверное, лечили не только за плату.

— Чтобы пополнять свое образование, Холмс.

— Учиться никогда не поздно, Уотсон. Образование — это цепь уроков, и самый серьезный приходит под конец. Наш случай поучительный. Он не принесет ни денег, ни славы, и все же хочется загадку распутать. С наступлением темноты мы сделаем шаг вперед в наших изысканиях.

Когда мы снова пришли в квартиру миссис Уоррен, сумрак лондонского вечера сгустился; унылую, однообразно серую пелену разрывали только резко очерченные желтые квадраты окон и расплывчатые круги газовых фонарей. Выглянув из затемненной гостиной, мы увидели еще одно тусклое пятно света, мерцавшее высоко во мраке.

— В той комнате кто-то ходит,— прошептал Холмс, приблизив свое длинное напряженное лицо к стеклу.— Да, я вижу его тень. Вот он опять. У него в руке свеча. Теперь он смотрит в нашу сторону. Хочет убедиться, что она наблюдает за ним. Начинает подавать сигналы. Принимайте и вы, Уотсон, чтобы мы могли сверить наши

данные. Одиа вспышка,— разумеется, А. Ну, сколько вы насчнтали? Двадцать? Я тоже. Должно означать Т. АТ — вполне вразумительно! Снова Т. Это, разумеется, иачало второго слова. Получается TENTA. Коичилось. Неужели все, Уотсои? ATTENTA — бессмыслеиио. Нет смысла н в том случае, если счнтать за трн слова — АТ, TEN, TA. Началось опять! Что же это такое? ATTE — как, то же самое? Страиио, Уотсои, очень странно! И опять все сиачала! АТ — да ведь он повторяет уже в третий раз. Три раза — ATTENTA. Сколько же будет еще? Нет, кажется, кончил. Он отошел от окна. Как вы это объясните, Уотсои?

— Зашнфрованное сообщение.

Неожидаиио Холмс хмыкиул, будто что-то сообразнв.

— И шифр не такой уж головоломный, Уотсон. Ведь это на итальянском! «А» в конце — обозначает, что адресоваио женщние. «Берегнсь! Берегись! Берегнсь!» Что скажете, Уотсои?

— Полагаю, что вы попалн в точку.

— Несомиеиио. Предупреждеиие иеобычайио важное, потому и повтореио трнжды. Но беречься чего? Погодите, ои снова подошел к окиу.

Мы опять увиделн смутный снлуэт согнувшегося человека и мелькаиие огоиька в окие, когда сигиалы возобновились. Теперь их передавалн намного быстрее, так быстро, что трудио было уследить.

— PERICOLO — *pericolo* — а это что озиачает, Уотсон? Опасность? Боже мнлостивый! Да это снгнал опасности. Опять начал! PERI... Вот те на, что же...

Свет вдруг погас, скрылся мерцающий квадрат, и четвертый этаж черной леитой опоясал высокое зданне с его рядами светящихся окон. Последний предостерегающий снгнал виезапно оборван. Почему? Кем? Такая мысль возинкла у нас обоих одновременно. Холмс отскочил от окна.

— Это ие шуткн, Уотсои! — крикиул он.— Там происходит какая-то дьявольщииа! Почему сигиалы так странно прекратились? Надо связаться со Скотлеид-Ярдом, а с другой стороиы, уходить нам иельзя — время не терпнт.

— Может, мие сбегать за полицией?

— Необходимо поточнее узнать, в чем там дело. Может быть, причина совсем безобидная. Скорее туда, Уотсон, и попытаемся разобраться сами.

II

Когда мы быстро шли по Хау-стрит, я оглянулся на только что покинутый нами дом. В окошке верхнего этажа маячила тень головы — тень женщины, которая напряжению, затаив дыханне, смотрела в ночь, ожидая возобновления сигналов.

Перед зданием на Хау-стрит, склонившись над перилами и уткнув лицо в шарф, стоял человек в длинном пальто. Он вздрогнул, когда свет фонаря в подъезде упал иа нашн лица.

— Холмс! — вскричал он.

— Да, это я, Грегсон! — отозвался мой спутник, здороваясь с сыщиком из Скотленд-Ярда.— Влюбленные встретилнсь вновь. Что вас привело сюда?

— Очевидно, то же, что и вас,— сказал Грегсон,— но каким образом вы узнали об этом деле, ума не приложу.

— Меня и вас привели разные нити одного и того же запутанного клубка. Я принимал сигналы.

— Сигналы?

— Да, из этого окна. Они оборвались на середине. Мы пришли выяснить, почему. Но так как дело сейчас в верных руках, у меня нет оснований заниматься им дальше.

— Погодите!— с жаром крикнул Грегсон.— Скажу вам по чести, мистер Холмс, с вашей поддержкой я в любом деле чувствую себя увереннее. Этот подъезд единственный в доме. Ему от нас не уйти.

— Кому? Кто он такой?

— Наконец-то перевес на нашей стороне, мистер Холмс. Придется вам с этим согласиться.— Он сильно ударил своей тростью по тротуару, после чего кучер извозчичьей кареты, стоявшей в конце улицы, не спеша направился к нам с кнутом в руке.—Позвольте представить вам мистера Холмса,— сказал ему Грегсон.— А это мистер Ливертон из американского агентства Пинкертона.

— Герой тайны Лонг-Айлендской пещеры! — воскликнул Холмс.— Рад познакомиться с вами, сэр.

Американец, деловитый молодой человек с острыми чертами продолговатого, гладко выбритого лица, покраснел, услышав такую похвалу.

— То, что нам предстоит сейчас,— дело всей моей жизни, мистер Холмс. Если мне удастся схватить Джорджано...

— Что? Джорджано из лиги «Алое кольцо»?

— О, у него уже европейская слава? Что ж, в Америке нам все о нем известно. Мы знаем, что на его совести пятьдесят убийств, но пока что у нас нет неопровержимых улик, и мы не можем его арестовать. Я гнался за ним по пятам из Нью-Йорка и неделю слежу за ним в Лондоне, выжидая случая схватить его за шиворот. Мы с мистером Грегсоном выследили его — он в этом большом доме, где только один подъезд, и ему от нас не скрыться. С тех пор, как он там, вышли трое, но, клянусь, его в них числе не было.

— Мистер Холмс говорил о сигналах,— вставил Грегсон.— Я уверен, ему, как всегда, известны такие подробности, каких мы не знаем.

Холмс в коротких словах разъяснил, как мы себе представляем положение дел. Американец с досадой стиснул руки.

— Он узнал, что мы здесь!

— Почему вы так думаете?

— А разве не ясно? Он скрылся в доме и подает знаки соучастнику — в Лондоне несколько человек из его банды. Потом, как вы изволили заметить, когда он сообщал о грозящей опасности, сигналы вдруг оборвались. Что же это означает, если не то, что он увидел нас из окна или почему-то догадался, насколько близка опасность, и решил действовать немедля, чтобы ее избежать? Что вы предлагаете, мистер Холмс?

— Подняться наверх и выяснить на месте, что там произошло.

— Но у нас нет ордера на его арест.

— Этот человек находится в пустой квартире при подозрительных обстоятельствах,— сказал Грегсон.— Для начала достаточно. Когда мы посадим его за решетку, Нью-Йорк, наверное, поможет нам удержать его там. Я беру на себя ответственность за арест.

Наши сыщики-профессиоиалы, может быть, ие всегда быстро шевелят мозгами, но в храбрости им нельзя отказать. Грегсон поднимался по ступеиькам, чтобы арестовать этого матерого преступника, столь же деловито н спокойно, как если бы шел по парадной лестнице Скотлеид-Ярда. Пинкертоновский агеит попытался было обогиать его, но Грегсои весьма решительно оттеснил его иазад. Лондонские опасности — привилегия лондонской полиции.

Дверь квартиры слева на четвертом этаже была прпоткрыта. Грегсон отворил ее. Виутрн было темио и очень тихо. Я чиркнул спичкой и зажег фоиарь сыщика. Когда огоиь разгорелся, все мы ахнули в изумленнн. На сосновых досках голого пола виднелись свежие следы крови. Красные отпечатки сапог вели в нашу стороиу из виутренией комнаты, дверь в которую была закрыта. Грегсон широко распахиул ее н поднял фоиарь, горевший теперь ярким пламенем, а мы нетерпеливо глядели из-за его спины.

На полу посредиие пустой комиаты распростерся человек геркулесовского сложения. Черты его смуглого, гладко выбритого лица были страшио искажеиы, голова с жутким венчиком алой крови лежала на светлом паркете в растекшейся кровяной луже. Колени его былн подняты, руки раскинуты, а в могучей коричневой шее торчала рукоятка ножа. Хоть ои и был гигаитом, сокрушительный удар, видимо, свалил его, как мясник валит быка. Возле его правой руки на полу лежал внушительный обоюдоострый кинжал с роговой рукоятью, а рядом черная лайковая перчатка.

— Боже мой! Ведь это и есть Чериый Джорджано! — вскрнчал американскнй сыщик.— На этот раз кто-то нас опередил.

— А вот и свеча на окошке, мистер Холмс,— сказал Грегсон.—Но что это вы делаете?

Холмс подошел к окиу, зажег свечу и принялся размахивать ею перед оконным переплетом. Потом вгляделся в темноту, погасил свечу н бросил на пол.

— Пожалуй, это иам поможет.

Он вериулся к обоим профессиоиалам, осматривавшим тело, н в глубокой задумчивости стал рядом.

— Вы говорите, что пока ждали внизу, из дома вышли трое,— произнес он наконец.— Вы разглядели их?

— Да, разглядел.

— Был ли среди них человек лет тридцати, смуглый, чернобородый, среднего роста?

— Да, он прошел мимо меня последним.

— Думаю, что это тот, кто вам нужен. Я могу его описать вам, и у нас есть великолепный отпечаток его ноги. По-моему, этого вам хватит.

— Не очень-то много, мистер Холмс, чтобы найти его среди миллионов лондонцев.

— Возможно. Потому я и подумал, что нелишне призвать на помощь даму.

При этих словах мы все обернулись. В прямоугольнике двери стояла высокая красивая женщина — таинственная квартирантка миссис Уорреи. Она медленно приблизилась, ее бледное лицо было полно тревоги, напряженный, испуганный взгляд прикован к темной фигуре, лежавшей на полу.

— Вы убили его! — пробормотала она.— О, Dio mio [1], вы убили его!

Потом она глубоко перевела дыхание и с радостным криком подпрыгнула. Она кружилась по комнате, хлопала в ладоши, ее карие глаза горели восторгом и изумлением, с губ срывались тысячи прелестных итальянских возгласов. Ужасно и удивительно было смотреть на эту женщину, охваченную радостью при виде такого зрелища. Вдруг она остановилась и вопрошающе взглянула на нас.

— Но вы! Ведь вы полиция? Вы убили Джузеппе Джорджано? Правда?

— Мы полиция, сударыня.

Она вгляделась в темные углы комнаты.

— А где же Дженнаро? Дженнаро Лукка, мой муж? Я Эмилия Лукка, мы оба из Нью-Йорка. Где Дженнаро? Он только что позвал меня из этого окна, и я помчалась со всех ног.

— Это я позвал,— сказал Холмс.

— Вы! Но как вы узнали?

---

[1] Боже мой *(итал.)*.

— Ваш шифр несложен, сударыня. Вы нужны нам здесь. Я был уверен, что стоит мне подать знак *Vieni* [1], и вы обязательно придете.

Прекрасная итальянка взглянула на Холмса с благоговейным страхом.

— Не понимаю, откуда вам все это известно,— сказала она.— Джузеппе Джорджано... как он...— Она замолчала, и вдруг ее лицо осветилось радостью и гордостью.—Теперь я поняла! Мой Джеинаро! Это сделал мой прекрасный, чудесный Джеинаро, который охранял меня от всех бед, он убил чудовище собственной сильной рукой! О Дженнаро, какой ты замечательный! Есть ли на свете женщина, достойная такого мужчины!

— Так вот, миссис Лукка,— сказал прозаичный Грегсон, положив руку на локоть синьоры так же бесстрастно, как если бы она была хулиганом из Ноттинг-Хилла.— Пока мне еще не совсем ясно, кто вы такая и зачем вы здесь, но из того, что вы сказали, мне вполне ясно, что вами заинтересуются в Скотленд-Ярде.

— Одну минуту, Грегсон,— вмешался Холмс,— я полагаю, эта леди и сама не прочь дать нам кое-какие сведения. Вам понятно, сударыня, что вашего мужа арестуют и будут судить за убийство человека, который лежит перед нами? Ваши слова могут быть использованы как доказательство его виновности. Но если вы полагаете, что ваш муж действовал не в преступных целях и желал бы сам, чтобы о них узнали, то, рассказав нам все, вы очень ему поможете.

— Теперь, когда Джорджано мертв, нам ничего не страшно,— ответила итальянка.— Это был дьявол, чудовище, и ни один судья в мире не накажет моего мужа за то, что он убил его.

— В таком случае,— сказал Холмс,— я предлагаю запереть дверь, оставить все, как есть, пойти вместе с этой леди к ней на квартиру и принять решение после того, как она расскажет нам всю историю.

Через полчаса мы все четверо сидели в маленькой гостиной синьоры Луккн, слушая ее удивительный рассказ о зловещих событиях, развязки которых нам довелось быть свидетелями. Она говорила по-английски бы-

[1] Приходи *(итал.)*.

стро и бегло, однако весьма неправильно, и для большей ясности я несколько упорядочил ее речь.

— Родилась я в Посилиппо, неподалеку от Неаполя,—начала она,—я дочь Аугусто Барелли, который был там главным юристом, а одно время и депутатом от этого округа. Джеинаро служил у моего отца, и я влюбилась в него, ибо в него нельзя не влюбиться. Он был беден и не имел положения в обществе, не имел ничего, кроме красоты, силы и энергии, и отец не дал согласия на брак. Мы бежали, поженились в Бари, продали мои драгоценности, а на вырученные деньги уехали в Америку. Это случилось четыре года назад, и с тех пор мы жили в Нью-Йорке.

Сначала судьба была к нам очень благосклонна. Дженнаро оказал услугу одному джентльмену-итальянцу — спас его от головорезов в месте, называемом Бовери, и таким образом приобрел влиятельного друга. Зовут его Тито Касталотте, он главный компаньон известной фирмы «Касталотте и Замба», основного поставщика фруктов в Нью-Йорк. Синьор Замба много болеет, и все дела фирмы, в которой занято более трехсот человек, в руках нашего нового друга Касталотте. Он взял моего мужа к себе на службу, назначил заведующим отделом и проявлял к нему расположение, как только мог. Синьор Касталотте холост, и, мне кажется, он относился к Дженнаро, как к родному сыну, а я и мой муж любили его, словно он был нам отец. Мы сняли и меблировали в Бруклине небольшой домик, и наше будущее казалось нам обеспеченным, как вдруг появилась черная туча и вскоре заволокла все небо.

Как-то вечером Дженнаро возвратился с работы и привел с собой соотечественника. Звали его Джорджано, и он тоже был из Посилиппо. Это был человек колоссального роста, в чем вы сами могли убедиться — вы видели его труп. У него было не только огромное тело, в нем все было фантастично, чрезмерно и жутко. Голос его звучал в нашем домике, как гром. Когда он говорил, там едва хватало места для его громадных размахивающих рук. Мысли, переживания, страсти — все было преувеличенное, чудовищное. Он говорил, вернее, орал, с таким жаром, что остальные только сидели и слушали, испуганные могучим потоком слов. Глаза его сверкали, и он

держал вас в своей власти. Это был человек страшный и удивительный. Слава создателю, что он мертв!

Он стал приходить все чаще и чаще. Но я знала, что Дженнаро, как и я, не испытывал радости от его посещений. Мой несчастный муж сидел бледный, равнодушный, слушая бесконечные разглагольствования насчет политики и социальных проблем, что являлось темой разговоров нашего гостя. Дженнаро молчал, но я, хорошо его зная, читала на его лице чувство, какого оно не выражало никогда раньше. Сперва я подумала, что это неприязнь. Потом поняла, что это нечто большее. То был страх, едва скрываемый, неодолимый страх. В ту ночь — в ночь, когда я прочитала на его лице ужас,— я обняла его и умоляла ради любви ко мне, ради всего, что дорого ему, ничего не утаивать и рассказать мне, почему этот вампир так удручает его.

Муж рассказал мне, и от его слов сердце мое оледенело. Мой бедный Джеппаро в дни пылкой, однажды юности, когда ему казалось, что весь мир против него, и его сводили с ума несправедливости жизни, вступил в неаполитанскую лигу «Алое кольцо» — нечто вроде старых карбонариев. Тайны этой организации, клятвы, которые дают ее члены, ужасны, а выйти из нее, согласно правилам, невозможно. Мы бежали в Америку, и Дженнаро думал, что избавился от всего этого навсегда. Представьте себе его ужас, когда однажды вечером он встретил на улице гиганта Джорджано, того самого человека, который в Неаполе втянул его в организацию и на юге Италии заработал себе прозвище «Смерть», ибо руки его по локоть обагрены кровью убитых! Он приехал в Нью-Йорк, скрываясь от итальянской полиции, и уже успел создать там отделение этой страшной лиги. Все это Дженнаро рассказал мне и показал полученную им в тот день бумажку с нарисованным на ней алым кольцом. Там говорилось, что в такой-то день и час состоится собрание, на котором он должен присутствовать.

Это ничего хорошего не сулило, но худшее ждало нас впереди. С некоторого времени я стала замечать, что Джорджано, придя к нам — а теперь он приходил чуть ли не каждый вечер,— обращается только ко мне, а если и говорит что-нибудь моему мужу, то не спускает

с меня страшиого, иеистового взгляда своих блестящих глаз. Одиажды его тайиа обиаружилась. Я пробудила в ием то, что ои иазывал любовью,— любовь чудовища, дикаря. Джеииаро еще ие было дома, когда ои пришел. Ои придвиулся ко мие, схватил своими огромными ручищами, сжал в медвежьем объятии и, осыпая поцелуями, умолял уйти с иим. Я отбивалась, отчаяиио крича, тут вошел Джеииаро и бросился иа иего. Джорджаио ударил мужа так сильио, что тот упал, потеряв созиаиие, а сам бежал из дома, куда вход ему был закрыт иавсегда. С того вечера ои стал иашим смертельиым врагом.

Через иесколько дией состоялось собраиие. По лицу Джеииаро, когда ои возвратился, я поияла, что случилось иечто ужасиое. Такой беды нельзя было себе представить. Общество добывает средства, шантажируя богатых итальяицев и угрожая им иасилием, если они откажутся дать деиьги. На этот раз оии наметили своей жертвой Касталотте, иашего друга и благодетеля. Он ие испугался угроз, а записки баидитов передал полиции. И вот решили учииить иад иим такую расправу, которая отбила бы у других охоту противиться. На собраиии постаиовили взорвать дииамитом его дом с иим вместе. Бросили жребий, кому выполиять это чудовищное дело. Опуская руку в мешок, Джеииаро увидел улыбку иа жестоком лице своего врага. Коиечио, все было как-то подстроено, потому что иа ладоии мужа оказался роковой кружок с алым кольцом — приказ совершить убийство. Ои должеи был лишить жизии самого близкого друга,— за иеповииовеиие товарищи иаказали бы его и меия тоже. Дьявольская лига мстила отступиикам или тем, кого боялась, иаказывая не только их самих, ио и близких им людей, и этот ужас иавис иад головой моего иесчастиого Джеииаро и сводил его с ума.

Всю иочь мы сидели, обиявшись, подбадривая друг друга перед лицом ожидающих иас бед. Взрыв иазиачили иа следующий вечер. В полдеиь мы с мужем были уже на пути в Лоидои и, коиечио, предупредили иашего благодетеля об опасиости и сообщили полиции все сведеиия, иеобходимые для охраиы его жизии.

Остальиое, джеитльмеиы, вам известио. Мы ие сомиевались, что иам ие уйти от своих врагов, как иельзя

уйти от собственной теин. У Джорджано были и личные причины для мести, но мы знали также, какой это неумолимый, коварный и упорный человек. В Италии и в Америке без конца толкуют о его страшном могуществе. А сейчас уж он, конечно, использовал бы свои возможности. Благодаря тому, что мы опередили врагов, у нас оказалось несколько спокойных дней, и мой любимый обеспечил мне убежище, где я могла укрыться от опасности. Сам он хотел иметь свободу действий, чтобы сиестись с итальянской и американской полицией. Я не имею представления, где он живет и как. Я узнавала о нем только из заметок в газете. Однажды, выглянув в окно, я увидела двух итальянцев, наблюдавших за домом, и поняла, что каким-то образом Джорджано обнаружил наше пристанище. Наконец Джеинаро сообщил мне через газету, что будет сигнализировать из определенного окна, но сигналы говорили только о необходимости остерегаться и внезапно прервались. Теперь мне ясно: муж знал, что Джорджано напал на его след, и, слава богу, подготовился к встрече с ним. А теперь, джентльмены, скажите: совершили мы такое, что карается законом, и есть ли на свете суд, который вынес бы обвинительный приговор Дженнаро за то, что он сделал?

— Что же, мистер Грегсон,— сказал американец, посмотрев на английского агента,— не знаю, какова ваша британская точка зрения, но в Нью-Йорке, я полагаю, подавляющее большинство выразит благодарность мужу этой дамы.

— Ей придется поехать со мною к начальнику,— ответил Грегсон.— Если ее слова подтвердятся, не думаю, что ей или ее мужу что-нибудь грозит. Но, чего я не способен уразуметь, так это каким образом в этом деле оказались замешаны вы, мистер Холмс.

— Образование, Грегсон, образование! Все еще обучаюсь в университете. Кстати, сейчас еще нет восьми часов, а в Ковент-Гардене идет опера Вагнера. Если поторопиться, мы можем поспеть ко второму действию.

ЧЕРТЕЖИ БРЮСА-ПАРТИНГТОНА

В предпоследиюю иеделю иоября 1895 года на Лоидои спустился такой густой желтый туман, что с поиедельиика до четверга из окои нашей квартиры на Бейкер-стрит иевозможио было различить силуэты зданий на противоположиой стороие. В первый деиь Холмс приводил в порядок свой толстениый справочиик, сиабжая его перекрестиыми ссылками и указателем. Второй и третий день были им посвящеиы музыке средиевековья— предмету, в иедавиее время ставшему его коньком. Но когда иа четвертый деиь мы после завтрака, отодвииув стулья, встали из-за стола и увидели, что за окиом плывет все та же иепроглядиая, бурая мгла, масляиистыми каплями оседающая иа стеклах, иетерпеливая и деятельиая иатура моего друга решительио отказалась влачить дольше столь уиылое существоваиие. Досадуя иа бездействие, с трудом подавляя свою эиергию, ои расхаживал по комиате, кусал иогти и постукивал пальцами по мебели, попадавшейся иа пути.

— Есть в газетах что-либо достойиое виимаиия? — спросил ои меия.

Я зиал, что под «достойным винмания» Холмс имеет в виду происшествия в мнре преступлеиий. В газетах были сообщеиия о революции, о возможности войиы, о предстоящей смеие правительства, ио все это иаходилось вне сферы иитересов моего компаиьоиа. Никаких сеисаций уголовиого характера я не обиаружил — иичего, кроме обычиых, иезиачительиых иарушеиий закоииости.

Холмс издал стон и возобновил свои беспокойные блуждания.

— Лондонский преступник — бездарный тупица,— сказал он ворчливо, словно охотник, упустивший добычу.— Гляньте-ка в окно, Уотсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может невидимкой рыскать по городу, как тигр в джунглях, готовясь к прыжку. И только тогда... И даже тогда его увидит лишь сама жертва.

— Зарегистрировано множество мелких краж,— заметил я.

Холмс презрительно фыркнул.

— На такой величественной, мрачной сцене надлежит разыгрываться более глубоким драмам,— сказал он.— Счастье для лондонцев, что я не преступник.

— Еще бы! — сказал я с чувством.

— Вообразите, что я — любой из полусотни тех, что имеют достаточно оснований покушаться на мою жизнь. Как вы думаете, долго бы я оставался в живых, ускользая от собственного преследования? Неожиданный звонок, приглашение встретиться — и все кончено. Хорошо, что не бывает туманных дней в южных странах, где убивают, не задумываясь... Ого! Наконец-то нечто такое, что, быть может, нарушит нестерпимое однообразие нашей жизни.

Это вошла горничная с телеграммой. Холмс вскрыл телеграфный бланк и расхохотался.

— Нет, вы только послушайте. К нам жалует Майкрофт, мой брат!

— И что же тут особенного?

— Что особенного? Это все равно, как если бы трамвай вдруг свернул с рельсов и покатил по проселочной дороге. Майкрофт движется по замкнутому кругу: квартира на Пэл-Мэл, клуб «Диоген», Уайтхолл — вот его неизменный маршрут. Сюда он заходил всего один раз. Какая катастрофа заставила его сойти с рельсов?

— Он не дает объяснений?

Холмс протянул мне телеграмму. Я прочел:

«Необходимо повидаться поводу Кадогена Уэста. Прибуду немедленно.

Майкрофт».

— Кадогеи Уэст? Я где-то слышал это имя.

— Мие оио иичего ие говорит. Но чтобы Майкрофт вдруг выкииул такой иомер... Непостижимо! Легче плаиете покииуть свою орбиту. Между прочим, вам известио, кто такой Майкрофт?

Мие смутио помиилось, что Холмс рассказывал что-то о своем брате в ту пору, когда мы расследовали «Случай с переводчиком».

— Вы, кажется, говорили, что он заиимает какой-то иебольшой правительствеииый пост.

Холмс коротко рассмеялся.

— В то время я зиал вас иедостаточио близко. Приходится держать язык за зубами, когда речь заходит о делах государствеиного масштаба. Да, верио. Он состоит иа службе у британского правительства. И так же верио то, что подчас он и есть само британское правительство.

— Но, Холмс, помилуйте...

— Я ожидал, что вы удивитесь. Майкрофт получает четыреста пятьдесят фуитов в год, заиимает подчииеиное положеиие, не обладает ии малейшим честолюбием, отказывается от титулов и звааий, и, одиако, это самый иезамеиимый человек во всей Аиглии.

— Но каким образом?

— Видите ли, у иего совершеино особое амплуа, и создал его себе он сам. Никогда доселе ие было и иикогда ие будет подобиой должиости. У иего великолепиый, как иельзя более четко работающий мозг, иаделеиный величайшей, неслыхаиной способностью хранить в себе иесметиое количество фактов. Ту колоссальиую эиергию, какую я иаправил иа раскрытие преступлеиий, он поставил иа службу государству. Ему вручают заключеиия всех департамеитов, он тот цеитр, та расчетиая палата, где подводится общий балаис. Остальные являются специалистами в той или иной области, его специальиость — знать все. Предположим, какому-то мииистру требуются иекоторые сведеиия касательио воеииого флота, Иидии, Каиады и проблемы биметаллизма. Запрашивая поочередио соответствующие департамеиты, он может получить все иеобходимые факты, но только Майкрофт способеи тут же дать им правильиое освещеиие и устаиовить их взаимосвязь. Сперва его расцеиивали как

определеииого рода удобство, кратчайший путь к цели. Постепеино ои сделал себя цеитральиой фигурой. В его мощиом мозгу все разложено по полочкам и может быть предъявлено в любой момеит. Не раз одио его слово решало вопрос государствеиной политики — ои живет в ией, все его мысли тем только и поглощеиы. И лишь когда я иной раз обращаюсь к иему за советом, он снисходит до того, чтобы помочь мие разобраться в какой-либо из моих проблем, почитая это для себя гимиастикой ума. Но что заставило сегодия Юпитера спуститься с Олимпа? Кто такой Кадогеи Уэст, и какое отиошеиие имеет ои к Майкрофту?

— Вспомиил! — воскликиул я и прииялся рыться в ворохе газет, валявшихся на диваие.— Ну да, коиечио, вот ои! Кадогеи Уэст — это тот молодой человек, которого во вторник утром иашли мертвым иа лиии метрополитеиа.

Холмс выпрямился в кресле, весь обратившись в слух: рука его, державшая трубку, так и застыла в воздухе, не добравшись до рта.

— Тут, должио быть, произошло что-то очень серьезиое, Уотсои. Смерть человека, заставившая моего брата измеиить своим привычкам, ие может быть заурядной. Но какое отиошеиие имеет к ией Майкрофт, черт возьми? Случай, иасколько мие помиится, совершеиио баиальиый. Молодой человек, очевидио, выпал из вагона и разбился иасмерть. Ни призиаков ограблеиия, ни особых осиоваиий подозревать иасилие — так ведь, кажется?

— Дозиаиие обиаружило миого иовых фактов,— ответил я.— Случай, если присмотреться к иему ближе, иапротив, чрезвычайио страиный.

— Судя по действию, какое ои оказал иа моего брата, это, вероятио, и в самом деле что-то из ряда вон выходящее.— Ои поудобиее уселся в кресле.— Ну-ка, Уотсои, выкладывайте факты.

— Полиое имя молодого человека — Артур Кадогеи Уэст. Двадцати семи лет от роду, холост, младший клерк в коиторе Арсенала в Вулидже.

— На государствеиной службе? Вот и звеио, связывающее его с Майкрофтом!

— В поиедельник вечером он иеожиданно уехал из Вулиджа. Последней его видела мисс Вайолет Уэстбери,

его невеста: в тот вечер в половине восьмого он внезапно оставил ее прямо на улице, в тумане. Ссоры между ними не было, и девушка ничем не может объяснить его поведенне. Следующее известие о нем принес дорожный рабочнй Мэйсон, обнаружившнй его труп неподалеку от стаиции метрополитена Олдгет.

— Когда?

— Во вторинк в шесть часов утра. Тело лежало почти у самой остановкн, как раз там, где рельсы выходят из тоннеля, слева от инх, если смотреть с запада на восток, и несколько в стороне. Череп оказался расколотым, вероятно, во время падения из вагона. Собственно, ничего другого и нельзя предположить, ведь труп мог попасть в тоннель только такнм образом. Его не могли притащить с какой-либо из соседних улнц: было бы совершенно невозможно пронести его мимо контролеров. Следовательно, эта сторона дела не вызывает сомнений.

— Превосходно. Да, случай отменно прост. Человек, живой нлн мертвый, упал или был сброшен с поезда. Пока все ясно. Продолжайте.

— На лнннн, где нашли Кадогена Уэста, идет движение с запада на восток. Здесь ходят и поезда метро н загородные поезда, выходящие из Унлсдена и других пунктов. Можно с увереннстью утверждать, что молодой человек ехал ночным поездом, но где именно он сел, выяснить не удалось.

— Разве нельзя было узнать по его бнлету?

— Билета у него не нашли.

— Вот как! Позвольте, но это очень странно! Я по собственному опыту знаю, что пройти на платформу метро, не предъявив бнлета, невозможно. Значнт, надо предположить, что билет у молодого человека имелся, но кто-то его взял, быть может, для того, чтобы скрыть место посадки. А не обронил ли он билет в вагоне? Тоже вполне вероятно. Но самый факт отсутствия билета чрезвычайно любопытен. Убнйство с целью ограблення исключается?

— По-видимому. В газетах дана опнсь всего, что обнаружнли в карманах Кадогена Уэста. В кошельке у него было два фунта и пятнадцать шиллингов. А также чековая книжка Вулиджского отделения одного крупного банка — по ней и установили личность погибшего.

Еще при ием иашли два билета в беиуар театра в Вулидже иа тот самый поиедельиик. И иебольшую пачку каких-то докумеитов техиического характера.

Холмс воскликиул удовлетвореиио:

— Ну, иакоиец-то! Теперь все поиятио. Британское правительство — Вулидж — техиические документы — брат Майкрофт. Все звеиья цепи иалицо. Но вот, если не ошибаюсь, и сам Майкрофт, ои иам поясиит остальное.

Через мииуту мы увидели рослую, представительиую фигуру Майкрофта Холмса. Дородиый, даже грузиый, ои казался воплощеиием огромиой потеициальиой физической силы, но иад этим массивиым телом возвышалась голова с таким великолепиым лбом мыслителя, с такими проиицательиыми, глубоко посажеииыми глазами цвета стали, с таким твердо очерчеииым ртом и такой тоикой игрой выражеиия лица, что вы тут же забывали о иеуклюжем теле и отчетливо ощущали только домииирующий над иим мощиый иителлект.

Следом за Майкрофтом Холмсом показалась сухопарая, аскетическая фигура иашего старого приятеля Лестрейда, сыщика из Скотлеид-Ярда. Озабочеииое выражеиие их лиц ясио говорило, что разговор предстоит серьезиый. Сыщик молча пожал иам руки. Майкрофт Холмс стяиул с себя пальто и опустился в кресло.

— Очеиь неприятиая история, Шерлок,— сказал ои.— Терпеть ие могу ломать свои привычки, ио власти предержащие и слышать не пожелали о моем отказе. При том коифликте, какой в иастоящее время иаблюдается в Сиаме, мое отсутствие в министерстве крайие иежелательио. Но положеиие иапряжеииое, прямо-таки критическое. Никогда еще ие видел премьер-миииистра до такой степеии расстроеииым. А в адмиралтействе все гудит, как в опрокииутом улье. Ты озиакомился с делом?

— Имеиио этим мы сейчас и заиимались. Какие у Кадогеиа Уэста иашли докумеиты?

— А, в иих-то все и дело. По счастью, главиое ие вышло иаружу, не то пресса подияла бы шум иа весь мир. Бумаги, которые этот иесчастиый молодой человек держал у себя в кармаие,— чертежи подводиой лодки коиструкции Брюса-Партингтоиа.

Произиесеио это было столь торжествеиио, что мы сразу поияли, какое зиачеиие придавал Майкрофт слу-

чнвшемуся. Мы с моим другом ждалн, что он скажет дальше.

— Вы, конечно, знаете о лодке Брюса-Партнигтона? Я думал, всем о ней известно.

— Только понаслышке.

— Трудно переоценнть ее военное значенне. Из всех государственных тайн эта охранялась особенно ревностно. Можете повернть мне на слово: в радиусе действия лодкн Брюса-Партнигтона невозможно никакое нападенне с моря. За право монополин на это нзобретенне два года тому назад была выплачена громадная сумма. Делалось все, чтобы сохранить его в тайне. Чертежн чрезвычайно сложны, включают в себя около трндцатн отдельных патентов, нз которых каждый является существенно необходимым для конструкцни в целом. Хранятся онн в надежном сейфе секретного отдела — в помещеннн, смежном с Арсеналом. На дверях н окнах запоры, гарантирующие от грабнтелей. Выносить документы не разрешалось нн под каким вндом. Пожелай главный конструктор флота свернться по ним, даже ему пришлось бы самому ехать в Вулидж. И вдруг мы находнм нх в кармане мертвого мелкого чиновника, в центре города! С политнческой точкн зренння это просто ужасно.

— Но ведь вы получнлн чертежи обратно!

— Да нет же! В том-то н дело, что нет. Из сейфа похнщены все десять чертежей, а в кармане у Кадогена Уэста нх оказалось только семь. Три остальных, самые важные, нсчезли — украдены, пропалн. Шерлок, брось все, забудь на время свон пустяковые полнцейские ребусы. Ты должен разрешнть проблему, имеющую колоссальное международное значенне. С какой целью Уэст взял документы? Прн какнх обстоятельствах он умер? Как попал труп туда, где он был найден? Где три недостающих чертежа? Как нсправнть содеянное зло? Найдн ответы на этн вопросы, н ты окажешь родине немаловажную услугу.

— Почему бы тебе самому не заняться расследованием? Твон способностн к аналнзу не хуже монх.

— Возможно, Шерлок, но ведь тут понадобится выяснять множество подробностей. Дай мне эти подробностн, н я, не вставая с кресла, вручу тебе точное заключение эксперта. Но бегать туда н сюда, допрашнвать же-

лезиодорожиых служащих, лежать иа животе, глядя в лупу,— иет, уволь, это ие по мне. Ты и только ты в состояиии раскрыть это преступлеиие. И если у тебя есть желаиие увидеть свое имя в очередиом списке награждеииых...

Мой друг улыбиулся и покачал головой.

— Я веду игру ради удовольствия,— сказал ои.— Но дело действительно ие лишеио иитереса, я ие прочь за него взяться. Дай мие, пожалуйста, еще факты.

— Я записал вкратце все осиовиое. И добавил иесколько адресов — могут тебе пригодиться. Официальио ответствеииым за докумеиты является известиый правительствеииый эксперт сэр Джеймс Уолтер, его награды, титулы и звааия заиимают в справочиом словаре две строки. Ои поседел иа государствеиной службе, это иастоящий аиглийский дворяиии, почетиый гость в самых высокопоставлеииых домах, и, главиое, патриотизм его не вызывает сомиеиий. Он одии из двоих, имеющих ключ от сейфа. Могу еще сообщить, что в поиедельиик в течеиие всего служебиого дия документы, безусловио, были иа месте, и сэр Джеймс Уолтер уехал в Лоидои около трех часов, взяв ключ от сейфа с собой. Весь тот вечер ои провел в доме адмирала Сиикларa иа Баркли-сквер.

— Это провереио?

— Да. Его брат, полковиик Валеитайи Уолтер, показал, что сэр Джеймс действительно уехал из Вулиджа, и адмирал Синклер подтвердил, что вечер поиедельиика ои пробыл у него. Таким образом, сэр Джеймс Уолтер в случившемся иепосредствеиной роли не играет.

— У кого храиится второй ключ?

— У старшего клерка коиторы техиика Сидиея Джоисоиа. Ему сорок лет, жеиат, пятеро детей. Человек молчаливый, суровый. Отзывы по службе отличные. Коллеги ие слишком его жалуют, ио работиик ои превосходный. Согласио показаииям Джоисоиа, засвидетельствоваииым только его жеиой, в поиедельиик после службы ои весь вечер был дома, и ключ все время оставался у иего иа обычном месте, иа цепочке от часов.

— Расскажи иам о Кадогеие Уэсте.

— Служил у иас десять лет, работал безупречио. У иего репутация горячей головы, человека иесдержаиио-го, ио прямого и честиого. Ничего плохого мы о ием ска-

зать ие можем. Он числился младшим клерком, был под началом у Сидиея Джонсоиа. По долгу службы ои ежедневио имел дело с этими чертежами. Кроме него, никто ие имел права брать их в руки.

— Кто в последиий раз запирал сейф?

— Сидией Джоисон.

— Ну, а кто взял докумеиты, известио. Оии иайдены в кармаие у младшего клерка Кадогеиа Уэста. Отиосительио этого и раздумывать больше иечего, все ясио.

— Только иа первый взгляд, Шерлок. На самом деле миогое остается иепоиятиым. Прежде всего зачем он их взял?

— Я полагаю, оии представляют собой немалую цеииость?

— Ои мог легко получить за них иесколько тысяч.

— Ты можешь предположить ииой мотив, кроме намерения продать эти бумаги?

— Нет.

— В таком случае примем это в качестве рабочей гипотезы. Итак, чертежи взял молодой Кадогеи Уэст. Проделать это ои мог только с помощью поддельиого ключа.

— Нескольких поддельиых ключей. Ведь ему иадо было сперва войти в здание, затем в комиату.

— Следовательио, у иего имелось иесколько поддельных ключей. Ои повез докумеиты в Лондон, чтобы продать военную тайиу, и, иесомиеиио, рассчитывал вериуть оригииалы до того, как их хватятся. Приехав в Лондои с этой целью, измеиииик иашел там свой конец.

— Но как это случилось?

— На обратиом путн в Вулидж был убит и выброшеи из вагоиа.

— Олдгет, где было найдеио тело, иамиого дальше стаиции Лоидоиский мост, где он должеи был бы сойти, если бы действительно ехал в Вулидж.

— Можио представить себе сколько угодио обстоятельств, заставивших его проехать мимо своей стаиции. Ну, иапример, ои вел с кем-то разговор, закоичившийся буриой ссорой и убийством измеииика. Может быть, и так: Кадогеи Уэст хотел выйти из вагоиа, упал иа рельсы

н разбился, а тот, другой, закрыл за ним дверь. В таком густом тумане никто ничего не мог увидеть.

— За неимением лучших будем пока довольствоваться этими гипотезами. Но, обрати внимание, Шерлок, сколько остается неясного. Допустим, Кадоган Уэст задумал переправить бумаги в Лондон. Естественно далее предположить, что у него там была назначена встреча с иностранцем, а для этого ему было бы необходимо высвободить себе вечер. Вместо этого он берет два билета в театр, отправляется туда с невестой и на полдороге внезапно исчезает.

— Для отвода глаз,— сказал Лестрейд, уже давно выказывавший признаки нетерпения.

— Прием весьма оригинальный. Это возражение первое. Теперь второе возражение. Предположим, Уэст прибыл в Лондон и встретился с агентом. До наступления утра ему надо было во что бы то ни стало успеть положить документы на место. Взял он десять чертежей. При нем нашли только семь. Что случилось с остальными тремя? Вряд ли он расстался бы с ними добровольно. И, далее, где деньги, полученные за раскрытие военной тайны? Логично было бы ожидать, что в кармане у него найдут крупную сумму.

— По-моему, тут все абсолютно ясно,— сказал Лестрейд.— Я отлично понимаю, как все произошло. Уэст выкрал чертежи, чтобы продать их. Встретился в Лондоне с агентом. Не сошлись в цене. Уэст отправляется домой, агент за ним. В вагоне агент его прикончивает, забирает самые ценные из документов, выталкивает труп из вагона. Все сходится, как, по-вашему?

— Почему при нем не оказалось билета?

— По билету можно было бы догадаться, какая из станций ближе всего к местонахождению агента. Поэтому он и вытащил билет из кармана убитого.

— Браво, Лестрейд, браво,— сказал Холмс.— В ваших рассуждениях есть логика. Но если так, розыски можно прекратить. С одной стороны, изменник мертв, с другой стороны, чертежи подводной лодки Брюса-Партингтона, вероятно, уже на континенте. Что же нам остается?

— Действовать, Шерлок, действовать! — воскликнул Майкрофт, вскакивая с кресла.— Интуиция подсказыва-

ет мие, что тут кроется нечто другое. Напряги свои мыслительиые способиости, Шерлок. Посети место преступления, повидай людей, замешаииых в деле,— все переверни вверх дном! Еще иикогда не выпадало тебе случая оказать родине столь большую услугу.

— Ну что же,— сказал Холмс, пожав плечами.— Пойдемте, Уотсон. И вы, Лестрейд, не откажите в любезиости на часок-другой разделить иаше общество. Мы иачнем со стаиции Олдгет. Всего хорошего, Майкрофт. Думаю, к вечеру ты уже получишь от нас сообщеиие о ходе дела, ио, предупреждаю заранее, многого не жди.

Час спустя мы втроем — Холмс, Лестрейд и я — стояли в метро как раз там, где поезд, приближаясь к остановке, выходит из тоииеля. Сопровождавший иас красиолицый и весьма услужливый старый джентльмеи представлял в своем лице железнодорожиую компаиию.

— Тело молодого человека лежало вот здесь,— сказал ои иам, указывая иа место футах в трех от рельсов.— Сверху ои иоткуда упасть ие мог — видите, всюду глухие стены. Зиачит, свалился с поезда, и, по всем даниым, имеино с того, который проходил здесь в понедельиик около полуиочи.

— В вагоиах не обнаружено никаких следов борьбы, иасилия?

— Никаких. И билета тоже не нашли.

— И иикто ие заметил ии в одиом из вагоиов открытой двери?

— Нет.

— Сегодия утром мы получили кое-какие иовые даиные,— сказал Лестрейд.— Пассажир поезда метро, проезжавший мимо стаиции Олдгет в поиедельник иочью, приблизительио в 11.40, показал, что перед самой остаиовкой ему почудилось, будто иа путн упало что-то тяжелое. Но из-за густого тумана он иичего не разглядел. Тогда он об этом не заявил. Но что это с мистером Холмсом?

Глаза моего друга были приковаиы к тому месту, где рельсы, изгибаясь, выползают нз тоинеля. Стаиция Олдгет — узловая, н потому здесь много стрелок. На них-то и был устремлеи острый, ищущий взгляд Холмса, и иа

его вдумчивом, подвижном лице я заметил так хорошо знакомое мне выражение: плотно сжатые губы, трепещущие ноздри, сведенные в одну линию тяжелые густые брови.

— Стрелки...— бормотал он.— Стрелки...

— Стрелки? Что вы хотите сказать?

— На этой дороге стрелок, я полагаю, не так уж много?

— Совсем мало.

— Стрелки и поворот... Нет, клянусь... Если бы это действительно было так...

— Да что такое, мистер Холмс? Вам пришла в голову какая-то идея?

— Пока только догадки, намеки, не более. Но дело, безусловно, приобретает все больший интерес. Поразительно, поразительно... А впрочем, почему бы и нет?.. Я нигде не заметил следов крови.

— Их почти и не было.

— Но ведь, кажется, рана на голове была очень большая?

— Череп раскроен, но внешние повреждения незначительны.

— Все-таки странно — не могло же вовсе обойтись без кровотечения! Скажите, нельзя ли мне обследовать поезд, в котором ехал пассажир, слышавший падение чего-то тяжелого?

— Боюсь, что нет, мистер Холмс. Тот поезд давно расформирован, вагоны попали в новые составы.

— Могу заверить вас, мистер Холмс, что все до единого вагоны были тщательно осмотрены,— вставил Лестрейд.— Я проследил за этим самолично.

К явным недостаткам моего друга следует отнести его нетерпимость в отношении людей, не обладающих интеллектом столь же подвижным и гибким, как его собственный.

— Надо полагать,— сказал он и отвернулся.— Но я, между прочим, собирался осматривать не вагоны. Уотсон, дольше нам здесь оставаться незачем, все, что было нужно, уже сделано. Мы не будем вас более задерживать, мистер Лестрейд. Теперь наш путь лежит в Вулидж.

На станции Лондонский мост Холмс составил телеграмму и, прежде чем отправить, показал ее мне. Текст гласил:

«В темноте забрезжил свет, но он может померкнуть. Прошу к нашему возвращению прислать с нарочным на Бейкер-стрит полный список иностранных шпионов и международных агентов, в настоящее время находящихся в Англии, с подробными их адресами.

Шерлок».

— Это может нам пригодиться,— заметил Холмс, когда мы сели в поезд, направляющийся в Вулидж.— Мы должны быть признательны Майкрофту — он привлек нас к расследованию дела, которое обещает быть на редкость интересным.

Его живое, умное лицо все еще хранило выражение сосредоточенного внимания и напряженной энергии, и я понял, что какой-то новый красноречивый факт заставил его мозг работать особенно интенсивно. Представьте себе гончую, когда она лежит на псарне, развалясь, опустив уши и хвост, и затем ее же, бегущую по горячему следу,— точно такая перемена произошла с Холмсом. Теперь я видел перед собой совсем другого человека. Как не похож он был на ту вялую, развинченную фигуру в халате мышиного цвета, всего несколько часов назад бесцельно шагавшую по комнате, в плену у тумана!

— Увлекательный материал, широкое поле действия,— сказал он.— Я проявил тупость, не сообразив сразу, какие тут открываются возможности.

— А мне и теперь еще ничего не ясно.

— Конец не ясен и мне, но у меня есть одна догадка, она может продвинуть нас далеко вперед. Я уверен, что Кадоген Уэст был убит где-то в другом месте, и тело его находилось не внутри, а на крыше вагона.

— На крыше?!

— Невероятно, правда? Но давайте проанализируем факты. Можно ли считать простой случайностью то обстоятельство, что труп найден именно там, где поезд подбрасывает и раскачивает, когда он проходит через стрелку? Не тут ли должен упасть предмет, лежащий на

крыше вагоиа? На предметы, находящиеся внутри вагона, стрелка инкакого действия не окажет. Либо тело действительно упало сверху, лнбо это какое-то необыкновеиное совпадеиие. Теперь обратнте внимаиие иа отсутствие следов кровн. Конечно, нх и ие могло оказаться на путях, если убнйство совершеио в нном месте. Каждый из этнх фактов подтверждает мою догадку, а взятые вместе, оии уже являются совокупностью улнк.

— А еще билет-то! — воскликиул я.

— Совершенно верно. Мы не могли это объясиить. Моя гипотеза дает объясиеине. Все сходится.

— Допустнм, так. И все же мы по-прежиему далеки от раскрытия таиственных обстоятельств смерти Уэста. Я бы сказал, дело ие стало проще, оно еще более запутывается.

— Возможно,— проговорил Холмс задумчнво,— возможно...

Он умолк н сндел, погружеииый в свои мыслн, до момеита, когда поезд подполз наконец к станцин Вулидж. Мы селн в кэб, н Холмс извлек нз кармана оставлеииый ему Майкрофтом лнсток.

— Нам предстоит иаиестн ряд визитов,— сказал ои.— Первым нашего виимания требует, я полагаю, сэр Джеймс Уолтер.

Дом этого нзвестиого государственного деятеля оказался роскошиой вплой — зелеиые газоны перед ннм тянулись до самой Темзы. Туман начал рассенваться, сквозь него пробнвался слабый, жндкий свет. На наш звонок вышел дворецкий.

— Сэр Джеймс? — переспросил он, н лицо его прииняло строго-торжествеииое выражеиие.— Сэр Джеймс скончался сегодня утром, сэр.

— Боже ты мой! — воскликиул Холмс в нзумленни.— Как, отчего он умер?

— Быть может, сэр, вы соблаговолнте войтн в дом н повндаете его брата, полковннка Валентайиа?

— Да, вы правы, так мы н сделаем.

Нас провели в слабо освещеииую гостиную, н минуту спустя туда вошел очень высокий, красивый мужчнна лет пятндесяти, с белокурой бородой — младшнй брат покойиого сэра Джеймса. Смятеине в глазах, щекн, мокрые от слез, волосы в беспорядке — все говорило о том, какой

удар обрушился на семью. Рассказывая, как это случилось, полковник с трудом выговаривал слова.

— Все из-за этого ужасного скандала,— сказал он.— Мой брат был человеком высокой чести, он не мог пережить такого позора. Это его потрясло. Он всегда гордился безупречным порядком в своем департаменте, и вдруг такой удар...

— Мы надеялись получить от него некоторые пояснения, которые могли бы содействовать раскрытию дела.

— Уверяю вас, то, что произошло, для него было так же непостижимо, как для вас и для всех прочих. Он уже заявил полиции обо всем, что было ему известно. Разумеется, он не сомневался в виновности Кадогена Уэста. Но все остальное — полная тайна.

— А лично вы не могли бы еще что-либо добавить?

— Я знаю только то, что слышал от других и прочел в газетах. Я бы не хотел показаться нелюбезным, мистер Холмс, но вы должны понять, мы сейчас в большом горе, и я вынужден просить вас поскорее закончить разговор.

— Вот действительно неожиданный поворот событий,— сказал мой друг, когда мы снова сели в кэб.— Бедный старик. Как же он умер — естественной смертью или покончил с собой? Если это самоубийство, не вызвано ли оно терзаниями совести за невыполненный перед родиной долг? Но этот вопрос мы отложим на будущее. А теперь займемся Кадогеном Уэстом.

Осиротелая мать жила на окраине в маленьком доме, где царил образцовый порядок. Старушка была совершенно убита горем и не могла ничем нам помочь, но рядом с ней оказалась молодая девушка с очень бледным лицом — она представилась нам как мисс Вайолет Уэстбери, невеста покойного и последняя, кто видел его в тот роковой вечер.

— Я ничего не понимаю, мистер Холмс,— сказала она.— С тех пор, как стало известно о несчастье, я не сомкнула глаз, день и ночь я думаю, думаю, доискиваюсь правды. Артур был человеком благородным, прямодушным, преданным своему делу, истинным патриотом. Он скорее отрубил бы себе правую руку, чем продал доверенную ему государственную тайну. Для всех, кто его знал, сама эта мысль недопустима, нелепа.

— Но, факты, мисс Уэстберн...

— Да, да. Я не могу их объяснить, признаюсь.

— Не было ли у него денежных затруднений?

— Нет. Потребности у него были очень скромные, а жалованье он получал большое. У него имелись сбережения, несколько сотен фунтов, и на Новый год мы собрались обвенчаться.

— Вы не замечали, чтоб он был взволнован, нервничал? Прошу вас, мисс Уэстберн, будьте с нами абсолютно откровенны.

Быстрый глаз моего друга уловил какую-то перемену в девушке — она колебалась, покраснела.

— Да, мне казалось, его что-то тревожит.

— И давно это началось?

— С неделю назад. Он иногда задумывался, вид у него становился озабоченным. Однажды я стала допытываться, спросила, не случилось ли чего. Он признался, что обеспокоен и что это касается служебных дел. «Создалось такое положение, что даже тебе не могу о том рассказать»,— ответил он мне. Больше я ничего не могла добиться.

Лицо Холмса приняло очень серьезное выражение.

— Продолжайте, мисс Уэстберн. Даже если на первый взгляд ваши показания не в его пользу, говорите только правду,— никогда не знаешь наперед, куда это может привести.

— Поверьте, мне больше нечего сказать. Раза два я думала, что он уже готов поделиться со мной своими заботами. Как-то вечером разговор зашел о том, какое необычайно важное значение имеют хранящиеся в сейфе документы, и, помню, он добавил, что, конечно, иностранные шпионы дорого дали бы за эту военную тайну.

Выражение лица Холмса стало еще серьезнее.

— И больше он ничего не сказал?

— Заметил только, что мы несколько небрежны с хранением военных документов, что изменнику не составило бы труда до них добраться.

— Он начал заговаривать на такие темы только недавно?

— Да, лишь в последние дни.

— Расскажите, что произошло в тот вечер.

— Мы собрались идти в театр. Стоял такой густой туман, что нанимать кэб было бессмысленно. Мы пошли пешком. Дорога наша проходила недалеко от Арсенала. Вдруг Артур бросился от меня в сторону и скрылся в тумане.

— Не сказав ни слова?

— Только крикнул что-то, и все. Я стояла, ждала, но он не появлялся. Тогда я вернулась домой. На следующее утро из департамента пришли сюда справляться о нем. Около двенадцати часов до нас дошли ужасные вести. Мистер Холмс, заклинаю вас: если это в ваших силах, спасите его честное имя. Он им так дорожил!

Холмс печально покачал головой.

— Ну, Уотсон, нам пора двигаться дальше,— сказал он.— Теперь отправимся к месту, откуда были похищены документы.

— С самого начала против молодого человека было много улик. После допросов их стало еще больше,— заметил он, когда кэб трогался.— Предстоящая женитьба — достаточный мотив для преступления. Кадогену Уэсту, естественно, требовались деньги. Мысль о похищении чертежей в голову ему приходила, раз он заводил о том разговор с невестой. И чуть не сделал ее сообщницей, уже хотел было поделиться с ней своим планом. Скверная история.

— Но послушайте, Холмс, неужели репутация человека вовсе не идет в счет? И потом, зачем было оставлять невесту одну на улице и сломя голову кидаться воровать документы?

— Вы рассуждаете здраво, Уотсон. Возражение весьма существенное. Но опровергнуть обвинение будет очень трудно.

Мистер Сидней Джонсон встретил нас с тем почтением, какое у всех неизменно вызывала визитная карточка моего компаньона. Старший клерк оказался худощавым, хмурым мужчиной среднего возраста, в очках; от пережитого потрясения он осунулся, руки у него дрожали.

— Неприятная история, мистер Холмс, очень неприятная. Вы слышали о смерти шефа?

— Мы только что из его дома.

— У нас тут такая иеразбериха. Глава департамента умер, Кадогеи Уэст умер, бумаги похнщены. А ведь в понедельинк вечером, когда мы запнрали помещение, все было в порядке — департамеит как департамеит. Боже мой, боже мой!.. Подумать страшно. Чтобы имеиио Уэст совершнл такой поступок!

— Вы, значнт, убеждены в его вниовиостн?

— Больше подозревать иекого. А я доверял ему, как самому себе!

— В котором часу в понедельннк заперли помещенне?

— В пять часов.

— Где храиились докумеиты?

— Вон в том сейфе. Я их сам туда положил.

— Сторожа при здаиии ие имеется?

— Сторож есть, ио он охраияет не только наш отдел. Это старый солдат, человек абсолютио иадежиый. Ои инчего ие вндел. В тот вечер, правда, был ужасный туман, невероятно густой.

— Предположнм, Кадоген Уэст вздумал бы пройти в помещеиие ие в служебное время; ему поиадобилось бы трн ключа, чтобы добраться до бумаг, ие так лн?

— Имеиио так. Ключ от входиой двери, ключ от коиторы н ключ от сейфа.

— Ключи имелись только у вас и у сэра Джеймса Уолтера?

— От помещеннй у меия ключей иет, только от сейфа.

— Сэр Джеймс отлнчался аккуратностью?

— Полагаю, что да. Знаю только, что все три ключа он носнл на одном кольце. Я нх часто у него видел.

— И это кольцо с ключами он брал с собой, когда уезжал в Лондон?

— Ои говорил, что они всегда прн нем.

— И вы тоже иикогда не расстаетесь со своим ключом?

— Нникогда.

— Зиачит, Уэст, еслн преступинк действительио он, сделал вторые ключи. Но у иего никаких ключей ие обиаружили. Еще одии вопрос: если бы кто из сотрудинков, работающих в этом помещенни, задумал продать

воеиную тайиу, ие проще ли было бы для иего скопировать чертежи, чем похищать оригииалы, как это было проделаио?

— Чтобы скопировать их как следует, иужиы большие техиические позиания.

— Оии, очевидио, имелись и у сэра Джеймса и у Кадогеиа Уэста. Оии есть и у вас.

— Разумеется, ио я прошу ие впутывать меия в эту историю, мистер Холмс. И что попусту гадать, как оио могло быть, когда известио, что чертежи иашлись в кармаие Уэста?

— Но, право, все же очеиь страиио, что ои пошел иа такой риск и захватил с собой оригииалы, когда мог преспокойио их скопировать и продать копии.

— Коиечио, страиио, одиако взяты имеиио оригииалы.

— Чем больше ищешь, тем больше вскрывается в этом деле загадочиого. Недостающие три докумеита все еще не найдеиы. Насколько я поиимаю, оии-то и являются осиовиыми?

— Да.

— Зиачит ли это, что тот, к кому эти три чертежа попали, получил возможиость построить подводную лодку Брюса-Партиигтоиа, обойдясь без остальиых семи чертежей?

— Я как раз об этом и докладывал в адмиралтействе. Но сегодия я опять просмотрел чертежи и усомиился. На одиом из вериувшихся докумеитов имеются чертежи клапаиов и автоматических затворов. Пока оии там, за граиицей, сами их ие изобретут, оии ие смогут построить лодку Брюса-Партиигтоиа. Впрочем, обойти такое препятствие ие составит особого труда.

— Итак, три отсутствующие чертежа — самые главиые?

— Несомиеиио.

— Если ие возражаете, я произведу иебольшой осмотр помещеиия. Больше у меия вопросов к вам иет.

Холмс обследовал замок сейфа, обошел всю комиату и, наконец, проверил железиые ставии иа окнах. Только когда мы уже очутились иа газоие перед домом,

интерес его снова ожил. Под окном росло лавровое дерево,— некоторые из его веток оказались согнуты, другие сломаны. Холмс тщательно исследовал их с помощью лупы, осмотрел также еле приметные следы на земле. И, наконец, попросив старшего клерка закрыть железные ставни, обратил мое внимание на то, что створки посредине чуть-чуть не сходятся и с улицы можно разглядеть, что делается внутри.

— Следы, конечно, почти исчезли, утратили свою ценность из-за трех дней промедления. Они могут что-то означать, могут и не иметь никакого значения. Ну, Уотсон, я думаю, с Вулиджем пока все. Улов наш здесь невелик. Посмотрим, не добьемся ли мы большего в Лондоне.

И, однако, мы поймали еще кое-что в наши сети, прежде чем покинули Вулидж. Кассир на станции, не колеблясь, заявил, что в понедельник вечером видел Кадогена Уэста, которого хорошо знал в лицо. Молодой человек взял билет третьего класса на поезд 8.15 до станции Лондонский мост. Уэст был один, и кассира поразило его крайне нервное, встревоженное состояние. Он был до такой степени взволнован, что никак не мог собрать сдачу, кассиру пришлось ему помочь. Справившись по расписанию, мы убедились, что поезд, отходивший в 8.15, был фактически первым поездом, каким Уэст мог уехать в Лондон, после того как в половине восьмого оставил невесту на улице.

— Попробуем восстановить события,— сказал мне Холмс, помолчав минут тридцать.— Нет, честное слово, мы с вами еще не сталкивались с делом до такой степени трудным. С каждым шагом натыкаешься на новый подводный камень. И все же мы заметно продвинулись вперед.

Результаты допроса в Вулидже в основном говорят против Уэста, но кое-что, замеченное нами под окном конторы, позволяет строить более благоприятную для него гипотезу. Допустим, что к нему обратился иностранный агент. Он мог связать Уэста такими клятвами, что тот был вынужден молчать. Но эта мысль его занимала, на что указывают те отрывочные замечания и намеки, о которых рассказала нам его невеста. Отлично. Предположим далее, что в то время, как они шли в театр, он раз-

лнчнл в тумане этого самого агента, направляющегося к зданию Арсенала. Уэст был импульсивным молодым человеком, действовал не задумываясь. Когда дело касалось его гражданского долга, все остальное для него уже теряло значение. Он пошел за агентом, встал под окном, видел, как вор похищает документы, и бросился за ним в погоню. Таким образом, снимается вопрос, почему взяты оригиналы, а не сняты копии, для постороннего лица сделать это было невозможно. Видите, как будто логично.

— Ну, а дальше?

— Тут сразу возникает затруднение. Казалось бы, первое, что следовало сделать молодому человеку, это схватить негодяя и поднять тревогу. Почему он поступил иначе? Быть может, похититель—лицо выше его стоящее, его начальник? Тогда поведение Уэста понятно. Или же так: вору удалось ускользнуть в тумане, и Уэст тут же кинулся к нему домой, в Лондон, чтобы как-то помешать, если предположить, что адрес Уэсту был известен. Во всяком случае, только что-то чрезвычайно важное, требующее безотлагательного решения, могло заставить его бросить девушку одну на улице. И не дать позже знать о себе. Дальше след теряется, и до момента, когда тело Уэста с семью чертежами в кармане оказалось на крыше вагона, получается провал, неизвестность. Начнем теперь поиски с другого конца. Если Майкрофт уже прислал список имен и адресов, быть может, среди них найдется тот, кто нам нужен, и мы пустимся сразу по двум следам,

На Бейкер-стрит нас и в самом деле ожидал список, доставленный специальным курьером. Холмс пробежал его глазами, перекинул мне. Я стал читать:

«Известно множество мелких мошенников, но мало таких, кто рискнул бы пойти на столь крупную авантюру. Достойны внимания трое: Адольф Мейер — Грейт-Джордж-стрит, 13, Вестминстер; Луи ла Ротьер — Кэмден-Мэншенз, Ноттинг-Хилл; Гуго Оберштейн — Колфилд-Гарденс, 13, Кенсингтон. Относительно последнего известно, что в понедельник он был в Лондоне, по новому донесению — выбыл. Рад слышать, что «в темноте забрезжил свет». Кабинет министров с величайшим

волненнем ожндает твоего заключнтельного доклада. Получены указання нз самых высокнх сфер. Еслн понадобится, вся полнцня Англнн к твонм услугам.

Майкрофт».

— Боюсь, что «вся королевская конннца н вся королевская рать» [1] не смогут помочь мне в этом деле,— сказал Холмс, улыбаясь. Он раскрыл свой большой план Лондона н склоннлся над нним с жнвейшнм нитересом.— Ого! — немного спустя воскликнул он удовлетворенно.— Кажется, нам начннает сопутствовать удача. Знаете, Уотсон, я уже думаю, что в конце концов мы с вамн это дело оснлнм.— В неожнданном порыве веселья он хлопнул меня по плечу.— Сейчас я отправляюсь всего-навсего в разведку, нничего серьезного я предпрнннмать не стану, пока рядом со мной нет моего верного компаньона н бнографа. Вы оставайтесь здесь, н, весьма вероятно, через час-другой мы увнднмся снова. Еслн соскучнтесь, вот вам стопа бумагн н перо: прнннмайтесь пнсать о том, как мы выручнлн государство.

Меня в какой-то степенн заразнло его прнподнятое настроенне, я знал, что без достаточных на то основанний Холмс не скннет с себя маскн сдержанностн. Весь долгнй ноябрьскнй вечер я провел в нетерпелнвом ожнданнн моего друга. Наконец в самом начале десятого посыльный прннес мне от него такую запнску:

«Обедаю в ресторане Гольднин на Глостер-роуд, Кенснигтон. Прошу вас немедленно прнйтн туда. Захватнте с собой ломнк, закрытый фонарь, стамеску н револьвер.

Ш. Х.».

Нечего сказать, подходящее снаряженне предлагалось почтенному граждаинну таскать с собой по темным, окутанным туманом улнцам! Все указанные предметы я старательно рассовал по карманам пальто н направился по данному Холмсом адресу. Мой друг сндел в этом крнклнво нарядном нтальянском ресторане за круглым столнком неподалеку от входа.

---

[1] Строка из английской детской песенки. *Перевод С. Маршака.*

— Хотите перекусить? Нет? Тогда выпейте за компанию со мной кофе с кюрасо. И попробуйте одиу из сигар владельца заведения, они не так гиусны, как можно было ожидать. Все с собой захватили?

— Все. Спрятаио у меия в пальто.

— Отличио. Давайте в двух словах изложу вам, что я за это время проделал и что нам предстоит делать дальше. Я думаю, Уотсон, для вас совершенно очевидно, что труп молодого человека был *положен* на крышу. Мне это стало ясио, едва я убедился, что он упал не из вагона.

— А не могли его бросить на крышу с какого-нибудь моста?

— По-моему, это невозможно. Крыши вагонов покаты, и никаких поручней или перил нет,— ои бы не удержался. Значит, можно с увереиностью сказать, что его туда положили.

— Но каким образом?

— Это вопрос, иа который иам иадлежит ответить. Есть только одна правдоподобная версия. Вам известно, что поезда метро в некоторых пунктах Вест-Энда выходят из тоннеля наружу. Мне смутно помнится, что, проезжая там, я иногда видел окна домов как раз у себя над головой. Теперь представьте себе, что поезд остановился под одиим из таких окои. Разве так уж трудио положить из окна труп иа крышу вагона?

— По-моему, это совершенно иеправдоподобио.

— Следует вспоминть старую аксиому: когда исключаются все возможиости, кроме одиой, эта последияя, сколь ии кажется оиа невероятной, и есть неоспоримый факт. Все другие возможиости нами исключены. Когда я выяснил, что крупиый международный шпион, только что выбывший из Лондона, проживал в одном из домов, выходящих прямо на линию метро, я до того обрадовался, что даже удивил вас иекоторой фамильяриостью поведения.

— А, так вот, оказывается, в чем дело!

— Ну да! Гуго Оберштейи, заиимавший квартиру на Колфилд-Гарденс в доме тринадцать, стал моей мишеиью. Я иачал со стаицни Глостер-роуд. Там очень любезный железнодорожный служащий прошелся со мной по путям, и я не только удостоверился, что на черном ходу окна лестниц в домах по Колфилд-Гарденс выходят прямо

иа ллнию, но и узнал еще кое-что поважнее: именно там путн пересекаются с другой, более крупной железнодорожиой веткой, н поезда метро часто по нескольку мннут стоят как раз иа этом самом месте.

— Браво, Холмс! Вы все-таки докопались до сутн!

— Не совсем, Уотсон, не совсем. Мы продвнгаемся вперед, но цель еще далека. Итак, проверив задиюю стеиу дома номер трннадцать на Колфнлд-Гардеис, я обследовал затем его фасад н убедился в том, что птнчка действительно упорхнула. Дом большой, на верхнем этаже отдельные квартнры. Оберштейн проживал нмеино там, и с ним всего лишь один лакей, очевидно, его сообщник, которому он полностью доверял. Итак, Оберштейн отправился на контннент, чтобы сбыть с рук добычу, но это отнюдь не бегство,— у иего не было прнчин бояться ареста. А то, что ему могут нанестн частный внзит, этому джентльмеиу н в голову не приходило. Но мы с вами как раз это н проделаем.

— А иельзя лн получнть офнциальный ордер на обыск, чтобы все было по закоиу?

— На осиованин нмеющнхся у нас данных — едва ли.

— Но что может дать нам обыск?

— Напрнмер, какую-нибудь корреспондеицню.

— Холмс, мне это не нравится.

— Дорогой мой, вам надо будет постоять иа улице, посторожить, только и всего. Всю противозаконную деятельность беру на себя. Сейчас не время отступать из-за пустяков. Вспомнните, что писал Майкрофт, вспомните встревожеиное адмиралтейство и кабинет миинстров, высокую особу, ожндающую от иас новостей. Мы обязаны это сделать.

Вместо ответа я встал нз-за стола.

— Вы правы, Холмс. Это наш долг.

Он тоже вскочнл н пожал мне руку.

— Я зиал, что вы не подведете в последнюю миину-ту,— сказал Холмс, и в глазах его я прочел что-то очень похожее на нежность. В следующее мгиовеиие он был сиова самим собой — увереиный, трезвый, властный.— Туда с полмили, но спешить нам незачем, пойдемте пешком,— продолжал он.— Не растеряйте ваше сиаряжеиие, прошу вас. Еслн вас арестуют как подозрительную личность, это весьма осложиит дело.

Колфилд-Гарденс — это ряд домов с ровными фасадами, с колоннами и портиками, весьма типичный продукт середины викторианской эпохи в лондонском Вест-Энде. В соседней квартире звенели веселые молодые голоса и бренчало в ночной тишине пианино, по-видимому, там был в разгаре детский праздник. Туман еще держался и укрывал нас своей завесой. Холмс зажег фонарик и направил его луч на массивную входную дверь.

— Да, солидно,— сказал он.— Тут, видимо, не только замок, но и засовы. Попробуем черный ход — через дверь в подвал. В случае, если появится какой-нибудь слишком рьяный блюститель порядка, вон там внизу к нашим услугам великолепный темный уголок. Дайте мне руку, Уотсон, придется лезть через ограду, а потом я помогу вам.

Через минуту мы были внизу у входа в подвал. Едва мы укрылись в спасительной тени, как где-то над нами в тумане послышались шаги полицейского. Когда их негромкий, размеренный стук затих вдали, Холмс принялся за работу. Я видел, как он нагнулся, поднатужился, и дверь с треском распахнулась. Мы проскользнули в темный коридор, прикрыв за собой дверь. Холмс шел впереди по голым ступеням изогнутой лестницы. Желтый веерок света от его фонарика упал на низкое лестничное окно.

— Вот оно. Должно быть, то самое.

Холмс распахнул раму, и в ту же минуту послышался негромкий, тягучий гул, все нараставший и, наконец, перешедший в рев,— мимо дома в темноте промчался поезд. Холмс провел лучом фонарика по подоконнику — он был покрыт густым слоем сажи, выпавшей из паровозных труб. В некоторых местах она оказалась слегка смазана.

— Потому что здесь лежало тело. Эге! Смотрите-ка, Уотсон, что это? Ну, конечно, следы крови.— Он указал на темные, мутные пятна по низу рамы.— Я их заметил и на ступенях лестницы. Картина ясна. Подождем, пока тут остановится поезд.

Ждать пришлось недолго. Следующий состав, с таким же ревом вынырнувший из тоннеля, постепенно замедлил ход и, скрежеща тормозами, стал под самым окном.

От подоконника до крыши вагона было не больше четырех футов. Холмс тихо притворил раму.

— Пока все подтверждается,— проговорил он.— Ну, что скажете, Уотсон?

— Гениальио! Вы превзошли самого себя.

— Тут я с вами не согласен. Требовалось только сообразить, что тело находилось на крыше вагона, и это было не бог весть какой гениальной догадкой, а все остальное неизбежно вытекало из того факта. Если бы на карту не были поставлены серьезные государственные интересы, вся эта история, насколько она нам пока известна, ничего особенно значительного собой не представляла бы. Трудности у нас, Уотсон, все еще впереди. Но, как знать, быть может, здесь мы найдем какие-нибудь новые указания.

Мы поднялись по черной лестнице и очутились в квартире второго этажа. Скупо обставленная столовая не заключала в себе ничего для нас интересного. В спальне мы тоже ничего не обнаружили. Третья комната сулила больше, и мой друг принялся за систематический обыск. Комната, очевидно, служила кабинетом — повсюду валялись книги и бумаги. Быстро и ловко Холмс выворачивал одно за другим содержимое ящиков письменного стола, полок шкафа, но его суровое лицо не озарилось радостью успеха. Прошел час, и все никакого результата.

— Хитрая лисица, замел все следы,— сказал Холмс.— Никаких улик. Компрометирующая переписка либо увезена, либо уничтожена. Вот наш последний шанс.

Он взял стоявшую на письменном столе небольшую металлическую шкатулку и вскрыл ее с помощью стамески. В ней лежало несколько свернутых в трубку бумажных листков, покрытых цифрами и расчетами, но угадать их смысл и значение было невозможно. Лишь повторяющиеся слова «давление воды» и «давление на квадратный дюйм» позволяли предполагать, что все это имеет какое-то отношение к подводной лодке. Холмс нетерпеливо отшвырнул листки в сторону. Оставался еще конверт с какими-то газетными вырезками. Холмс разложил их на столе, и по его загоревшимся глазам я понял, что появилась надежда.

— Что это такое, Уотсои, а? Газетиые объявлеиия и, судя по шрифту и бумаге, из «Дейли телеграф» — из верхиего угла правой полосы. Даты ие указаны, ио вот это, по-видимому, первое:

«Надеялся услышать раиьше. Условия приняты. Пишите подробно по адресу, указаниому на карточке.

Пьерро».

А вот второе:

«Слишком сложио для описаиия. Должен нметь полный отчет. Оплата по вручеиии товара.

Пьерро».

И третье:

«Поторопитесь. Предложеиие снимается, если ие будут выполиены условия договора. В письме укажите дату встречи. Подтвердим через объявлеиие.

Пьерро».

И, иакоиец, последиее:

«В поиедельиик вечером после девяти. Стучать два раза. Будем одии. Оставьте подозрительиость. Оплата иаличиыми по вручеиии товара.

Пьерро».

Собраио все — вполие исчерпывающий отчет о ходе переговоров! Теперь добраться бы до того, кому это адресоваио.

Холмс сидел, крепко задумавшись, постукивая пальцем по столу. И вдруг вскочил иа ноги.

— А, пожалуй, это не так уж трудио. Здесь, Уотсои, нам делать больше иечего. Отправимся в редакцию «Дейли телеграф» и тем завершим иаш плодотворный день.

Майкрофт Холмс и Лестрейд, как то было условлеио, явились на следующий деиь после завтрака, и Холмс поведал им о наших похождениях иакаиуие вечером. Поли-

цейскнй сыщик покачал головой, услышав исповедь о краже со взломом.

— У нас в Скотленд-Ярде такие вещи делать не полагается, мистер Холмс,— сказал он.— Не удивительно, что вы достигаете того, что нам не под силу. Но в один прекрасный день вы с вашим приятелем хватите через край, и тогда вам не миновать неприятностей.

— Погибнем «за Англию, за дом родной и за красу» [1]. А, Уотсон? Мученики, сложившие головы на алтарь отечества. Но что скажешь ты, Майкрофт?

— Превосходно, Шерлок! Великолепно! Но что это нам дает?

Холмс взял лежавший на столе свежий номер «Дейли телеграф».

— Ты видел сегодняшнее сообщение «Пьерро»?

— Как? Еще?

— Да. Вот оно:

«Сегодня вечером. То же место, тот же час. Стучать два раза. Дело чрезвычайно важное. На карте ваша собственная безопасность.

Пьерро».

— Ах, шут возьми! — воскликнул Лестрейд.— Ведь если он откликнется, мы его схватим!

— С этой целью я и поместил это послание. Если вас обоих не затруднит часов в восемь отправиться с нами на Колфилд-Гардеис, мы приблизимся к разрешению нашей проблемы.

Одной из замечательных черт Шерлока Холмса была его способность давать отдых голове и переключаться на более легковесные темы, когда он полагал, что не может продолжать работу с пользой для дела. И весь тот памятный день он целиком посвятил задуманной им монографии «Полифонические мотеты Лассуса» [2]. Я не обладал этой счастливой способностью отрешаться, и день тянулся для меня бесконечно. Огромное государственное

---

[1] Вошедший в поговорку отрывок из песни «Смерть Нельсона», сочиненной и исполнявшейся знаменитым английским тенором Джоном Брэмом (1774—1856).

[2] Лассус (Лассо), Орландо (1532—1594) — выдающийся нидерландский композитор.

значенне нтогов нашего расследования, напряженное ожиданне в высшнх правнтельственных сферах, предстоящнй опасный эксперимент — все способствовало моей нервозностн. Поэтому я почувствовал облегчение, когда после легкого обеда мы, наконец, отправнлнсь на Колфнлд-Гарденс. Лестрейд н Майкрофт, как мы договорилнсь, встретнлн нас возле станцнн Глостер-роуд. Подвальная дверь дома, где жнл Оберштейн, оставалась открытой с прошлой ночн, но так как Майкрофт Холмс наотрез отказался лезть через ограду, мне пришлось пройтн вперед н открыть парадную дверь. К девятн часам мы все четверо уже сндели в кабннете, терпелнво дожндаясь нужного нам лнца.

Прошел час, другой. Когда пробнло одннналцать, бой часов на церковной башне прозвучал для нас как погребальный звон по нашнм надеждам. Лестрейд н Майкрофт ерзалн на стульях н помннутно смотрелн на часы. Шерлок Холмс сндел спокойно, полузакрыв векн, но внутренне настороженный. Вдруг он вскннул голову.

— Идет,— проговорнл он.

Кто-то осторожно прошел мнмо дверн. Шагн удалнлнсь н снова прнблнзнлнсь. Послышалось шарканье ног, и дважды стукнул дверной молоток. Холмс встал, сделав нам знак оставаться на местах. Газовый рожок в холле почтн не давал света. Холмс открыл входную дверь н, когда темная фнгура скользнула мимо, запер дверь на ключ.

— Прошу сюда,— услышалн мы его голос, н в следующее мгновенне тот, кого мы поджндалн, стоял перед намн.

Холмс шел за ним по пятам, н, когда вошедшнй с возгласом удивлення н тревогн отпрянул было назад, мой друг схватнл его за шнворот н втолкнул обратно в комнату. Пока наш пленнпк вновь обрел равновесне, дверь в комнату была уже заперта, н Холмс стоял к ней спнной. Пойманный нспуганно обвел глазамн комнату, пошатнулся н упал замертво. Прн паденнн шнрокополая шляпа свалнлась у него с головы, шарф, закрывавшнй лнцо, сполз, н мы увндели длннную белокурую бороду н мягкне, нзящные черты лнца полковнпка Валентайна Уолтера.

Холмс от удивлення свнстнул.

— Уотсон,— сказал он,— на этот раз можете напи-сать в своем рассказе, что я полный осел. Попалась со-всем не та птица, для которой я расставлял силки.

— Кто это? — спросил Майкрофт с живостью.

— Младший брат покойного сэра Джеймса Уолте-ра, главы департамента субмарин. Да-да, теперь я ви-жу, как легли карты. Полковник приходит в себя. До-прос этого джентльмена прошу предоставить мне.

Мы положили неподвижное тело на диван. Но вот наш пленник привстал, огляделся — лицо его выра-зило ужас. Он провел рукой по лбу, словно не веря своим глазам.

— Что это значит? — проговорил он.— Я пришел к мистеру Оберштейну.

— Все раскрыто, полковник Уолтер,— сказал Холмс.— Как мог английский дворянин поступить по-добным образом, это решительно не укладывается в моем сознании. Но нам известно все о вашей переписке и от-ношениях с Оберштейном. А также и об обстоятель-ствах, связанных с убийством Кадогена Уэста. Однако некоторые подробности мы сможем узнать только от вас. Советую вам чистосердечным признанием хоть немного облегчить свою вину.

Полковник со стоном уронил голову на грудь и за-крыл лицо руками. Мы ждали, но он молчал.

— Могу вас уверить, что основные факты для нас ясны,— сказал Холмс.— Мы знаем, что у вас были серь-езные денежные затруднения, что вы изготовили слепки с ключей, находившихся у вашего брата, и вступили в пе-реписку с Оберштейном, который отвечал на ваши письма в разделе объявлений в «Дейли телеграф». Мы знаем так-же, что в тот туманный вечер в понедельник вы проник-ли в помещение, где стоял сейф, и Кадоган Уэст вас вы-следил,— очевидно, у него уже были основания подозре-вать вас. Он был свидетелем похищения чертежей, но не решился поднять тревогу, быть может, предполагая, что вы достаете документы по поручению брата. Забыв про личные дела, Кадоган Уэст, как истинный патриот, пре-следовал вас, скрытый туманом, до самого этого дома. Тут он к вам подошел, и вы, полковник Уолтер, к госу-дарственной измене прибавили еще одно, более ужасное преступление — убийство.

— Нет! Нет! Клянусь богом, я не убивал! — закричал несчастный пленник.

— В таком случае, объясните, каким образом он погиб, что произошло до того, как вы положили его труп на крышу вагона.

— Я расскажу. Клянусь, я вам все расскажу. Все остальное действительно было именно так, как вы сказали. Я признаюсь. На мне висел долг — я запутался, играя на бирже. Деньги нужны были позарез. Оберштейн предложил мне пять тысяч. Я хотел спастись от разорения. Но я не убивал, в этом я не повинен.

— Что же в таком случае произошло?

— Уэст меня подозревал и выследил — все так, как вы сказали. Я обнаружил его только у входа в дом. Туман был такой, что в трех шагах ничего не было видно. Я постучал дважды, и Оберштейн открыл мне дверь. Молодой человек ворвался в квартиру, бросился к нам, стал требовать, чтобы мы ему объяснили, зачем нам понадобились чертежи. Оберштейн всегда имеет при себе свинцовый кистень — он ударил им Кадогена Уэста по голове. Удар оказался смертельным, Уэст умер через пять минут. Он лежал на полу в холле, и мы совершенно растерялись, не знали, что делать. И тут Оберштейну пришла в голову мысль относительно поездов, которые останавливаются под окном на черном ходу. Но сперва он просмотрел чертежи, отобрал три самых важных и сказал, что возьмет их.

«Я не могу отдать чертежи,— сказал я,— если к утру их не окажется на месте, в Вулидже поднимется страшный переполох».

«Нет, я должен их забрать,— настаивал Оберштейн,— они настолько сложны, что я не успею до утра снять с них копии». «В таком случае, я немедленно увезу чертежи обратно»,— сказал я. Он немного подумал, потом ответил: «Три я оставлю у себя, остальные семь засунем в карман этому молодому человеку. Когда его обнаружат, похищение, конечно, припишут ему». Я не видел другого выхода и согласился. С полчаса мы ждали, пока под окном не остановился поезд. Туман скрывал нас, и мы без труда опустили тело Уэста на крышу вагона. И это все, что произошло и что мне известно.

— А ваш брат?

— Он ие говорил ни слова, ио однажды застал меия с ключами, и я думаю, он меия стал подозревать. Я чнтал это в его взгляде. Он ие мог больше смотреть людям в глаза и...

Воцарилось молчаиие. Его иарушил Майкрофт Холмс.

— Хотите в какой-то мере нскупить свою вииу? Чтобы облегчить совесть и, возможно, кару.

— Чем могу я ее нскупить?..

— Где сейчас Оберштейи, куда он повез похищеиные чертежи?

— Не зиаю.

— Он не оставил адреса?

— Сказал лишь, что письма, отправленные иа его имя в Париж, отель «Лувр», в коице коицов дойдут до иего.

— Значит, для вас есть еще возможиость исправить содеяиное,— сказал Шерлок Холмс.

— Я готов сделать все, что вы сочтете иужиым. Мие этого субъекта щадить иечего. Он причиил моего падеиия и гибели.

— Вот перо и бумага. Садитесь за стол — будете писать под мою диктовку. На конверте поставьте даиный вам парижский адрес. Так. Теперь пишите:

«Дорогой сэр!

Пишу Вам по поводу иашей сделки.

Вы, иесомиеиио, заметили, что недостает одиой существеииой детали. Я добыл необходимую копню. Это потребовало миого лишиих хлопот и усилий, и я рассчитываю иа дополиительиое вознаграждеиие в пятьсот фуитов. Почте доверять опасио. И я ие приму иичего, кроме золота нли ассигиаций. Я мог бы приехать к Вам за граиицу, ио боюсь иавлечь на себя подозреиие, если имеиио теперь выеду из Аиглии. Поэтому надеюсь встретиться с Вами в курительиой комиате отеля «Чаринг-Кросс» в субботу в двеиадцать часов дия. Повторяю, я согласеи только на аиглийские ассигиации или золото».

— Вот и отлично,— сказал Холмс.— Буду очень удивлеи, если он ие отзовется иа такое письмо.

И он отозвался! Но все дальнейшее относится уже к области истории, к тем тайным ее анналам, которые часто оказываются значительно интереснее официальной хроники. Оберштейн, жаждавший завершить так блестяще начатую и самую крупную свою аферу, попался в ловушку и был на пятнадцать лет надежно упрятан за решетку английской тюрьмы. В его чемодане были найдены бесценные чертежи Брюса-Партингтона, которые он уже предлагал продать с аукциона во всех военно-морских центрах Европы.

Полковник Уолтер умер в тюрьме к концу второго года заключения. А что касается Холмса, он со свежими силами принялся за свою монографию «Полифонические мотеты Лассуса»; впоследствии она была напечатана для узкого круга читателей, и специалисты расценили ее как последнее слово науки по данному вопросу. Несколько недель спустя после описанных событий я случайно узнал, что мой друг провел день в Виндзорском дворце и вернулся оттуда с великолепной изумрудной булавкой для галстука. Когда я спросил, где он ее купил, Холмс ответил, что это подарок одной очень любезной высокопоставленной особы, которой ему посчастливилось оказать небольшую услугу. Он ничего к этому не добавил, но, мне кажется, я угадал августейшее имя и почти не сомневаюсь в том, что изумрудная булавка всегда будет напоминать моему другу историю с похищенными чертежами подводной лодки Брюса-Партингтона.

ШЕРЛОК ХОЛМС ПРИ СМЕРТИ

Квартирная хозяйка Шерлока Холмса, мнссис Хадсон, была настоящей мученицей. Мало того, что второй этаж ее дома в любое время подвергался нашествию странных и зачастую малоприятных личностей, но и сам ее знаменитый квартирант своей эксцентричностью и безалаберностью жестоко испытывал терпение хозяйки. Его чрезвычайная неаккуратность, привычка музицировать в самые неподходящие часы суток, по временам стрельба из револьвера в комнате, загадочные и часто весьма неароматичные химические опыты и вся атмосфера преступлений и опасности, окружавшая его, делали Холмса едва ли не самым неудобным квартирантом в Лондоне. Но, с другой стороны, платил он по-царски. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома.

Она благоговела перед Холмсом и никогда не осмеливалась перечить ему, несмотря на все его невероятные поступки. Она также симпатизировала ему за удивительную мягкость и вежливость в обращении с женщинами. Он не любил женщин и не верил им, но держался с ними всегда по-рыцарски учтиво. Зная искреннее расположение миссис Хадсон к Холмсу, я с волнением ее выслушал, когда на второй год моей женитьбы она прибежала ко мне с известием о тяжелой болезни моего бедного друга.

— Он умирает, доктор Уотсон,— говорила она.— Уже три дня ему все хуже и хуже. Я не знаю, доживет

лн он до завтра. Он запретил мне вызывать врача. Но сегодня утром, когда я увндела, как у него все кости на лице обтянулись н как блестят глаза, я не могла больше выдержать. «С вашего согласия илн без него, мистер Холмс, я немедлеиио иду за врачом»,— сказала я. «В таком случае позовнте Уотсона»,— согласился он. Не теряйте нн минуты, сэр, ииаче вы можете ие застать его в жнвых!

Я был потрясен, тем более что ничего не слыхал о его болезнн. Излншие говорить, что я тут же схватил пальто и шляпу. По дороге я стал расспрашивать миссис Хадсон.

— Я могу вам рассказать очеиь немиого, сэр,— отвечала оиа.— Он расследовал какое-то дело в Розерхайте, в переулках у реки, н, вероятио, там заразнлся. В среду пополуднн он слег н с тех пор не встает. За все эти три дня он ннчего не ел и ие пил.

— Боже мой! Почему же вы ие позвали врача?

— Он не велел, сэр. Вы знаете, какой он властный. Я не осмелилась ослушаться его. Но вы сразу увндите, ему не долго осталось жнть.

Действнтельно, на Холмса было страшно смотреть. В тусклом свете туманного иоябрьского дия его спальия казалась достаточно мрачиой, но что пронзило мне сердце, так это его худое, нзмождеииое лнцо на фоне подушек. Глаза его лнхорадочно блестели, на щеках нграл болезнеиный румяиец, губы покрылись темными корками. Тоикие руки судорожно двигались по одеялу, голос был хриплым н ломающнмся. Когда я вошел в комнату, он лежал иеподвижио, однако что-то мелькиуло в его глазах — ои, несомненно, узиал меня.

— Ну, Уотсон, как видно, наступнли плохне времена,— сказал он слабым голосом, но все же с оттенком своей прежней шутливой манеры.

— Дорогой друг! — воскликиул я, приблнжаясь к нему.

— Стойте! Не подходите! — крнкнул он тем резким и повелительным тоном, какой появляется у иего только в самые напряженные минуты.— Если вы приблнзитесь ко мие, я велю вам тотчас уйтн отсюда.

— Но почему же?

— Потому что я так хочу. Разве этого иедостаточио?

Да, миссис Хадсои была права, властиости в ием ие убавилось. Но вид у иего был поистиие жалкий.

— Ведь я хотел только помочь,— сказал я.

— Правильио. Хотите помочь, так делайте, что вам велят.

— Хорошо, Холмс.

Ои иесколько смягчился.

— Вы ие сердитесь? — спросил ои, задыхаясь.

Бедияга! Как я мог сердиться иа иего, когда ои был в таком состояиии!

— Это ради вас самих,— сказал ои хрипло.

— Ради меия?!

— Я зиаю, что со миой. Родина этой болезии — Суматра. Голлаидцы зиают о ией больше иас, ио и оии пока очеиь мало изучили ее. Ясио только одио: оиа, безусловио, смертельиа и чрезвычайио заразиа.

Ои говорил с лихорадочиой эиергией, его длиииые руки беспокойио шевелились, как бы стремясь отстраиить меия.

— Заразиая при прикосиовеиии, Уотсои, только при прикосиовеиии! Держитесь от меия подальше, и все будет хорошо.

— Боже мой, Холмс! Неужели вы думаете, что это может иметь для меия какое-иибудь зиачеиие? Я бы преиебрег этим даже по отиошеиию к постороииему мие человеку. Так иеужели это помешает мие выполиить мой долг по отиошеиию к вам, моему старому другу?

Я сиова сделал шаг в его стороиу. Но ои отстраиил меия с бешеиой яростью.

— Я буду говорить с вами, только если вы остаиетесь иа месте. В противиом случае вам придется уйти.

Я так уважаю иеобычайиые талаиты моего друга, что всегда подчииялся его указаииям, даже если совершеиио их не поиимал. Но тут во мие заговорил профессиоиальиый долг. Пусть Холмс руководит миою в любых других случаях, но сейчас я — врач у постели больиого.

— Холмс,— сказал я,— вы ие отдаете себе отчета в своих поступках. Больиой все равио, что ребеиок. Хотите вы этого или иет, ио я осмотрю вас и примусь за лечеиие.

Ои злобио посмотрел иа меия.

— Если мие протнв воли навязывают врача, то пусть это будет хотя бы человек, которому я доверяю.

— Значит, мие вы ие доверяете?

— В вашу дружбу я, коиечно, верю. Но факты остаются фактами. Вы, Уотсои, в коице концов только обычный врач, с очеиь ограиичениым опытом и квалификацией. Мне тяжело говорнть вам такие вещи, но у меия иет ииого выхода.

Я был глубоко оскорблеи.

— Такие слова иедостойны вас, Холмс. Оин свндетельствуют о состоянни вашей иервной снстемы. Но если вы мие ие доверяете, я ие буду иабиваться с услугами. Разрешнте мие привезти к вам сэра Джаспера Мика, нли Пеироза Фншера, или любого нз самых лучших врачей Лоидоиа. Так или иначе, кто-ннбудь должеи оказать вам помощь. Если вы думаете, что я буду спокойио стоять и смотреть, как вы умираете, то вы жестоко ошибаетесь.

— Вы мне желаете добра, Уотсои,— сказал Холмс с тихим стоиом.— Но хотите, я докажу вам ваше иевежество? Скажите, пожалуйста, что вы знаете о лихорадке провииции Тапанули или о формозской черной язве?

— Я иикогда о инх ие слышал.

— На Востоке, Уотсои, существует много страиных болезией, миого отклонеинй от иормы.— Холмс остаиавлнвался после каждой фразы, чтобы собраться с силами.— За последнее время я это поиял в связи с одним расследоваинем медико-уголовиого характера. Очевндио, во время этих расследоваиий я и заразнлся. Вы, Уотсои, ие в силах помочь мие.

— Может быть, и так. Но я случайио узнал, что доктор Эистри, крупиейшнй в мнре зиаток тропическнх болезией, сейчас иаходится в Лоидоие. Не возражайте, Холмс, я иемедленно еду к иему!

Я решнтельио повериулся к двери.

Никогда я ие испытывал такого потрясеиия! В мгновеиье ока прыжком тнгра умирающнй преградил мне путь. Я услышал резкий звук поворачнваемого ключа. В следующую мииуту Холмс уже снова повалился на кровать, задыхаясь после этой невероятной вспышки эиергнн.

— Снлой вы у меия ключ ие отинмете, Уотсои. Попались, мой друг! Придется вам здесь посидеть, пока я

вас не выпущу. Но вы не горюйте. (Он говорил прерывающимся голосом, с трудом переводя дыхание.) Вы хотите мне помочь, я в этом не сомневаюсь. Будь по-вашему, но только дайте мне немного собраться с силами. Подождите немножко, Уотсон. Сейчас четыре часа. В шесть я вас отпущу.

— Но это безумие, Холмс!

— Всего два часа, Уотсон. В шесть вы уедете, обещаю. Потерпите?

— Вы мне не оставили выбора.

— Вот именно. Спасибо, Уотсон, я сам могу поправить одеяло. Держитесь подальше от меня. И еще одно условие, Уотсон. Вы привезете не доктора Эистри, а того, кого я сам выберу.

— Согласен.

— Вот первое разумное слово, которое вы произнесли с тех пор, как вошли сюда, Уотсон. Займитесь пока книгами вон там, на полке. Я немного устал... Интересно, что чувствует электрическая батарея, когда пытается пропустить ток через доску?.. В шесть часов, Уотсон, мы продолжим наш разговор.

Но разговору этому суждено было продолжиться задолго до назначенного часа, при обстоятельствах, потрясших меня не менее, чем прыжок Холмса к двери.

Несколько минут я стоял, глядя на безмолвную фигуру на кровати. Лицо Холмса было почти закрыто одеялом, казалось, он уснул. Я был не в состоянии читать и стал бродить по комнате, разглядывая фотографии знаменитых преступников, развешенные по стенам. Так, бесцельно переходя с места на место, я добрался наконец до камина. На каминной полке лежали в беспорядке трубки, кисеты с табаком, шприцы, перочинные ножи, револьверные патроны и прочая мелочь. Мое внимание привлекла коробочка из слоновой кости, черная с белыми украшениями и с выдвижной крышкой. Вещица была очень красивая, и я уже протянул к ней руку, чтобы получше ее рассмотреть, но тут...

Холмс издал крик, столь пронзительный, что его, наверное, услышали в дальнем конце улицы. Мороз пробежал у меня по коже, волосы стали дыбом от этого ужасного вопля. Обернувшись, я увидел искаженное

лицо Холмса, встретил его безумный взгляд. Я окаменел, зажав коробочку в руке.

— Положите ее! Немедленно положите, Уотсон, немедленно, говорят вам!

Он со вздохом облегчения откинулся на подушку, когда я положил коробку на прежнее место.

— Я не переношу, когда трогают мои вещи, Уотсон. Вы же это знаете. И что вы все ходите, это невыносимо. Вы, врач, способны довести пациента до сумасшествия! Сядьте и дайте мне покой.

Этот инцидент произвел на меня чрезвычайно тяжелое впечатление. Дикая, беспричинная вспышка, резкость, столь несвойственная обычно сдержанному Холмсу, показывали, как далеко зашло расстройство его нервной системы. Распад благородного ума — что может быть печальнее? В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначенный час. Холмс, по-видимому, тоже следил за часами. Как только стрелки показали шесть, он заговорил все с тем же лихорадочным возбуждением.

— Уотсон,— спросил он,— есть у вас при себе мелочь?

— Да.

— Серебро?

— Да, порядочное количество.

— Сколько полукрон?

— Пять.

— Мало, слишком мало!— воскликнул он.— Какая досада! Но вы все-таки переложите их в кармашек для часов, а все остальные деньги в левый карман брюк. Спасибо. Это вас в какой-то мере уравновесит.

Это уже было явное помешательство. Он содрогнулся и не то кашлянул, не то всхлипнул.

— Теперь зажгите газ, Уотсон. Будьте чрезвычайно осторожны, нужно открыть газ только наполовину. Умоляю вас быть осторожным. Хорошо, спасибо. Нет, шторы не задергивайте. Теперь, Уотсон, видите там щипцы для сахара? Возьмите ими, пожалуйста, эту черную коробочку с камина. Осторожно поставьте ее вот сюда на стол, среди бумаг. Прекрасно! Ну, а теперь отправляйтесь и привезите мне мистера Кэлвертона Смита, Лоуэр-Бэрк-стрит, дом 13.

Говоря по правде, мое стремление бежать за врачом немиого ослабело, так как мой бедный друг, несомненно, бредил и я боялся оставнть его одного. Однако теперь он требовал привезти к нему Смнта, требовал так же упорио, как прежде отказывался от всякой помощи.

— Никогда не слышал такого имени,— сказал я.

— Очень может быть, дорогой Уотсон. И, возможно, вас удивит, что лучший в мире зиаток этой болезни — не врач, а плантатор. Мистер Кэлвертон Смит — постоянный житель Суматры и хорошо там известен, а в Лондон он только приехал по делам. Вспышка этой болезни на его плантациях, расположенных далеко от медицинских учреждеиий, заставила его самого заняться изученнем ее, и ои добился немалых успехов. Смит очень методичный человек. Я не хотел отпустить вас ранее шестн часов, зная, что вы не застанете его дома. Если вам удастся уговорить его приехать ко мие н применить свои исключительные познания в этой области медицины, он, бесспорно, мие поможет.

Я передаю слова Холмса как связное целое. На самом деле речь его прерывалась одышкой и судорожными движениями рук, свидетельствующими о муках, испытываемых им. За то время, что я у него пробыл, внешний вид его ухудшился. Лихорадочный румяиец сделался ярче, глаза еще сильнее блестели из темных глазиых впадин, по временам холодный пот выступал иа лбу. И все же он еще сохранял свою спокойную, четкую речь. До последнего издыхания он останется самим собою!

— Вы расскажете ему подробно о моем состоянии,— сказал ои.— Опишете, какое впечатлеиие я на вас произвел, скажете, что я в бреду, что я умираю. Просто иепонятио, почему все дио океана не представляет собою сплошной массы устриц,— ведь оии так плодовиты. Ох, я опять заговариваюсь! Любопытно, как мозг сам себя контролирует... Что я говорил, Уотсои?

— Вы давали указания отиосительно мистера Кэлвертона Смита.

— Ах да, помню. Моя жизнь зависит от него, Уотсон. Постарайтесь его уговорить. Отиошения у нас с ним плохие. Его племянник умер, Уотсон... Я заподозрил иедоброе, и он почувствовал зто. Юноша умер в страшиых

муках, Смит зол на меня. Любыми средствами смягчите его, Уотсон. Просите его, умоляйте, во что бы то ни стало привезите его сюда. Только он может спасти меня, только он!

— Обещаю, что привезу его с собой в кэбе, даже если бы мне пришлось сиести его в кэб на руках.

— Нет, это не годится. Вы должны только убедить его приехать. А сами возвращайтесь раньше. Придумайте какой-нибудь предлог, чтобы не ехать с ним вместе. Не забудьте, Уотсон, не подведите меня. Ведь вы никогда меня не подводили. Можно не сомневаться, что какие-то естественные враги препятствуют их размножению. Мы с вами, Уотсон, сделали все, что могли. Неужели же весь мир будет заполнен устрицами? Нет, нет, это слишком страшно. Передайте ему ваше впечатление как можно точнее.

Я ушел, унося с собой образ этого умнейшего человека, лепечущего, как дитя. Он отдал мне ключ, и мне пришла счастливая мысль взять ключ с собой, чтобы Холмс не вздумал запереться в комнате. Миссис Хадсон, вся в слезах, ждала меня в коридоре. Уходя, я слышал, как Холмс высоким, тонким голосом затянул какую-то безумную песню. Пока я на улице подзывал кэб, ко мне из тумана приблизилась темная фигура.

— Как здоровье мистера Холмса?— спросил голос.

Это был мой старый знакомый инспектор Мортон из Скотленд-Ярда, одетый в штатское.

— Очень плохо,— ответил я.

Он как-то странно взглянул на меня. Не будь это слишком невероятным, я подумал бы, что при свете, падающем из окна над дверью, я прочел на его лице удовлетворение.

— Да, я слышал об этом,— сказал он.

Кэб подъехал, и мы расстались.

Лоуэр-Бэрк-стрит представляла собою длинный ряд красивых домов между Ноттинг-Хиллом и Кенсингтоном. Здание, перед которым остановился кэб, имело опорный и солидный вид — старомодная железная ограда, массивная двустворчатая дверь с блестящими медными ручками. Общему впечатлению соответствовал и величественный дворецкий, появившийся на пороге в розовом сиянии электрической люстры.

— Да, мистер Кэлвертои Смит дома. Доктор Уотсои? Хорошо, сэр, позвольте вашу визитиую карточку.

Мое скромное имя и профессия, очевидио, ие произвели должиого впечатлеиия иа мистера Кэлвертоиа Смита. Через полуоткрытую дверь я услышал раздражеиный, произительиый голос.

— Кто это? Что ему иужио? Сколько раз я говорил вам, Стэплс, что, когда я работаю, мие иельзя мешать.

Послышались тихие и успокаивающие объясиеиия дворецкого.

— Я его ие приму, Стэплс. Не терплю таких помех. Меия иет дома, так ему и скажите. Если я ему иужеи, пусть придет завтра утром.

Сиова тихое бормотаиие.

— Идите, идите, скажите ему. Пусть придет утром или совсем не приходит.

Мие представился Холмс, как он мечется по кровати и считает мииуты в ожидаиии помощи. Тут было ие до церемоиий. Жизиь Холмса зависела от моей эиергии и настойчивости. Прежде чем дворецкий успел передать мие ответ своего хозяиива, я оттолкиул его и вошел в комиату.

Человек, сидевший в кресле у камиива, с произительным криком ярости вскочил с места. Я увидел крупиое, желтое лицо с грубыми чертами, массивиым двойиым подбородком и злобиымн серыми глазами, свирепо глядевшими иа меия из-под косматых рыжих бровей. На лысой розовой голове была иадета бархатиая шапочка, кокетливо сдвииутая иабок. Череп хозяиива был огромиого размера. Но, переведя взгляд иижe, я с изумлеиием увидел, что тело у него малеиькое, хилое, искривлеииое в плечах и спиие, вероятио, из-за перeиесеииого в детстве рахита.

— Что это зиачит?— кричал он высоким, визгливым голосом.— Что озиачает это вторженне? Ведь я велел вам сказать, чтобы вы пришли завтра утром.

— Простите,— сказал я,— ио это дело иеотложиое. Мистер Шерлок Холмс...— Имя моего друга произвело удивительиое действие на малеиького человечка. Гиев момеитальио исчез, лицо сделалось иапряжеииым и винмательиым.

— Вы от Холмса?— спросил ои.

— Я только что от него.

— Что с Холмсом?

— Он очень, очень болен. Поэтому-то я и приехал к вам.

Хозяин указал мне на стул и повернулся к своему креслу. В зеркале над камином мелькнуло его лицо. Я мог бы поклясться, что на нем появилась отвратительная, злобная усмешка. Но я тут же убедил себя, что это нервная судорога; через минуту, когда он снова повернулся ко мне, его лицо выражало искреннее огорченне.

— Мне больно слышать это,— сказал он.— Я встречался с мистером Холмсом только на деловой почве, но очень уважаю его как за талант, так и за личные качества. Он знаток преступлений, а я знаток болезней, он занимается злодеями, я — микробами. Вот мои заключенные,— продолжал он, указывая на ряд бутылей и банок, стоящих на столике у стены.— В этих желатиновых культурах отбывают срок наказания весьма опасные преступники.

— Холмс жаждет видеть вас именно в силу ваших специальных познаний. Он чрезвычайно высоко ценит вас и считает, что во всем Лондоне только вы в силах оказать ему помощь.

Маленький человечек вздрогнул, и его кокетливая шапочка свалилась на пол.

— Почему же?— спросил он.— Почему мистер Холмс думает, что я могу помочь ему?

— Потому что вы знаток восточных болезней.

— Но почему он думает, что болезнь, которой он заразился, восточная болезнь?

— Потому что ему пришлось работать в доках, среди китайских матросов.

Мистер Кэлвертон Смит любезно улыбнулся и поднял свою шапочку.

— Ах вот как,— сказал он.— Я надеюсь, что дело не так опасно, как вы полагаете. Сколько времени он болеет?

— Около трех дней.

— Он бредит?

— По временам.

— Гм! Это хуже. Было бы бесчеловечным не отклик-

нуться на его просьбу. Я очень ие люблю, когда прерывают мою работу, доктор Уотсон, ио тут, конечио, исключительный случай. Я сейчас же поеду с вамн.

Мие прнпомнилось указание Холмса.

— Меня ждут в другом месте,— сказал я.

— Хорошо, я поеду одии. Адрес мистера Холмса у меия запнсаи. Через полчаса я буду у него.

С замнранием сердца входил я в спальию Холмса. За это время могло произойтн самое худшее. Однако, к огромному моему облегчеиию, его состояние значительно улучшилось. Правда, лнцо его все еще было мертвенно-бледиым, ио от бреда не осталось и следа, ои говорил хотя и слабым голосом, ио даже сверх обычного ясио и живо.

— Вы видели его, Уотсои?

— Да, он сейчас приедет.

— Замечательио, Уотсон, замечательно. Вы лучшнй из вестинков.

— Он хотел вериуться со миой.

— Этого не следовало допускать, Уотсон. Это было бы явно невозможио. Спрашивал лн он о прнчинах болезнн?

— Я сказал ему про матросов в Ист-Энде.

— Правильно! Вы сделалн все, что только мог сделать настоящий друг. Теперь, Уотсои, вы можете нсчезнуть со сцены.

— Я должен подождать и выслушать его мнение, Холмс.

— Конечно. Но я имею основаиия полагать, что он выскажет свое миение гораздо откровеннее, если будет думать, что мы с иим одии. За изголовьем моей кроватн как раз достаточио места для вас, Уотсон.

— Дорогой Холмс!

— Боюсь, что у вас нет выбора, Уотсон. В комиате негде спрятаться, и это к лучшему, это не возбудит подозрений. Но здесь, Уотсон, здесь, я думаю, мы ннчем не рнскуем.

Он внезапно сел на кровати. Его осунувшееся лицо было полно решимости.

— Я слышу стук колес, Уотсон. Скорее, если только вы меня любнте. И не шевелитесь, что бы нн случи-

лось. Что бы ии случилось, поиятно? Не говорите, не двигайтесь. Только слушайте как можио виимательиее.

Столь же виезапио силы оставили его, и четкая, повелительиая речь перешла в слабое, иеясное бормотание человека, находящегося в полубреду.

Из своего убежища, в котором я так неожиданио оказался, я услышал шаги по лестнице, потом звук открываемой и закрываемой двери в спальию. А затем, к моему удивлеиию, последовало долгое молчаиие, прерываемое только тяжелым дыхаиием больиого. Я представил себе, как иаш посетитель стоит у кровати и смотрит иа страдальца. Накоиец это страиное молчаиие коичилось.

— Холмс!— воскликиул Смит настойчивым тоиом, каким будят спящего.— Холмс! Вы слышите меия? — Я уловил шорох, как будто он грубо тряс больного за плечо.

— Это вы, мистер Смит?— прошептал Холмс.— Я ие смел иадеяться, что вы придете.

Смит засмеялся.

— Ну еще бы,— сказал ои.— И все же, как видите, я здесь. Воздаю добром за зло, Холмс, добром за зло.

— Это очеиь хорошо, очеиь благородио с вашей стороиы. Я высоко цеию ваши зиания.

Наш посетитель усмехиулся.

— К счастью, только вы во всем Лоидоие и способны их оцеиить. Вы зиаете, что с вами?

— То же самое,— сказал Холмс.

— Вот как! Вы узнаете симптомы?

— Да, слишком хорошо.

— Что ж, очеиь возможио, Холмс. Очеиь возможио, что это оио и есть. Если так, то дело ваше плохо. Бедиый Виктор умер иа четвертый деиь, а ои был крепкий, здоровый, молодой. Вам тогда показалось очеиь страиным, что ои в сердце Лоидоиа заразился этой редкой азиатской болезиью, которую я к тому же специальио изучаю. Удивительное совпадеиие, Холмс. Вы ловко это подметили, ио ие очеиь-то великодушио было утверждать, что здесь можио усмотреть причииу и следствие.

— Я зиал, что это ваших рук дело.

— Ах вот как, вы знали? Но доказать вы ничего ие могли. А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня

такне обвинения, а чуть самн оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощн? Как это назвать? А?

Я услышал хриплое, затрудненное дыханне больного.

— Дайте мне воды,— прошептал он, задыхаясь.

— Скоро вам крышка, мнлейший. Но я не уйду, не поговорив с вами. Только поэтому я и подаю вам воду. Держнте! Не расплескайте. Вот так. Вы поннмаете, что я вам говорю?

Холмс застонал

— Помогите мне, чем можно. Забудем прошлое,— шептал он.— Я выброшу из головы все это дело. Клянусь вам. Только вылечите меня, я все забуду.

— Что забудете?

— Насчет смертн Виктора Сэведжа. Вы сейчас прнзналн, что вы это сделалн. Я это забуду.

— Можете забывать нлн помнить, как вам будет угодно. Я не увнжу вас средн свндетелей. Вы будете в совершенно другом месте, мой дорогой Холмс. Вы знаете, отчего умер мой племянник, ну н ладно. Сейчас речь не о нем, а о вас.

— Да, да.

— Ваш прнятель, которого вы послалн за мной,— не помню его имя — сказал, что вы заразнлнсь этой болезнью в Ист-Энде, у матросов.

— Я только так могу это объяснить.

— И вы горднтесь своим умом, Холмс! Вы счнтаете себя таким догадливым, не правда лн? Но нашелся кое-кто поумнее вас. Подумайте-ка, Холмс, ие моглн лн вы заразиться этой болезнью другим путем?

— Я не могу думать. Голова не работает. Ради всего святого, помогнте.

— Да, я вам помогу, помогу вам понять, что и как пронзошло. Я хочу, чтобы вы узнали об этом прежде, чем умрете.

— Дайте мне чего-нибудь, чтобы облегчить этн болн!

— Ага, у вас появились болн? Да, мон кули тоже визжалн перед смертью. Ощущенне, как прн судорогах?

— Да, да, это судороги.

— Ничего, слушать онн вам не помешают. Слушайте! Не припомнните лн вы какое-нибудь необычное

происшествие в вашей жизни, как раз перед тем, как вы заболели?

— Нет, нет, ничего.

— Подумайте хорошенько.

— Я слишком болен, чтобы думать.

— Ну, тогда я вам помогу. Не получали ли вы чего-нибудь по почте?

— По почте?

— Например, коробочку.

— Я слабею, я умираю!

— Слушайте, Холмс!— Он, видимо, тряс умирающего за плечо. Я едва усидел в своем убежище.— Вы должны меня услышать! Помните коробочку из слоновой кости? Вы получили ее в среду. Вы ее открыли... помните?

— Да, да, я открыл ее, там была острая пружина. Какая-то шутка...

— Это не было шуткой, в чем вы очень скоро убедитесь. Пеняйте на себя, глупый вы человек. Кто просил вас становиться на моем пути? Если бы вы меня не трогали, я не причинил бы вам вреда.

— Вспомнил!— Холмс задыхался.— Пружина! Я оцарапался о нее до крови. Вот эта коробочка, там, на столе.

— Она самая! И сейчас она исчезнет в моем кармане. Таким образом, у вас не остается ни одной улики. Ну вот, Холмс, теперь вы знаете правду и можете умереть с сознанием, что я вас убил. Вы слишком много знали о смерти Виктора Сэведжа, поэтому я заставил вас разделить его судьбу. Вы очень скоро умрете, Холмс. Я посижу здесь и посмотрю, как вы будете умирать.

Голос Холмса понизился почти до невнятного шепота.

— Что?— спросил Смит.— Повернуть газ? А, появились тени? Да, я поверну его, чтобы лучше вас видеть.— Он пересек комнату, и мгновенно ее залил яркий свет.— Не нужно ли оказать вам еще какую-нибудь услугу, мой друг?

— Спички и папиросы!

Я едва не закричал от радости. Холмс говорил своим естественным голосом, правда, немного слабым, но тем самым, который я так хорошо знал. Последовала

долгая пауза, и я почувствовал, что Кэлвертон Смит в безмолвном изумлении смотрит на Холмса.

— Что это значит?— спросил он наконец сухим, резким голосом.

— Лучший способ хорошо сыграть роль,— сказал Холмс,— это вжиться в нее. Даю вам слово, что все эти три дня я ничего не ел и не пил, пока вы любезно не подали мне стакан воды. Но труднее всего было не курить. А вот и папиросы!— Я услышал чирканье спички.— Ну вот, мне сразу стало лучше. Ого, я, кажется, слышу шаги друга!

Снаружи послышались шаги, дверь открылась, и появился инспектор Мортон.

— Все в порядке. Можете его забрать,— сказал Холмс.

— Вы арестованы по обвинению в убийстве Виктора Сэведжа,— сказал инспектор.

— И можете прибавить, за покушение на убийство Шерлока Холмса,— заметил мой друг, посмеиваясь.— Чтобы зря не затруднять больного, инспектор, мистер Кэлвертон Смит сам дал вам сигнал полным включением газа. Между прочим, у арестованного в правом кармане пиджака небольшая коробочка. Ее надо изъять. Благодарю вас. С ней надо обращаться очень осторожно. Положите ее сюда. Она пригодится на суде.

Послышался внезапный бросок, борьба, сопровождаемая звяканьем железа и криком боли.

— Только себя же изувечите,— сказал инспектор.— Стойте смирно!

И я услышал, как защелкнулись наручники.

— Вот как! Ловушка!— закричал высокий визгливый голос.— Это приведет на скамью подсудимых вас, Холмс, а не меня. Он просил меня приехать лечить его. Я его пожалел и приехал. Теперь он, конечно, будет утверждать, будто я сказал какую-нибудь чепуху, которую он сам придумал в подтверждение своих безумных подозрений. Можете лгать, сколько хотите, Холмс. Мои слова имеют ие меньший вес, чем ваши.

— Боже мой! —воскликнул Холмс.— Ведь я совершенно забыл о нем. Дорогой Уотсон, приношу вам тысячу извинений. Подумать только, что я упустил из виду ваше присутствие! Мне незачем знакомить вас с мисте-

ром Кэлвертоном Смитом — вы, сколько я понимаю, уже виделись с ним сегодня. Есть у вас кэб, инспектор? Я поеду вслед за вами, как только оденусь, мое присутствие может понадобиться полиции.

Одеваясь, Холмс съел несколько бисквитов и утолил жажду стаканом кларета.

— Никогда я, кажется, не ел и не пил с таким удовольствием,— сказал он.— Впрочем, мой образ жизни, как вам известно, не отличается регулярностью, и такие подвиги даются мне легче, чем многим другим. Мне было крайне необходимо, чтобы миссис Х[illegible]он уверилась в моей болезни, так как ей предстояло сообщить эту новость вам, а вы должны были, в свою очередь, уведомить Смита. Вы не обиделись, Уотсон? Признайтесь, что умение притворяться не входит в число ваших многочисленных талантов. Если бы вы знали мою тайну, вы никогда не смогли бы убедить Смита в настоятельной необходимости его приезда, а этот приезд был главным пунктом моего плана. Зная его мстительность, я был убежден, что он приедет взглянуть на результаты своего преступления.

— Но ваш вид, Холмс, ваше мертвенно-бледное лицо?..

— Три дня полного поста не красят человека. А остальное легко может быть излечено губкой. Вазелин на лбу, белладонна, впрыснутая в глаза, румяна на скулах и пленки из воска на губах — все это производит вполне удовлетворительный эффект. Симуляция болезней — это тема, которой я думаю посвятить одну из своих монографий. А разговор о полукронах, устрицах и прочих не относящихся к делу вещах создали неплохое впечатление бреда...

— Но почему вы не разрешали мне приближаться к вам, раз никакой инфекции не было?

— И вы еще спрашиваете, мой дорогой Уотсон! Вы думаете, я не ценю ваши медицинские познания? Разве я мог надеяться, что ваш опытный взгляд пройдет мимо таких фактов, как отсутствие изменений температуры и пульса у умирающего? За четыре шага я еще мог обмануть вас. А если бы мне это не удалось, кто привез бы сюда Смита? Нет, Уотсон, не трогайте эту коробочку. Если взглянете на нее сбоку, вы сможете заметить,

где именно появляется острая пружинка, когда коробку раскроешь. Очевидно, при помощи какого-нибудь приспособления вроде этого и был убит бедный Сэведж, который стоял между этим чудовищем и наследством. Я, как вы знаете, получаю самую разнообразную корреспонденцию и привык относиться с опаской ко всем посылкам, приходящим на мое имя. Мне было ясно, что, убедив Смита в том, что его злобный план осуществился, я смогу выманить у него признание. Свое притворство я разыграл с тщательностью настоящего актера.

Благодарю вас, Уотсон, а теперь помогите мне, пожалуйста, надеть пальто. Когда мы закончим дела в полиции, я полагаю, что нелишним будет заехать подкрепиться к Симпсону.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛЕДИ ФРЭНСИС КАРФЭКС

— Но почему турецкие?— спросил Шерлок Холмс, упорно разглядывая мои ботинки. Я сидел в широком плетеном кресле, и мои вытянутые ноги привлекли его недремлющее внимание.

— Нет, английские,— удивленно отозвался я.—Я их купил у Латимера на Оксфорд-стрит.

Холмс обреченно вздохнул.

— Бани! Бани турецкие, а не ботинки! Почему расслабляющие и очень дорогие турецкие бани, а не бодрящая ванна дома?

— Потому что у меня разыгрался ревматизм, я стал чувствовать себя старой развалиной. А турецкие бани — как раз то, что мы, медики, в таких случаях рекомендуем, встряска, после которой как будто заново рождаешься. Кстати, Холмс,— продолжал я,— для человека, мыслящего логически, связь между моими башмаками и турецкими банями, разумеется, самоочевидна, но я буду чрезвычайно признателен, если вы ее мне раскроете.

— Ход рассуждений не так уж непостижим, милый Уотсон.— В глазах Холмса запрыгали озорные искорки.— Иллюстрацией к несложной системе умозаключений, которой я пользовался, может послужить вопрос: кто сегодня утром ехал с вами в кэбе?

— Не считаю еще одну иллюстрацию объяснением,— не без едкости парировал я.

— Браво, Уотсон! Сказано с достоинством и вполне логично. Да, так с чего мы начали? Давайте разберем

сиачала второй пример — с кэбом. На левом плече и рукаве вашего пальто брызги. Если бы вы сидели на середиие сидеиья, вас бы, вероятио, ие забрызгало вовсе или забрызгало с обеих сторои. Зиачит, вы сидели слева. И, зиачит, вы ехали ие одии.

— Ну вот, теперь я поиял.

— До смешиого просто, да?

— Но баии и ботиики?

— О, это еще примитивиее. Вы всегда завязываете шиурки одинаково. А сейчас я вижу замысловатый двойиой узел, совсем не похожий иа ваш. Значит, вы сиимали ботиики. Кто мог завязать вам шнурки? Или сапожиик, или прислужник в баие. Сапожника исключаем, потому что ботиики почти иовые. Что остается? Остаются баии. Элемеитарио, правда? Но как бы там ни было, Уотсои, турецкие баии сослужили свою службу.

— В каком смысле?

— Вы созиались, что поехали туда, потому что вам нужиа была встряска. Позвольте мие предоставить вам возможиость встряхиуться. Что вы скажете о поездке в Лозаниу, милый Уотсои,— первым классом, все расходы оплачиваются с королевской щедростью, а?

— Великолепио! Но зачем?

Холмс откинулся на спнику кресла и вытащил из кармаиа записную книжку.

— Из всех представителей рода человеческого,— начал он,— самый опасиый — одинокая жеищиа без дома и друзей. Этот безобиднейший и даже, может быть, полезиейший члеи общества — иеизмеииая причииа миогих и миогих преступлеиий. Это беспомощиое существо сегодня здесь, завтра там. У нее достаточио средств, чтобы кочевать из страны в страиу, переезжать из гостииицы в гостииицу. И вот в каком-иибудь подозрительиом паисиоие или отеле след ее обрывается. Оиа как цыплеиок, заблудившийся в мире лисиц. Если ее слопают, никто и ие хватится. Боюсь, леди Фрэнсис Карфэкс попала в беду.

Я приветствовал этот иеожиданиый переход от общих рассуждеиий к частиым. Холмс полистал страиички и продолжал:

— Леди Фрэисис — едииствеииый потомок графа Рафтоиа по прямой лиии. Земли в их роду, как вы,

возможно, помните, наследовали сыновья. Состояние леди Фрэнсис получила небольшое, но ей достались редчайшие драгоценности старинной испанской работы — оправленные в серебро бриллианты необычной огранки, которые она очень любила, настолько, что не пожелала оставить их у своего банкира и всегда возила с собой. Грустные мысли вызывает леди Фрэсис: по странной прихоти судьбы этой красивой, далеко не старой женщине суждено было стать последним, засыхающим побегом дерева, всего двадцать лет тому назад мощного и цветущего.

— Но что же с ней случилось?

— Что случилось с леди Фрэнсис Карфэкс? Жива она или нет? Это-то мы и должны узнать. Она человек строгих привычек: четыре года она неизменно раз в две недели писала своей старой гувернантке мисс Добни, которая уже давно не работает и живет в Камберуэлле. Мисс Добни и обратилась ко мне. Вот уже пять недель от леди Фрэсис нет ни строчки. Последнее письмо было послано из Лозанны, из отеля «Националь», откуда она уехала, не оставив адреса. Родные волнуются. Люди они чрезвычайно состоятельные и, разумеется, готовы на любые расходы, если мы поможем им выяснить, что произошло.

— И эта мисс Добни — единственный источник сведений? Неужели у леди Фрэнсис не было других корреспондентов?

— Были, Уотсон, вернее, был еще один корреспондент, и от него-то я узнал немало любопытного. Это банк. Одиноким женщинам тоже нужно жить, и их банковский счет — тот же дневник. Деньги леди Фрэсис лежат в банке Сильвестра. Я просматривал ее счет. Предпоследний раз она взяла деньги, чтобы расплатиться в лозаннском отеле, но сумму взяла большую, так что у нее должны были еще остаться наличные. С тех пор был предъявлен только один чек.

— Кем и где?

— Мадемуазель Мари Девйи, а вот где он был выписан, неизвестно. Погасил его филиал банка «Лионский кредит» в Монпелье две с половиной недели тому назад. Сумма — пятьдесят фунтов.

— А кто такая мадемуазель Мари Девин?

— Это мне тоже удалось устаиовнть. Мадемуазель Мари Девии служила у ледн Фрэнсис горнничной. Но вот зачем леди Фрэнсис понадобнлось выдать этот чек своей гориичиой, я еще ие разгадал. Впрочем, я ни иа минуту ие сомиеваюсь, что ваши поиски помогут прояснить это обстоятельство.

— Мои понски?

— Ну да,— вы же едете в Лозаииу, чтобы рассеяться. Мие-то иельзя уехать из Лондоиа, пока жизнн Абрахамса грозит такая опасиость. Да и вообще по многим соображеииям мне следует держаться в пределах Англии. Скотлеид-Ярд без меия скучает, а в уголовиом мире начииается иездоровое оживлеиие. Поезжайте, милый Уотсои, и если два пеиса за слово моего скромного совета ие покажутся вам чрезмериой ценой, я в любое время дия и иочи к вашим услугам и в пределах досягаемости Контииентальиого телеграфа.

Через два дия я входил в дверь лозаинского отеля «Нацноиаль». Знаменитый управляющий отеля мсье Мозер был сама любезиость. Да, леди Фрэисис прожила у иих несколько недель. Все были очарованы ею. Мадам лет сорок, ие больше. Она и сейчас еще очеиь хороша собой, можно себе представить, какая оиа была красавица в молодости. О фамильных драгоценностях мсье Мозеру иичего ие известно, ио от слуг он слышал, что тяжелый чемодан в спальие мадам всегда был заперт. Гориичиую Мари Девии все тоже любили, как и ее хозяйку. Оиа даже была помолвлена с одним из старших официаитов отеля, и узиать ее адрес оказалось делом совсем иесложиым. «Монпелье, улица Траяи, дом 11»,— записал я в своей киижке и подумал, что сам Холмс мог бы позавидовать ловкости, с какой я раздобыл эти сведения.

Одно оставалось загадкой, и у меня не было к этой загадке ключа: почему леди Фрэнсис неожиданно уехала из Лозаины? Ведь жизиь ее здесь складывалась так приятио. Естествеиио было ожидать, что оиа проведет здесь весь сезои. А оиа вдруг в один день собралась и уехала, потеряв иедельиую плату за свой роскошный номер окиами иа озеро. Никто иичего не понимал. Едии-

ственную догадку высказал жених горничной Жюль Вибар: внезапный отъезд леди Фрэнсис связан с появлением высокого смуглого человека с бородой, который явился к ней в отель накануне. «Un sauvage, un véritable sauvage!» [1] — восклицал Жюль Вибар. Человек этот снимал комнаты где-то в городе. Однажды, когда мадам гуляла по набережной — многие это видели, — он подошел к ней и стал что-то взволнованно говорить. Потом он пришел в гостиницу, однако мадам отказалась принять его. Он был англичанин, но имени его никто не знал. На другой день мадам уехала. И Жюль Вибар и — что гораздо важнее — его невеста считали появление этого человека причиной случившегося, а отъезд мадам — следствием. Лишь один Жюль Вибар отказался сообщить — почему Мари ушла от леди Фрэнсис. То ли не знал, то ли не хотел говорить. «Если вас это интересует, поезжайте в Монпелье и спросите ее сами».

Так завершился первый тур моих поисков. Теперь мне предстояло узнать, куда направилась леди Фрэнсис Карфэкс из Лозанны. Она это обстоятельство скрыла, следовательно, предположение, что, уезжая, она хотела сбить кого-то со следа, подтверждается. Как иначе объяснить, что на ее багаже не было наклеек с обозначением Бадена? И она и ее багаж отправились на этот рейнский курорт не прямо, а кружным путем. Узнав все это в местном отделении агентства Кука, я отправился в Баден, предварительно информировав Холмса по телеграфу о всех своих действиях и получив в ответ шутливо-добродушную похвалу.

В Бадене я без труда нашел потерянный было след. Леди Фрэнсис остановилась в гостинице «Альбион», где прожила две недели. Там она познакомилась с неким доктором Шлезингером — миссионером из Южной Африки — и его супругой. Как почти все одинокие женщины, леди Фрэнсис искала утешения в религии и посвящала ей много времени. На нее произвела глубокое впечатление необыкновенная личность доктора Шлезингера и страстная вера этого человека, страдавшего от недуга, который поразил его во время подвижнической

[1] Дикарь, настоящий дикарь *(франц.)*.

деятельностн в Афрнке. Ледн Фрэнснс помогала мнсснс Шлезннгер ухажнвать за выздоравлнвающнм святым, который, как рассказал мне управляющнй отеля, весь день проводил в глубоком кресле на веранде, в обществе обенх дам. Он работал над составленнем карты Святой землн; в особенностн его ннтересовало племя мндниаиитов, о которых он пншет монографню. Наконец здоровье доктора заметно улучшнлось, н он с женой вернулся в Лондон. Ледн Фрэнснс поехала с ннмн. Пронзошло это трн недели тому назад, н больше нн о ком нз ннх управляющий не слышал. Что касается горнпчной Марн, то за несколько дней до отъезда мадам она вышла от нее в слезах. Служанкам в гостнннце она рассказала, что больше служнть не будет, н уехала страшно расстроенная. Доктор Шлезннгер уплатнл н по своему счету н по счету ледн Фрэнснс.

— И знаете, — сказал в заключенне управляющнй «Альбиона», — вы не еднпственный нз друзей ледн Фрэнснс разыскнваете ее. Всего неделю назад к нам прнходнл справляться о ней какой-то мужчниа.

— Он назвал свое нмя?

— Нет. Он англичаннн, хоть внешность у него для англичаннна нетнпичная.

— На днкаря похож, да? — спроснл я, сопоставнв по методу моего прославленного друга нзвестные мне факты.

— Да, да, нменно на днкаря! Это слово к нему очень подходнт. Высоченный, загорелый, бородатый, такому место в деревенском трактнре, а не в фешенебельной гостнннце. Не человек, а порох. Бешеный какой-то, я бы такого поостерегся задевать.

Наконец-то контуры начали вырнсовываться — так яснее проступают фнгуры пешеходов на улице, когда редеет туман. За доверчнвой, набожной женщнной крадется по пятам зловещая тень. Она бонтся своего преследователя, нначе не бежала бы так поспешно нз Лозанны. Он снова гоннтся за ней. Рано нлн поздно он ее настнгнет. А может быть, уже настнг? Не в этом лн разгадка ее долгого молчания? Значнт, славные людн, с которымн она подружилась в Бадене, ие сумелн защнтнть ее от его угроз н домогательств? Какая страшная тайна, какой непостнжнмый замысел заставляют его так упорно

преследовать ледн Фрэнснс? Этн вопросы ждали моего решення.

Я иапнсал обо всем Холмсу, довольный, что так быстро добрался до сути дела. В ответ я получнл телеграмму с просьбой описать левое ухо доктора Шлезингера. Своеобразно у Холмса проявляется чувство юмора, ниогда даже оскорбительно. Я, разумеется, оставнл без винмаиия его иеуместную шутку, — кстати, н получил я его посланне уже в Моипелье, куда поехал повидаться с Марн Девии.

Я без труда иашел дом бывшей горничной н выведал у нее все, что оиа знала. Она очень любнла свою хозяйку и рассталась с ией только потому, что ту сейчас окружают друзья — в этом Марн была увереиа,— н еще потому, что прнближался деиь ее свадьбы н службу ей все равно пришлось бы оставнть. Оиа прнзналась огорчеино, что, когда оии жнлн в Бадене, ледн Фрэнсис часто серднлась иа иее, одии раз даже допрашивала, как будто сомневалась в ее честиостн, н нз-за этой обнды Мари пережнла расставаине легче, чем думала. Ледн Фрэнснс дала ей в виде свадебиого подарка пятьдесят фуитов. Так же, как и мне, девушке внушал серьезные опасення незнакомец, нз-за которого ее хозяйка уехала из Лозанны. Оиа своимн глазами вндела, как ои у всех иа внду грубо схватнл ледн Фрэиснс за руку. Страшный человек, бешеный какой-то. Наверное, ледн Фрэнсис потому и уехала в Лоидон с Шлезннгерами, что боялась его. С Мари оиа инкогда о ием ие говорнла, ио по миогим прнзиакам та вндела, что хозяйку ее неотступно терзает мучнтельиый страх.

— Вот он, смотрнте! — вдруг прервала свой рассказ девушка, нспуганно вскочнв со стула. — Негодяй опять ее выслежнвает!

В открытое окио гостниой я увндел очень высокого смуглого человека с черной курчавой бородой. Он медленно шел по мостовой, вннмательно разглядывая иомера домов. Сомиенй не оставалось, — он, как н я, разыскнвал горннчную. Не раздумывая, я выбежал на улнцу и остаиовнл его.

— Вы аиглнчанин? — спроснл я.

— Ну н что, еслн англнчанин? — огрызиулся он.

— Позвольте мне спроснть, как ваше нмя?

— Не позволю, — отрезал он.

Положение осложнялось. Я решил идти напролом — ведь прямой путь самый короткий! — и строго спросил:

— Где леди Фрэнсис Карфэкс?

Он в изумлении уставился на меня.

— Что вы с ней сделали? Зачем вы ее преследуете? Я требую ответа!

С яростным воплем человек кинулся на меня, как тигр. Я не раз одерживал верх в драках, но у этого сумасшедшего оказались железные лапищи и сила бешеного быка. Не прошло и трех секунд, как он схватил меня за горло, я начал терять сознание, но тут из кабачка напротив выбежал какой-то небритый француз-мастеровой в синей блузе, хватил моего обидчика по плечу дубинкой, и тому пришлось выпустить меня. С минуту он стоял, трясясь от бешенства и раздумывая, не кинуться ли на меня снова, потом злобно фыркнул и зашагал к дому, из которого я только что вышел. Я повернулся поблагодарить моего спасителя — он все еще стоял рядом на мостовой — и вдруг услышал:

— Ну, поздравляю, Уотсон, надо же суметь столько напортить! Видно, придется вам возвращаться со мной ночным экспрессом в Лондон.

Час спустя Шерлок Холмс, уже в своем обличье и, как всегда, элегантный, сидел в моей комнате в отеле. Разгадка его неожиданного счастливого появления оказалась более чем простой: обстоятельства позволили ему уехать из Лондона, и он решил перехватить меня в том месте, где я, по его расчетам, должен был в это время находиться. В одежде рабочего он расположился в кабачке, дожидаясь меня.

— И ведь до чего последовательно вы действовали, милый Уотсон! Из всех ошибок, которые только можно было совершить, вы не упустили ни одной. В результате вы всех, кого можно, вспугнули и ровным счетом ничего не выяснили.

— Может быть, и вам удалось бы не больше, — с обидой возразил я.

— Никаких «может быть» не может быть, мне удалось больше. А вот и достопочтенный Филипп Грин. Он ваш сосед по гостинице. Возможно, с его помощью нам удастся повести дело более успешно.

Лакей подал визитную карточку на подносе, и в комнату вошел тот самый бородатый хулиган, который налетел на меня на улице. Он вздрогнул, увидев меня.

— Что это значит, мистер Холмс? — спросил он. — Я получил вашу записку и пришел. Но как объяснить присутствие здесь этого человека?

— Этот человек — мой старый друг и коллега, доктор Уотсон, он помогает нам в наших поисках.

Незнакомец протянул мне коричневую от загара руку и стал извиняться:

— От души надеюсь, что вы не пострадали от моих рук. Когда вы стали обвинять меня в каком-то проступке против нее, я не сдержался. Я вообще сейчас живу как в лихорадке. Нервы ни к черту... Но объясните мне ради всего святого, мистер Холмс, как вы вообще узнали о моем существовании?

— Я разговарнвал с гувернанткой леди Фрэнсис, с мисс Добни.

— Милая старушка Сьюзен Добни в вечном своем чепце! Я ее хорошо помню.

— А она помнит вас. Таким, каким вы были раньше, до отъезда в Африку.

— Так вы все знаете! Хорошо, что мне не нужно ничего скрывать от вас, мистер Холмс. Клянусь вам, не было в мире человека, который любил бы женщину сильнее, чем я любил Фрэнсис. Но в юности я вел беспутную жизнь, как и многие молодые люди нашего круга, а ее душа была чиста, как снег, все грубое и низменное было ей невыносимо. И когда кто-то рассказал ей обо мне, она не пожелала больше меня видеть. А ведь эта святая женщина любила меня — вот что удивительно! — любила так, что из-за меня на всю жизнь осталась одна. Я уехал в Барбертон. Прошло много лет, я нажил состояние и наконец решился разыскать ее и попытаться смягчить. Мне было известно, что она так и не вышла замуж. Я нашел ее в Лозанне и стал умолять простить меня. Мне кажется, сердце ее не осталось глухо к моей мольбе, но воля была непреклонна, и, когда я пришел к ней на другой день, ее уже не было в городе. Мне удалось узнать, что она поехала в Баден, а через некоторое время я услышал, что здесь живет ее горничная. Человек я резкий, жил все эти годы среди людей

простых, иу и взорвался, когда доктор Уотсон заговорил со миой. Но ради бога, что случилось с леди Фрэисис?

— Это-то мы и должны узиать, — сказал Холмс очеиь серьезно.— Вы где остановитесь в Лондоие?

— В отеле «Лаигхем».

— Тогда я попрошу вас ехать иемедлеиио в Лоидон и быть иаготове. Мие ие хочется подавать вам несбыточных надежд, мистер Грии, ио вы можете быть увереиы, что для спасеиия леди Фрэисис будет сделано все возможиое. Пока я иичего больше не могу сказать. Вот моя визитиая карточка, держите со миой связь все время. А теперь, Уотсон, если вы иачиете укладываться, я пойду на телеграф и попрошу миссис Хадсои завтра в половине восьмого продемоистрировать свое нскусство двум голодиым путешествеиникам.

На Бейкер-стрит иас ждала телеграмма. Холмс с жадным иитересом прочел ее и протяиул мие. Телеграмма была отправлена из Бадена и содержала всего одно слово: «Разорваиное».

— Что за чепуха? — удивился я.

— Эта чепуха имеет огромный смысл,— сказал Холмс.— Вы, иадеюсь, помиите просьбу, с которой я к вам обратился — оиа иа первый взгляд могла показаться иелепой,— описать левое ухо почтеииого миссиоиера? Вы ее оставили без виимаиия.

— Я ие мог навести справки, меия к тому временн в Бадеие уже не было.

— Совершеиио верио. Имеиио поэтому я послал телеграмму с точио такой же просьбой управляющему «Альбиоиа». Вот его ответ.

— И о чем его ответ говорит?

— А о том, дорогой мой Уотсон, что мы имеем дело с человеком чрезвычайио хитрым н опасиым. Миссионер нз Южиой Африки доктор Шлезннгер ие кто иной, как Питерс-Праведиик, одии из самых ловких преступников среди тех, что дала миру Австралия, а эта молодая страиа вывела уже немало образцовых экземпляров. Питерс специализируется иа одииоких женщинах, которых замаиивает в ловушку, нграя на их религиозных чувствах, а иекая аигличаика по имеин Фрейзер, его так на-

зываемая жеиа, ему в этом помогает. Тактнка доктора Шлезингера дала мие осиования заподозрить, что ои не Шлезиигер, а Питерс-Правединк, телеграмма же с опнсанием его левого уха — ему прокуснли ухо в пьяиой драке в Аделанде в 1889 году — подтверднла мои подозренния. Бедная ледн Фрэнснс в руках страшиых людей, Уотсон, оии ие остановятся ин перед чем. Очень возможио, что ее уже нет в жнвых. Еслн оиа и жива, то содержнтся под замком н ие может иапнсать ии мисс Добни, нн вообще никому. Возможио, она так н ие доехала до Лоидона, но это вряд ли: с коитннеитальной полицией шутки плохн, при их системе регистрации ииостраицам ее ие провести; или же оиа проехала дальше, но и это мало веронтио, потому что Лондои — единствеииое место в Англнн, где негодяям удалось бы скрывать человека так, чтобы никто нничего ие заподозрил. Шестое чувство твердит мне, что оиа в Лоидоие, но пока мы ие знаем, где ее искать. Поэтому выход одии: набраться терпения. Сейчас давайте обедать, а попозже вечером я иаведаюсь в Скотлеид-Ярд н побеседую с иашнм приятелем Лестрейдом.

Время шло, но ни полнция, ни собствеииая служба иформации Холмса — иебольшая, ио очеиь действиая оргаиизация — ие сумели даже приблизиться к тайие. Людн, которых мы искали, затерялись в миогомиллионном Лоидоие, как иголка в стоге сеиа. Мы помещалн объявлеиня в газетах, вели иеусыпиую слежку за всеми прнтоиамн, где мог появиться Питерс, держалн в поле зрения людей, с которыми он был когда-то связан, ио все было тщетио: все пути иеизбежио заводилн нас в тупнк. И вот после иедели бесплодных поисков н мучнтельиой неизвестности вдруг забрезжил свет. В ломбард Бевиигтона на Вестмиистер-роуд принесли серебряиую подвеску с брнльяитами стариииой нспаиской работы. Заложнл ее высокого роста человек без бороды и усов, по виду свящеиииик. И имя и адрес ои дал явио подложиые. Какое у иего ухо, мистер Бевиигтои не заметнл, ио, судя по портрету, это был явио Шлезиигер.

Три раза иаш бородатый друг из отеля «Лаигхем» заходнл к нам, в третнй раз он появился через полчаса после того, как нам сообщилн о проданиой драгоценности. Горе состарнло его на иесколько лет, одежда висела иа нем, как иа вешалке. «Еслн бы я хоть чем-инбудь мог по-

мочь вам!» — в отчаянии твердил он все эти дни. Наконец-то у Холмса нашлось для него дело.

— Он начал продавать драгоценности. Теперь мы его поймаем!

— Но ведь это значит... это значит, что с леди Фрэнсис что-то случилось?

Лицо Холмса стало очень серьезно.

— Предположим, эти люди до сих пор держали ее под замком. Освободить ее сейчас — значит погубить себя. Мистер Грин, мы должны быть готовы к худшему.

— Что я должен делать?

— Эти люди вас не знают?

— Нет.

— Возможно, он в следующий раз пойдет к другому ювелиру. Тогда нужно начинать все сызнова. С другой стороны, у Бевингтона ему дали хорошую цену и не задали ни одного вопроса, поэтому можно ожидать, что, когда ему опять понадобятся деньги, он снова туда пойдет. Я сейчас напишу Бевингтону записку, что вам нужно неотлучно находиться в его магазине. Если Питерс придет, вы будете следить за ним до его дома. Но никакой опрометчивости и, главное, никакого насилия. Дайте слово, что ничего не предпримете без моего ведома и согласия.

Два дня от достопочтенного Филиппа Грина (к слову сказать, он был сын прославленного адмирала Грина, который командовал нашим Азовским флотом во время Крымской кампании) не было никаких вестей. На третий день вечером он ворвался в гостиную на Бейкер-стрит бледный, дрожа, как в лихорадке.

— Попался! Попался! — закричал он.

Волнение не давало ему говорить. Холмс усадил его в кресло, стал успокаивать.

— Расскажите нам все по порядку,— попросил он его наконец.

— Она пришла всего час назад. На этот раз жена принесла подвеску в точности такую, как первая. Высокая бледная женщина, глаза, как у хорька...

— Это она,— подтвердил Холмс.

— Я пошел за ней. Она свернула на Кеннингтон-роуд — я не отставал. Вдруг она вошла в какую-то лавку... Мистер Холмс, это оказалась лавка гробовщика!

Холмс вздрогнул.

— Дальше! — Голос его зазвенел, выдав волнение, охватившее пламенную душу, которую он скрывал под маской ледяного спокойствия.

— Я вошел за ней. Она разговаривала с женщиной за прилавком, и до меня долетели ее слова: «Как вы долго!» Та стала оправдываться: «Все будет немедленно доставлено по адресу. Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались...» Тут они увидели меня и замолчали. Я что-то спросил и вышел на улицу.

— Правильно сделали! Что потом?

— Женщина тоже вышла, но я спрятался в соседнем подъезде. Наверно, она что-то заподозрила, потому что огляделась вокруг. Затем подозвала кэб и уехала. К счастью, я сразу же поймал другой кэб и поехал за ней. Она вышла в Брикстоне [1], адрес: Полтни-сквер, дом 36. Я проехал дальше, отпустил кэбмена и стал наблюдать за домом.

— Кого-нибудь удалось увидеть?

— Свет горел только в одном окне на первом этаже, но штора была опущена и ничего не было видно. Я стоял и раздумывал, что же теперь делать, как вдруг у крыльца остановился закрытый фургон. Двое мужчин спрыгнули на мостовую, вытащили что-то из фургона и понесли на крыльцо... Мистер Холмс, это был гроб.

— Вот оно что...

— Не знаю, как я устоял на месте. Дверь отворилась, чтобы впустить людей и то, что они принесли, и я увидел ту самую женщину. Но и она меня заметила и, по-моему, узнала. Вздрогнув, она поспешно захлопнула дверь. Я вспомнил, какое обещание вы с меня взяли, и полетел к вам.

— Вы очень хорошо провели дело.— Холмс схватил со стола клочок бумаги и стал что-то писать.— Без ордера на арест мы не имеем права ничего предпринимать. Лучшее, что вы сейчас можете сделать, мистер Грин,— это отнести мою записку в полицию и получить ордер. Могут возникнуть затруднения, но, думаю, продажа драгоценностей — достаточный повод. Подробностями займется Лестрейд.

---

[1] Южный пригород Лондона.

— Да ведь ее тем временем убьют! Что значит этот гроб, и для кого он, если не для нее?

— Мистер Грин, все возможное будет сделано. Мы не потеряем ни минуты. Положитесь на нас. Ну вот, Уотсон,— продолжал Холмс, когда наш гость выбежал из комнаты,— он сейчас заручится поддержкой закона, а нам тем временем придется действовать, как всегда, беззаконно. Боюсь, дела настолько плохи, что самые наши крайние меры будут оправданны. Скорей на Полтин-сквер!

Попробуем восстановить всю картину,— говорил Холмс в то время, как наш кэб катился мимо Парламента и по Вестминстерскому мосту.— Негодяи заманили несчастную женщину в Лондон, предварительно заставив ее расстаться с преданной Марн. Если леди Фрэнсис и писала кому-нибудь в это время, ее письма перехватывали. Один из сообщников Питерса снял для него в Лондоне дом. Переступив порог этого дома, леди Фрэнсис превратилась в пленницу, и драгоценности, за которыми эти люди и охотились с самого начала, стали их добычей. Они уже распродают их понемножку и не видят в этом никакой для себя опасности, уверенные, что судьба их жертвы никого не интересует. Когда ее отпустят, она их, разумеется, разоблачит. Поэтому они ее никогда не отпустят. Однако держать ее всю жизнь под замком тоже нельзя. Значит, единственный выход — убийство.

— Все предельно ясно.

— Теперь взглянем на дело с другой стороны. Когда два пути, по которым развивалась мысль, скрещиваются, точка пересечения дает максимальное приближение к истине. Возьмем теперь за исходную точку не леди Фрэнсис, а гроб и пойдем назад. Боюсь, этот гроб окончательно убеждает нас в том, что леди Фрэнсис умерла. Но, кроме того, он означает официальные похороны, свидетельство врача и разрешение полиции. Если бы леди Фрэнсис убили каким-нибудь примитивным способом, то труп зарыли бы во дворе. Но тут все открыто и гласно. Что это означает? А то, что ее умертвили настолько необычным способом, что даже врач не заподозрил насильственной смерти,— может быть, отравили каким-то редким ядом. И все-таки странно, что они позволили врачу

освидетельствовать ее,— разве что подкупили врача... Но это очень маловероятно.

— А не могли они подделать свидетельство?

— Это опасно, Уотсон, очень опасно. Не думаю, чтобы они на это решились... Эй, стойте!.. Мы только что проехали ломбард, значит, следующий дом — лавка гробовщика. Уотсон, ваше лицо внушает доверие, зайдите к ним и спросите, на какое время назначены завтра похороны клиента с Полтни-сквер.

Женщина за прилавком доверчиво рассказала мне, что похороны состоятся завтра в восемь утра.

— Вот видите, Уотсон, никаких тайн и уловок. Им как-то удалось оформить все официально, и теперь они считают, что бояться нечего. Что ж, у нас один выход: идти напролом. Вы вооружены?

— Вот трость!

— Ну ничего, как-нибудь пробьемся: «Ведь трижды тот вооружен, кто прав» [1]. Мы просто не можем дожидаться полиции, положение не таково, чтобы педантично блюсти букву закона... Поезжайте, пожалуйста. Будем пытать счастья вместе, Уотсон. Нам ведь не впервой.

Он резко дернул за шнурок у двери большого темного дома. Дверь немедленно открыли, на пороге полутемного холла мы увидели высокую женскую фигуру.

— Что вам угодно? — сухо спросила женщина, пытаясь разглядеть нас в темноте.

— Мне нужен доктор Шлезингер,— ответил Холмс.

— Здесь нет никакого доктора Шлезингера!

Женщина хотела захлопнуть дверь, но Холмс придержал ее ботинком.

— В таком случае мне нужен человек, который живет в этом доме, как бы он себя ни называл! — настойчиво сказал Холмс.

Она помедлила, потом все-таки впустила нас.

— Что ж, входите, мой муж никого не боится.

Она заперла парадную дверь, ввела нас в гостиную, зажгла свет и вышла, попросив минутку подождать.

Но нам не пришлось ждать и полминуты: не успели мы окинуть взглядом комнату, в которой очутились —

---

[1] Шекспир, «Генрих VI», ч. II, акт III, 2.

пыльную, с изъеденной молью мебелью,— как дверь отворилась, и в гостиную неслышным шагом вошел высокий лысый человек. Его широкое багровое лицо с обвисшими щеками сияло преувеличенным добродушием, с которым никак не вязалось жесткое выражение беспощадного рта.

— Тут, несомненно, какая-то ошибка, господа!— непринужденно обратился он к нам самым елейным тоном.— Вам, по-видимому, дан неправильный адрес. Если вы пройдете чуть дальше налево...

— Мы не пойдем никуда,— холодно сказал мой друг.— У нас нет времени, мистер Генри Питерс из Аделаиды, в прошлом — его преподобие доктор Шлезингер из Бадена и Южной Африки. Я в этом так же мало сомневаюсь, как и в том, что меня зовут Шерлоком Холмсом.

Питерс — я теперь буду его так называть — вздрогнул и впился взглядом в своего грозного противника.

— Ну что ж, мистер Холмс, ваше имя меня не испугало,— сказал он.— Когда совесть у человека чиста, ему нечего бояться. Что вам нужно в моем доме?

— Узнать, что вы сделали с леди Фрэнсис Карфэкс, которую привезли с собой из Бадена.

— Вы чрезвычайно меня обяжете, если сообщите, где она сейчас находится,— спокойно возразил Питерс.— Она задолжала мне около ста фунтов, а в уплату оставила пару безвкусных подвесок с поддельными камнями, в ломбарде на них и смотреть не стали. Леди Фрэнсис привязалась к нам с миссис Питерс в Бадене — я действительно жил там под другим именем — и не расставалась с нами до самого Лондона. Я уплатил по ее счету в гостинице и за ее билет. А в Лондоне она исчезла, оставив в счет долга, как я уже говорил вам, какие-то старомодные украшения. Если вы ее найдете, мистер Холмс, я буду вам очень обязан.

— Непременно,— сказал Холмс.— Буду до тех пор искать ее в этом доме, пока не найду.

— Где ваш ордер?

Холмс показал Питерсу пистолет и снова сунул его в карман.

— Придется вам пока удовольствоваться этим!

— Да вы просто бандит!

— Нничуть не возражаю протнв такого определения,— рассмеялся Холмс.— Мой спутнник тоже весьма опасный головорез, рекомендую. Мы с ннм начннаем обыск.

Пнтерс отворнл дверь в прнхожую.

— Эннн, бегн за полнцней!

По лестнице прошуршалн юбкн, парадная дверь отворилась и захлопнулась.

— Временн у нас в обрез, Уотсон,— сказал Холмс.— Идем! И не вздумайте нам мешать, Пнтерс, будет только хуже. Где гроб, который вам сегодня привезлн?

— Зачем вам гроб? Он занят! В нем покойница.

— Я должен ее вндеть.

— Нникогда! Я не позволю!

— Обойдемся без вашего позволения.— Холмс молниеносно оттолкнул Пнтерса н вышел в холл. Прямо перед намн была полураскрытая дверь. Мы вошлн. В столовой под тускло горящими рожкамн газовой люстры стоял на столе гроб. Холмс прнбавнл света и поднял крышку. Жалкое, нссохшее существо лежало на дне глубокого гроба. Яркнй свет упал на старое, сморщенное лицо. Нн болезнь, ни голод, нн самые зверскне нстязання не могли бы превратнть все еще краснвую, цветущую женщнну, какой была ледн Фрэнснс, в эту дряхлую развалнну. Изумление на лнце Холмса сменилось радостью.

— Слава богу! — воскликнул он.— Это не она!

— Да, на этот раз вы жестоко ошиблнсь, мнстер Холмс,— раздался голос Питерса, вошедшего в столовую следом за намн.

— Кто эта женщина?

— Могу рассказать, если это вас так интересует. Эта женщина — старая няня моей жены, зовут ее Роза Спенсер, мы взяли ее нз Брнкстонской богадельнн, прнвезлн сюда, прнгласнли доктора Хорсома — он живет на Фнрбэнк-Вналлас, дом 13, не забудьте запнсать, мнстер Холмс! — окружнли ее заботой, как велел нам наш хрнстнанскнй долг. На третнй день она скончалась. В свидетельстве напнсано «от старческого маразма», но ведь это всего лишь мнение врача,— вам, мистер Холмс, разумеется, нстинная прнчнна ее смерти нзвестна лучше, чем кому бы то нн было! Мы обратнлнсь к фирме Стнмсон н К° на Кеннингтон-роуд, похороны состоятся завтра

в восемь часов утра. Попробуйте придраться хоть к чему-нибудь! Признайтесь, мистер Холмс, вы остались в дураках. Много бы я дал, чтобы сфотографировать вашу физиономию, когда вы так воинственно ринулись к гробу и вместо леди Фрэнсис увидели в нем убогую девяностолетнюю старушку!

Холмс с обычным своим спокойствием стоял под градом насмешек, которые обрушил на него Питерс, только кулаки его гневно сжались.

— Я продолжаю обыск.

— Ну, это мы еще посмотрим! — закричал Питерс, и в это время в прихожей раздался женский голос и тяжелые шаги.— Сюда, господа! Эти люди силой ворвались в мой дом, и я никак не могу заставить их уйти. Пожалуйста, помогите мне!

Сержант и констебль встали на пороге столовой. Холмс вынул из бумажника визитную карточку.

— Вот мое имя и адрес. А это мой друг — доктор Уотсон.

— Да что вы, сэр, зачем нам ваша карточка, мы ли вас не знаем! — сказал сержант.— Но только без ордера вам здесь оставаться нельзя.

— Знаю, что нельзя.

— Арестуйте его! — крикнул Питерс.

— Мы знаем, где найти этого джентльмена, если он нам понадобится,— величественно ответствовал сержант.— Но все-таки вам придется уйти, мистер Холмс.

— Да, Уотсон, нам придется уйти.

Через минуту мы снова были на улице. Холмс казался спокоен, как всегда, я же весь пылал от гнева и унижения. Сержант вышел с нами.

— Вы уж извините, мистер Холмс. Что поделаешь — закон.

— Все правильно, сержант, вы не могли поступить иначе.

— Конечно, вы туда не пришли бы зря, я понимаю. Если я могу вам чем помочь...

— Пропала женщина, сержант, и мы подозреваем, что ее скрывают в этом доме. Я с минуты на минуту жду ордера.

— Так я с них глаз не спущу, мистер Холмс, и если что, сейчас же дам вам знать.

Было всего девять часов, и мы с Холмсом, не теряя ни минуты, пустились в путь. Первым делом мы направились в Брикстонскую богадельню и узнали, что несколько дней назад туда действительно пришла супружеская пара, выразившая желание взять к себе впавшую в детство старуху, когда-то бывшую у них в услужении, как они заявили. Получив разрешение, они увезли ее домой. Когда мы сказали, что старуха умерла, никто в богадельне не удивился.

Следующий наш визит был к доктору Хорсому. Он рассказал, что накануне днем его вызвали к больной, которая, как он установил, умирала от старческой слабости. На его глазах она и испустила дух. Он составил свидетельство по всей форме и подписал.

— Уверяю вас, конец этой женщины был самый естественный, какие бы то ни было подозрения просто неоправданны,— заключил он.

Ничего необычного в доме он не заметил, только, пожалуй, немного странным показалось, что люди с таким достатком живут без прислуги. Вот все, что удалось нам узнать от доктора Хорсома.

Наконец мы направились в Скотленд-Ярд. Оказалось, что при оформлении ордера возникли какие-то трудности, дело затягивалось: подпись судьи можно будет получить не раньше утра. Если мистер Холмс зайдет завтра к девяти, он может поехать с инспектором Лестрейдом и присутствовать при аресте.

Больше никаких событий в тот день не произошло, не считая полночного визита нашего приятеля-сержанта, который пришел рассказать, что в темных окнах дома на Полтни-сквер несколько раз мелькал какой-то свет, но что никто не выходил и не входил. Нам оставалось только набраться терпения и ждать утра.

Шерлок Холмс был слишком расстроен, чтобы беседовать, и слишком взволнован, чтобы спать. Я ушел к себе, а он остался в гостиной. Сдвинув темные густые брови, он сидел в кресле, барабанил по его ручке длинными нервными пальцами, курил одну сигарету за другой и искал, искал ключ к разгадке. Несколько раз ночью я слышал его шаги. Утром, когда я уже умывался, он ворвался ко мне в комнату бледный, с ввалившимися щеками, он на миг не сомкнувший глаз.

— Когда похороны? В восемь, да? Сейчас двадцать минут восьмого,— отрывисто заговорил он.— Куда девался разум, который господь бог вложил в мою голову? Скорей, Уотсон, скорей! Ведь сейчас решается: жизнь или смерть, и сто против одного за смерть! Если мы опоздаем, я никогда, никогда себе не прощу!

Не прошло и пяти минут, как мы мчались в кэбе по Бейкер-стрит. Но когда мы подъезжали к Парламенту, Биг-Бен показывал без двадцати пять восемь, а на углу Брикстон-роуд стрелка подошла к восьми! Однако мы оказались не единственные опоздавшие. В восемь часов десять минут кэбмен осадил взмыленную лошадь возле крыльца, у которого все еще стоял катафалк, и из двери трое рабочих выносили гроб. Холмс кинулся вперед и преградил им путь.

— Стойте! — закричал он, упершись рукой в грудь первого носильщика.— Немедленно несите гроб назад!

— Какого дьявола вам здесь нужно?! Где ваш ордер, покажите сейчас же! — разъяренно заревел из холла багровый Питерс.

— Ордер подписан. Гроб останется в доме, пока он не прибудет!

Властный голос Холмса произвел на людей впечатление. Питерс незаметно юркнул в какую-то дверь, а они поднесли гроб обратно.

— Скорей, скорей, Уотсон! Вот отвертка! — прерывающимся голосом командовал Холмс.— Вы тоже берите отвертку. Если через минуту крышка будет сорвана, получите соверен, друзья. Никаких вопросов! Быстрей, быстрей! Так, хорошо! Еще один шуруп... последний. Приналяжем все вместе! Ага, идет, идет! Уф, наконец-то!

Впятером мы сорвали крышку, и в тот же миг нас оглушил тяжелый вязкий запах хлороформа. Голова покойницы была обложена толстым слоем ваты, пропитанной наркотиком. Холмс сбросил ее, и мы увидели прекрасное тонкое лицо женщины лет сорока. Холмс обхватил ее за плечи и посадил.

— Она жива, Уотсон? Неужели мы опоздали? Неужели все кончено?!

Полчаса мне казалось, что все действительно кончено. Я боялся, что недостаток воздуха и ядовитые пары хло-

роформа задушили последиюю нскру жизии и все иашн усилия напрасны. Мы впрыскивали ей эфир, делали искусствеииое дыхаиие и вообще все, что предписывает в такнх случаях современиая медицииа, н иакоиец веки ее слабо дрогиулн, поднесеиное к губам зеркало затумаиилось — жизиь возвращалась!

У крыльца остаиовился кэб. Холмс подиял штору н выгляиул из окна.

— Явился Лестрейд с ордером,— сказал ои,— только птички его уже упорхнулн... А вот,— продолжал ои, прислушиваясь к быстрым шагам по коридору,— идет человек, который поможет леди Фрэисис лучше, чем мы. Здравствуйте, мистер Грии! Чем скорее мы увезем отсюда ледн Фрэнсис, тем лучше. А похороиы: пусть ндут своим чередом, только теперь эта бедная старушка, которая все еще лежит в гробу, совершит свой последиий путь одиа.

— Если вы захотите включить этот эпнзод в свою хроинку, милый Уотсои,— говорил мне в тот вечер Холмс,— приведите его как пример времеииого затмеиия, которое может поразить даже самый трезвый ум. Ни один смертный ие застраховаи от таких промахов, ио уважения достоин тот, кто способен вовремя поиять их н исправить. Мие кажется, я вправе причислить себя к таким людям. Всю иочь меия сегодня преследовала мысль, что была ведь, была какая-то деталь, которой я ие придал должиого значеиия, что-то ие совсем обычиое, какое-то слово, движение, взгляд... И когда уже рассвело, я вдруг вспомнил — ответ жеиы гробовщика! Оиа сказала: «Ведь делать пришлось по особому заказу, вот мастера и задержались». Онн говорили о гробе. Гроб делали по особому заказу. Зиачит, делали по особым размерам. Но зачем? Зачем? И тогда я как будто сиова увидел высокие стеики гроба и иа самом его дие малеиькую жалкую фигурку. Зачем для такого малеиького трупа заказали такой большой гроб? Да чтобы осталось место еще для одиого!.. Оба похоронят по одиому свидетельству. Все было с самого иачала ясно как деиь, только я-то как будто ослеп! В восемь часов леди Фрэнсис в гробу положат на катафалк. Едииствеииая иаша иадежда — задержать гроб, пока его еще ие выиесли из дому. Предположеиие,

что она еще жива, было равнозначно безумию, но безумие-то и спасло все. Насколько мне известно, эти люди никогда не совершали убийства. Я подозревал, что в конце концов они не решатся на него и сейчас. Они похоронят ее, не оставив никаких следов, по которым можно было бы установить причину смерти леди Фрэнсис, и даже если труп впоследствии эксгумируют, у них все-таки будет шанс выкрутиться. Я надеялся, что именно этими соображениями они и руководствовались. Что было дальше — вы помните, и тот страшный чердак, где негодяи держали бедняжку, вы видели. Сегодня утром они ворвались к ней, усыпили ее хлороформом, отнесли вниз, положили пропитанную хлороформом вату в гроб, чтобы она не проснулась, и завинтили крышку. Гениальный план! Ничего подобного в истории преступлений я еще не встречал. Если нашим приятелям — экс-миссионеру и его супруге — удалось ускользнуть от Лестрейда, их дальнейшая карьера, надо ожидать, ознаменуется не менее блестящими деяниями.

ДЬЯВОЛОВА НОГА

Пополияя время от времеии записи о моем старом друге, мистере Шерлоке Холмсе, иовыми удивительиыми событиями и иитересиыми воспоминаииями, я то и дело сталкивался с трудиостями, вызваниыми его собствеииым отиошеиием к гласиости. Этому угрюмому скептику претили шумиые похвалы окружающих, и после блестящего раскрытия очередиой тайиы ои от души развлекался, уступив свои лавры какому-иибудь служаке из Скотлеид-Ярда, и с язвительиой усмешкой слушал громкий хор поздравлеиий ие по адресу. Подобиое поведеиие моего друга, а вовсе ие отсутствие иитересиого материала и привело к тому, что за последиие годы мие редко удавалось публиковать иовые записи. Дело в том, что участие в иекоторых его приключеииях было честью, всегда требующей от меия благоразумия и сдержаииости.

Представьте же мое изумлеиие, когда в прошлый вториик я получил телеграмму от Холмса (он иикогда ие посылал писем, если можио было обойтись телеграммой). Оиа гласила: «Почему ие иаписать о Кориуэльском ужасе — самом иеобычиом случае в моей практике». Я решительио ие поиимал, что воскресило в памяти Холмса это событие или какая причуда побудила его телеграфировать мие, одиако, опасаясь, как бы ои ие передумал, я тут же разыскал записи с точиыми подробиостями происшествия и спешу представить читателям мой рассказ.

Весиой 1897 года железиое здоровье Холмса иесколько пошатиулось от тяжелой, иапряжеииой работы, тем

более, что сам он совершенно не щадил себя. В марте месяце доктор Мур Эгер с Харли-стрит, который познакомился с Холмсом при самых драматических обстоятельствах, о чем я расскажу как-нибудь в другой раз, категорически заявил, что знаменитому сыщику необходимо временно оставить всякую работу и как следует отдохнуть, если он не хочет окончательно подорвать свое здоровье. Холмс отнесся к этому равнодушно, ибо умственная его деятельность совершенно не зависела от физического состояния, но когда врач пригрозил, что Холмс вообще не сможет работать, это убедило его наконец сменить обстановку. И вот ранней весной того года мы с ним поселились в загородном домике близ бухты Полду на крайней оконечности Корнуэльского полуострова.

Этот своеобразный край как нельзя лучше соответствовал угрюмому настроению моего пациента. Из окон нашего беленого домика, высоко стоящего на зеленом мысе, открывалось все зловещее полукружие залива Маунтс-Бей, известного с незапамятных времен как смертельная ловушка для парусников: скольких моряков настигла смерть на его черных скалах и подводных рифах! При северном ветре залив выглядел безмятежным, укрытым от бурь и манил к себе гонимые штормом суда, обещая им покой и защиту. Но внезапно с юго-запада с ревом налетал ураган, судно срывалось с якоря, и у подветренного берега, в пене бурунов, начиналась борьба не на жизнь, а на смерть. Опытные моряки держались подальше от этого проклятого места.

Суша в окрестностях нашего дома производила такое же безотрадное впечатление, как и море. Кругом расстилалась болотистая равнина, унылая, безлюдная, и лишь по одиноким колокольням можно было угадать, где находятся старинные деревушки. Всюду виднелись следы какого-то древнего племени, которое давно вымерло и напоминало о себе только причудливыми каменными памятниками, разбросанными там и сям могильными курганами и любопытными земляными укреплениями, воскрешающими в памяти доисторические битвы. Колдовские чары этого таинственного места, зловещие призраки забытых племен подействовали на воображение моего друга, и он подолгу гулял по торфяным болотам, предаваясь размышлениям. Холмс заинтересовался также

древним корнуэльским языком и, если мне не изменяет память, предполагал, что он сродни халдейскому и в значительной мере заимствовал у финикийских купцов, приезжавших сюда за оловом. Он выписал кучу книг по филологии и засел было за развитие своей теории, как вдруг, к моему глубокому сожалению и его нескрываемому восторгу, мы оказались втянутыми в тайну — более сложную, более захватывающую и уж, конечно, в сто раз более загадочную, чем любая из тех, что заставили нас покинуть Лондон. Наша скромная жизнь, мирный, здоровый отдых были грубо нарушены, и нас закружило в водовороте событий, которые потрясли не только Корнуэлл, но и всю западную Англию. Многие читатели помнят, наверное, о «Корнуэльском ужасе», как это тогда называлось, хотя должен вам сказать, что лондонская пресса располагала весьма неполными данными. И вот теперь, через тринадцать лет, настало время сообщить вам все подлинные подробности этого непостижимого происшествия.

Я уже говорил, что редкие церковные колокольни указывали на деревни, разбросанные в этой части Корнуэлла. Ближайшей к нам оказалась деревушка Трндэнинк-Уоллес, где домики сотин—другой жителей лепились вокруг древней замшелой церкви. Священник этого прихода, мистер Раунднэй, увлекался археологией; на этой почве Холмс и познакомился с ним. Это был радушный толстяк средних лет, неплохо знавший здешние места. Как-то он пригласил нас к себе на чашку чая, и у него мы встретились с мистером Мортимером Тринжениисом, состоятельным человеком, который увеличивал скудные доходы священника, сдавая несколько комнат в его большом, бестолково построенном доме. Одинокий священник был доволен этим, хотя имел мало общего со своим жильцом, худощавым брюнетом в очках, до того сутулым, что с первого взгляда казался горбуном. Помню, что за время нашего недолгого визита священник произвел на нас впечатление неутомимого говоруна, зато жилец его был до странности необщителен, печален, задумчив; он сидел, уставившись в одну точку, занятый, видимо, собственными мыслями.

И вот во вторник, шестнадцатого марта, когда мы покуривали после завтрака, готовясь к обычной прогулке

иа торфяиые болота, в нашу маленькую гостиную ворвались два этих человека.

— Мистер Холмс,— задыхаясь, проговорил священник,— этой иочью произошла ужасная трагедия! Просто неслыхаиио! Навериое, само Провидеиие привело вас сюда как раз вовремя, потому что если кто-нибудь в Англии и может помочь, то это вы!

Я бросил не слишком дружелюбиый взгляд иа назойливого священиика, ио Холмс выиул изо рта трубку и насторожился, как старый гоичий пес, услышавший зов охотиика. Ои зиаком предложил им сесть, и иаш взбудоражеииый посетитель со своим спутником уселись иа диваи. Мистер Мортимер Трнджениис больше владел собой, ио судорожное подергиваиие его худых рук и лихорадочиый блеск темиых глаз показывали, что ои взволиоваи ничуть ие меньше.

— Кто будет рассказывать, я или вы? — спросил он священинка.

— Я не зиаю, что у вас случилось,— сказал Холмс,— но раз уж, судя по всему, открытне сделали вы, то вы и рассказывайте: ведь священиик узиал об этом уже от вас.

Я взгляиул на одетого иаспех священиика и его аккуратного соседа и в душе позабавился тому изумлению, которое вызвал иа их лицах простой логический вывод Холмса.

— Позвольте мие сказать несколько слов,— иачал священиик,— и тогда вы сами решите, выслушать ли вам подробности от мистера Триджеиниса или лучше немедленно поспешить к месту этого загадочного пронсшествия. Случилось вот что: вчера вечером наш друг был в гостях у своих братьев Оуэна и Джорджа и сестры Брэиды в их доме в Тридэиник-Уорта, что иеподалеку от древиего камеиного креста на торфяиых болотах. Он ушел от них в иачале одиинадцатого, до этого оии нграли в карты в столовой, все были здоровы, в прекрасиом иастроеиии. Сегодня утром, еще до завтрака, наш друг — он всегда встает очень рано — пошел прогуляться в направлеиии дома своих родствеинников, и тут его нагиал шарабаи доктора Ричардса: оказалось, что того срочио вызвали в Трндэиник-Уорта. Конечио, мистер Мортимер Триджеинис поехал вместе с ним. Приехав, онн обнару-

жнлн иечто невероятное. Сестра и братья сиделн вокруг стола точио в тех же позах, как он их оставнл, перед ними еще лежали карты, но свечн догорели до самых розеток. Сестра лежала в кресле мертвая, а с двух сторон от иее сидели братья: онн кричалн, пелн, хохотали... разум покинул их. У всех троих — и у мертвой женщнны н у помешавшихся мужчин — иа лицах застыл невыразимый страх, гримаса ужаса, на которую жутко смотреть. Нет никаких признаков, что в доме былн посторониие, еслн не считать мнссис Портер, нх старой кухарки н экономки, которая сообщила, что всю иочь крепко спала и ничего не слыхала. Ннчего не украдеио, все в полном порядке, н совершенно непонятно, чего онн испугалнсь настолько, что жеищнна лишилась жнзни, а мужчиины — рассудка. Вот вкратце и все, мистер Холмс, и еслн вы поможете нам разобраться во всем этом, вы сделаете велнкое дело.

Я еще надеялся уговорить моего друга вернуться к отдыху, составлявшему цель нашей поездки, но стоило мие взглянуть на его сосредоточениое лицо н нахмуренные брови, как стало ясно, что надеяться не на что. Холмс молчал, поглощеиный иеобычайиой драмой, ворвавшейся в нашу тихую жнзнь.

— Я займусь этим делом,— сказал он накоиец.— Насколько я поиимаю, случай исключительиый. Сами вы там были, мнстер Рауидхэй?

— Нет, мистер Холмс. Как только я узнал от мистера Трнджеинниса об этом несчастье, мы тут же поспешили к вам, чтобы посоветоваться.

— Далеко ли дом, где разыгралась эта ужасная трагедия?

— Около мили отсюда.

— Значит, отправимся вместе. Но сиачала, мистер Мортимер Трнджененис, я хочу задать вам несколько вопросов.

За все это время тот ие пронзнес нн звука, но я заметил, что внутренне он встревожеи куда больше, чем суетливый н разговорчнвый священник. Лицо его побледиело, исказилось, беспокойный взгляд ие отрывался от Холмса, а худые рукн сжнмались н разжимались. Когда священник рассказывал об этом страшном происшествин, побелевшие губы Трнджеиииса дрожали, н

казалось, что в его темиых глазах отражается эта ужасная картина.

— Спрашивайте обо всем, что сочтете иужиым, мистер Холмс,— с готовиостью сказал ои.— Тяжело говорить об этом, но я ие скрою от вас иичего.

— Расскажите мие о вчерашием вечере.

— Так вот, мистер Холмс, как уже говорил священиик, мы вместе поужииали, а потом старший брат Джордж предложил сыграть в вист. Мы сели за карты около девяти. В четверть одиниадцатого я собрался домой. Оии сидели за столом, здоровые и веселые.

— Кто закрыл за вами дверь?

— Миссис Портер уже легла, и меия иикто ие провожал. Я сам захлопиул за собой входную дверь. Окно в комиате, у которого они сидели, было закрыто, ио шторы ие спущеиы. Сегодня утром и дверь и окио оказались в том же виде, что и вчера, и иет причины думать, что в дом забрался чужой. И все-таки страх помутил рассудок моих братьев, страх убил Брэиду... если б вы видели, как оиа лежала, свесившись через ручку кресла... До самой смертн ие забыть мие этой комнаты.

— То, что вы рассказываете, просто иеслыхаиио,— сказал Холмс.— Но, иасколько я поиимаю, у вас иет иикаких предположенний о причине происшедшего?

— Это дьявольщииа, мистер Холмс, дьявольщииа! — воскликнул Мортимер Триджеиииис.— Это иечистая сила! В комиату проиикает что-то ужасиое, и люди лишаются рассудка. Разве человек способеи иа такое?

— Ну, если человеку такое ие под силу, то, боюсь, и разгадка окажется мие ие под силу,— заметил Холмс.— Одиако, прежде чем прииять вашу версию, мы должиы испробовать все реальиые причиины. Что касается вас, мистер Трнджеиииис, то вы, как я понял, в чем-то ие ладили со своими родиыми,— ведь вы жили врозь, верио?

— Да, так оио и было, мистер Холмс, хотя это — дело прошлое. Видите ли, иашей семье прииадлежали оловяииые рудиики в Редруте, ио потом мы продали их Компаиии и, получив возможиость жить безбедио, уехали оттуда. Не скрою, что при дележе деиег мы поссорились и разошлись иа иекоторое время, ио что было, то прошло, и мы сиова стали лучшими друзьями.

— Однако вернемся к событиям вчерашнего вечера. Не припомните ли вы что-нибудь, что могло бы хоть косвенно натолкнуть нас на разгадку этой трагедии? Подумайте как следует, мистер Тридженнис, любой намек мне поможет.

— Нет, сэр, ничего не могу припомнить.

— Ваши родные были в обычном настроении?

— Да, в очень хорошем.

— Не были они нервными людьми? Не бывало ли у них предчувствия приближающейся опасности?

— Нет, никогда.

— Больше вы ничем не можете помочь мне?

Мортимер Тридженнис напряг память.

— Вот что я вспомнил,— сказал он наконец.— Когда мы играли в карты, я сидел спиной к окну, а брат Джордж, мой партнер,— лицом. И вдруг я заметил, что он пристально смотрит через мое плечо, и я тоже обернулся и посмотрел. Окно было закрыто, но шторы еще не спущены, и я разглядел кусты на лужайке; мне показалось, что в них что-то шевелится. Я даже не понял, человек это или животное. Но подумал, что там кто-то есть. Когда я спросил брата, куда он смотрит, он ответил, что ему тоже что-то показалось. Вот, собственно, и все.

— И вы не поинтересовались, что это?

— Нет, я тут же забыл об этом.

— Когда вы уходили, у вас не было дурного предчувствия?

— Ни малейшего.

— Мне не совсем ясно, как вы узнали новости в такой ранний час.

— Я обычно встаю рано и до завтрака гуляю. Только я вышел сегодня утром, как меня нагнал шарабан доктора. Он сказал, что старая миссис Портер прислала за ним мальчишку и спешно требует его туда. Я вскочил в шарабан, и мы поехали. Там мы сразу бросились в эту жуткую комнату. Свечи и камин погасли уже давно, и они до самого рассвета были в темноте. Доктор сказал, что Брэнда умерла по крайней мере шесть часов назад. Никаких следов наслия. Она лежала в кресле, перевесившись через ручку, и на лице ее застыло это самое выражение ужаса. Джордж и Оуэн на разные голоса

распевали песии и бормотали, как два каких-иибудь ораигутаига. О, это было ужасио! Я еле выдержал, а доктор побелел как полотио. Ему стало дурио, и он упал в кресло,— хорошо еще, что иам ие пришлось за иим ухаживать.

— Поразительно... просто поразительио, — сказал Холмс, вставая, и взялся за шляпу.— По-моему, лучше, не теряя времеии, отправиться в Тридэиииик-Уорта. Должеи признаться, что редко мие встречалось дело, которое иа первый взгляд казалось бы столь иеобычайиым.

В то утро наши розыски продвинулись мало. Зато в самом же начале произошел случай, который оказал иа меия самое гиетущее действие. Мы шли к месту происшествия по узкой, извилистой проселочиой дороге. Увидев тарахтящую иавстречу карету, мы сошли иа обочииу, чтобы пропустить ее. Когда оиа поравиялась с иами, за подиятым стеклом метиулось оскалеииое, перекошеиное лицо с вытаращеииыми глазами. Эти остаиовившиеся глаза и скрежещущие зубы промелькиули мимо нас, как кошмариое видение.

— Братья! — весь побелев, воскликиул Мортимер Триджеиииис.— Их увозят в Хелстои!

В ужасе мы смотрели вслед чериой карете, громыхающей по дороге, потом сиова иаправились к дому, где их постигла такая страииая судьба.

Это был просториый, светлый дом, скорее вилла, чем коттедж, с большим садом, где благодаря мягкому корнуэльскому климату уже благоухали весеииие цветы. В этот сад и выходило окио гостиной, куда, по утверждению Мортимера Триджеиииса, проник злой дух и прииес столько иесчастий хозяевам дома. Прежде, чем подиятьсл иа крыльцо, Холмс медлеино и задумчиво прошелся по дорожке и между клумбами. Я помию, ои был так занят своими мыслями, что споткиулся о лейку, и она опрокииулась на садовую дорожку, облив иам иоги. В доме иас встретила пожилая экоиомка, миссис Портер, которая вела здесь хозяйство с помощью молодеиькой служаики. Оиа с готовиостью отвечала иа все вопросы Холмса. Нет, оиа иичего ие слышала ночью. Да, хозяева в последиее время были в прекрасиом настроении: никогда оиа ие

видела, чтоб онн былн такие веселые и довольные. Оиа упала в обморок от ужаса, когда зашла утром в комнату и увндела их за столом. Опомнившись, она распахнула окно, чтобы впустить утренний воздух, бросилась на дорогу, окликнула фермерского мальчншку и послала его за доктором. Если мы хотнм посмотреть, то хозяйка лежит в своей спальне. Четверо здоровенных санитаров еле справились с братьями, усаживая их в карету. А она сама н до завтра не останется в этом доме, немедленно уедет в Сеит-Айвс к своим родиым.

Мы поднялнсь наверх и осмотрелн тело Брэнды Тридженнис. Даже сейчас всякий сказал бы, что в молодости она была красавицей. И после смертн она была прекрасна, хотя тонкие черты ее смуглого лнца хранилн печать ужаса — последнего ее ощущения при жнзнн. Из спальнн мы спустилнсь в гостиную, где произошла эта невероятная драма. В камине еще лежала зола. На столе стоялн четыре оплывшие, догоревшие свечи н валялись карты. Стулья былн отодвннуты к стенам, к остальным предметам ннкто не прикасался. Холмс легкими, быстрыми шагамн обошел комнату; он саднлся на стулья, двигал нх н расставлял так, как онн стояли накануне. Он прикидывал, насколько внден сад с разных мест. Он осмотрел пол, потолок, камнн; но нн разу я не заметнл ни внезапного блеска в его глазах, ни сжатых губ, которые подсказали бы мне, что в мозгу его мелькнула догадка.

— Зачем топилн камин? — спросил он вдруг.— Неужелн даже весиой топят в такой иебольшой комнате?

Мортимер Тридженнис поясннл, что вечером было холодно и сыро. Поэтому, когда он прншел, затопилн камнн.

— Что вы собираетесь делать дальше, мистер Холмс? — спросил он.

Улыбнувшись, мой друг положнл руку мне на плечо.

— Знаете, Уотсон, пожалуй, мне снова придется взяться за трубку и снова вызвать вашн справедливые упреки,— сказал ои.— С вашего разрешения, господа, мы вернемся домой, ибо я ие рассчитываю найтн здесь что-то новое. Я проанализирую все известные факты, мистер Тридженнис, н если мне что-ннбудь прндет в голову, немедленно извещу вас и священника. А пока позвольте пожелать вам всего доброго.

Вернувшись в Полду-коттедж, Холмс погрузился в сосредоточенное молчание. Он сидел с ногами в глубоком кресле, весь окутанный голубыми клубами табачного дыма; его черные брови сошлись к переносице, лоб перерезала морщина, глаза на изможденном лице аскета уставились в одну точку. После долгих раздумий он отбросил трубку и вскочил.

— Ничего не выходит, Уотсон! — рассмеялся он.— Пойдемте-ка лучше побродим и поищем кремневые стрелы. Скорее мы найдем их, чем ключ к этой загадке. Заставлять мозг работать, когда для этой работы нет достаточного материала,— все равно, что перегревать мотор. Он разлетится вдребезги. Морской воздух, солнце и терпение — вот что нам нужно, Уотсон, а остальное приложится.

— Теперь давайте спокойно обсудим наше положение, Уотсон,— продолжал он, когда мы шли по тропинке над обрывом.— Нужно твердо усвоить хотя бы то, что нам известно, для того чтобы поставить на место новые факты, когда они появятся. Уговоримся, во-первых, что дьявольские козни тут ни при чем. Выбросим это из головы. Отлично. Зато перед нами три несчастные жертвы некоего намеренного или невольного преступления, совершенного человеком. Будем исходить из этого. Идем дальше: когда это случилось? Если верить Мортимеру Тридженнису, то, очевидно, сразу же после его ухода. Это очень важно. Вероятно, все произошло в следующие несколько минут. Карты еще на столе. Хозяева в это время обычно ложатся спать. Но они продолжают сидеть, даже не отодвинув стулья. Итак, повторяю: это произошло немедленно после его ухода и никак не позже одиннадцати часов вечера.

Проследим теперь, насколько возможно, что делал Мортимер Тридженнис, выйдя из комнаты. Это совсем нетрудно, и он как будто вне подозрений. Вы хорошо знакомы с моими методами и, конечно, догадались, что довольно-таки неуклюжая уловка с лейкой понадобилась мне для того, чтобы получить ясный отпечаток его ноги. На сыром песке она отпечаталась прекрасно. Вчера вечером, как вы помните, тоже было сыро, и я легко проследил его путь. Судя по всему, он быстро пошел к дому священника.

Раз Мортимер Триджеииис исчезает со сцеиы, зиачит, перед игроками в карты появляется кто-то другой; кто же это и как ему удалось вызвать такой ужас? Миссис Портер отпадает. Оиа явио ии при чем. Можио ли доказать, что иекто прокрался из сада к окиу и своим появлеиием добился такого трагического исхода? Едииствеииое указаиие иа это исходит опять-таки от Мортимера Триджеиииса, который говорил, что его брат заметил какое-то движеиие в саду. Это страиио, потому что вечер был темиый, шел дождь, и если тот, кто собирался напугать этих людей, хотел, чтобы его заметили, ои должеи был прижаться лицом к окоииому стеклу. А под окиом широкая цветочиая грядка — и ии одиого отпечатка иог. Трудио вообразить, как мог иезиакомец при этих обстоятельствах произвести столь жуткое впечатлеиие; к тому же мы ие иаходим подходящего мотива для такого иеобъясиимого поступка. Вы улавливаете наши трудиости, Уотсои?

— Еще бы! — убеждеиио отвечал я.

— И все-таки, если у иас появятся иовые даиные, мы преодолеем эти трудиости. По-моему, в ваших иеобъятиых архивах, Уотсои, иайдется миого таких же иеясиых случаев. Тем ие меиее отложим дело, пока ие получим более точиых сведеиий, и закоичим утро поисками иеолитического человека.

Кажется, я уже говорил, что мой друг обладал исключительной способиостью совершеиио отключаться от какого-либо дела, ио иикогда я ие поражался ей больше, чем в то весеииее утро в Кориуэлле, когда часа два кряду ои толковал о кельтах, кремиевых иакоиечииках и черепках так беззаботио, будто зловещей тайиы ие было и в помиие. И только вериувшись домой, мы обиаружили, что иас ждет посетитель, сразу же вериувший иас к действительиости. У иего ие было иужды представляться иам. Гигаитская фигура, огрубевшее, иссеченное морщииами лицо, горящие глаза, орлиный иос, седеющая голова, почти достающая до потолка, золотистая борода с проседью, пожелтевшая у губ от иеизменной сигары,— эти приметы были отличио известиы и в Лондоие и в Африке и могли прииадлежать лишь одиому человеку — доктору Леоиу Стеридейлу, прославлеииому исследователю и охотиику иа львов.

Мы слышали, что он живет где-то поблизости, и не раз замечали на торфяных болотах его могучую фигуру. Однако он не стремился к знакомству с нами, да и нам это не приходило в голову, потому что мы знали, что именно любовь к уединению побуждает его проводить большую часть времени между путешествиями в маленьком домике, скрытом в роще у Бичем-Эразис. Там он жил в полном одиночестве, окруженный книгами и картами, сам занимался своим несложным хозяйством и совершенно не интересовался делами соседей. Поэтому меня удивила горячность, с которой он расспрашивал Холмса, удалось ли ему разгадать хоть что-нибудь в этой непостижимой тайне.

— Полиция в тупике,— сказал он,— но, может быть, ваш богатый опыт подскажет какое-нибудь приемлемое объяснение? Я прошу вас довериться мне потому, что за время моих частых наездов сюда я близко познакомился с семьей Триджинисов, они даже приходятся мне родственниками со стороны матери, здешней урожанки. Вы сами понимаете, что их ужасная судьба потрясла меня. Должен сказать вам, что я направлялся в Африку и уже был в Плимуте, когда сегодня утром узнал об этом событии, и тут же вернулся, чтобы помочь расследованию.

Холмс поднял брови.

— Из-за этого вы пропустили пароход?

— Поеду следующим.

— Бог мой, вот это дружба!

— Я же сказал, что мы родственники.

— Да, помню... по материнской линии. Багаж уже был на борту?

— Не весь, бóльшая часть еще оставалась в гостинице.

— Понимаю. Но не могла ведь эта новость попасть в плимутские газеты сегодня утром?

— Нет, сэр. Я получил телеграмму.

— Позвольте узнать, от кого?

Исхудалое лицо исследователя потемнело.

— Вы слишком любознательны, мистер Холмс.

— Такова моя профессия.

Доктор Стерндейл с трудом обрел прежнее спокойствие.

— Не вижу основания скрывать это от вас,— сказал он.— Телеграмму прислал мистер Раундхэй, священник.

— Благодарю вас,— отозвался Холмс.— Что касается вашего вопроса, то я могу ответить, что мне еще не вполне ясна суть дела, но я твердо рассчитываю добиться истины. Вот пока и все.

— Не могли бы вы сказать, подозреваете ли вы кого-нибудь?

— На это я вам не могу ответить.

— В таком случае я пришел напрасно, не стану задерживать вас более.

Знаменитый путешественник большими шагами вышел из нашего домика, изрядно раздосадованный; вслед за ним ушел и Холмс. Он пропадал до самого вечера, а когда вернулся, вид у него был усталый и недовольный, и я понял, что розыски не увенчались успехом. Его ждала телеграмма, он пробежал ее и бросил в камин.

— Это из Плимута, Уотсон, из гостиницы,— пояснил он.— Я узнал у священника, как она называется, и телеграфировал туда, чтобы проверить слова доктора Стерндейла. Он действительно точевал там сегодня, и часть его багажа действительно ушла в Африку; сам же он вернулся, чтобы присутствовать при расследовании. Что скажете, Уотсон?

— Видимо, его очень интересует это дело.

— Да, очень. Вот нить, которую мы еще не схватили, а ведь она может вывести нас из лабиринта. Бодритесь, Уотсон, я уверен, что мы знаем далеко не все. Когда мы узнаем больше, все трудности останутся позади.

Я никак не предполагал ни того, что слова Холмса сбудутся так скоро, ни того, каким страшным и жутким окажется наше новое открытие, повернувшее розыски в совершенно ином направлении. Утром, когда я брился, я услышал стук копыт и, выглянув из окна, увидел двуколку, которая во всю прыть неслась по дороге. У наших ворот лошадь стала, из двуколки выпрыгнул наш друг-священник и со всех ног помчался по садовой дорожке. Холмс был уже готов, и мы с ним поспешили навстречу.

От волнения наш гость не мог говорить, но в конце концов, тяжело дыша и захлебываясь, он выкрикнул:

— Мы под властью дьявола, мистер Холмс! Мой несчастиый приход под властью дьявола!— задыхался ои.— Там поселился сам Сатаиа! Мы в его руках! — Ои приплясывал на месте от возбуждения, и это было бы смешио, если бы ие его посеревшее лицо и безумиые глаза. И тут ои выпалил свои ужасиые иовости:

— Мистер Мортимер Триджеииис умер сегодия иочью точио так же, как его сестра!

Холмс мгиовеиио вскочил, полиый эиергии.

— Хватит места в вашей двуколке?

— Да!

— Уотсои, завтрак позже! Мистер Рауидхэй, мы готовы! Скорей, скорей, пока там иичего ие троиуто!

Мортимер Триджеииис заиимал в доме свящеиииика две угловые комиаты, расположеииые обособлеиио, одиа иад другой. Виизу была просториая гостииая, иаверху — спальия. Под самыми окиами — крокетиая площадка. Мы опереднли и доктора и полицию, так что иикто еще сюда ие входил. Позвольте мие точно описать сцеиу, которую мы увидели в это тумаиное мартовское утро. Оиа навекн врезалась в мою память.

В комнате был невероятио удушливый, спертый воздух. Если бы служаика ие распахиула окио раио утром, дышать было бы совсем невозможио. Это отчасти объясиялось тем, что на столе еще чадила лампа. У стола, откииувшись иа спиику кресла, сидел мертвец; его жидкая бородка стояла торчком, очки были сдвииуты иа лоб, а иа смуглом, худом лице, обращеином к окиу, застыло выражеиие того же ужаса, которое мы видели иа лице его покойиой сестры. Судя по сведеииым судорогой рукам и иогам и по переплетеииым пальцам, ои умер в пароксизме страха. Ои был одет, хотя мы заметили, что одевался ои второпях. И так как мы уже зиали, что с вечера он лег в постель, иадо было думать, что трагический коиец настиг его раио утром.

Как только мы вошли в роковую комнату, Холмс преобразился: виешиее бесстрастие мгновеиио смеиилось бешеиой эиергией. Ои подобрался, иасторожился, глаза его засверкали, лицо застыло, ои двигался с лихорадочиой быстротой. Ои выскочил иа лужайку, влез обратио через окио, обежал комиату, промчался иаверх — точь-в-точь гончая, почуявшая дичь. Он быстро оглядел

спальню и распахнул окно; тут, как видно, появилась новая причина для возбуждения, потому что он высунулся наружу с громкими восклицаниями интереса и радости. Потом он промчался вниз, выбежал в сад, растянулся на траве, вскочил и снова кинулся в комнату — все это с пылом охотника, идущего по следу. Особенно он заинтересовался лампой, которая с виду была самой обычной, и измерил ее резервуар. Затем с помощью лупы тщательно осмотрел абажур, закрывавший верх лампового стекла, и, соскоблив немного копоти с его наружной поверхности, ссыпал ее в конверт, а конверт спрятал в бумажник. Наконец, после появления полиции и доктора, он сделал знак священнику, и мы втроем вышли на лужайку.

— Рад сообщить вам, что мои розыски не остались бесплодными,— объявил он.— Я не намерен обсуждать это дело с полицией, однако вас, мистер Раундхэй, я попрошу засвидетельствовать мое почтение инспектору и обратить его внимание на окно в спальне и лампу в гостиной. И то и другое в отдельности наводит на размышления, а вместе приводит к определенным выводам. Если инспектору понадобятся дальнейшие сведения, буду рад видеть его у себя. А теперь, Уотсон, я думаю, нам лучше уйти.

Возможно, инспектора уязвило вмешательство частного сыщика, а может быть, он вообразил, что находится на верном пути, во всяком случае, в течение двух дней мы ничего о нем не слышали. Холмс в это время мало бывал дома, а если и бывал, то дремал или курил; свои продолжительные прогулки он совершал в одиночестве, ни словом не упоминая о том, где ходит. Однако один опыт Холмса помог мне понять направление его поисков. Он купил лампу — такую же, как та, что горела в комнате Мортимера Тренджеминса в утро трагедии. Заправив ее керосином, каким пользовались и в доме священника, он тщательно высчитал, за какое время он выгорает. Другой его опыт оказался гораздо менее безобидным, и, боюсь, я не забуду о нем до самой смерти.

— Вы, вероятно, помните, Уотсон,— начал он как-то,— что во всех показаниях, которые мы слышали, есть нечто общее. Я имею в виду то, как действовала атмосфера комнаты на тех, кто входил туда первым. Помните,

Мортимер Тридженнис, описывая свой последний визит в дом братьев, упомянул, что доктор, войдя в комнату, чуть не лишился чувств? Неужто забыли? А я прекрасно помню. Дальше: помните ли вы, что экономка, миссис Портер, говорила нам, что ей стало дурно, когда она вошла, и она открыла окно? А после смерти Мортимера Тридженниса не могли же вы забыть ужасную духоту в комнате, хотя служанка уже распахнула окно? Как я узнал потом, ей стало до того плохо, что она слегла. Согласитесь, Уотсон, это очень подозрительно. В обоих случаях одно и то же явление — отравленная атмосфера. В обоих случаях в комнатах что-то горело. В первом случае — камин, во втором — лампа. Огонь в камине был еще нужен, но лампу зажгли после того, как рассвело,— это видно по уровню керосина. Почему? Да потому, что есть какая-то связь между тремя факторами: гореннем, удушливой атмосферой и, наконец, сумасшествием или смертью этих несчастных. Надеюсь, вам ясно?

— Да, как будто ясно.

— Во всяком случае, мы можем принять это за рабочую гипотезу. Предположим затем, что в обоих случаях там горело некое вещество, отравившее атмосферу. Превосходно. В первом случае с семьей Тридженнисов это вещество было брошено в камин. Окно было закрыто, но ядовитые пары, естественно, уходили в дымоход. Поэтому действие оказалось слабее, чем во втором случае, когда у них не было выхода. Это видно по результатам: в первом случае умерла только женщина, как более уязвимое существо, а у мужчин временно или безнадежно помрачился рассудок, что, очевидно, является первой стадией отравления. Во втором случае результат достигнут полностью. Таким образом, факты подтверждают теорию об отравлении при сгорании некоего вещества.

Исходя из этого, я, разумеется, рассчитывал найти в комнате Мортимера Тридженниса остатки этого вещества. По всей видимости, их надо было искать на ламповом абажуре. Как я и предполагал, там оказались хлопья сажи, а по краям — кайма коричневого порошка, который не успел сгореть. Если вы помните, половину этого порошка я соскоблил и положил в конверт.

— Почему только половину, Холмс?

— Становиться на пути полнции не в монх правнлах, Уотсон. Я оставил нм все улнки. Найдут оин что-иибудь иа абажуре или иет — это уже вопрос нх сообразительиостн. А теперь, Уотсои, зажжем иашу лампу; одиако, чтобы ие допустить преждевремеииой гибели двух достойных члеиов общества, откроем окио. Садитесь около иего в это кресло... если, коиечио, как здравомыслящнй человек, вы ие отказываетесь прнять участне в опыте. О, я вижу, вы решили ие отступать! Не зря я всегда вернл в вас, дорогой Уотсои! Сам я сяду напротив, лицом к вам, и мы окажемся иа равиом расстояини от лампы. Дверь оставим полуоткрытой. Теперь мы сможем иаблюдать друг за другом, и, если симптомы окажутся угрожающимн, опыт иужио иемедленно прекратить. Ясио? Итак, я вынимаю из конверта порошок, или, вериее, то, что от иего осталось, и кладу его иа горящую лампу. Готово! Теперь, Уотсои, садитесь и ждите.

Ждать пришлось недолго. Едва я уселся, как почувствовал тяжелый, прнториый, тошиотвориый запах. После первого же вдоха разум мой помутился, н я потерял власть над собой. Перед глазамн заклубнлось густое черное облако, и я внезапио почувствовал, что в ием таится все самое ужасиое, чудовищиое, злое, что только есть иа свете, и эта иезримая сила готова поразнть меия насмерть. Кружась и колыхаясь в этом черном тумане, смутиые призракн грозио возвещали иеизбежиое появление какого-то страшного существа, н от одной мыслн о нем у меия разрывалось сердце. Я похолодел от ужаса. Волосы у меня поднялнсь дыбом, глаза выкатилнсь, рот широко открылся, а язык стал как ватный. В голове так шумело, что казалось, мой мозг ие выдержит и разлетится вдребезги. Я попытался крикиуть, ио, услышав хриплое карканье откуда-то издалека, с трудом сообразил, что это мой собствеиный голос. В ту же секуиду отчаяииым усилнем я прорвал зловещую пелену и увндел перед собой белую маску, нскривленную гримасой ужаса... Это выраженне я видел так иедавно иа лицах умершнх... Теперь я вндел его иа лице Холмса. И тут наступило мииутиое просветлеиие. Я вскочнл с кресла, обхватил Холмса и, шатаясь, потащил его к выходу, потом мы лежали иа траве, чувствуя, как яркне солиечные лучи рассенвают ужас, сковавшнй нас. Ои медленно

исчезал из наших душ, подобно утреннему туману, пока к нам окончательно не вернулся рассудок, а с ним и душевный покой. Мы сидели на траве, отирая холодный пот, и с тревогой подмечали на лицах друг друга последние следы нашего опасного эксперимента.

— Честное слово, Уотсон, я в неоплатном долгу перед вами,— сказал наконец Холмс нетвердым голосом,— примите мои извинения. Непростительно было затевать такой опыт, и вдвойне непростительно вмешивать в него друга. Поверьте, я искренне жалею об этом.

— Вы же знаете,— отвечал я, тронутый небывалой сердечностью Холмса,— что помогать вам — величайшая радость и честь для меня.

Тут он снова заговорил своим обычным, полушутливым-полускептическим тоном:

— Все-таки, дорогой Уотсон, излишне было подвергать себя такой опасности. Конечно, стороннний наблюдатель решил бы, что мы свихнулись еще до проведения этого безрассудного опыта. Признаться, я никак не ожидал, что действие окажется таким внезапным и сильным.— Бросившись в дом, он вынес в вытянутой руке горящую лампу и зашвырнул ее в заросли ежевики.— Пусть комната немного проветрится. Ну, Уотсон, теперь, надеюсь, у вас нет никаких сомнений в том, как произошли обе эти трагедии?

— Ни малейших!

— Однако причина так же непонятна, как и раньше. Пойдемте в беседку и там все обсудим. У меня до сих пор в горле першит от этой гадости. Итак, все факты указывают на то, что преступником в первом случае был Мортимер Тримжеминис, хотя во втором он же оказался жертвой. Прежде всего нельзя забывать, что в семье произошла ссора, а потом примирение. Неизвестно, насколько серьезна была ссора и насколько искренне примирение. И все-таки этот Мортимер Тримжеминис, с его лисьей мордочкой и хитрыми глазками, поблескивающими из-под очков, кажется мне человеком довольно-таки злопамятным. Помните ли вы, наконец, что именно он сообщил нам о чьем-то присутствии в саду — сведение, которое временно отвлекло наше внимание от истинной причины трагедии? Ему зачем-то нужно было навести нас на ложный след. И если не он бросил порошок

в камин, выходя из комнаты, то кто же еще? Ведь все произошло сразу после его ухода. Если бы появился новый гость, семья, конечно, поднялась бы ему навстречу. Но разве в мирном Корнуэлле гости приходят после десяти часов вечера? Итак, все факты свидетельствуют, что преступником был Мортимер Тринджеминс.

— Значит, он покончил с собой!

— Да, Уотсон, такой вывод как будто напрашивается. Человека с виной на душе, погубившего собственную семью, раскаяние могло бы привести к самоубийству. Однако имеются веские доказательства противного. К счастью, в Англии есть человек, который в курсе дела, и я позаботился о том, чтобы мы все узнали из его собственных уст, сегодня же. А! Вот и он! Сюда, сюда, по этой дорожке, мистер Стерндейл! Мы проводили в доме химический опыт, и теперь наша комната не годится для приема такого выдающегося гостя!

Я услышал стук садовой калитки, и на дорожке показалась величественная фигура знаменитого исследователя Африки. Он с некоторым удивлением направился к беседке, где мы сидели.

— Вы посылали за мной, мистер Холмс? Я получил вашу записку около часу назад и пришел, хотя мне совершенно непонятно, почему я должен исполнять ваши требования.

— Я надеюсь, вам все станет ясно в ходе нашей беседы,— сказал Холмс.— А пока я очень признателен вам за то, что вы пришли. Простите нам этот прием в беседке, но мы с моим другом Уотсоном чуть было не добавили новую главу к «Кориуэльскому ужасу», как называют это событие в газетах, и потому предпочитаем теперь свежий воздух. Может быть, это даже лучше, потому что мы сможем разговаривать, не боясь чужих ушей, тем более что это дело имеет к вам самое прямое отношение.

Путешественник вынул изо рта сигару и сурово воззрился на моего друга.

— Решительно не понимаю, сэр,— сказал он,— что вы подразумеваете, говоря, что это имеет самое прямое отношение ко мне.

— Убийство Мортимера Тридженнинса,— ответил Холмс.

В эту секунду я пожалел, что не вооружен. Лицо Стерндейла побагровело от ярости, глаза засверкали, вены на лбу вспухли, как веревки, и, стиснув кулаки, он рванулся к моему другу. Но тотчас остановился и сверхъестественным усилием воли обрел ледяное спокойствие, в котором, быть может, таилось больше опасности, чем в прежнем необузданном порыве.

— Я так долго жил среди дикарей, вне закона,— проговорил он,— что сам устанавливаю для себя законы. Не забывайте об этом, мистер Холмс, я не хотел искалечить вас.

— Да и я не хотел повредить вам, доктор Стерндейл. Простейшим доказательством может служить то, что я послал за вами, а не за полицией.

Стерндейл сел, тяжело дыша; возможно, впервые за всю богатую приключениями жизнь его сразил благоговейный страх. Невозможно было устоять перед несокрушимым спокойствием Холмса. Наш гость немного помедлил, сжимая и разжимая огромные кулаки.

— Что вы имеете в виду? — спросил он наконец.— Если это шантаж, мистер Холмс, то вы не на того напали. Итак, ближе к делу. Что вы имеете в виду?

— Сейчас я скажу вам,— ответил Холмс,— и скажу потому, что надеюсь, на откровенность вы ответите откровенностью. Что будет дальше, зависит исключительно от того, как вы сами будете оправдываться.

— Я буду оправдываться?

— Да, сэр.

— В чем же?

— В убийстве Мортимера Триджениса.

Стерндейл утер лоб платком.

— Час от часу не легче! — возмутился он.— Неужели вся ваша слава держится на таком искусном шантаже?

— Это вы занимаетесь шантажом, а не я, доктор Стерндейл,— ответил Холмс сурово.— Вот факты, на которых основаны мои выводы. Ваше возвращение из Плимута в то время, как ваши вещи отправились в Африку, в первую очередь натолкнуло меня на мысль, что на вас следует обратить особое внимание...

— Я верился, чтобы...

— Я слышал ваши объясиеиия и иахожу их иеубедительными. Оставим это. Потом вы пришли узиать, кого я подозреваю. Я ие ответил вам. Тогда вы пошли к дому свящеиииика, подождали там, ие входя виутрь, а потом вериулись к себе.

— Откуда вы зиаете?

— Я следил за вами.

— Я иикого не видел.

— Я на это и рассчитывал. Ночью вы ие спали, обдумывая плаи, который решили выполиить раиииим утром. Едва стало светать, вы вышли из дому, взяли несколько пригоршией красиоватых камешков из кучи гравия у ваших ворот и положили в кармаи.

Стеридейл вздрогиул и с изумлеиием взглянул на Холмса.

— Потом вы быстро пошли к дому священиика. Кстати, иа вас были те же теииисиые туфли с рифленой подошвой, что и сейчас. Там вы прошли через сад, перелезли через ограду и оказались прямо под окиами Триджеиниса. Было уже совсем светло, но в доме еще спали. Вы вынули из кармаиа несколько камешков и бросили их в окио второго этажа.

Стеридейл вскочил.

— Да вы сам дьявол! — воскликиул ои.

Холмс улыбиулся.

— Две-три пригоршии — и Триджеииис подошел к окиу. Вы зиаком предложили ему спуститься. Ои торопливо оделся и сошел в гостииую. Вы влезли туда через окио. Произошел короткий разговор, вы в это время ходили взад-вперед по комиате. Потом вылезли из окиа и прикрыли его за собой, а сами стояли иа лужайке, курили сигару и иаблюдали за тем, что происходит в гостииой. Когда Мортимер Триджеииис умер, вы ушли тем же путем. Ну, доктор Стеридейл, чем вы объясиите ваше поведеиие и какова причииа ваших поступков? Не вздумайте увиливать от ответа или хитрить со миой, ибо, предупреждаю, этим делом тогда займутся другие.

Еще во время обвиинительиой речи Холмса лицо иашего гостя стало пепельио-серым. Теперь ои закрыл лицо руками и погрузился в тяжкое раздумье. Потом виезапио выиул из виутрениего кармаиа фотографию и бросил ее иа неструганый стол.

— Вот почему я это сделал,— сказал он.

Это был портрет очень красивой женщины. Холмс вгляделся в него.

— Брэнда Тридженнис,— сказал он.

— Да, Брэнда Триджеиис,— отозвался наш гость.— Долгие годы я любил ее. Долгие годы она любила меня. Поэтому нечего удивляться тому, что мне нравилось жить затворником в Кориуэлле. Только здесь я был вблизи единственного дорогого мне существа. Я не мог жениться на ней, потому что я женат: жена оставила меня много лет назад, но нелепые английские законы не дают мне развестись с ней. Годы ждала Брэнда. Годы ждал я. И вот чего мы дождались! — Гигантское тело Стерндейла содрогнулось, и он судорожно схватился рукой за горло, чтобы унять рыдания. С трудом овладев собой, он продолжал: — Священник знал об этом. Мы доверили ему нашу тайну. Он может рассказать вам, каким она была ангелом. Вот почему он телеграфировал мне в Плимут, и я вернулся. Неужели я мог думать о багаже, об Африке, когда узнал, какая судьба постигла мою любимую! Вот и разгадка моего поведения, мистер Холмс.

— Продолжайте,— сказал мой друг.

Доктор Стерндейл вынул из кармана бумажный пакетик и положил его на стол. Мы прочли на нем: «Radix pedis diaboli», на красном ярлыке было написано: «Яд». Он подтолкнул пакетик ко мне.

— Я слышал, вы врач. Знаете вы такое вещество?

— Корень дьяволовой ноги? Первый раз слышу.

— Это нисколько не умаляет ваших профессиональных знаний,— заметил он,— ибо это единственный образчик в Европе, не считая того, что хранится в лаборатории в Буде. Он пока неизвестен ни в фармакопее, ни в литературе по токсикологии. Формой корень напоминает ногу — не то человеческую, не то козлиную, вот почему миссионер-ботаник и дал ему такое причудливое название. В некоторых районах Западной Африки колдуны пользуются им для своих целей. Этот образец я добыл при самых необычайных обстоятельствах в Убанге.— С этими словами он развернул пакетик, и мы увидели кучку красно-бурого порошка, похожего на нюхательный табак.

— Дальше, сэр,— строго сказал Холмс.

— Я уже почти закончил, мистер Холмс, и сами вы знаете так много, что в моих же интересах сообщить вам все до конца. Я упомянал уже о своем родстве с семьей Трнджеиниисов. Ради сестры я поддерживал дружбу с братьями. После ссоры из-за денег этот Мортимер поселился отдельно от них, но потом все как будто уладилось, и я встречался с ним так же, как с остальными. Он был хитрым, лицемерным интригаиом, и по различным причинам я не доверял ему, но у меня не было повода для ссоры.

Как-то, недели две назад, он зашел посмотреть мои африкаиские редкости. Когда дело дошло до этого порошка, я рассказал ему о его страиных свойствах, о том, как он возбуждает нервные центры, контролирующие чувство страха, и как несчастные туземцы, которым жрец племени предиазиачает это испытание, либо умирают, либо сходят с ума. Я упомянул, что европейская наука бессильна обиаружить действие порошка. Не могу поиять, когда он взял его, потому что я не выходил из комнаты, но надо думать, это произошло, пока я отпирал шкафы и рылся в ящиках. Хорошо помню, что он забросал меня вопросами о том, сколько нужно этого порошка и как скоро он действует, но мне и в голову не приходило, какую цель он преследует.

Я понял это только тогда, когда в Плимуте меня догнала телеграмма священника. Этот негодяй Триджеиис рассчитывал, что я уже буду в море, ничего не узиаю и проведу в дебрях Африки долгие годы. Но я немедленно вернулся. Как только я услышал подробности, я понял, что он воспользовался моим ядом. Тогда я пришел к вам узиать, нет ли другого объяснения. Но другого быть не могло. Я был убежден, что убийца — Мортимер Трнджеиниис: он знал, что если члены его семьи помешаются, он сможет полновластно распоряжаться их общей собственностью. Поэтому ради денег он воспользовался порошком из корня дьяволовой ноги, лишил рассудка братьев и убил Брэнду — единственную, кого я любил, единственную, которая любила меня. Вот в чем было его преступление. Каким же должно было быть возмездие?

Обратиться в суд? Какие у меня доказательства? Конечно, факты неоспоримы, но поверят ли здешние присяжные такой фантастической истории? Либо да, либо нет. А я не мог рисковать. Душа моя жаждала мести. Я уже говорил вам, мистер Холмс, что провел почти всю жизнь вне закона и в конце концов сам стал устанавливать для себя законы. Сейчас был как раз такой случай. Я твердо решил, что Мортимер должен разделить судьбу своих родных. Если бы это не удалось, я расправился бы с ним собственноручно. Во всей Англии нет человека, который ценил бы свою жизнь меньше, чем я.

Теперь вы знаете все. Действительно, после бессонной ночи я вышел из дому. Предполагая, что разбудить Мортимера будет нелегко, я набрал камешков из кучи гравия, о которой вы упомянули, и бросил в его окно. Он сошел вниз и впустил меня в гостиную через окно. Я обвинил его в преступлении. Я сказал, что перед ним его судья и палач. Увидев револьвер, негодяй рухнул в кресло как подкошенный. Я зажег лампу, насыпал на абажур яда и, выйдя из комнаты, стал у окна. Я пристрелил бы его, если бы он попытался бежать. Через пять минут он умер. Господи, как он мучился! Но сердце мое окаменело, потому что он не пощадил мою невинную Брэнду! Вот и все, мистер Холмс. Если бы вы любили, может быть, вы сами поступили бы так же. Как бы то ни было, я в ваших руках. Делайте все, что сочтете нужным. Я уже сказал, что жизнь свою ни во что не ставлю.

Холмс помолчал.

— Что вы думали делать дальше? — спросил он после паузы.

— Я хотел навсегда остаться в Центральной Африке. Моя работа доведена только до половины.

— Поезжайте и заканчивайте,— сказал Холмс.— Я, во всяком случае, не собираюсь мешать вам.

Доктор Стерндейл поднялся во весь свой огромный рост, торжественно поклонился нам и вышел из беседки. Холмс закурил трубку и протянул мне кисет.

— Надеюсь, этот дым покажется вам более приятным,— сказал он.— Согласны ли вы, Уотсон, что нам не следует вмешиваться в это дело? Мы вели розыски

частиым образом н дальше можем действовать точно так же. Вы ведь не обвиняете этого человека?

— Коиечио, иет, — ответил я.

— Я никогда ие любнл, Уотсон, но еслн бы мою любнмую постигла такая судьба, возможно, я поступнл бы так же, как наш охотинк иа львов, презирающий законы. Кто зиает... Ну, Уотсон, не хочу обижать вас н объясиять то, что н без того ясно. Отправиым пуиктом моего расследоваиия, коиечио, оказался гравнй на подоконнике. В саду свящеиинка такого не было. Только заннтересовавшнсь доктором Стерндейлом и его домом, я обнаружил, откуда взяты камешки. Горящая средь бела дня лампа н остаткн порошка на абажуре былн звеиьямн совершенно ясной цепи. А теперь, дорогой Уотсон, давайте выбросим нз головы это пронсшествие н с чистой совестью вернемся к нзучению халдейских корней, которые, иесомиенно, можио проследнть в кориуэльской ветвн велнкого кельтского языка.

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

Было девять часов вечера второго августа — самого страшного августа во всей исторни человечества. Казалось, на землю, погрязшую в скверне, уже обрушилось божье проклятне — царнло пугающее затишье, и душный, неподвижный воздух был полон томительного ожидання. Солнце давно село, но далеко на западе, у самого горизонта, рдело, словно разверстая рана, кроваво-красное пятно. Вверху ярко сверкали звезды, внизу поблескивали в бухте корабельные огни. На садовой дорожке у каменной ограды беседовали два немца — личностн примечательные; за их спиной стоял дом, длинный, приземистый, со множеством фронтонов во все стороны. Немцы смотрели на широкую гладь берега у подножня величественного мелового утеса, на который четыре года назад опустился, как перелетный орел, господин фон Борк, один из собеседников. Они говорили вполголоса, тесно сблизив головы. Горящие кончики их сигар снизу можно было принять за огненные глаза, выглядывающего из тьмы злого демона, исчадня ада.

Незаурядная особа этот фон Борк. Средн всех преданных кайзеру агентов второго такого не сыщешь. Именно благодаря его редким талантам ему доверили «английскую миссню», самую ответственную, и начиная с момента, когда он приступил к ее выполнению, таланты эти раскрывались все ярче, чему свидетелями было человек пять посвященных. Одним из этой пятерки был стоявший сейчас рядом с ним барон фон Херлинг, первый секретарь посольства; его громадный, в сто лоша-

диных сил, «бенц» загородил собой деревенский проулок в ожидании, когда надо будет умчать хозяина обратно в Лондон.

— Судя по тому, как разворачиваются события, к концу недели вы, вероятно, уже будете в Берлине,— сказал секретарь.— Прием, который вам там готовят, дорогой мой фон Борк, поразит вас. Мне известно, как высоко расценивают в высоких сферах вашу деятельность в этой стране.

Секретарь был солидный, серьезный мужчина, рослый, широкоплечий, говорил размеренно и веско, что и послужило ему главным козырем в его дипломатической карьере.

Фон Борк рассмеялся.

— Их не так уж трудно провести,— заметил он.— Невозможно вообразить людей более покладистых и простодушных.

— Не знаю, не знаю,— проговорил его собеседник задумчиво.— В них есть черта, за которую не переступишь, и это надо помнить. Именно внешнее простодушие и является ловушкой для иностранца. Первое впечатление всегда такое — на редкость мягкие люди, и вдруг натыкаешься на что-то очень твердое, решительное. И видишь, что это предел, дальше проникнуть невозможно. Нельзя не учитывать этот факт, к нему надо приноравливаться. Например, у них есть свои, только им присущие условности, с которыми просто необходимо считаться.

— Вы имеете в виду «хороший тон» и тому подобное?

Фон Борк вздохнул, как человек, много от того пострадавший.

— Я имею в виду типичные британские условности во всех их своеобразных формах. Для примера могу рассказать историю, происшедшую со мной, когда я совершил ужасный ляпсус. Я могу позволить себе говорить о своих промахах, вы достаточно хорошо осведомлены о моей работе и знаете, насколько она успешна. Случилось это в первый мой приезд сюда. Я был приглашен на «уикенд» в загородный дом члена кабинета министров. Разговоры велись крайне неосторожные.

Фон Борк кивнул.

— Я бывал там,— сказал он сухо.

— Разумеется. Так вот, я, естествеиио, послал резюме своих иаблюдеиий в Берлии. К иесчастью, иаш милейший каицлер ие всегда достаточио тактичеи в делах подобиого рода. Ои оброиил замечаиие, показавшее, что ему известио, о чем имеиио шли разговоры. Проследить источник иифорнации было, коиечио, иетрудио. Вы даже представить себе ие можете, как это мие иавредило. Куда вдруг девалась мягкость иаших аиглийских хозяев! Ее как ие бывало. Поиадобилось два года, чтобы все улеглось. Вот вы, разыгрывая из себя спортсмеиа...

— Нет, иет, это совсем ие так. Игра — зиачит что-то нарочитое, искусствеииое. А у меия все вполие естествеиио, я прирождеииый спортсмеи. Я обожаю спорт.

— Ну что ж, оттого ваша деятельиость только эффективиее. Вместе с иими вы участвуете в парусиых гонках, охотитесь, играете в поло — ие отстаете ии в чем. Ваш выезд четверкой берет призы в Олимпии [1]. Я слышал, что вы даже заиимаетесь боксом вместе с молодыми аиглийскими офицерами. И в результате? В результате никто ие прииимает вас всерьез. Кто вы? «Славиый малый», «для иемца человек вполие приличиый», выпивоха, завсегдатай иочиых клубов — веселый, беспечиый молодой бездельиик. Кому придет в голову, что ваш тихий загородиый дом — центр, откуда исходит половииа всех бед аиглийского королевства, и что помещик-спортсмен — опытиый агеит, самый ловкий и умелый во всей Европе? Вы геиий, дорогой мой фои Борк, геиий!

— Вы мие льстите, барои. Но я действительио могу сказать о себе, что провел четыре года в этой страие ие зря. Я иикогда ие показывал вам мой малеиький тайиик? Быть может, зайдем иа мииутку в дом?

Кабииет выходил прямо иа террасу. Фои Борк толкиул дверь и, пройдя вперед, щелкиул электрическим выключателем. Потом прикрыл дверь за двигающейся следом массивиой фигурой фои Херлиига и тщательио задернул тяжелую окоииую штору. Лишь приияв все меры предосторожиости, ои повериул к гостю свое загорелое, с острыми чертами лицо.

---

[1] Огромный (площадью около 3 га) павильон в Лоидоне, где устраиваются выставки, спортивиые состязания и пр.

— Часть моих бумаг уже переправлена,— сказал он.— Наименее важные взяла с собой жена, вчера она вместе со всеми домочадцами отбыла в Флиссингеи. Рассчитываю, что охрану остального возьмет на себя посольство.

— Ваше имя уже включено в список личного состава. Все пройдет гладко, никаких затруднений ни в отношении вас, ни вашего багажа. Конечно, как знать, быть может, нам и не понадобится уезжать, если Англия предоставит Францию ее собственной участи. Нам достоверно известно, что никакого взаимообязывающего договора между ними нет.

— Ну, а Бельгия?

— И в отношении Бельгии то же самое.

Фон Борк покачал головой.

— Едва ли. Ведь с ней договор, безусловно, существует. Нет, от такого позора Англия тогда вовек не оправится.

— По крайней мере у нее будет временная передышка.

— Но честь страны...

— Э, дорогой мой, мы живем в век утилитаризма. Честь — понятие средневековое. Кроме того, Англия не готова. Это просто уму не постижимо, но даже наше специальное военное налогообложение в пятьдесят миллионов, цель которого уж кажется так ясна, как если бы мы поместили о том объявление на первой странице «Таймса», не пробудило этих людей от спячки. Время от времени кто-нибудь задает вопрос. На мне лежит обязанность отвечать на такие вопросы. Время от времени вспыхивает недовольство. Я должен успокаивать, разъяснять. Но что касается самого главного — запасов снаряжения, мер против нападения подводных лодок, производства взрывчатых веществ,— ничего нет, ничего не готово. Как же Англия сможет войти в игру, особенно теперь, когда мы заварили такую адскую кашу из гражданской войны в Ирландии, фурий, разбивающих окна [1], и еще бог знает чего, чтобы ее мысли были полностью заняты внутренними делами?

— Ей надлежит подумать о своем будущем.

---

[1] Имеется в виду движение суфражисток.

— А, это дело другое. Я полагаю, у нас есть наши собственные, очень определенные планы относительно будущего Англии — ваша информация будет нам тогда крайне необходима. Мистер Джон Буль может выбирать — либо сегодня, либо завтра. Желает, чтобы это было сегодня — мы к тому готовы. Предпочитает завтрашний день — тем более будем готовы. На мой взгляд, с их стороны благоразумнее сражаться с союзинками, чем в одиночку; но уж это их дело. Эта неделя должна решить судьбу Англии. Но вы говорили о вашем тайнике.

Барон уселся в кресло. Лучи света падали прямо на его широкую, лысую макушку. Он невозмутимо попыхивал сигарой.

В дальнем конце просторной комнаты, обшитой дубовой панелью и уставленной рядами книжных полок, висела занавесь. Фон Борк ее отдернул, и фон Херлинг увидел внушительных размеров сейф, окованный медью. Фон Борк снял с часовой цепочки небольшой ключ и после долгих манипуляций над замком распахнул тяжелую дверцу.

— Прошу,— сказал он, жестом приглашая гостя и сам отступая в сторону.

Свет бил в открытый сейф, и секретарь посольства с жнвейшим любопытством разглядывал его многочисленные отделения. На каждом была табличка — водя по ним взглядом, фон Херлинг читал: «Броды», «Охрана портов». «Аэропланы», «Ирландия», «Египет», «Укрепления Портсмута», «Ламанш», «Розайт» [1] и десятки других. Все отделения были набиты документами, чертежами и планами.

— Грандиозно! — сказал секретарь. Отложив сигару, он негромко похлопал мясистыми ладонями.

— И всего за четыре года, барон. Не так уж плохо для помещика, выпивохи и охотника. Но бриллианта, который должен увенчать мою коллекцию, здесь еще нет — скоро он прибудет, и ему уже приготовлена оправа.

Фон Борк указал на отделение с надписью «Военно-морская сигнализация».

---

[1] Английская военно-морская база в Шотландии.

— Но ведь у вас тут уже достаточно солидное досье...

— Устарело, пустые бумажки. Адмиралтейство каким-то образом проведало, забнло тревогу, и все коды былн изменены. Да, вот это был удар! Нникогда еще ие получал я такого афронта. Но с помощью моей чековой киижки н молодчины Олтемоита сегодня же вечером все будет улажено.

Барон глянул на свон часы — у него вырвалось гортанное восклицанне, выразившее досаду.

— Нет, право, больше ждать не могу. Вы представляете себе, как сейчас все кнпит на Карлтон-Террас[1],— каждый нз нас должен быть на своем посту. Я надеялся прнвезти новостн о вашем последием улове. Разве ваш Олтемонт не назиачнл точио часа, когда прндет?

Фон Борк пододвннул ему телеграмму:

«Буду непремеино. Вечером прнвезу новые запальные свечи.

Олтемонт».

— Запальиые свечи?

— Вндите лн, он выдает себя за механика, а у меня тут целый гараж. В нашем с ииим коде все обозиачено термннамн автомобнльных деталей. Пишет о радиаторе — нмеется в внду лннейиый корабль, а насос для масла — это крейсер. Запальные свечн — значнт военноморская снгналнзация.

— Отослано нз Портсмута в полдень,— сказал секретарь, взглянув на телеграмму.— Между прочим, сколько вы ему платнте?

— Пятьсот фунтов дам только за это поручение. И еще, конечно, плачу регулярное жалованье.

— Недурно загребает. Онн полезны, эти изменнннкн родины, ио как-то обндио столько платнть за предательство.

— На Олтемонта мне денег не жалко. Отлнчно работает. Пусть я плачу ему много, зато он поставляет «настоящнй товар», по его собственному выраженню. Кроме того, он вовсе ие измениик. Уверяю вас, что касается отиошення к Англнн, то наш самый прогерманскнй юн-

[1] Дом № 9 по Карлтон-Террас — здание немецкого посольства.

кер — иежиый голубок по сравиеиию с озлоблеииым американским ирлаидцем.

— Вот как! Ои американский ирлаидец?

— Послушали бы, как ои говорит, у вас ие осталось бы иа этот счет сомиеиий. Поверите ли, ииой раз я с трудом его поиимаю. Ои словио бы объявил войиу ие только Аиглии, ио и аиглийскому языку. Вы в самом деле больше ие можете ждать? Ои должеи быть с мииуты иа мииуту.

— Нет. Очеиь сожалею, ио я и так задержался. Ждем вас завтра раио утром. Если вам удастся проиести папку с сигиальиыми кодами под самым иосом у герцога Йоркского [1], можете считать это блистательиым фииалом всей вашей аиглийской эпопеи. Ого! Токайское!

Ои кивиул иа тщательио закупореииую, покрытую пылью бутылку, стоявшую иа подиосе вместе с двумя бокалами.

— Позвольте предложить вам бокал иа дорогу?

— Нет, благодарю. А у вас, по-видимому, готовится кутеж?

— Олтемоит — тоикий зиаток вии, мое токайское пришлось ему по вкусу. Ои очеиь самолюбив, легко обижается, приходится его задабривать. Да, с иим ие так-то просто, смею вас уверить.

Оии сиова вышли иа террасу и иаправились в дальиий ее коиец,— и тотчас огромиая машииа бароиа, стоявшая в той стороие, задрожала и загудела от легкого прикосиовеиия шофера.

— Вои то, вероятио, огии Хариджа,— сказал секретарь, иатягивая дорожиый плащ.— Как все выглядит спокойио, мирио. Через какую-иибудь иеделю здесь загорятся другие огии, аиглийский берег утратит свой идиллический вид. Да и иебеса тоже, если иаш славиый Цеппелии сдержит свои обещаиия. А это кто там?

В доме свет горел только в одиом окие — там за столом, иа котором стояла лампа, сидела симпатичиая румяиая старушка в деревеиском чепце. Оиа склоиилась иад вязаиьем и время от времеии прерывала работу, что-

---

[1] Памятиик герцогу Йоркскому (брату Георга IV) находится рядом со зданием немецкого посольства.

бы погладить большого черного кота, примостившегося на табурете возле нее.

— Марта, служанка. Только ее одну я и оставил при доме.

Секретарь издал смешок.

— Она кажется олицетворением Британии — погружена в себя и благодушно дремлет. Ну, фон Борк, au revoir.

Махнув на прощанье рукой, он вскочил в машину, и два золотых конуса от фар тут же рванулись вперед в темноту. Секретарь откинулся на подушки роскошного лимузина и настолько погрузился в мысли о назревающей европейской трагедии, что не заметил, как его машина, сворачивая на деревенскую улицу, чуть не сбила маленький «фордик», двигавшийся навстречу.

Когда последнее мерцание фар лимузина угасло вдали, фон Борк медленно направился обратно к себе в кабинет. Проходя по саду, он заметил, что служанка потушила лампу и пошла спать. Молчание и тьма, заполнившие просторный дом, были для фон Борка непривычными — семья его со всеми чадами и домочадцами была большая. Он с облегчением подумал, что все они в безопасности, и если не считать старухи служанки, оставленной хозяйничать на кухне, во всем доме он теперь один. Перед отъездом предстояло еще многое привести в порядок, кое-что ликвидировать. Он принялся за дело и работал до тех пор, пока его красивое, энергичное лицо не раскрасилось от пламени горящих бумаг. Возле стола на полу стоял кожаный чемодан — фон Борк начал аккуратно, методически укладывать в него драгоценное содержимое сейфа. Но тут его тонкий слух уловил шум движущегося вдали автомобиля. Он издал довольное восклицание, затянул на чемодане ремни, закрыл сейф и поспешно вышел на террасу. Как раз в эту минуту у калитки, сверкнув фарами, остановился маленький автомобиль. Из него выскочил высокий человек и быстро зашагал навстречу барону; шофер, плотный пожилой мужчина с седыми усами, уселся на своем сиденье поудобнее, как видно, готовясь к долгому ожиданию.

— Ну как? — спросил фон Борк с живостью, кидаясь бегом к приезжему.

Вместо ответа тот с торжествующим видом помахал у себя иад головой иебольшим свертком.

— Да, мистер, сегодия вы остаиетесь довольиы! — крикиул приезжий.— Дело выгорело.

— Сигиалы?

— Ну да, как я и писал в телеграмме. Все до едииого — ручиая сигиализация, сигиалы лампой, маркоии — само собой, копии, ие оригииалы: было бы уж очеиь опасио. Но товар стоящий, можете положиться.

Ои с грубой фамильяриостью хлопиул иемца по плечу. Тот иахмурился.

— Входите, я дома одии,— сказал ои.— Копии, безусловио, лучше, чем оригииалы. Если бы исчезли оригииалы, тотчас все коды замеиили бы иовыми. А как с этими копиями, полагаете, все в порядке?

Войдя в кабииет, американский ирлаидец уселся в кресло и вытяиул вперед длиииые иоги. Ему можио было дать лет шестьдесят — очеиь высокий, сухопарый, черты лица острые, четкие; иебольшая козлиная бородка придавала ему сходство с дядей Сэмом, каким его изображают иа карикатурах. Из уголка рта у иего свисала иаполовиию выкуреииая, потухшая сигара; едва усевшись, ои тотчас ее разжег.

— Собираетесь давать ходу? — заметил ои, осматриваясь. Взгляд его упал иа сейф, уже ие прикрытый заиавесью.— Послушайте-ка, мистер, иеужто вы храиите в ием все ваши бумаги?

— Почему бы иет?

— Шут возьми.— в этаком-то ящике? А еще считаетесь шпиоиом высшего класса. Да любой воришка-яики вскроет его коисервиым иожом. Зиай я, что мои письма брошеиы в такой вот суидук, я бы ие свалял дурака, ие стал бы вам писать.

— Ни одиому воришке с этим сейфом ие справиться,— ответил фои Борк.— Металл, из которого ои сделаи, ие разрежешь иикаким ииструмеитом.

— Ну, а замок-то?

— Замок особый, с двойиой комбииацией, поиимаете?

— Ни черта ие поиимаю.

— Чтобы открыть такой замок, требуется зиать определеииое слово и определеииое число.— Фои Борк под-

иялся и показал иа двойиой диск вокруг замочной скважиины.— Виешиий круг для букв, виутреиииий — для цифр.

— Здорово, здорово!

— Не так-то просто, как вы думали. Я заказал его четыре года иазад, и, зиаете, какие я выбрал слово и число?

— Поиятия ие имею.

— Так вот, слушайте: слово — «август», а число — 1914, поияли?

Лицо америкаица выразило восхищеиие.

— Вот это ловко, ей-богу! То есть в самый раз угадали! — воскликиул ои удивлеиио.

— Да, кое-кто из нас мог уже тогда предвидеть точиую дату. Ну вот, теперь время пришло, и завтра утром я свертываю все дела.

— Послушайте, мистер, вы и меия должиы отсюда вытащить. Я в этой растреклятой страие одии ие остаиусь. Видать, через иеделю, а то и раиьше Джои Буль встаиет иа задиие лапы и иачиет бушевать. Я предпочитаю поглядывать на иего с бережка по ту сторою океаиа.

— Но ведь вы америкаиский граждании!

— Ну и что же? Джек Джеймс тоже америкаиский граждаиии, а вот теперь отсиживает свой срок в Портлеиде. Аиглийский фараон ие стаиет с вами целоваться, если заявить ему, что вы америкаиец. «Здесь у иас свои закоиы, бритаиские» — вот что ои скажет. Да, мистер, кстати уж, раз мы помяиули Джека Джеймса. Сдается мие, вы ие очеиь бережете людей, которые иа вас работают.

— Что вы хотите сказать? — спросил фои Борк резко.

— Ведь вы их как бы хозяии, верио? И вам полагается следить, чтобы они не влипли. А оии то и дело влнпают, н хоть одиого нз них вы выручили? Взять того же Джеймса...

— Джеймс сам виноват, вы это отличио зиаете. Ои был слишком недисциплиииированн для такого дела.

— Джеймс — тупая башка, согласеи. Ну, а Холлис?

— Холлис вел себя как иеиормальиый.

— Да, под коиец он малость спятил. Спятишь, когда

с утра до вечера разыгрываешь, как в театре, а вокруг сотни полицейских ищеек — так и жди, что сцапают. Ну, а если говорить о Стейнере...

Фон Борк сильно вздрогнул, его румяное лицо чуть побледнело.

— Что такое со Стейнером?

— А как же? Ведь его тоже схватили. Вчера ночью сделали налет на его лавку, и он сам и все его бумаги теперь в Портсмутской тюрьме. Вы-то удерете, а ему, бедняге, придется расхлебывать кашу, и хорошо еще, если не вздернут. Вот потому-то я и хочу не мешкая перебраться за океан.

Фон Борк был человеком сильного характера, с достаточной выдержкой, но было нетрудно заметить, что эти новости его потрясли.

— Как они добрались до Стейнера? — бормотал он про себя.— Вот это действительно удар.

— Может случиться и еще кое-что похуже — того и гляди, они и меня схватят.

— Ну что вы!

— Да уж поверьте. К моей квартирной хозяйке явились какие-то типы, расспрашивали обо мне. Я, как о том услышал, пора, думаю, смываться. Но вот чего я не пойму, мистер, как это полицейские ищейки проюхивают о таких вещах? С тех пор, как мы тут с вами договорились, Стейнер пятый по счету, кого сцапали, и я знаю, кто будет шестым, если я вовремя не дам деру. Как вы все это объясните? И не совестно вам предавать своих?

Фон Борк побагровел от гнева.

— Как вы смеете так со мной разговаривать?

— Не было бы у меня смелости, мистер, не пошел бы я к вам на такую работу. Но я вам выкладываю все начистоту. Я слыхал, что, как только агент сослужит свою службу, вы, немецкие политиканы, даже рады бываете, если его уберут.

Фон Борк вскочил с кресла.

— Вы имеете наглость заявлять мне, что я выдаю собственных агентов?

— Этого я не говорил, мистер, но где-то тут завелся доносчик или кто-то работает и нашим и вашим. И вам надлежало бы раскопать, кто же это такой. Я-то,

во всяком случае, больше шею подставлять не буду. Перекиньте меия в Голлаидню, и чем скорее, тем оно лучше.

Фои Борк подавил свой гиев.

— Мы слишком долго работали сообща, чтобы ссориться теперь, иакаиуие победы,— сказал ои.— Вы работали отлично, шли иа большой риск, и я этого ие забуду. Разумеется, поезжайте в Голландню. В Роттердаме сможете сесть на пароход до Нью-Йорка. Все другне пароходные лиинии через иеделю будут иебезопасны. Так, значит, я заберу ваш спнсок и уложу его с остальиыми докумеитами.

Американец продолжал держать пакет в руке и ие выразил ни малейшего желания с иим расстаться.

— А как иасчет монеты?

— Что такое?

— Насчет деиьжат. Вознаграждеиие за труды. Мои пятьсот фунтов. Тот, кто все это мне сваргаиил, под коиец было заартачился, прншлось его уламывать — дал ему еще сотию долларов. А то остались бы мы ии с чем— н вы и я. «Не пойдет дело»,— говорит ои мие, н внжу, ие шутит. Но вторая сотия свое сделала.Так что всего на эту штуковиию я выложнл две сотии и уж пока ие получу своего, бумаг ие отдам.

Фои Борк улыбиулся ие без горечи.

— Вы, кажется, не очеиь высокого миения о моей порядочности,— сказал ои.— Хотите, чтобы я отдал деиьгн до того, как получил бумаги.

— Что ж, мистер, мы люди деловые.

— Хорошо, пусть будет по-вашему.— Фои Борк сел за стол, заполинл чек, вырвал листок из чековой книжкн, но отдавать его ие спешил.— Раз уж мы, мистер Олтемоит, перешли на такие отиошеиия, я ие вижу резона, почему мие следует доверять вам больше, чем вам мне. Вы меия поиимаете? — добавнл ои, глянув через плечо иа американца.— Я положу чек на стол. Я вправе требовать, чтобы вы дали мне сперва взгляиуть иа содержимое пакета и уж потом взяли чек.

Не говоря ин слова, американец передал пакет. Фон Борк развязал бечевку, развериул два слоя оберточной бумаги. Несколько мгновеинй он ие сводил изумлеиного взгляда с небольшой кинжки в сиием переплете, на ко-

тором золотыми буквами было вытиснено: «Практическое руководство по разведению пчел». Но долго рассматривать эту неуместную надпись ему не пришлось: руки крепкие, словно железные тиски, охватили сзади его шею и прижали к его лицу пропитанную хлороформом губку.

— Еще стакан, Уотсон? — сказал мистер Шерлок Холмс, протягивая бутылку с токайским.

Плотный, коренастый шофер, теперь уже сидевший за столом, с заметной готовностью пододвинул свой бокал.

—Неплохое вино, Холмс.

— Превосходное, Уотсон. Наш лежащий сейчас на диване друг уверял меня, что оно из личного погреба Франца-Иосифа в Шенбруннском дворце. Могу я попросить вас открыть окно? Пары хлороформа не способствуют приятным вкусовым ощущениям.

Сейф стоял настежь, и Холмс вытаскивал оттуда досье за досье, каждое быстро просматривал и затем аккуратно укладывал в чемодан фон Борка. Немец спал на диване, храпло дыша; руки и ноги у него были стянуты ремнями.

— Можно особенно не торопиться, Уотсон. Нам никто не помешает. Будьте добры, нажмите кнопку звонка. В доме никого нет, кроме старой Марты,— она свою роль сыграла восхитительно. Я пристроил ее здесь сразу же, как только взялся за расследование этого дела. А, Марта, вы! Вам будет приятно узнать, что все в порядке.

Почтенная старушка стояла в дверях и, улыбаясь, приседала перед Холмсом, но глянула с некоторым испугом на фигуру, распростертую на диване.

— Не волнуйтесь, Марта. С ним решительно ничего не случилось.

— Очень рада, мистер Холмс. В своем роде он был неплохим хозяином. Даже хотел, чтобы я поехала с его женой в Германию, но это не сошлось бы с вашими планами, ведь правда, сэр?

— Ну, конечно, нет. Пока вы оставались здесь, я был спокоен. Но сегодня нам пришлось подождать вашего сигнала.

«Алое кольцо»

«Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс»

— Это из-за секретаря, сэр.

— Да, я знаю. Мы встретили его машину.

— Я уж думала, он никогда и не уедет. Я знала, сэр, что это не сошлось бы с вашими планами, застать его здесь.

— Разумеется, нет. Ну, подождали с полчаса, это значения не имеет. Как только я увидел, что вы потушили лампу, я понял, что путь свободен. Завтра, Марта, можете зайти ко мне в отель «Кларидж» в Лондоне.

— Слушаю, сэр.

— Я полагаю, у вас все готово к отъезду?

— Да, сэр. Он сегодня отправил семь писем. Я списала адреса, как обычно.

— Прекрасно, Марта. Завтра я их просмотрю. Спокойной ночи. Эти вот бумаги,— продолжал он, когда старушка ушла к себе,— особо большой ценности не имеют; уж, конечно, сведения, содержащиеся в них, давно переданы в Германию. Это все оригиналы, которые не так-то легко вывезти за границу.

— Значит, пользы от них никакой?

— Я бы не сказал, Уотсон. Во всяком случае, по ним мы можем проверить, что известно и что неизвестно немецкой разведке. Надо заметить, что многие из этих документов шли через мои руки и, разумеется, решительно ничего не стоят. Мне будет отрадно наблюдать на склоне лет, как немецкий крейсер войдет в пролив Солент, руководствуясь схемой заминирования, составленной мною. Ну-ка, Уотсон, дайте на себя взглянуть.— Холмс отложил работу и взял друга за плечи.— Я вас еще не видел при свете. Ну, как обошлось с вами протекшее время? По-моему, вы все такой же жизнерадостный юнец, каким были всегда.

— Сейчас я чувствую себя на двадцать лет моложе, Холмс. Вы не можете себе представить, до чего я обрадовался, когда получил вашу телеграмму с предложением приехать за вами на машине в Харидж. И вы, Холмс, изменились очень мало. Вот только эта ужасная бородка...

— Родина требует жертв, Уотсон,— сказал Холмс, дернув себя за жидкий клок волос под подбородком.— Завтра это станет лишь тяжким воспоминанием. Остригу бороду, произведу еще кое-какие перемены во внешно-

сти и завтра снова стану самим собой у себя в «Кларидже», каким был до этого американского номера; прошу прощения, Уотсон, я, кажется, совсем разучился говорить по-английски. Я хочу сказать, каким был до того, как мне пришлось выступать в роли американца.

— Но ведь вы удалились от дел, Холмс. До нас доходили слухи, что вы живете жизнью отшельника среди ваших пчел и книг на маленькой ферме в Суссексе.

— Совершенно верно, Уотсон. И вот плоды моих досугов, magnum opus [1] этих последних лет.— Он взял со стола книжку и прочел вслух весь заголовок: «Практическое руководство по разведению пчел, а также некоторые наблюдения над отделением пчелиной матки».— Я это совершил один [2]. Взгляните на плоды ночных раздумий и дней, наполненных трудами, когда я выслеживал трудолюбивых пчелок точно так, как когда-то в Лондоне выслеживал преступников.

— Но как случилось, что вы снова взялись за работу?

— Я и сам не знаю. Видите ли, министра иностранных дел я бы еще выдержал, но когда сам премьер-министр соблаговолил посетить мой смиренный кров... Дело в том, Уотсон, что этот джентльмен, лежащий на диване,— тот орешек, который оказался не по зубам нашей контрразведке. В своем роде это первоклассный специалист. У нас что-то все не ладилось, и никто не мог понять, в чем дело. Кое-кого подозревали, вылавливали агентов, но было ясно, что их тайно направляет какая-то сильная рука. Было совершенно необходимо ее обнаружить. На меня оказали сильное давление, настаивали, чтобы я занялся этим делом. Я потратил на него два года, Уотсон, и не могу сказать, что они не принесли мне приятного волнения. Сперва я отправился в Чикаго, прошел школу в тайном ирландском обществе в Буффало, причинил немало беспокойства констеблям в Скибберине [3] и в конце концов обратил на себя внимание одного из самых мелких агентов фон Борка, и тот рекомендо-

---

[1] Главное произведение *(лат.)*.

[2] Шекспир, «Кориолан», акт V, сцена 6.

[3] Город на юге Ирландии.

вал меия своему шефу как подходящего человека. Как видите, работа проделаиа сложиая. И вот я почтеи доверием фон Борка, несмотря иа то, что большиистве его плаиов почему-то проваливалось и пятеро его лучших агеитов угодили в тюрьму. Я следил за иими и сиимал их, как только оии дозревали... Ну, сэр, иадеюсь, вы чувствуете себя ие так уж плохо?

Последиее замечаиие было адресоваио самому фои Борку, который сперва долго ловил воздух ртом, задыхался и часто мигал, ио теперь лежал иеподвижио и слушал то, что рассказывал Холмс.

Вдруг его лицо исказилось яростью, и тут полился целый поток иемецких ругательств. Пока плеииик бранился, Холмс продолжал быстро и деловито просматривать докумеиты.

— Немецкий язык, хотя и лишеииый музыкальиости, самый выразительиый из всех языков,— заметил Холмс, когда фон Борк умолк, очевидио, выдохшись.— Эге, кажется, еще одиа птичка попадает в клетку! — воскликиул ои, виимательио вглядевшись в кальку какого-то чертежа.— Я давно держу этого казначея иа примете, но все же ие думал, что ои до такой степеии иегодяй. Мистер фои Борк, вам придется ответить за очеиь многое.

Плениик с трудом приподиялся и смотрел на своего врага со страиной смесью изумлеиия и иеиависти.

— Я с вами сквитаюсь, Олтемоит,— проговорил ои медленно, отчеканивая слова.— Пусть иа это уйдет вся моя жизиь, ио я с вами сквитаюсь.

— Милая старая песеика,—сказал Холмс.— Сколько раз слышал я ее в былые годы! Любимый мотив блажеииой памяти профессора Мориэрти. И полковиик Себастьяи Мореи, как известио, тоже любил ее иапевать. А я вот жив по сей деиь и развожу пчел в Суссексе.

— Будь ты проклят, дважды измеиииик! — крикнул иемец, делая усилия освободиться от ремией и испепеляя Холмса иеиавидящим взглядом.

— Нет-иет, дело обстоит ие так ужасио,— улыбиулся Холмс.— Как вам доказывает моя речь, мистер Олтемоит из Чикаго — это, по существу, миф. Я использовал его, и ои исчез.

— Тогда кто же вы?

— В общем, это несущественно, но если вы уж так интересуетесь, мистер фон Борк, могу сказать, что я не впервые встречаюсь с членами вашей семьи. В прошлом я распутал немало дел в Германии, и мое имя, возможно, вам небезызвестно.

— Хотел бы я его узнать,— сказал пруссак угрюмо.

— Это я способствовал тому, чтобы распался союз между Ирэн Адлер и покойным королем Богемии, когда ваш кузен Генрих был посланником. Это я спас графа фон Графенштейна, старшего брата вашей матери, когда ему грозила смерть от руки нигилиста Копмана. Это я...

Фон Борк привстал, изумленный.

— Есть только один человек, который...

— Именно,— сказал Холмс.

Фон Борк застонал и снова упал на диван.

— И почти вся информация шла от вас! — воскликнул он.— Чего же она стоит? Что я наделал! Я уничтожен, моя карьера погибла без возврата!

— Материал у вас, конечно, не совсем надежный,— сказал Холмс.— Он требует проверки, но времени у вас на то мало. Ваш адмирал обнаружит, что новые пушки крупнее, а крейсеры ходят, пожалуй, несколько быстрее, чем он ожидал.

В отчаянии фон Борк вцепился в собственное горло.

— В свое время обнаружится, несомненно, и еще много неточностей,— продолжал Холмс.— Но у вас есть одно качество, редкое среди немцев: вы спортсмен. Вы не будете на меня в претензии, когда поймете, что, одурачив столько народу, вы оказались наконец одурачены сами. Вы старались на благо своей страны, а я — на благо своей. Что может быть естественнее? И кроме того,— добавил он отнюдь не злобно и положив руку на плечо фон Борка,— все же лучше погибнуть от руки благородного врага. Бумаги все просмотрены, Уотсон. Если вы поможете мне поднять пленника, я думаю, нам следует тотчас же отправиться в Лондон.

Сдвинуть фон Борка с места оказалось нелегкой задачей. Отчаяние удвоило его силы. Наконец, ухватив немца с обеих сторон за локти, два друга медленно повели его по садовой дорожке — той самой, по которой он всего несколько часов назад шагал с такой горделивой уверен-

ностью, выслушивая комплименты знаменитого дипломата. После непродолжительной борьбы фон Борка, все еще связанного по рукам и ногам, усадили на свободное сиденье маленького «форда». Его драгоценный чемодан втиснули рядом с ним.

— Надеюсь, вам удобно, насколько то позволяют обстоятельства? — сказал Холмс, когда все было готово.— Вы не сочтете за вольность, если я разожгу сигару и суну ее вам в рот?

Но все эти любезности были растрачены впустую на взбешенного немца.

— Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, мистер Холмс, что если ваше правительство одобрит ваши действия в отношении меня, это означает войну?

— А как насчет вашего правительства и его действий? — спросил Холмс, похлопывая по чемодану.

— Вы частное лицо. У вас нет ордера на мой арест. Все ваше поведение абсолютно противозаконно и возмутительно.

— Абсолютно,— согласился Холмс.

— Похищение германского подданного...

— И кража его личных бумаг.

— В общем, вам ясно, в каком вы положении, вы и ваш сообщник. Если я вздумаю позвать на помощь, когда мы будем проезжать деревню...

— Дорогой сэр, если вы вздумаете сделать подобную глупость, вы, несомненно, нарушите однообразие вывесок наших гостиниц и трактиров, прибавив к ним еще одну: «Пруссак на веревке». Англичанин —создание терпеливое, но сейчас он несколько ощетинился, и лучше не вводить его в искушение. Нет, мистер фон Борк, вы тихо и спокойно проследуете вместе с нами в Скотленд-Ярд, и оттуда, если желаете, посылайте за вашим другом бароном фон Херлингом: как знать, быть может, еще сохранено числящееся за вами место в личном составе посольства. Что касается вас, Уотсон, вы, насколько я понял, возвращаетесь на военную службу, так что Лондон будет вам по пути. Давайте постоим вон там на террасе — может, это последняя спокойная беседа, которой нам с вами суждено насладиться.

Несколько минут друзья беседовали, вспоминая минувшие дни, а их пленник тщетно старался высвободить-

ся из держащих его пут. Когда они подошли к автомобилю, Холмс указал на залитое лунным светом море и задумчиво покачал головой.

— Скоро подует восточный ветер, Уотсон.

— Не думаю, Холмс. Очень тепло.

— Эх, старина Уотсон! В этом переменчивом веке вы один не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда еще не дул на Англию. Холодный, колючий ветер, Уотсон, и, может, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но все же он будет ниспослан богом, и когда буря утихнет, страна под солнечным небом станет чище, лучше, сильнее. Пускайте машину, Уотсон, пора ехать. У меня тут чек на пятьсот фунтов, нужно завтра предъявить его как можно раньше, а то еще, чего доброго, тот, кто мне его выдал, приостановит платеж.

Архив Шерлока Холмса

КАМЕНЬ МАЗАРИНИ

Доктору Уотсоиу было прнятно снова очутиться на Бейкер-стрнт, в непрнбранной комнате иа втором этаже, этой нсходной точке столькнх замечательных приключеннй. Он взглянул на таблицы и схемы, развешанные по стеиам, на прожженную кнслотой полку с хнмнкалнямн, скрипку в футляре, прнслоиенную к стене в углу, ведро для угля, в котором когда-то лежали трубки и табак, н, иаконец, глаза его остановилнсь иа свежем улыбающемся лнце Бнллн, юиого, но очень толкового и сообразнтельиого слугн, которому как будто удалось перекинуть мостнк через пропасть отчуждения н одннчества, окружавшую таинственную фнгуру велнкого сыщнка.

— У вас тут все по-старому. И вы сами иисколько ие измеинлнсь. Надеюсь, то же можно сказать н о нем?

Бнллн с некоторым беспокойством посмотрел иа закрытую дверь спальнн.

— Он, кажется, спит,— сказал он.

Стояла ясная летияя погода, н было только семь часов вечера, однако предположенне Бнллн не уднвило доктора Уотсона: он давио прнвык к необычиому образу жизни своего старого друга.

— Это означает, если не ошнбаюсь, что ему поручено дело, не так лн?

— Совершенно верно, сэр. Он сейчас весь поглощен нм. Я даже опасаюсь за его здоровье. Он бледнеет и худеет с каждым днем н нничего не ест. Мнссис Хадсои его спроснла: «Когда вы нзволнте пообедать, мистер

Холмс?» — а он ответил: «В половине восьмого послезавтра». Вы ведь знаете, какой он бывает, когда увлечен делом.

— Да, Билли, знаю.

— Он кого-то выслеживает. Вчера он изображал рабочего, подыскивающего место. А сегодня нарядился старухой. И так похоже, что я совершенно не узнал его, а уж я бы, кажется, должен знать его приемы.

Усмехнувшись, Билли указал на необыкновенно потрепанный зонтик, прислоненный к дивану.

— Это одна из принадлежностей костюма старухи.

— Но какое у него на этот раз дело, Билли?

Билли понизил голос, словно речь шла о великой государственной тайне.

— Вам я, конечно, скажу, сэр. Но, кроме вас, этого никто не должен знать. Это то самое дело о бриллианте короны.

— Вы говорите о похищении камня в сто тысяч фунтов?

— Да, сэр. Они должны разыскать его во что бы то ни стало. И премьер-министр и министр внутренних дел были у нас и сидели вот на этом самом диване. Мистер Холмс был очень любезен с ними. Он совсем не важничал и пообещал сделать все, что только можно. И потом еще лорд Кантлмир...

— Вот как?

— Да, сэр, вы понимаете, что это значит. Он, если только можно так выразиться, ужасно заносчивый. Я могу иметь дело с премьер-министром и ничего не имею против министра внутренних дел — он производит впечатление воспитанного и любезного человека,— но этого лорда я совершенно не выношу. И мистер Холмс тоже. Дело в том, что он не верит в мистера Холмса и возражал против того, чтобы ему поручили дело. Мне кажется, он был бы даже рад, если бы мистер Холмс с ним не справился.

— И мистер Холмс это знает?

— Не было еще такого случая, чтобы мистер Холмс чего-нибудь не знал.

— Ну, я очень надеюсь, что он справится и лорд Кантлмир будет посрамлен. Послушайте, Билли, зачем эта занавеска на окне?

— Мистер Холмс повесил ее три дня тому назад. У нас там есть кое-что любопытное.— Билли подошел и отдернул занавесь, отделявшую комнату от оконной ниши.

Доктор Уотсон невольно вскрикнул от удивления. Перед ним в глубоком кресле сидела точная копия его старого друга, и халат и все остальное были в точности как у Холмса, лицо, на три четверти обращенное к окну, было слегка наклонено вниз, словно над невидимой книгой. Билли снял голову с туловища и подержал ее в руках.

— Мы придаем ей различные положения, чтобы было больше похоже на живого человека. Если бы штора не была спущена, я бы, конечно, не решился ее трогать. Когда штора не задернута, ее видно с той стороны улицы.

— Однажды у нас уже было что-то в этом роде.

— Меня тогда еще здесь не было,— сказал Билли. Он раздвинул шторы и выглянул на улицу.— За нами из того дома ведут наблюдение. Вон в окне человек, хотите посмотреть?

Уотсон сделал шаг вперед, но в это время дверь спальни отворилась, и оттуда появилась худая и длинная фигура Холмса; лицо его осунулось и побледнело, но держался он, как всегда, бодро. Одним прыжком он очутился у окна и поправил штору.

— Довольно, Билли,— сказал он,— вы рисковали жизнью, а как раз сейчас вы мне очень нужны. Рад вас видеть, Уотсон, в вашей старой квартире. Вы явились в критическую минуту.

— Я это чувствую.

— Можете идти, Билли. Не знаю, как быть с этим мальчиком. Насколько я вправе подвергать его опасности.

— Какой опасности, Холмс?

— Опасности внезапной смерти. Я не удивлюсь, если сегодня вечером что-нибудь произойдет.

— Но что именно?

— Например, меня убьют.

— Не может быть, Холмс, вы шутите!

— Даже при моем отсутствии юмора я мог бы придумать лучшую шутку. Но пока что мы можем наслаждаться жизнью, верно? Спиртные напитки вам не противо-

показаны? Снфон н снгары на прежнем месте. Надеюсь, вы еще не презнраете мой жалкнй табак н трубку? В этн днн онн должны заменнть мне еду.

— Но почему вы отказываетесь от еды?

— Потому что голод обостряет умственные способности. Мой дорогой Уотсон, вы, как врач, должны согласиться, что прн пнщевареннн мозг теряет ровно столько крови, сколько ее требуется для работы желудка. Я сейчас однн сплошной мозг. Все остальное — не более чем прндаток. Поэтому я прежде всего должен счнтаться с мозгом.

— Но вы говорили о какой-то опасиостн, Холмс?

— Ах да, на всякнй случай вам, пожалуй, не мешает обременнть свою память адресом н нмеием убнйцы. Вы сможете передать этн сведення в Скотленд-Ярд в виде прощального прнвета от преданного Холмса. Его зовут Снльвнус, граф Негретто Снльвнус. Запншнте: Мурсайд-Гарденс, 136, Норд-Вест. Готово?

Честное лнцо Уотсона нервно подергнвалось. Ему было слишком хорошо нзвестно, что Холмс ннкогда не останавлнвался ни перед какой опасностью н скорее склонен был недооценнвать ее, чем преувелнчнвать. Уотсон не привык тратнть время даром н решительно поднялся.

— Можете располагать мной, Холмс, в блнжайшне дни я совершеино свободен.

— В моральном отношении вы ннсколько не нзмеинлнсь к лучшему, Уотсон. Ко всем вашнм старым порокам добавнлся еще однн — вы научнлнсь лгать. Весь ваш внд говорит о том, что вы загружеииый работой врач, которого осаждают больные.

— Среди инх нн одиого сколько-нибудь серьезного. Но разве вы ие можете арестовать этого человека?

— Конечио, могу, Уотсои, поэтому-то он так н беспокоится.

— Так в чем же дело?

— Дело в том, что я не зиаю, где брнллнаит.

— Ах да, Биллн рассказывал — бриллнант короны.

— Вот нменно, огромный желтый камень Мазарнин. Я расставил сети, и рыбка уже попалась, ио я еще ие получнл камия. Какой мне толк забнрать грабнтелей? Разумеется, мир станет лучше, если всех их посаднть за решетку. Но у меия другая цель — мне нужен камень.

— Так, зиачнт, граф Снльвиус — одна нз попавшнх-ся рыбок?

— Да, и при этом акула, которая кусается. Другой — Сэм Мертои, боксер. Сэм — неплохой парень, но граф нспользует его для своих целей. Ои ие акула, а всего только глупый большеголовый пескарь. Но все равно он тоже бьется в моих сетях.

— А где этот граф Сильвиус?

— Я сегодня все утро провел у него под самым иосом. Вы ведь вндели меия в ролн старухи. Но так удачио, как в этот раз, у меня еще никогда ие получалось. Граф даже поднял мой зонтик со словамн «Позвольте мие, сударыня», ои ведь иаполовнну нтальянец н, как нстннный южанин, умеет быть чрезвычайио любезиым, еслн только ои в духе, но если ие в духе,— это сущий дьявол. Как вндите, Уотсон, в жизнн случаются прелюбопытные вещн.

— Но это могло кончиться трагически.

— Не спорю. Я шел за ннм до мастерской старого Штраубензе на Майнорнс. Ему там нзготовнлн духовое ружье — великолепиая штука, н, еслн не ошибаюсь, сейчас она находится в окне напротнв. Вы видели манекеи? Ах да, Бнллн вам показывал. В любой момент в эту прекрасную голову может угодить пуля. В чем дело, Билли?

Бнллн вошел с карточкой иа подносе. Холмс взглянул на карточку; брови его поднялись, н на губах появилась усмешка.

— Он решил пожаловать сюда собствениой персоной. Этого я ие ожндал. Надо хватать быка за рога, Уотсон. Этот человек способен иа все. Вы ведь, наверное, слышалн, что граф — знамеиитый охотнпк иа крупного зверя. Еслн ему удастся заполучить в свой ягдташ и меня, это будет достойным н блестящнм завершением его спортнвиой карьеры. Ои, коиечно, чувствует, что я вотвот его настнгиу.

— Пошлите за полицней.

— Вероятно, я так н сделаю, ио ие сейчас. Поглядите хорошенько, Уотсон, нет лн кого иа улице.

Уотсон осторожно выгляиул нз-за шторы.

— Какой-то верзнла стонт около дверн.

— Ну так это Сэм Мертон, преданный, ио ие слишком далекий Сэм. Где же этот джентльмеи, Билли?

— В прнемной, сэр.

— Когда я позвоню, впустите его.

— Слушаюсь, сэр.

— Если меня не будет в комнате, все равно впустите его.

— Слушаюсь, сэр.

Уотсои подождал, когда закроется дверь, и затем с горячностью обратился к своему собеседнику:

— Послушайте, Холмс, это просто невозможно. Это же отчаянный человек, он ни перед чем не остановится. Может быть, ои прншел сюда, чтобы убить вас.

— Что же, я иисколько ие удивлюсь.

— В таком случае, я останусь с вами.

— Ваше присутствие может очень помешать.

— Ему?

— Нет, мой дорогой, мие.

— И все-таки я ие могу оставить вас одного.

— Нет, Уотсон, вы можете и должны это сделать, вы еще ннкогда не выходили из игры. Я уверен, что и иа этот раз вы доведете ее до конца. Этот человек явился сюда ради своих целей, но, возможно, он останется здесь ради моих.— Холмс вытащил записную книжку и написал иесколько строк.— Поезжайте в Скотленд-Ярд и передайте эту запнску Югелу из отдела уголовиого розыска. Возвращайтесь обратио с полицией, и тогда графа можно будет арестовать.

— Я охотно помогу вам в этом.

— Надеюсь, до вашего возвращения у меня как раз хватит времеин, чтобы выяснить, где камень.

Холмс позвонил.

— Пожалуй, нам лучше выйти через спальню. Чрезвычайно удобно нметь второй выход. Я предпочитаю поглядеть на свою акулу так, чтобы она меня не видела, и, вы ведь знаете, для таких случаев у меня кое-что придумано.

Таким образом, когда через мнпуту Билли впустил Сильвиуса, в комнате ннкого ие было. Знаменитый стрелок, спортсмен и франт был крупный смуглый мужчина, его огромные черные усы прикрывали тонкий жестокий рот, над которым иависал длиный крючковатый нос, напомнивший орлиный клюв. Он был хорошо одет, но его яркий галстук, сверкающая булавка и блестящие кольца

слишком резко бросались в глаза. Когда дверь за ним затворилась, он свирепо и вместе с тем испуганно огляделся, словно ожидая на каждом шагу ловушки. Вдруг он резко вздрогнул, заметив у окна безмятежно склоненную голову и воротник халата, видневшийся из-за спинки кресла. Сначала на его лице выразилось полнейшее изумление. Затем черные глаза убийцы радостно сверкнули. Он еще раз осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что его никто не видит, и затем, приподняв свою тяжелую палку, подкрался на цыпочках к молчаливой фигуре. Он уже присел, чтобы сделать последний прыжок и нанести удар, как вдруг из открывшейся двери спальни его остановил спокойный и насмешливый голос Холмса:

— Смотрите, не разбейте ее, граф!

Убийца отступил назад, его перекошенное лицо выражало изумление. Он снова приподнял опущенную было трость, словно желая перенести свою ярость с изображения на оригинал, но в твердом взгляде серых глаз и насмешливой улыбке Холмса было что-то, заставившее его руку снова опуститься.

— Прелестная вещица! Работа французского мастера Тавернье. Он так же ловко делает восковые фигуры, как ваш приятель Штраубензе — духовые ружья.

— Духовые ружья? Не понимаю, сэр, что вы хотите этим сказать.

— Положите шляпу и трость на столик. Вот так, благодарю вас. И, пожалуйста, присядьте. Быть может, вы заодно вытащите и свой пистолет? Впрочем, если вы предпочитаете сидеть на нем, я не возражаю. Вы пришли очень кстати, мне необходимо с вами поговорить.

Граф угрожающе нахмурил свои густые брови.

— Я тоже хотел сказать вам пару слов, Холмс. Поэтому я и пришел. Не стану отрицать — я только что собирался размозжить вам голову.

Холмс присел на краешек стола.

— Я так и понял, что вам взбрело на ум нечто подобное. Но почему я заслужил такое внимание с вашей стороны?

— А потому, что вы слишком много себе позволяете, мне это начинает действовать на нервы. Потому что вы рассылаете своих приспешников следить за мной.

— Я никого не посылал, даю вам честное слово.

— Не говорите глупостей. Я видел, что за мной следят. Но мы еще посмотрим, кто кого, Холмс.

— Разумеется, это мелочь, граф Сильвиус, но я попросил бы вас обращаться ко мне, соблюдая правила вежливости. Вы понимаете, что по роду своей деятельности мне пришлось бы быть на ты с доброй половиной преступников, и согласитесь, что я не могу делать ни для кого исключения, дабы не вводить в соблазн других.

— Ладно, пусть будет м и с т е р Холмс.

— Прекрасно! Однако, уверяю вас, вы ошибаетесь, утверждая, будто бы я пользуюсь агентами.

Граф Сильвиус презрительно рассмеялся.

— Не думайте, что я глупее вас и ничего не замечаю. Вчера это был какой-то спортсмен. Сегодня — старуха. Они ни на минуту не выпускали меня из виду.

— Вы мне льстите, сэр. Старый барон Даусон за день до того, как его повесили, сказал, что театр потерял в моем лице ровно столько же, сколько выиграло правосудие. А сегодня вы расхваливаете меня за мои маленькие перевоплощения.

— Так это... Так это были вы?

Холмс пожал плечами.

— Вон в углу стоит зонтик, который вы, еще ничего не подозревая, так вежливо вручили мне.

— Если бы я знал, вы бы никогда...

— Я бы никогда не увидел этого скромного жилища, хотите вы сказать? Я это хорошо понимал. Всем нам свойственны промахи, о которых мы потом сожалеем. Но так или иначе вы меня не узнали, и вот я сижу перед вами.

Нахмуренные брови графа, из-под которых угрожающе блестели глаза, сдвинулись еще плотнее.

— Что ж, тем хуже. Значит, это не ваши агенты, а вы сами скоморошничаете и суете нос не в свое дело. Вы сами сознаетесь, что следили за мной. Зачем?

— Полноте, граф, вы ведь когда-то охотились на львов в Алжире.

— Ну так что?

— Позвольте вас спросить: зачем?

— Зачем? Ради спорта, ради сильных ощущений, ради риска.

— И, кроме того, вы хотели очистить страну от хищников?

— Совершенно верно.

— Теперь вам понятна моя цель?

Граф вскочил, и его рука невольно потянулась к заднему карману.

— Сядьте, сядьте, граф. У меня, кроме этого, есть еще и другая, более конкретная цель. Мне нужен желтый бриллиант!

Зловеще улыбаясь, граф Сильвнус снова опустился на стул.

— Вот как,— произнес он.

— Вы отлично знали, что ради этого я следил за вами, и вы только затем и явились сюда сегодня, чтобы выяснить, много ли мне известно и насколько необходимо меня устранить. Можете мне поверить, что с вашей точки зрения это а б с о л ю т н о необходимо, так как я знаю все, за исключением одного факта, но я рассчитываю узнать о нем от вас.

— Неужели? Интересно, что же это за факт, которого вы не знаете.

— Где находится бриллиант сейчас?

Граф хитро взглянул на собеседника.

— И только-то? Но, черт возьми, как я могу вам это сказать?

— Можете, и вы это сделаете.

— Вы думаете?

— Граф Сильвнус, вам не удастся меня запугать.

Глаза Холмса, устремленные на Сильвнуса, сузились и угрожающе сверкнули, как стальные острия.

— Я вижу вас насквозь, как будто вы стеклянный.

— В таком случае, вы видите, где бриллиант.

Холмс радостно хлопнул в ладоши и затем выразительно поднял палец.

— Итак, вы знаете, где он, вы это сами признали.

— Ничего я не признавал.

— Послушайте, граф, если вы будете благоразумны, мы сможем заключить сделку, а иначе вам не поздоровится.

Граф Сильвнус вперил взор в потолок.

— Кто же кого запугивает — вы меня или я вас?

Холмс посмотрел на него в раздумье, словно гросс-

мейстер, собнрающийся сделать решающий ход. Затем он выдвинул ящик стола и достал оттуда толстый блокнот.

— Знаете, что у меня в этой книжечке?

— Понятия не имею, сэр.

— Вы.

— Я?

— Да, сэр, вы! Вы тут весь — каждый шаг вашей гнусной и преступной жизни.

— Подите вы к черту, Холмс!—вскочил граф, сверкнув глазами.— Не выводите меня из терпения.

— Тут все записано, граф. Все, что касается смерти старой миссис Гарольд, оставившей вам свое владение в Блимере, которое вы так поспешно проиграли.

— Что за чушь!

— И вся история мисс Минин Уоррендер.

— Бросьте! Вы ничего из этого не выжмете.

— И много еще чего, граф. Ограбление в экспрессе по пути на Ривьеру 13 февраля 1892 года. И подделка чека Лионского банка в том же году.

— Ну уж тут вы ошиблись.

— Значит, я не ошибся во всем остальном. Послушайте, граф, вы ведь играете в карты. Какой смысл продолжать игру, если вы знаете, что у противника все козыри?

— Какое отношение имеет вся эта болтовня к драгоценному камню?

— Терпение, граф. Умерьте свою любознательность! Позвольте уж мне изложить дело со свойственной мне дотошностью. Все это улики против вас. Но, помимо этого, у меня есть еще неоспоримые улики по делу о бриллианте и против вас и против вашего телохранителя.

— Какие же это улики?

— Во-первых, показания кэбмена, с которым вы ехали на Уайтхолл, и кэбмена, который вез вас обратно. Во-вторых, показания швейцара, видевшего вас около витрины. И, наконец, у меня есть показания Айки Сандерса, который отказался распилить вам камень. Айки донес на вас, так что игра сыграна.

Вены вздулись на лбу у графа. Стараясь подавить волнение, он судорожно сжимал смуглые волосатые руки. Он попробовал заговорить, но язык не слушался его.

— Вот мои карты. Я все их выложил перед вами. Но одной карты не хватает. Не хватает короля бриллиантов. Я не знаю, где камень.

— И никогда не узнаете.

— Вы так думаете? Ну будьте же благоразумны, граф. Взвесьте все обстоятельства. Вас посадят на двадцать лет. Так же, как и Сэма Мертона. Какой вам прок от камня? Ровно никакого. Но если вы его вернете, я вам обещаю, что дело не дойдет до суда. Ни вы, ни Сэм нам не нужны. Нам нужен камень. Отдайте его, и, если вы будете хорошо себя вести, я гарантирую вам свободу. Но если вы опять попадетесь, то это будет уже конец. А пока что мне поручено раздобыть камень, а не вас.

— А если я не согласен?

— Ну что ж, тогда придется взять вас, а не камень.

Холмс позвонил, и вошел Биллн.

— Я полагаю, граф, что неплохо было бы пригласить на это совещание и вашего приятеля Сэма. Он как-никак тоже заинтересованная сторона. Биллн, на улице, у подъезда, вы увидите огромного безобразного джентльмена. Попросите его подняться сюда.

— А если он откажется, сэр?

— Никакого насилия, Биллн. Не обращайтесь с ним грубо. Если вы скажете, что его зовет граф Сильвиус, он непременно придет.

— Что вы собираетесь делать? — спросил граф, как только Биллн вышел.

— Я только что говорил своему другу Уотсону, что в мою сеть попались акула и пескарь. Сейчас я тяну сеть, и обе рыбы показались из воды.

Граф поднялся со стула, держа руку за спиной. Холмс опустил руку в карман халата.

— Вам не суждено умереть в своей постели, Холмс.

— Да, я уже не однажды об этом думал. Но разве это так уж важно? Похоже, что и вы, граф, примете смерть не в горизонтальном, а в вертикальном положении. Впрочем, все эти мрачные прогнозы только портят настроение. Не лучше ли беспечно наслаждаться сегодняшним днем?

Темные враждебные глаза короля преступного мира внезапно вспыхнули, как у настоящего хищника. Вся

фигура Холмса выражала иапряжеиие и готовность в любой момент отразить удар; казалось, что от этого он сделался еще выше.

— Не стоит иащупывать револьвер, мой друг,— спокойио произнес он.— Вы очень хорошо зиаете, что не осмелитесь пустить его в ход, даже если бы я дал вам время его вытащить. С этими револьверами не оберешься хлопот. От иих так миого шума, граф. Лучше уж пользоваться духовыми ружьями. А, я, кажется, слышу легкую поступь вашего достойного компаньоиа. Добрый деиь, мистер Мертои! Скучиовато дожидаться на улице, не правда ли?

Премироваииый боксер, грузиый молодой человек с глупым, упрямым и грубо обтесанным лицом иеловко остаиовился в дверях, растеряино озираясь по стороиам. Любезный тон Холмса озадачил его, и, хотя Сэм смутно почувствовал в нем враждебиость, он не зиал, как себя вести. Он повериулся к своему более проницательному товарищу.

— Что тут происходит, граф? Чего ему иадо? В чем дело? — Голос его звучал глухо и хрипло.

Граф пожал плечами. Вместо иего Сэму ответил Холмс:

— Если говорить кратко, мистер Мертои, ваше дело проиграио.

Боксер продолжал обращаться к своему сообщнику:

— Шутит ои, что ли? Так мие сейчас ие до шуток.

— Это вполие понятио,— сказал Холмс.— И уверяю вас, что через час-другой вы будете настроеиы еще меиее шутливо. Вот что, граф Сильвиус. Я человек заиятой и ие могу попусту тратить время. Сейчас я пройду в спальню. Прошу вас ие стесияться в мое отсутствие. Без меия вам будет удобиее объясиить своему другу, как обстоит дело. Тем временем я сыграю на скрипке баркаролу из «Сказок Гофмана». Через пять минут я вернусь за окоичательиым ответом. Надеюсь, вы достаточио ясио уразумели, что вам приходится выбирать одио из двух: или мы заберем вас или камень.

Холмс удалнлся, прихватив с собой стоявшую в углу скрипку. Миуту спустя из-за закрытой двери спальни послышались протяжиые, жалобиые звуки этой самой запомииающейся из мелодий.

— Так в чем дело? — спросил Мертон, когда его приятель повернулся к нему.— Он что, знает про камень?

— Будь он проклят, он знает слишком много, а может быть, и все.

— Черт! — Желтоватое лицо боксера слегка побледнело.

— Нас выдал Айкн Сандерс.

— Айкн? Ну, погодн, я ему сверну шею, хоть бы меня за это повесили.

— Нам от этого легче не станет. Надо решить, что делать.

— Обожди,— сказал боксер, подозрительно глядя на дверь спальни.— С этой хитрой лисицей надо держать ухо востро. Он не подслушивает?

— Как он может подслушивать, когда он играет?

— Это верно. А нет ли кого за занавеской? Слишком уж много тут занавесок.

Боксер стал осматриваться и вдруг в первый раз заметил у окна манекен; в немом удивлении он уставился на него, не в силах произнести ни слова.

— Это восковая кукла, и больше ничего,— объяснил граф.

— Подделка, да? А здорово, мадам Тюссо, небось, такое и не снилось. Прямо как живой, и халат и все остальное. Но черт бы побрал эти занавески, граф!

— Шут с ними, с занавесками, мы только зря тратим время, а у нас его не так уж много. Он может арестовать нас из-за этого камня.

— Черта с два!

— Но если мы скажем, где камень, он нас отпустит.

— Еще чего! Отказаться от камня в сто тысяч фунтов?

— Другого выхода нет.

Мертон почесал коротко остриженную голову.

— Послушай, он ведь тут один. Пристукнуть его, и все. Если мы его прикончим, нам нечего будет бояться.

Граф покачал головой.

— У него есть оружие, и он начеку. Если мы его застрелим, нам вряд ли удастся отсюда выбраться. К тому же он наверняка успел сообщить свои сведения полиции. Постой-ка! Что это?

Они услышали слабый звук, который, казалось, доносился со стороны окна. Оба вскочили, но все было тихо. Если не считать странной фигуры в кресле, в комнате, кроме них, никого не было.

— Это на улице,— сказал Мертон.— Ну так слушай, шеф, у тебя есть голова на плечах. Надо что-то придумать. Раз нельзя пустить в ход кулаки, тогда твое дело решать, как быть.

— Я еще и не таких обманывал,— отвечал граф.— Камень-то у меня с собой. В потайном кармане. Я бы ни за что не решился оставить его где-нибудь. Сегодня ночью его можно будет переправить в Амстердам, а там до воскресенья его успеют распилить на четыре части. Он ничего не знает о Ван Седдаре.

— Я думал, Ван Седдар поедет на той неделе.

— Он должен был ехать на той неделе, но теперь ему придется отправиться со следующим же пароходом. Кому-нибудь из нас надо проскользнуть с камнем на Лайм-стрит и предупредить его.

— Второе дно еще не готово.

— Ничего не поделаешь. Придется рискнуть и везти прямо так. Нельзя терять ни минуты.

И снова, как охотник, привыкший быть настороже, он замолчал и пристально посмотрел на окно. Да, этот слабый звук, несомненно, донесся с улицы.

— А Холмса ничего не стоит провести. Этот идиот, чтоб ему было неладно, сказал, что он нас не тронет, если получит камень. Ну, так мы пообещаем ему камень. Наведем его на ложный след, а пока он догадается, в чем дело, камень будет уже в Голландии, а мы сами — за границей.

— Вот это здорово! — довольно ухмыльнулся Сэм Мертон.

— Ты пойдешь к голландцу и скажешь, чтобы он потерпел[1]вался. А я возьму на себя этого простака и постараюсь заговорить ему зубы. Я скажу ему, что камень в Антверпене. Черт бы побрал эту музыку, она мне действует на нервы! Пока Холмс выяснит, что в Антверпене его нет, камушек будет поделен на четыре части, а мы будем в открытом море. Поди сюда, а то тебя видно через замочную скважину. Вот он, камушек-то.

— Как ты не боишься носить его с собой?

— Это — самое иадежиое. Если уж мы ухитрились стащить его с Уайтхолл, из моей квартиры его всякий унесет.

— Дай-ка поглядеть.

Граф Сильвиус, ие обращая виимаиия иа протяиутую грязную руку, бросил ие слишком одобрительиый взгляд на своего сообщиика.

— Уж ие думаешь ли ты, что я собираюсь тебя охмурить? Так вот, имейте в виду, граф, мие иачииают надоедать ваши штучки.

— Ну ладио, ладно, Сэм, не обижайся. Нам нельзя сейчас ссориться. Если хочешь как следует разглядеть эту красоту, подойди сюда, к окну. На, держи поближе к свету.

— Благодарю вас.

В мгновеиие ока Холмс спрыгнул с кресла, на котором раньше сидел маиекеи, и схватил бриллиант. В одной руке ои зажал камень, а другой держал пистолет и целился в голову графа. В полном замешательстве оба мошеииика отступили назад. Прежде чем оии успели опомниться, Холмс иажал кнопку электрического звоика.

— Не вздумайте сопротивляться! Джеитльмеиы, умоляю вас, поберегите мебель! Вам должио быть ясно, что ваше положеиие безиадежно. Полиция ждет винзу.

Граф был так ошеломлен, что злоба и страх отступили в эту мииуту иа второй плаи.

— Но, черт возьми, каким образом? — прохрипел он.

— Ваше удивление вполне естественио. Вы ие знаете, что за этой заиавеской есть вторая дверь, ведущая в спальию. Если не ошибаюсь, вы должны были слышать, как я снимал манекен с кресла. Но мие повезло, и я подслушал ваш милый разговор, который мог бы оказаться куда менее откровеииым, знай вы о моем присутствии.

Граф стоял с видом человека, сложившего оружие.

— Ваша взяла, Холмс. По-моему, вы сущий дьявол.

— Очеиь может быть,— ответил Холмс, вежливо улыбаясь.

Туго соображающий Сэм Мертон не сразу понял, что произошло. И, только когда на лестиице раздались тяжелые шаги, к иему иакоиец вериулся дар речи.

— Не иначе как фараои. Но я вот чего ие пойму: ведь эта проклятая скрипка все еще пилкает.

— Вы совершеиио правы,— ответнл Холмс,— пусть ее играет. Эти современные граммофоиы — замечательиое изобретеиие.

В комиату ворвалась полиция, щелкнули иаручиикн, и преступиików препроводили в ожидающий их кэб. Уотсои остался, чтобы поздравить Холмса еще с одиим иовым лнстком, украсившим его лавровый веиок. Их разговор сиова был прерваи появлеиием невозмутимого Билли с подиосом в руках.

— Лорд Каитлмир, сэр.

— Проводите его сюда, Билли. Это зиамеиитый пэр, представляющий интересы августейших особ,— сказал Холмс.— Человек вериоподдаиный и в своем роде замечательиый, ио, если так можно выразиться, иесколько старорежимиый. Заставим его быть повежливее? Позволнм себе иебольшую вольиость, а? Он, разумеется, еще ничего не знает о случившемся.

Дверь открылась, и иа пороге появилась тоикая прямая фигура с продолговатым лицом; черные, как смоль, бакеибарды в средиевикториаиском стиле ие вязались с покатыми плечами и неувереииой, старческой походкой. Холмс с самым любезным видом подошел к вошедшему и пожал его безответиую руку.

— Добрый деиь, лорд Каитлмир. Сегодия довольно прохладио для летиего времеии. Но в комиатах очеиь тепло. Позвольте, я помогу вам снять пальто.

— Благодарю, я не иамерен раздеваться.

— Позвольте, я помогу вам! — настойчиво продолжал Холмс, кладя руку иа рукав лорда.— Мой друг, доктор Уотсои, подтвердит, что резкие колебаиия температуры чрезвычайно вредны.

Его светлость раздраженно отдериул руку.

— Мие вполие удобио, и я не собираюсь задерживаться. Я загляиул сюда только для того, чтобы узиать, как продвигается дело, которое вы сами на себя возложили.

— Трудио... очеиь трудно.

— Я так и знал, что вы это скажете.

В словах и тоие старого лорда явио чувствовалась иасмешка.

— Каждый раио или поздио осознает, что его возможиости ограиичеииы, мистер Холмс. Но по крайией

мере это излечивает нас от самоуверенности — столь свойственного людям порока.

— Признаюсь, сэр, я совершенно сбит с толку.

— Это вполне естественно.

— В особенности меня смущает одно обстоятельство. Не могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Вы слишком поздно обратились ко мне за советом. Мне казалось, что вы привыкли полагаться на свой ум во всех случаях жизни. Тем не менее я готов вам помочь.

— Видите ли, лорд Кантлмир, мы, конечно, можем составить обвинение против истинных похитителей камня.

— Когда вы их поймаете.

— Разумеется. Но какие меры воздействия нам следует применить по отношению к укрывателю?

— Не преждевременно ли задаваться подобным вопросом?

— Тем не менее все должно быть продумано заранее. На основании каких улик и кого, по-вашему, следует считать виновным?

— Того, у кого будет обнаружен камень.

— И вы сочли бы это достаточным основанием для ареста?

— Разумеется.

Холмс редко смеялся, но, по словам Уотсона, в эту минуту он был более чем когда-либо близок к смеху.

— В таком случае, дорогой сэр, как это ни прискорбно, я буду вынужден требовать вашего ареста.

— Вы слишком много себе позволяете, мистер Холмс,— не на шутку рассердился лорд Кантлмир, и его желтоватые щеки зарделись давно угасшим пламенем.— За пятьдесят лет моей общественной деятельности мне не приходилось слышать ничего подобного. Я деловой человек, на меня возложены серьезные обязанности, и мне некогда выслушивать глупые шутки. Скажу вам откровенно, сэр, я никогда не верил в ваши таланты, и, по-моему, было бы гораздо лучше, если бы дело поручили официальной полиции. Ваше поведение подтверждает, что я был прав. Имею честь пожелать вам спокойной ночи.

Но Холмс преградил пэру дорогу, встав между ним и дверью.

— Постойте, сэр. Оказаться временным обладателем камня Мазарини — еще куда ни шло. Но если вы выйдете отсюда с камнем, это может повлечь за собой более серьезные обвинения.

— Сэр, это становится невыносимым. Дайте мне пройти.

— Сначала опустите руку в правый карман вашего пальто.

— Что это значит, сэр?

— Не спорьте, сэр, а повинуйтесь.

В следующую секунду пораженный пэр, мигая и бормоча что-то невнятное, стоял перед Холмсом, держа в трясущейся руке огромный желтый бриллиант.

— Но как же... как же так, мистер Холмс?

— Ужасно! Ужасно, лорд Кантлмир! — вскричал Холмс.— Мой старый друг доктор Уотсон скажет вам, что я обожаю подобные мистификации. И, кроме того, я питаю слабость к драматическим ситуациям. Я положил камень — разумеется, это была большая вольность с моей стороны — к вам в карман в начале нашего разговора.

Старый пэр перевел взгляд с камня на улыбающееся лицо Холмса.

— Я, право, в замешательстве, сэр. Но это... это в самом деле камень Мазарини. Мы чрезвычайно обязаны вам, мистер Холмс. Быть может, у вас, как вы это сами заметили, несколько своеобразная манера шутить, и вы довольно неудачно выбираете время для шуток. Но я полностью беру назад замечания, которые я позволил себе относительно ваших поразительных способностей сыщика. Но каким образом?

— Дело закончено еще только наполовину. Да и подробности не так уж существенны. Я не сомневаюсь, лорд Кантлмир, что удовольствие, которое вам доставит возможность сообщить о счастливом завершении дела в высших кругах, куда вы направляетесь, будет некоторым искуплением моей неуместной шутки. Билли, проводите его светлость и скажите миссис Хадсон, что я буду рад, если она подаст нам обед на двоих и как можно скорее.

ВАМПИР В СУССЕКСЕ

Холмс внимательно прочел небольшую, в несколько строк записку, доставленную вечерней почтой, и с коротким, сухим смешком, означавшим у него веселый смех, перекинул ее мне.

— Право, трудно себе представить более нелепую мешанину из современности и средневековья, трезвейшей прозы и дикой фантазии. Что вы на это скажете, Уотсон?

В записке стояло:

«Олд-Джюри, 46
19 ноября.

Касательно вампиров.

Сэр!

Наш клиент мистер Роберт Фергюсон, компаньон торгового дома «Фергюсон и Мюирхед, поставщики чая» на Миносинг-лейн, запросил нас касательно вампиров. Поскольку наша фирма занимается исключительно оценкой и налогообложением машинного оборудования, вопрос этот едва ли относится к нашей компетенции, и мы рекомендовали мистеру Фергюсону обратиться к Вам. У нас свежо в памяти Ваше успешное расследование дела Матильды Бригс.

С почтением, сэр,

Моррисон, Моррисон и Додд».

— Матильда Бригс, друг мой Уотсон, отнюдь не имя молодейкой девушки,— проговорил Холмс задумчиво.—

Так иазывался корабль. В истории с иим иемалую роль сыграла гигаитская крыса, обитающая иа Суматре. Но еще ие пришло время поведать миру те события... Так что же иам известно о вампирах? Или и к иашей компетеиции это ие относится? Коиечио, все лучше скуки и безделья, ио, право, нас, кажется, приглашают в сказку Гримма. Протяиите-ка руку, Уотсои, посмотрим, что мы иайдем под буквой «В».

Откинувшись иазад, я достал с полки за спиной толстый справочиик. Кое-как приладив его у себя на колене, Холмс любовно, смакуя каждое слово, проглядывал собствеиные записи своих подвигов и сведеиий, иакоплеиных им за долгую жизиь.

— «Глория Скотт»...— читал он.— Скверная была история с этим кораблем. Мне припомиится, что вы, Уотсои, запечатлели ее иа бумаге, хотя результат вашнх трудов ие дал мне основаиия поздравить вас с успехом... «Гила, или ядовитая ящерица»... Поразительно иитересиое дело. «Гадюкн»... «Виктория, цирковая прима»... «Виктор Лиич, подделыватель подписей»... «Вигор, Хаммерсмитское чудо»... «Ваидербильт и медвежатник»... Ага! Как раз то, что нам требуется. Спасибо старику — ие подвел. Другого такого справочиика ие сыщешь. Слушайте, Уотсон: «Вампиры в Веигрии». А вот еще: «Вампиры в Траисильваиии».

С выражеиием живейшего интереса ои листал страиицу за страиицей, читая с большим вниманием, ио вскоре отшвырнул книгу и сказал разочароваино:

— Чепуха, Уотсои, сущая чепуха. Какое иам дело до разгуливающих по земле мертвецов, которых можио загиать обратно в могилу, только вбив им кол в сердце? Абсолютиая ерунда.

— Но, позвольте, вампир ие обязательно мертвец,— запротестовал я.— Такими делами заиимаются и живые люди. Я, например, читал о стариках, сосавших кровь младеицев в иадежде вериуть себе молодость.

— Совершенно правильно. Здесь эти сказки тоже упомииаются. Но можио ли отиоситься к подобиым вещам серьезно? Наше агеитство частного сыска обеими иогами стоит иа земле и будет стоять так и впредь. Реальиая действительиость — достаточио широкое поле для иашей деятельности, с привидеиями к иам пусть ие ад-

ресуются. Полагаю, что мистера Роберта Фергюсона не следует принимать всерьез. Не исключено, что вот это письмо писано им самим, быть может, оно прольет свет на обстоятельства, явившиеся причиной его беспокойства.

Холмс взял конверт, пришедший с той же почтой и пролежавший на столе незамеченным, пока шло чтение первого письма. Он принялся за второе послание с веселой, иронической усмешкой, но постепенно она уступила место выражению глубочайшего интереса и сосредоточенности. Дочитав до конца, он некоторое время сидел молча, погруженный в свои мысли; исписанный листок свободно повис у него в пальцах. Наконец, вздрогнув, Холмс разом очнулся от задумчивости.

— Чизмен, Лемберли. Где находится Лемберли?

— В Суссексе, к югу от Хоршема.

— Не так уж далеко, а? Ну, а что такое Чизмен?

— Я знаю Лемберли — провинциальный уголок. Сплошь старые, многовековой давности дома, носящие имена первых хозяев — Чизмен, Одли, Харви, Карритон,— сами люди давно забыты, но имена их живут в построенных ими домах.

— Совершенно верно,— ответил Холмс сухо. Одной из странностей этой гордой, независимой натуры была способность с необычайной быстротой запечатлевать в своем мозгу всякое новое сведение, но редко признавать заслугу того, кто его этим сведением обогатил.— К концу расследования мы, вероятно, узнаем очень многое об этом Чизмене в Лемберли. Письмо, как я и предполагал, от Роберта Фергюсона. Кстати, он уверяет, что знаком с вами.

— Со мной?

— Прочтите сами.

Он протянул мне письмо через стол. Адрес отправителя гласил: «Чизмен, Лемберли».

Я стал читать:

«Уважаемый мистер Холмс!

Мне посоветовали обратиться к Вам, но дело мое столь деликатного свойства, что я затрудняюсь изложить его на бумаге. Я выступаю от имени моего друга. Лет пять тому назад он женился на молодой девушке, уро-

женке Перу, дочери перуанского коммерсанта, с которым познакомился в ходе переговоров относнтельно нмпорта нитратов. Молодая перуанка очень хороша собой, но ее иноземное происхожденне н чуждая религия привели к расхождению интересов и чувств между мужем и женой, и любовь моего друга к жене стала несколько остывать. Он даже готов был считать их союз ошибкой. Он видел, что некоторые черты ее характера навсегда останутся для него непостижимыми. Все это было особенно мучительно потому, что эта женщина, по-видимому, необычайно любящая и преданная ему супруга.

Перехожу к событиям, которые надеюсь изложить точнее при встрече. Цель этого письма лишь дать общее о них представление и выяснить, согласны ли Вы заняться этим делом. Последнее время жена моего друга стала вести себя очень странно, поступки ее шли совершенно вразрез с ее обычно мягким и кротким нравом. Друг мой женат вторично, и от первого брака у него есть пятнадцатилетний сын — очаровательный мальчик, с нежным, любящим сердцем, несмотря на то, что несчастный случай еще в детстве сделал его калекой. Теперешняя жена моего друга дважды и без малейшего повода набрасывалась на бедного ребенка с побоями. Один раз ударила его палкой по руке с такой силой, что от удара остался большой рубец.

Но все это не столь существенно по сравнению с ее отношением к собственному ребенку, прелестному мальчугану, которому не исполнилось и года. Как-то кормилица на несколько минут оставила его в детской одного. Громкий, отчаянный крик младенца заставил ее бегом вернуться назад. И тут она увидела, что молодая мать, прильнув к шейке сына, впилась в нее зубами: на шейке виднелась ранка, из нее текла струйка крови. Кормилица пришла в неописуемый ужас и хотела тотчас позвать хозяина, но женщина умолила ее никому ничего не говорить и даже заплатила пять фунтов за ее молчание. Никаких объяснений засим не последовало, и дело так и оставили.

Но случай этот произвел страшное впечатление на кормилицу. Она стала пристально наблюдать за хозяйкой и не спускала глаз со своего питомца, к которому испытывала искреннюю привязанность. При этом ей ка-

залось, что и хозяйка, в свою очередь, непрерывно за ней следит — стоило кормилице отойти от ребенка, как мать немедленно к нему кидалась. Днем и ночью кормилица стерегла дитя, днем и ночью его мать сидела в засаде, как волк, подстерегающий ягненка. Конечно, мои слова кажутся Вам совершенно невероятными, но, прошу Вас, отнеситесь к ним серьезно, быть может, от того зависят и жизнь ребенка и рассудок его отца. .

Наконец наступил тот ужасный день, когда стало невозможно что-либо скрывать от хозяина. Нервы кормилицы сдали, она чувствовала, что не в силах выдержать напряжение, и во всем ему призналась. Отцу ребенка ее рассказ показался таким же бредом, каким он, вероятно, кажется и Вам. Мой друг никогда не сомневался, что жена искренне и нежно его любит и что, если не считать этих двух нападений на пасынка, она такая же нежная, любящая мать. Разве могла она нанести рану своему собственному любимому дитяти? Мой друг заявил кормилице, что все это ей померещилось, что ее подозрения — плод больного воображения и что он не потерпит столь злостных поклепов на свою жену. Во время их разговора раздался пронзительный детский крик. Кормилица вместе с хозяином кинулась в детскую. Представьте себе чувства мужа и отца, когда он увидел, что жена, отпрянув от кроватки, поднимается с колен, а на шее ребенка и на простынке — кровь. С криком ужаса он повернул лицо жены к свету — губы ее были окровавлены. Сомнений не оставалось: она пила кровь младенца.

Таково положение дел. Сейчас несчастная сидит, заперshись в своей комнате. Объяснения между супругами не произошло. Муж едва ли не потерял рассудок. Он, как и я, плохо осведомлен о вампирах, собственно, кроме самого слова, нам ровно ничего не известно. Мы полагали, что это всего-навсего нелепое, дикое суеверие, не имеющее места в нашей стране. И вдруг в самом сердце Англии, в Суссексе... Все эти происшествия мы могли бы обсудить завтра утром. Согласны ли Вы меня принять? Согласны ли употребить свои необычайные способности в помощь человеку, на которого свалилась такая беда? Если согласны, то, прошу Вас, пошлите телеграмму на

нмя Фергюсона (Чнзмен, Лемберли), и к десятн часам я буду у Вас.

С уважением

Роберт Фергюсон.

P. S. Если не ошнбаюсь, Ваш друг Уотсон и я однажды встретнлнсь в матче регбн: он нграл в команде Блэкхнта, я — в команде Рнчмонда. Это единственная рекомендацня, которой я располагаю».

— Отлнчно помню,— сказал я, откладывая письмо в сторону.— Верзнла Боб Фергюсон, лучшнй трехчетвертной, какнм могла похвастать команда Рнчмонда. Славный, добродушный малый. Как это похоже на него — так блнзко прнннмать к сердцу непрнятности друга.

Холмс посмотрел на меня прнстально н покачал головой.

— Нникогда не знаешь, чего от вас ожндать, Уотсон,— сказал он.— В вас залежн еще не нсследованных возможностей. Будьте добры, запишнте текст телеграммы: «Охотно беремся расследованне вашего дела».

— «Вашего» дела?

— Пусть не воображает, что наше агентство — прнют слабоумных. Разумеется, речь ндет о нем самом. Пошлнте ему телеграмму, н до завтрашнего дня оставим все этн дела в покое.

На следующее утро, ровно в десять часов, Фергюсон вошел к нам в комнату. Я помннл его высокнм, поджарым, рукн н ногн как на шарннрах, н поразнтельное проворство, не раз помогавшее ему обставлять коллег нз команды протнвнника. Да, грустно встретнть жалкое подобне того, кто когда-то был велнколепным спортсменом, которого ты знавал в расцвете снл. Могучее, крепко сбнтое тело как будто усохло, льняные волосы поредели, плечн ссутулнлнсь. Боюсь, я своим вндом вызвал в нем те же чувства.

— Рад вас вндеть, Уотсон,— сказал он. Голос у него остался прежннй — густой н добродушный.— Вы не совсем похожн на того молодца, которого я перебросил за канат прямо в публнку в «Старом Оленьем Парке»[1]. Ду-

[1] Спортивный клуб в Ричмонде, около Лондона.

«Его прощальный поклон»

«Три Гарридеба»

маю, и я порядком изменился. Но меня состарили последние несколько дней. Из телеграммы я понял, мистер Холмс, что мне нечего прикидываться, будто я выступаю от имени другого лица.

— Всегда лучше действовать напрямик,— заметил Холмс.

— Согласен. Но поймите, каково это — говорить такие вещи о своей жене, о женщине, которой долг твой велит оказывать помощь и покровительство! Что мне предпринять? Неужели отправиться в полицию и все им выложить? Ведь и дети нуждаются в защите! Что же это с ней такое, мистер Холмс? Безумие? Или это у нее в крови? Сталкивались ли вы с подобными случаями? Ради всего святого, подайте совет. Я просто голову потерял.

— Вполне вас понимаю, мистер Фергюсон. А теперь сядьте, возьмите себя в руки и ясно отвечайте на мои вопросы. Могу вас заверить, что я далек от того, чтобы терять голову, и очень надеюсь, что мы найдем способ разрешить ваши трудности. Прежде всего скажите, какие меры вы приняли? Ваша жена все еще имеет доступ к детям?

— Между нами произошла ужасная сцена. Поймите, жена моя человек добрый, сердечный — на свете не сыщешь более любящей, преданной жены. Для нее было тяжким ударом, когда я раскрыл ее страшную, невероятную тайну. Она даже ничего не пожелала сказать. Ни слова не ответила мне на мои упреки — только глядит, и в глазах дикое отчаяние. Потом бросилась к себе в комнату и заперлась. И с тех пор отказывается меня видеть. У нее есть горничная по имени Долорес, служила у нее еще до нашего брака, скорее подруга, чем служанка. Она и носит жене еду.

— Значит, ребенку не грозит опасность?

— Миссис Мэйсон, кормилица, поклялась, что не оставит его без надзора ни днем, ни ночью. Я ей полностью доверяю. Я больше тревожусь за Джека, я вам писал, что на него дважды было совершено настоящее нападение.

— Однако никаких увечий не нанесено?

— Нет. Но ударила она его очень сильно. Поступок вдвойне жестокий, ведь мальчик — калека, несчаст-

ный калека.— Обострившиеся черты лица Фергюсона как будто стали мягче, едва он заговорил о старшем сыне.— Казалось бы, несчастье этого ребенка должно смягчить сердце любого: Джек в детстве упал и повредил себе позвоночник. Но сердце у мальчика просто золотое.

Холмс взял письмо Фергюсона и стал его перечитывать.

— Кроме тех, кого вы назвали, кто еще живет с вами в доме?

— Две служанки, они у нас недавно. В доме еще ночует конюх Майкл. Остальные — это жена, я, старший мой сын Джек, потом малыш, горничная Долорес и кормилица миссис Мэйсон. Больше никого.

— Насколько я понял, вы мало знали вашу жену до свадьбы?

— Мы были знакомы всего несколько недель.

— А Долорес давно у нее служит?

— Несколько лет.

— Значит, характер вашей жены лучше известен горничной, чем вам?

— Да, пожалуй.

Холмс что-то записал в свою книжку.

— Полагаю, в Лемберли я смогу оказаться более полезным, чем здесь. Дело это, безусловно, требует расследования на месте. Если жена ваша не покидает своей комнаты, наше присутствие в доме не причинит ей никакого беспокойства и неудобств. Разумеется, мы остановимся в гостинице.

Фергюсон издал вздох облегчения.

— Именно на это я и надеялся, мистер Холмс. С вокзала Виктория в два часа отходит очень удобный поезд — если это вас устраивает.

— Вполне. Сейчас в делах у нас затишье. Я могу целиком посвятить себя вашей проблеме. Уотсон, конечно, поедет тоже. Но прежде всего я хотел бы уточнить некоторые факты. Итак, несчастная ваша супруга нападала на обоих мальчиков — и на своего собственного ребенка и на вашего старшего сынишку?

— Да.

— Но по-разному. Вашего сына она только избила.

— Да, одии раз палкой, другой раз била прямо руками.

— Оиа вам объясиила свое поведеиие в отиошеиии пасыика?

— Нет. Сказала только, что иеиавидит его. Все повтоияла: «Ненавижу, ненавижу...»

— Ну, с мачехами это случается. Ревиость задним числом, если можио так выразиться. А как оиа по иатуре — ревиивая?

— Очеиь. Оиа южаика, ревиость у иее такая же яростиая, как и любовь.

— Но мальчик — ведь ему, вы сказали, пятиадцать лет, и если физически он неполноцеиен, тем более, вероятио, высоко его умствеиное развитие,— разве он ие дал вам никаких объяснеиий?

— Нет. Сказал, что это без всякой причиины.

— А какие отиошения у них были прежде?

— Оии всегда друг друга иедолюбливали.

— Вы говорили, что мальчик ласковый, любящий.

— Да, трудио иайти более предаииого сыиа. Он буквально живет моей жизнью, целиком поглощеи тем, чем я заият, ловит каждое мое слово.

Холмс снова что-то записал себе в киижку. Некоторое время он сосредоточеиио молчал.

— Вероятио, вы были очень близки с сыиом до вашей второй жеиитьбы — постояиио вместе, все делили?

— Мы почти не разлучались.

— Ребенок с такой чувствительной душой, коиечио, свято храиит память матери?

— Да, он ее ие забыл.

— Должио быть, очеиь иитересный, заиятиый мальчуган. Еще один вопрос касательио побоев. Нападеиие иа младеица и иа старшего мальчика произошло в одии и тот же деиь?

— В первый раз да. Ее словио охватило безумие, и оиа обратила свою ярость иа обоих. Второй раз пострадал только Джек, со стороиы миссис Мэйсои иикаких жалоб отиосительио малыша ие поступало.

— Это иесколько осложияет дело.

— Не совсем вас поиимаю, мистер Холмс.

— Возможио. Видите ли, обычио сочиняешь себе времеиную гипотезу и выжидаешь, пока полиое зиаиие поло-

жения вещей не разобьет ее вдребезги. Дурная привычка, мистер Фергюсон, что и говорить, но слабости присущи человеку. Боюсь, ваш старый приятель Уотсон внушил вам преувеличенное представление о моих научных методах. Пока я могу вам только сказать, что ваша проблема не кажется мне неразрешимой и что к двум часам мы будем на вокзале Викторня.

Был тусклый, туманный ноябрьский вечер, когда, оставив наши чемоданы в гостинице «Шахматная Доска» в Лемберли, мы пробирались через суссекский глинозем по длинной, извилистой дороге, приведшей нас в конце концов к старинной ферме, владению Фергюсона,— широкому, расползшемуся во все стороны дому, с очень древней средней частью и новехонькими боковыми пристройками. На остроконечной крыше, сложенной из хоршемского горбыля и покрытой пятнами лишайника, поднимались старые, тюдоровские трубы. Ступени крыльца покривились, на старинных плитках, которыми оно было вымощено, красовалось изображение человека и сыра — «герб» первого строителя дома [1]. Внутри под потолками тянулись тяжелые дубовые балки, пол во многих местах осел, образуя глубокие кривые впадины. Всю эту старую развалину пронизывали запахи сырости и гнили.

Фергюсон провел нас в большую, просторную комнату, помещавшуюся в центре дома. Здесь в огромном старомодном камине с железной решеткой, на которой стояла дата «1670», полыхали толстые поленья.

Осмотревшись, я увидел, что в комнате царит смесь различных эпох и мест. Стены, до половины обшитые дубовой панелью, относились, вероятно, к временам фермера-йомена, построившего этот дом в семнадцатом веке. Но по верхнему краю панели висело собрание со вкусом подобранных современных акварелей, а выше, там, где желтая штукатурка вытеснила дуб, расположилась отличная коллекция южноамериканской утвари и оружия— ее, несомненно, привезла с собой перуанка, что сидела сейчас запершись наверху, в своей спальне. Холмс быст-

[1] *Чизмен* (cheeseman) — сыровар.

ро встал и с живейшим любопытством, присущим его необыкновенно острому уму, внимательно рассмотрел всю коллекцию. Когда он снова вернулся к нам, выражение лица у него было серьезное.

— Эге, а это что такое? — воскликнул он вдруг. В углу в корзине лежал спаниель. Теперь собака с трудом поднялась и медленно подошла к хозяину. Задние ее ноги двигались как-то судорожно, хвост волочился по полу. Она лизнула хозяину руку.

— В чем дело, мистер Холмс?

— Что с собакой?

— Ветеринар ничего не мог понять. Что-то похожее на паралич. Предполагает менингит. Но пес поправляется, скоро будет совсем здоров, правда, Карло?

Опущенный хвост спаниеля дрогнул в знак согласия. Печальные собачьи глаза глядели то на хозяина, то на нас. Карло понимал, что разговор идет о нем.

— Это произошло внезапно?

— В одну ночь.

— И давно?

— Месяца четыре назад.

— Чрезвычайно интересно. Наталкивает на определенные выводы.

— Что вы тут усмотрели, мистер Холмс?

— Подтверждение моим догадкам.

— Ради бога, мистер Холмс, скажите, что у вас на уме? Для вас наши дела, быть может, всего лишь занятная головоломка, но для меня это вопрос жизни и смерти. Жена в роли убийцы, ребенок в опасности... Не играйте со мной в прятки, мистер Холмс. Для меня это слишком важно.

Высоченный регбист дрожал всем телом. Холмс мягко положил ему на плечо руку.

— Боюсь, мистер Фергюсон, при любом исходе дела вас ждут впереди новые страдания,— сказал он.— Я постараюсь щадить вас, насколько то в моих силах. Пока больше ничего не могу добавить. Но надеюсь, прежде чем покинуть этот дом, сообщить вам что-то определенное.

— Дай-то бог! Извините меня, джентльмены, я поднимусь наверх, узнаю, нет ли каких перемен.

Он отсутствовал несколько минут, и за это время Холмс возобновил свое изучение коллекции на стене. Когда наш хозяин вернулся, по выражению его лица было ясно видно, что все осталось в прежнем положении. Он привел с собой высокую, тоненькую, смуглую девушку.

— Чай готов, Долорес,— сказал Фергюсон.— Последи, чтобы твоя хозяйка получила все, что пожелает.

— Хозяйка больная, сильно больная! — выкрикнула девушка; негодующе сверкая глазами на своего господина.— Еда не ест, сильно больная. Надо доктор. Долорес боится быть одна с хозяйка, без доктор.

Фергюсон посмотрел на меня вопросительно.

— Очень рад быть полезным.

— Узнай, пожелает ли твоя хозяйка принять доктора Уотсона.

— Долорес поведет доктор. Не спрашивает можно. Хозяйка надо доктор.

— В таком случае я готов идти немедленно.

Я последовал за дрожащей от волнения девушкой по лестнице и дальше, в конец ветхого коридора. Там находилась массивная, окованная железом дверь. Мне пришло в голову, что если бы Фергюсон вздумал силой проникнуть к жене, это было бы ему не так легко. Долорес вынула из кармана ключ, и тяжелые дубовые створки скрипнули на старых петлях. Я вошел в комнату, девушка быстро последовала за мной и тотчас повернула ключ в замочной скважине.

На кровати лежала женщина, несомненно, в сильном жару. Она была в забытьи, но при моем появлении вскинула на меня свои прекрасные глаза и смотрела, не отрываясь, со страхом. Увидев,что это посторонний, она как будто успокоилась и со вздохом снова опустила голову на подушку. Я подошел ближе, сказал несколько успокаивающих слов; она лежала не шевелясь, пока я проверял пульс и температуру. Пульс оказался частым, температура высокой, однако у меня сложилось впечатление, что состояние женщины вызвано не какой-либо болезнью, а нервным потрясением.

— Хозяйка лежит так один день, два дня. Долорес боится, хозяйка умрет,— сказала девушка.

Женщина повернула ко мне красивое пылающее лицо.

— Где мой муж?

— Он внизу и хотел бы вас видеть.

— Не хочу его видеть, не хочу...— Тут она как будто начала бредить: — Дьявол! Дьявол!.. О, что мне делать с этим исчадием ада!..

— Чем я могу помочь вам?

— Ничем. Никто не может помочь мне. Все кончено. Все погибло... И я не в силах ничего сделать, все, все погибло!..

Она явно находилась в каком-то непонятном заблуждении; я никак не мог себе представить милягу Боба Фергюсона в роли дьявола и исчадия ада.

— Сударыня, ваш супруг горячо вас любит,— сказал я.— Он глубоко скорбит о случившемся.

Она снова обратила на меня свои чудесные глаза.

— Да, он любит меня. А я, разве я его не люблю? Разве не люблю я его так сильно, что готова пожертвовать собой, лишь бы не разбить ему сердца?.. Вот как я его люблю... И он мог подумать обо мне такое... мог так говорить со мной...

— Он преисполнен горя, но он не понимает.

— Да, он не в состоянии понять. Но он должен верить!

— Быть может, вы все же повидаетесь с ним?

— Нет, нет! Я не могу забыть те жестокие слова, тот взгляд... Я не желаю его видеть. Уходите. Вы ничем не можете мне помочь. Скажите ему только одно: я хочу, чтобы мне принесли ребенка. Он мой, у меня есть на него права. Только это и передайте мужу.

Она повернулась лицом к стене и больше не произнесла ни слова.

Я спустился вниз. Фергюсон и Холмс молча сидели у огня. Фергюсон угрюмо выслушал мой рассказ о визите к больной.

— Ну, разве могу я доверить ей ребенка? — сказал он.— Разве можно поручиться, что ее вдруг не охватит опять то ужасное, неудержимое желание... Разве могу я забыть, как она тогда поднялась с колен и вокруг ее губ — кровь?

Он вздрогнул, вспомнив страшную сцену.

— Ребенок с миссис Мэйсон, там он в безопасности, там он и останется.

Элегантная горничная, самое современное явление, какое мы доселе наблюдали в этом доме, внесла чай. Пока она хлопотала у стола, дверь распахнулась, и в комнату вошел подросток весьма примечательной внешности — бледнолицый, белокурый, со светло-голубыми беспокойными глазами, которые так и вспыхнули от волнения и радости, едва он увидел отца. Мальчик кинулся к нему, с девичьей нежностью обвил его шею руками.

— Папочка, дорогой! — воскликнул он.— Я и не знал, что ты уже приехал! Я бы вышел тебя встретить. Как я рад, что ты вернулся!

Фергюсон мягко высвободился из объятий сына; он был несколько смущен.

— Здравствуй, мой дружок,— сказал он ласково, гладя льняные волосы мальчика.— Я приехал раньше потому, что мои друзья, мистер Холмс и мистер Уотсон, согласились поехать со мной и провести у нас вечер.

— Мистер Холмс? Сыщик?

— Да.

Мальчик поглядел на нас испытующе и, как мне показалось, не очень дружелюбно.

— А где второй ваш сын, мистер Фергюсон? — спросил Холмс.— Нельзя ли нам познакомиться и с младшим?

— Попрошу миссис Мэйсон принести сюда малыша,— обратился Фергюсон к сыну. Тот пошел к двери странной, ковыляющей походкой, и мой взгляд хирурга тотчас определил повреждение позвоночника. Вскоре мальчик вернулся, за ним следом шла высокая, сухопарая женщина, неся на руках очаровательного младенца, черноглазого, золотоволосого — чудесное скрещение рас, саксонской и латинской. Фергюсон, как видно, обожал и этого сынишку, он взял его на руки и нежно приласкал.

— Только представить себе, что у кого-то может хватить злобы обидеть такое существо,— пробормотал он, глядя на небольшой, ярко-красный бугорок на шейке этого амура.

И тут я случайно взглянул на моего друга и подивился напряженному выражению его лица — оно словно ока-

менело, словно было вырезано из слоновой кости. Взгляд Холмса, на мгновение задержавшись на отце с младенцем, был прикован к чему-то, находящемуся в другом конце комнаты. Проследив за направлением этого пристального взгляда, я увидел только, что он обращен на окно, за которым стоял печальный, поникший под дождем сад. Наружная ставня была наполовину прикрыта и почти заслоняла собой вид, и тем не менее глаза Холмса неотрывно глядели именно в сторону окна. И тут он улыбнулся и снова посмотрел на младенца. Он молча наклонился над ним и внимательно исследовал взглядом красный бугорок на мягкой детской шейке. Затем схватил и потряс махавший перед его лицом пухлый, в ямочках кулачок.

— До свидания, молодой человек. Вы начали свою жизнь несколько бурно. Миссис Мэйсон, я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Они встали поодаль и несколько минут о чем-то серьезно беседовали. До меня долетели только последние слова: «Надеюсь, всем вашим тревогам скоро придет конец». Кормилица, особа, как видно, не слишком приветливая и разговорчивая, ушла, унеся ребенка.

— Что представляет собой миссис Мэйсон? —спросил Холмс.

— Внешне она, как видите, не очень привлекательна, но сердце золотое, и так привязана к ребенку.

— А тебе, Джек, она нравится?

И Холмс круто к нему повернулся.

Выразительное лицо подростка как будто потемнело. Он затряс отрицательно головой.

— У Джека очень сильны и симпатии и антипатии,— сказал Фергюсон, обнимая сына за плечи.— По счастью, я отношусь к первой категории.

Мальчик что-то нежно заворковал, прильнув головой к отцовской груди. Фергюсон мягко его отстранил.

— Ну, беги, Джекки,— сказал он и проводил сына любящим взглядом, пока тот не скрылся за дверью.— Мистер Холмс,—обратился он к моему другу,—я, кажется, заставил вас проехаться попусту. В самом деле, ну что вы можете тут поделать, кроме как выразить сочувствие? Вы, конечно, считаете всю ситуацию слишком сложной и деликатной.

— Делнкатной? Безусловно,— ответнл мой друг, чуть улыбнувшнсь.— Но не могу сказать, что поражен ее сложностью. Я решнл эту проблему методом дедукцнн. Когда первоначальные результаты дедукцнн стали пункт за пунктом подтверждаться целым рядом не связаиных между собой фактов, тогда субъектнвное ощущенне стало объектнвной нстнной. И теперь можно с уверенностью заявнть, что цель достнгиута. По правде говоря, я решил задачу еще до того, как мы покннули Бейкер-стрнт,— здесь, на месте, оставалось только наблюдать н получать подтвержденне.

Фергюсон провел рукой по нахмуренному лбу.

— Ради бога, Холмс,— сказал он хрнпло,— еслн вы в чем-то разобралнсь, не томите меня. Как обстонт дело? Как следует поступить? Мне безразлнчно, какнм путем вы добились истнны, мие важны самн результаты.

— Конечно, мне надлежит дать вам объясненне, н вы его получнте. Но позвольте мне вестн дело, согласно собственным моим методам. Скажнте, Уотсон, в состоянии лн мнссис Фергюсои выдержать иаше посещенне?

— Она больна, но в полном сознанни.

— Прекрасно. Окончательно все выясннть мы сможем только в ее присутствии. Подиимемся наверх.

— Но ведь она ие хочет меня вндеть! — воскликиул Фергюсон.

— Не беспокойтесь, захочет,— сказал Холмс. Он начеркал несколько слов на листке бумагн.— Во всяком случае, у вас, Уотсои, есть офицнальное право на внзит к больной. Будьте так любезиы, передайте мадам эту записку.

Я вновь поднялся по лестнице и вручнл запнску Долорес, осторожио открывшей дверь иа мой голос. Через миинуту я услышал за дверью возгласы, одновременно радостиые н уднвлеииые. Долорес выглянула нз-за дверн н сообщнла:

— Она хочет вндеть. Оиа будет слушать.

По моему знаку Фергюсон и Холмс поднялнсь иаверх. Все трое мы вошли в спальню. Фергюсон шагнул было к жеие, прнподнявшейся в постели, но она вытянула руку вперед, словно отталкивая его. Он опустился в кресло. Холмс сел рядом с инм, предварнтельно отвеснв поклон

жеищиие, глядевшей иа иего широко раскрытыми, изумлеииыми глазами.

— Долорес, я думаю, мы можем отпустить...— иачал было Холмс.— О, сударыня, конечно, если желаете, оиа остаиется, возражеиий иет. Ну-с, мистер Фергюсои, должен сказать, что человек я заиятой, а посему предпочитаю зря время ие тратить. Чем быстрее хирург делает разрез, тем меиьше боли. Прежде всего хочу вас успокоить. Ваша жеиа прекрасиая, любящая вас жеищиа, иесправедливо обижеииая.

С радостиым криком Фергюсои вскочил с кресла.

— Докажите мне это, мистер Холмс, докажите, и я ваш должиик по гроб жизии!

— Докажу, но при этом буду выиуждеи причинить вам новые страдаиия.

— Все остальиое безразличио, лишь бы была оправдаиа моя жеиа. По сравиению с этим иичто ие имеет значеиия.

— В таком случае разрешите мне изложить вам ход моих умозаключений еще там, на Бейкер-стрит. Мысль о вампирах я почел абсурдной. В практике аиглийской криминалистики подобные случаи места не имели. И в то же время, Фергюсои, вы действительно видели, как ваша жеиа отпрянула от кроватки сыиа, видели кровь иа ее губах.

— Да, да.

— А вам ие пришло в голову, что из раики высасывают кровь ие только для того, чтобы ее пить? Вам ие вспомииается иекая аиглийская королева, которая высасывала кровь из раиы для того, чтобы извлечь из иее яд?

— Яд?

— В доме, где хозяйство ведется на южноамерикаиский лад, должна быть коллекция оружия — иистиикт подсказал мие это прежде, чем я увидел ее собствеиными глазами. Мог быть использоваи, коиечно, и какой-либо другой яд, ио это первое, что пришло мие иа ум. Когда я заметил пустой колчаи возле иебольшого охотиичьего лука, я увидел имеиио то, что ожидал увидеть. Если младеиец был раиеи одной из его стрел, смочеиных соком кураре или каким-либо другим дьявольским зельем, ему грозила иеминуемая смерть, если ие высосать яд из ранки.

И потом собака. Тот, кто задумал пустить в ход такой яд, сперва непременно испытал бы его, чтобы проверить, не утратил ли он свою силу. Случая с собакой я не предвидел, но смысл его разгадал, и этот факт занял свое место в моем логическом построеннн.

Ну, теперь-то вы поняли? Ваша жена страшнлась за младенца. Нападение произошло прн ней, и оиа спасла своему ребенку жнзиь. Но она не захотела открыть вам правду, зная, как снльно вы любнте мальчнка, зная, что это разобьет вам сердце.

— Джекки!..

— Я наблюдал за ннм, когда вы ласкалн младшего. Его лнцо ясно отражалось в оконном стекле там, где закрытая ставня создавала темный фон. Я прочел на этом лнце выражеине такой ревностн, такой жгучей ненависти, какую мне редко доводилось видеть.

— Мой Джеккн!

— Отиеситесь к этому мужественио, Фергюсон. Особенио печально, что прнчнна, толкнувшая мальчика иа такой поступок, кроется в чрезмерной, нездоровой, маниакальной любви к вам н, возможно, к покойной матери. Душу его пожирает неиависть к этому велнколепиому ребенку, чье здоровье н красота — прямой контраст с его собствеиной немощностью.

— Боже правый! Просто невозможио поверить!

— Я сказал правду, сударыня?

Женщнна рыдала, зарывшись лицом в подушкн. Но вот она повернулась к мужу.

— Как могла я рассказать тебе это, Боб? Наиести тебе такой удар! Я предпочла ждать, пока чьн-нибудь другие уста, не мон, откроют тебе нстину. Когда этот джентльмеи — ои настоящнй маг и волшебинк,— иаписал, что все зиает, я так обрадовалась!

— Мой рецепт юному Джекки — год путешествня по морю,— сказал Холмс, поднимаясь со стула.— Одно мне не совсем ясио, сударыня. Ваш гнев, обрушившнйся на Джеккн, вполне понятен. И матернискому терпению есть предел. Но как вы решнлнсь оставнть младенца на эти два дня без своего иадзора?

— Я надеялась на миссис Мэйсон. Она знает правду, я ей все сказала.

— Так я и предполагал.

Фергюсон стоял возле кроватн, дыханне у него прерывалось, протянутые к жене рукн дрожалн.

— Теперь, Уотсон, я полагаю, нам пора удалнться со сцены,— шепнул мне Холмс.— Еслн вы возьмете не в меру преданную Долорес за однн локоток, я возьму ее за другой. Ну-с,— продолжал он, когда дверь за намн закрылась,— я думаю, мы можем предоставнть им самнм улажнвать свои отношення.

Мне осталось лншь познакомить чнтателя с еще одной запнской — Холмс отправнл ее в ответ на то послание, с которого этот рассказ начался. Вот она:

«Бейкер-стрит
21 ноября.

Касательно вампиров

Сэр!

В ответ на Ваше пнсьмо от 19 ноября сообщаю, что я взял на себя веденне дела мнстера Роберта Фергюсона нз торгового дома «Фергюсон н Мюнрхед, поставщикн чая» на Мннснпг-лейн, н расследованне оного дела дало удовлетворнтельные результаты.

С благодарностью за рекомендацню
остаюсь, сэр,
Ваш покорный слуга
Шерлок Холмс».

ТРИ ГАРРИДЕБА

Историю эту можно в равной мере назвать как трагедией, так и комедией. В результате ее один человек лишился рассудка, второму — вашему покорному слуге — досталось небольшое «кровопускание», третий угодил за решетку. И все же у нее есть и комическая сторона. Впрочем, судите сами.

Я могу указать точную дату случившегося, ибо все это произошло в тот месяц, когда Холмс отказался от дворянского звания, пожалованного ему за услуги, которые, быть может, еще будут описаны. Пока я об этом упоминаю лишь вскользь: положение партнера и доверенного лица вынуждает меня остерегаться малейшей нескромности. Но, повторяю, именно этот факт позволяет мне установить дату: самый конец июня тысяча девятьсот второго года, вскоре после окончания Бурской войны. Холмс несколько дней не вставал с постели,— с ним это часто бывало. Однако в то утро он вышел из спальни, держа в руке большой исписанный лист бума-

В строгих серых глазах Холмса плясали веселые

ставляется возможность недур-

нули вы такую фами-

— А, это длнниая история, к тому же весьма любопытная. Мы с вамн ломали головы над множеством сложиых, путаиых задач, но такой оригинальной нам, кажется, еще не попадалось. С мииуты на минуту должен явиться тот, кого нам с вами предстоит подвергнуть допросу. До его прихода не стану ничего рассказывать. Пока займемся самим нменем.

Телефонная книга лежала на столе у меия под рукой. Я полистал страницы, не слишком надеясь на успех, н, к своему удивленню, тут же нашел в соответствующем месте эту странную фамнлню.

— Есть! — воскликнул я торжествующе.— Вот, пожалуйста, получайте!

Холмс взял кингу у меня из рук.

— «Н. Гарриндеб, Вест-Энд, Лнтл-Райдер-стрнт, 136»,— прочел он вслух.— Должен вас разочаровать, Уотсон, но это уже нзвестный мне Гарриндеб. Видите, вот его адрес на письме. Нам нужен второй Гарридеб, под пару первому, понимаете?

Вошла мнссис Хадсон, неся на подносике визитиую карточку. Я заглянул в нее.

— Смотрнте-ка, вот н второй! — воскликнул я в изумленнн.— Все даниые другие: «Джон Гарридеб, адвокат. США, Каизас, Мурвилл».

Пробежав глазами карточку, Холмс улыбиулся.

— Боюсь, Уотсон, вам придется сделать еще одиу попытку. Этот джентльмен уже участвует в нгре, хотя, признаться, я не рассчитывал увндеть его так скоро. Надеюсь, нам удастся кое-что от него выведать.

В следующую мнну мистер Джон Гарридеб, адвокат, стоял у нас в комнате — коренастый, мощного сложення мужчина с гладко выбритым круглым свежим лнцом, какие часто встречаешь у американских дельцов. Особенно примечательна была необыкиовениая, почти детская пухлость этого лица, с которого не сходила широкая улыбка,— создавалось впечатление, что это еще совсем молодой человек. Но глаза у него были поразнтельные. Редко случалось мие видеть пару человеческих глаз, столь явно свидетельствующих о необычайно напряженной внутренней жизни их обладателя,— так оин былн яркн, так настороженны, так мгиовеино отражали малейшее двнжение мысли. Выговор у мистера

Джоиа Гарридеба был американский, но речь правильиая, без развязиых американизмов.

— Мистер Холмс? — проговорил он, поочередно обводя нас взглядом.— А, ну да, конечно. Вас нетрудио узиать по фотографиям, сэр, если разрешите заметить. Вы, надо полагать, уже получили письмо от моего тезки, мистера Натана Гарридеба?

— Садитесь, прошу вас,— сказал Шерлок Холмс.— Нам предстоит кое-что обсудить.— Он взял со стола исписанный лист.— Вы, разумеется, мистер Джон Гарридеб, упомииаемый в письме,— мистер Джон Гарридеб из Америки. Но, позвольте, вы ведь уже давио живете в Аиглии?

— С чего вы взяли?

Мне показалось, что в выразительных глазах американца я прочел подозреиие.

— Все, что на вас надето,— английского производства.

Мистер Гарридеб прииужденно рассмеялся.

— Я читал про ваши фокусы, мистер Холмс, но никак ие думал, что вы стаиете проделывать их иа мие. Как это вы сообразили?

— Покрой плеч вашего пиджака, носки ботинок,— разве тут можно ошибиться?

— Вот уж ие знал, что выгляжу таким заправским англичанином. Да, верно. Не так давно дела вынудили меня перебраться сюда, потому-то почти все, что на мне, куплено в Лондоне, как вы подметили. Но время ваше, иадо полагать, дорого стоит, и мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать фасон моей обуви. Как насчет того, чтобы перейти к бумаге, что у вас в руках?

Холмс чем-то вызвал раздражеиие у нашего посетителя, и пухлое его лицо в значительной степеии утратило свою приветливость.

— Терпеиие, терпение, мистер Гарридеб,— проговорил мой друг успокаивающим тоном.— Доктор Уотсои может вас заверить, что мои небольшие отклонения от главного в конце концов часто оказываются в прямой с ним связи. Но почему мистер Натан Гарридеб ие пришел вместе с вами?

— И какого дьявола втянул он вас в наши дела? — неожиданно вскипел американский адвокат.— Какое, черт

возьмн, имеете вы к ним касательство? Два джентльмена обсуждают лнчные свон отношення, н, нате вам, одному нз ннх вдруг зачем-то понадобнлось пригласать сыщика! Сегодня утром захожу к старнку н узнаю, какую дурацкую шутку он со мной сыграл. По этой прнчнне я и явился сюда. В общем, его затея мне очень не по нутру.

— Она не бросает нникакой тенн на вас, мнстер Гарриндеб. Мнстер Натан Гарриндеб всего лишь проявнл усердне для достнженння цели, однаково важной для вас обонх, насколько я понял. Зная, что я располагаю средствамн добывать нужные сведення, он, естественно, обратнлся нменно ко мне.

Рассерженное лнцо нашего посетнтеля постепенно прояснилось.

— Тогда дело другое,— сказал он.— Я, как только узнал, что старый чудак вздумал проснть подмогн у сыщнка, сразу взял у него адрес н прямо к вам. Не желаю, чтобы полнцня совала нос в нашн частные дела. Но если вы действнтельно беретесь разыскать необходнмого нам человека,— что ж, я не возражаю.

— Все нменно так н обстонт,— сказал Холмс.— А теперь, сэр, раз уж вы здесь, мы бы хотелн услышать нз вашнх собственных уст перечень основных фактов. Моему другу совершенно нензвестны подробностн.

Мнстер Гарриндеб окннул меня не слишком дружелюбным взглядом.

— А зачем ему знать? — спросил он.

— Обычно мы работаем вместе.

— Ну что ж, у меня нет прнчнны держать мон дела в секрете. Выложу вам все н как можно короче. Будь вы родом нз Канзаса, мне было бы незачем объяснять, кто такой Александр Гамнльтон Гарриндеб. Он сколотнл себе состоянне на недвнжнмом нмуществе н еще спекулнровал пшеницей на чнкагской бнрже. А деньгн тратнл на одно: скупал земли по берегам Арканзас-рнвер, к западу от Форт-Доджа. Столько нх накупнл, что хватнло бы на любое ваше графство,— пастбнща, строевой лес, пашнн, рудникн — все, что способно прнносить доллары нх владельцу.

Нн родни, нн блнзкнх у Александра Гарриндеба не было, я, во всяком случае, нн об одном не слышал.

Но старнка прямо-такн распнрала гордость оттого, что у него такая дновннная фамнлня. Это-то нас н свело. Я тогда адвокатствовал в Топеке, н как-то раз старнк является ко мне. До чего же он обрадовался, что встретнл одиофамнльца! У него это стало настоящим пунктнком, н он решнл во что бы то нн стало разузиать, существуют лн еще где-нибудь другне Гарриндебы. «Сыщите мне хоть одного!» — упрашнвал он меня. Я сказал, что я человек занятой, некогда мне рыскать по белу свету, охотнться за Гарриндебамн. «Ничего, ннчего,— сказал он,— нменно этнм вы н займетесь, еслн выгорит у меня то, что я затеял». Я, конечно, подумал, что старнк просто дурачнтся, но оказалось, в словах его скрывался очень н очень большой смысл, в чем я скоро убедился.

Года не прошло, как он, вндите лн, умер н оставил завещанне такое чудно́е, какнх в Канзасе регистрнровать еще не прнходнлось. Все свое состоянне старнк разделнл на трн частн н одну завещал мие на том условин, что я раздобуду еще пару Гарриндебов,— они тоже получат наследство, каждый свою долю. Это выходнт ровиехонько по пятн миллнонов на брата! Но ни один нз нас не увидит ни гроша, пока не соберется вся иаша тройка вместе.

Это было так заманчнво, что я забросил свою адвокатуру н принялся за понски Гарриндебов. В Соединенных Штатах нх нет. Я прочесал страну, сэр, можно сказать, самым частым гребнем, но не нашел ни одного. Тогда я двинулся в Англню. И что же? В лоидонской телефонной кннге стонт это нмя, Натан Гарридеб! Два дня тому назад я зашел к нему, рассказал, как обстонт дело. Старик однн-одннешенек, вроде меня, то есть родня у него где-то есть, но все только женщнны, нн одного мужчнны. А по завещанню требуется трое мужчин. Так что, как вндите, одно место еще свободно, н еслн вы поможете нам его заполннть, мы готовы оплатнть вашн услуги.

— Ну как, Уотсон,— обратнлся ко мне Холмс, улыбаясь,— не говорнл лн я, что это прелюбопытная нсторня? Я полагаю, сэр, вам первым долгом следует поместнть в газетах объявленне о розысках.

— Уже проделано, мнстер Холмс. Все попусту.

— Нет, в самом деле, нсторня весьма курьезиая. Пожалуй, займусь ею на досуге. Кстатн, это нитересно, что

вы нз Топекн. Я когда-то вел перепнску с однм из тамошнх жнтелей — его звали доктор Лнзандер Старр. В 1890 году он был мэром.

— Славный был старик, доктор Старр. Его имя и сейчас у нас в почете. Так вот, мнстер Холмс, сдается мне, нам нужно держать с вами связь. Что ж, будем сообщать, как подвигаются нашн поиски. Думаю, через день-два даднм о себе зиать.

Заверив нас в этом, наш амернкаискнй знакомец поклоннлся н вышел.

Холмс раскурнл трубку н некоторое время сидел молча. На лнце его блуждала страниая улыбка.

— Ну? — спроснл я наконец.

— Любопытно, Уотсои, чрезвычайно любопытио.

— Что именно?

Холмс вынул трубку нзо рта.

— А вот что: с какой целью этот джентльмеи наплел нам столько небылиц? Я чуть ие спросил его об этом прямо: нной раз грубая атака — наилучшая тактика,— но потом решнл оставить его в приятиом заблуждении, пусть думает, что одурачил нас. Человек в пиджаке англнйского покроя да еще с протертымн локтямн н в брюках, которые от годовалой носкн лежат иа коленях мешком, оказывается, еслн верить письму н собствеиному его заявлеиию, амернкаиским провинцналом, только что прибывшим в Аигланю. Нпкаких объявленнй о розысках в газетах не появлялось. Вы знаете, я ннкогда нх не пропускаю, онн служат мне прикрытием, когда требуется поднять дичь. Неужели я прозевал бы подобного фазана? И ннкакого доктора Лнзаидера Старра из Топекн я не зиаю. В общем, куда нн поверни, все сплошная фальшь. Вероятио, он действнтельно американец, но почти утратнл акцент, прожив несколько лет в Лондоне. Что за всем этнм скрывается, каковы подлнпные мотивы нелепых розысков людей с фамилией Гарриндеб? Да, этнм субъектом следует заняться. Еслн он мошен-

[illegible] изобретательный и хитро-

[illegible] и автор

— Да-да, говорит Натан Гарриджб. Нет ли поблизости мистера Холмса? Я бы очень хотел с ним поговорить.

Холмс взял трубку, и я услышал обычные обрывки разговора:

— Да, он заходил к нам. Кажется, вы не слишком хорошо его знаете? Знакомы недавно? Всего два дня?.. Да-да, конечно, перспективы заманчивые... Вы сегодня вечером дома? А ваш однофамилец не обещал зайти?.. Нет? Отлично, мы придем, я как раз хотел поболтать с вами не в его присутствии... Со мной будет доктор Уотсон... Из вашего письма я понял, что вы редко отлучаетесь из дому... Так, значит, мы будем у вас около шести. Американского адвоката оповещать о том не стоит. Всего хорошего, до скорой встречи.

Спускались чудесные весенние сумерки, и даже Литл-Райдер-стрит, крохотная улочка, отходящая от Эджуэрроуд неподалеку от недоброй памяти Тайберн-Три [1], дышала прелестью и казалась совсем золотой от косых лучей заходящего солнца. Мы нашли нужный нам дом — приземистое, старомодное здание времени первых Георгов; ровный кирпичный фасад его украшали лишь два окна-фонаря на первом этаже, выступавшие глубоко вперед. Именно на этом этаже и жил наш клиент, оба эти окна, как выяснилось, принадлежали огромной комнате, где он проводил свои дни. Мы подошли к двери, и Холмс обратил мое внимание на небольшую медную дощечку, на которой стояло знакомое нам странное имя: Гарриджб.

— Находится здесь уже несколько лет,— заметил Холмс, указывая на потускневшую медь.— Во всяком случае, этот не самозванец. Следует учесть.

Лестница в доме была одна, общая, и на стенах холла мы увидели немалое количество писанных краской названий контор и фамилий жильцов. Квартир для семейных в доме не имелось, он скорее служил кровом для холостяков богемного образа жизни. Наш клиент сам открыл дверь, в чем и принес извинения, объяснив, что прислуга уходит до
Гарриджб

сым джентльменом лет шестидесятн. Кожа на его нзмо-жденном лице была тусклая, будто неживая, как это часто встречается у людей, ведущих сндячий, неподвиж-иый образ жнзин. Большие круглые очки, узкая козли-ная бородка, согбениые плечи — все это, вместе взятое, сразу иаводнло на мысль, что перед вами человек крайие пытлнвый н любознательиый.

Впрочем, общее впечатлеиие создавалось прнятное: чудак, конечно, но чудак снмпатнчный.

Комната выглядела такой же орнгниальиой, как ее владелец. Она походила на миииатюриый музей. Боль-шая, квадратиая, а по стеиам полкн, шкафы н шкафчи-кн, уставлеииые всевозможиымн предметами, нмеющи-мн отиошеиие к геологни и аиатомин. По бокам двери виселн ящики с коллекциямн мотыльков н бабочек. Посре-ди комиаты иа широком столе лежала груда образцов различиых горных пород, и из нее торчала высокая ме-диая трубка мощного микроскопа. Я оглядел все вокруг и подивнлся разностороиности иитересов старика: здесь ящик со стариииыми моиетами, там собраиие древних кремиевых орудий. У стеиы, по другую сторону стола, помещался большой шкаф, где храиились какне-то ока-менелости, а на верху его выстроились в ряд гипсовые черепа с подписями: «неаидерталец», «гейдельбергский человек», «кромаиьоиец» и тому подобиое. Как видно, мнстер Натан Гарриндеб посвятил себя ие одной, а не-скольким отраслям наукн. Стоя перед иами, он проти-рал куском замши какую-то моиету.

— Сиракузская, лучшего пернода,— поясинл ои, ука-зывая иа моиету.— Позже оии очеиь деградировали. Лучшие их образцы я считаю непревзойдеииыми, хотя некоторые специалисты отдают предпочтеиие алексаид-рийской школе. Мистер Холмс, для вас иайдется стул. Разрешнте мне сиять с него этн кости... А вы, сэр... ах да, доктор Уотсон. Будьте так любезиы, доктор Уотсои, отодвиньте яиоискую вазу подальше. Здесь, в этой ком-нате, сосредоточеиы все мои жизиеииые иитересы. Док-тор бранит меня за то, что я не бываю на воздухе, но зачем уходнть от того, что так к себе тяиет? Смею вас уверить, подробная классифнкация содержимого любого нз этих шкафов потребует от меня не меньше трех ме-сяцев.

Холмс с любопытством осмотрелся.

— Правильно ли я вас понял, сэр, что вы действительно никогда не выходите из дому?

— Время от времени я совершаю поездку к Сотеби или Кристи [1]. А вообще-то я очень редко покидаю свою комнату. Здоровье у меня не из крепких. Научные исследования поглощают все мои силы. Можете себе представить, мистер Холмс, каким потрясением — радостным, и все же потрясением — явилось для меня известие о столь невероятно счастливом повороте судьбы! Чтобы довести дело до конца, необходим еще один Гарридеб. Уж, конечно, мы его разыщем. У меня был брат, он умер, а женская родня в счет не идет. Но, безусловно, на свете есть и другие Гарридебы. Я слышал, что вы брались за очень сложные, трудные проблемы, и решил прибегнуть к вашей помощи. Мой американский тезка, конечно, совершенно прав, мне следовало сперва посоветоваться с ним, но я действовал из лучших побуждений.

— Вы поступили весьма осмотрительно,— сказал Холмс.— А вам и в самом деле не терпится стать американским землевладельцем?

— Разумеется, нет, сэр. Ничто не заставит меня расстаться с моими коллекциями. Но этот американский адвокат обещал выкупить мою долю, как только мы утвердимся в правах наследства. Сумма, предназначенная каждому из нас,— пять миллионов долларов. Как раз в настоящее время имеется возможность сделать несколько ценных приобретений. Как это восполнило бы пробелы в моих коллекциях! Сейчас я ничего не могу приобрести, у меня нет необходимых для этого нескольких сотен фунтов. Подумайте, сколько я накуплю на пять миллионов! Мое собрание ляжет в основу нового национального музея, я стану Гансом Слоуном [2] нашего века!

Глаза его за стеклами очков блестели. Было ясно, что мистер Натан Гарридеб не пожалеет усилий, чтобы раздобыть недостающего одиофамильца.

— Я зашел только, чтобы познакомиться, ни в коем случае не хочу мешать вашим занятиям,— сказал

---

[1] Сотебн, Кристи — лондонские аукционные залы.

[2] Слоун, Ганс (1660—1753) — английский врач, натуралист и коллекционер. Собранные им рукописи, картины, книги и пр. легли в основу Британского музея.

Холмс.— Когда я вступаю с человеком в деловые отношения, я всегда предпочитаю личное с ним знакомство. Мне почти не о чем вас спрашивать, мистер Гарридеб,— в кармане у меня ваше письмо с очень толковым изложением основных фактов, и кое-что я еще уточнил во время визита американского джентльмена. Насколько я понял, до этой недели вы и не подозревали о его существовании?

— Абсолютно. Он явился ко мне в прошлый вторник.

— Он вам уже рассказал о нашей встрече?

— Да. Он пришел сюда прямо от вас. Как он тогда на меня рассердился, когда узнал о моем письме!

— За что ему, собственно, было сердиться?

— Он почему-то воспринял это как личное оскорбление. Но от вас он вернулся повеселевшим.

— Он предлагал какой-нибудь план действий?

— Нет, сэр.

— Получал он от вас деньги или, может, просил их?

— Нет, сэр, ни разу!

— Вы не заметили, не преследует ли он каких-либо особых целей?

— Никаких,— ничего, кроме той, о которой он мне сообщил.

— Вы сказали ему, что мы с вами договорились по телефону о встрече?

— Да, сэр, я поставил его в известность.

Холмс глубоко задумался. Я видел, что он недоумевает, что-то ускользает от его понимания.

— Нет ли в ваших коллекциях каких-либо особо ценных предметов?

— Нет, сэр, я человек небогатый. Коллекции мои хороши, но большой материальной ценности собой не представляют.

— И грабителей вы не опасаетесь?

— Нисколько!

— Давно вы занимаете эту квартиру?

— Почти пять лет.

Разговор был прерван повелительным стуком в дверь. Наш хозяин едва успел отодвинуть задвижку, как в комнату буквально влетел американский адвокат.

— Вот, смотрите! — воскликнул он, размахивая над

головой сложеиной газетой.— Я так и думал, что застаиу вас здесь. Мистер Натан Гарридеб, примите мои поздравлеиия. Вы богаты, сэр. Наши хлопоты счастливо завершились, все улажеио. А вы, мистер Холмс... Нам остается лишь выразить сожалеиие, что вас потревожили попусту.

Ои передал газету иашему клиеиту. Не отрывая изумленного взгляда, старик читал отмечеиное в ией объявленне. Мы с Холмсом иаклоиились вперед и, заглядывая через плечо мнстера Натаиа Гарридеба, прочли:

«Говард Гарридеб.
Конструктор сельскохозяйственных машин. Сноповязалки, жнейки, ручные и паровые плуги, сеялки, бороны, фургоны, дровяные козлы и пр.
Расчеты по артезеанскнм колодцам.

Бирмингем, Астон. Гровнер-билдинг».

— Велнколепио! — воскликиул иаш хозяни, задыхаясь от волнения.— Найдеи третий!

— Я иаводил справкн в Бнрмннгеме,— сказал американец,— и мой тамошиний агент прислал это объявлеине— вырезал его из местиой газеты. Надо, не мешкая, доводить дело до коица. Я иапнсал этому коиструктору, что завтра в четыре часа вы будете у иего в конторе.

— Я? Вы хотнте, чтобы поехал имеиио я?

— А вы как считаете, мистер Холмс? Вам не кажется, что так оно разумиее? Представьте себе, являюсь я, никому не известиый амернкаиец, и рассказываю волшебиые сказки. С чего это вдруг стаиет ои мие верить? А вы, мнстер Натаи Гарридеб, вы аиглнчаиии, человек солндный, вас он, уж коиечио, выслушает. Если желаете, я могу вас сопровождать, ио, признаться, завтра у меия куча дел. Знаете что, если возиикиут какие-ннбудь осложнения, я мигом прнмчусь туда следом за вами.

— Поннмаете, я уже многие годы ие совершал таких длительиых поездок...

— А, пустяки, мнстер Гарридеб. Я все для вас выяснил. Вы едете двенадцатичасовым поездом, в иачале третьего будете иа месте. К вечеру успеете вериуться обратио. И все, что от вас требуется, это повидать иашего одиофамильца, изложнть ему суть дела и получить

письменное подтвержденне того, что он действнтельно существует. Боже ты мой,— добавнл он с горячностью,— еслн вспомнить, что я ехал в такую даль, добнрался сюда нз самого сердца Амернкн, то, право, с вас спрашнвают не так уж много — проехать сотню мнль, чтобы все наконец счастлнво устронлось.

— Безусловно,— сказал Холмс.— Я счнтаю, что этот джентльмен рассуждает резонно.

Мистер Натаи Гарридеб уныло пожал плечамн.

— Ну, раз вы настанваете, хорошо, я поеду,— сказал он.— Конечно, мне трудно отказать вам в чем бы то ни было — вам, принесшему в мою жизнь радость надежды.

— Значнт, решено,— сказал Холмс.— И прн первой возможностн нзвестнте меня о ходе дела.

— Я об этом позабочусь,— сказал амернканец.— Ну, мне пора,— добавнл он, глянув на свон часы.— Завтра, мистер Натаи, я зайду за вамн н посажу вас на поезд до Бнрмнингема. Нам не по пути, мнстер Холмс? Нет? В таком случае позвольте распрощаться. Завтра к вечеру вы, вероятно, уже получнте от нас добрые вестн.

Я заметнл, что едва амернканец вышел нз комнаты, как лнцо моего друга просветлело, недоуменное выраженне на нем нсчезло.

— Мне бы очень хотелось взглянуть на вашн коллекцнн, мнстер Гарридеб,— сказал Холмс.— Прн моей професснн мне могут прнгодиться самые неожнданные сведенія, а ваша комната — ненстощимый нх кладезь.

Наш клнент проснял от удовольствня, глаза его за стеклами больших очков заблестели.

— Я много наслышан, сэр, о вашей высокой ннтеллектуальностн,— сказал он.— Могу хоть сейчас показать все что угодно.

— К сожаленню, сейчас я не располагаю временем. Но все экспонаты снабжены ярлыками н отлично класснфнцнрованы, едва лн требуются еще и лнчные ваши поясненія. Что еслн я загляну к вам завтра? Вы нпчего не нмеете протнв, еслн я в ваше отсутствне полюбуюсь на эти сокровнща?

— Разумеется, прошу вас. Квартира будет, конечно, заперта, но я оставлю ключ у мнссне Сандерс. До четырех часов она не уйдет, вы разыщете ее внпзу. Она вам отопрет.

— Завтра днем я как раз свободен. Будет очень хорошо, если вы поговорите с миссис Сандерс относительно ключа. Кстати, где помещается контора ваших квартирных агентов?

Неожиданный вопрос явно удивил нашего клиента.

— На Эджуэр-роуд. А в чем дело?

— Видите ли, по части архитектуры я сам немного специалист,— сказал Холмс, смеясь.— И вот никак не могу решить, к какому периоду относится ваш дом: царствование королевы Анны? Или уже более позднее время, Георг I?

— Георг, безусловно.

— Вы так думаете? А я бы отнес его к несколько более раннему времени. Впрочем, это легко уточнить. Итак, мистер Гарридеб, до свидания. Позвольте пожелать вам удачной поездки.

Контора жилищного агентства была рядом, но оказалась уже закрытой, и мы с Холмсом отправились к себе на Бейкер-стрит. Только после обеда Холмс вернулся к нашей теме.

— Эта маленькая история движется к развязке,— сказал он.— Вы, конечно, уже мысленно начертали себе ход ее развития.

— Не вижу в ней ни конца, ни начала.

— Ну, начало ее уже достаточно хорошо обрисовано, а конец увидим завтра. Вы не заметили ничего странного в этом газетном объявлении?

— Заметил. В слово «артезианский» вкралась орфографическая ошибка.

— Ага, значит, заметили? Поздравляю, Уотсон, вы делаете успехи. Но это не типографская ошибка, слово напечатали так, как оно было написано тем, кто давал объявление. И, кстати, артезианские колодцы более характерны для Америки, чем для Англии. И фургоны тоже. В общем, типичное американское объявление, но якобы исходящее от английской фирмы. Ваше мнение по этому поводу, Уотсон?

— Мне кажется, американский адвокат составил и поместил его сам. Но с какой целью, решительно не догадываюсь.

— Возможны различные мотивы. Но ясно одно, ему надо было спровадить в Бирмингем нашего симпатично-

го старичка. Это вие сомиеиий. Я мог бы сказать бедняге, что его гоият искать ветра в поле, ио рассудил, что лучше очистить место действия. Пусть едет. Завтра — завтра, Уотсои, само за себя скажет.

Холмс встал раио и куда-то ушел. К завтраку ои вернулся, и я увидел, что лицо у иего хмурое и сосредоточенное.

— Дело серьезиее, чем я предполагал,— сказал ои.— Я должеи предупредить вас об этом, Уотсои, хотя иаперед зиаю, это только подстрекиет ваше стремление лезть туда, где есть шаис сломать себе шею. Мие ли ие зиать моего друга Уотсона? Но опасиость действительио есть, предупреждаю.

— Оиа будет ие первой, которую мы с вами разделяем, и, иадеюсь, ие последией. В чем же оиа заключается на сей раз?

— Дело очеиь ие простое, рисковаииое. Я устаиовил личность адвоката из Америки. Ои не кто ииой, как «Убийца Эваис» — опасиейший преступиик.

— Боюсь, я по-прежиему плохо поиимаю, что к чему.

— Ну да, людям вашей профессии ие свойствеиио держать в памяти «Ньюгетский калеидарь» [1]. Я заходил в Скотлеид-Ярд к иашему приятелю Лестрейду. У них там ииой раз, быть может, иедостает воображеиия и иитуиции, ио что касается тщательиости и методичиости — им иет равиых. Мне пришло в голову порыться в их «Галерее мошеииков» — вдруг иабреду иа след иашего американского молодчика? И что же, я и в самом деле иаткнулся иа его пухлую, улыбающуюся физиоиомию. Под фотографией я прочел: «Джеймс Уиитер, ои же Маркрофт, ои же «Убийца Эваис».— Холмс выиул из кармаиа коиверт: — Я кое-что выписал из его досье. «Возраст 46 лет, урожеиец Чикаго. Извеспио, что совершил три убийства в Соединеиных Штатах. Бежал из тюрьмы с помощью влиятельных лиц. В 1893 году появился в Лоидоие. В яиваре 1895 года в игорном доме иа Ватерлооруод стрелял в своего партиера. Тот скоичался, ио сви-

[1] Издававшийся с XVIII века справочник о заключеиных Ньюгетской тюрьмы (Лондон) с биографическими даиными о иих и описаиием совершеиных ими преступлений.

детели показали, что имеино убитый был зачинщиком ссоры. Труп был опознан, оказалось, что это Роджер Прескотт, знаменитый чикагский фальшивомонетчик. В 1901 году «Убийца Эванс» вышел из тюрьмы. Состоит под надзором полиции и, насколько это известно, ведет честный образ жизни. Очень опасный преступник, обычно имеет при себе оружие и, не задумываясь, пускает его в ход». Вот какова наша птичка, Уотсон, довольно бедовая, надо признать.

— Но что он затевает?

— План его постепенно становится ясен. Я заходил в контору жилищного агентства. Там мне подтвердили, что наш клиент живет в данной квартире пять лет. До него она год стояла пустая. Предыдущий жилец был некий джентльмен по имени Уолдрон. Внезапно он исчез, и больше о нем не было ни слуху, ни духу. Внешность Уолдрона в конторе хорошо запомнили: высокий, бородатый, смуглый мужчина. Так вот, Уотсон, согласно описаниям Скотленд-Ярда, человек, застреленный «Убийцей Эвансом», был высокий, смуглый и с бородой. В качестве рабочей гипотезы предположим, что именно Прескотт, американский преступник, проживал в той комнате, которую мистер Натаи Гарриндеб, невинная душа, отвел под свой музей. Таким образом, мы, как видите, первое звено уже имеем.

— А следующее?

— Отправимся на его поиски.

Холмс вытащил из ящика стола револьвер и протянул его мне.

— Берите. Мой всегдашний спутник при мне. Если наш приятель с Дикого Запада попытается оправдать свою кличку, нам надо быть наготове. Сосните часок, Уотсон, а затем, я думаю, пора нам будет отправиться на Райдер-стрит,— посмотрим, что нас там ждет.

Было ровно четыре часа, когда мы снова очутились в любопытной квартире Натаиа Гарридеба. Миссис Сандерс, поденная уборщица, собиралась уже уходить, но впустила нас, не колеблясь: замок в двери защелкивался автоматически, и Холмс обещал, что перед уходом проверит дверь и все будет в порядке. Вскоре затем мы услышали, как хлопнула входная дверь, за окном проплыла шляпка миссис Сандерс,— теперь на первом этаже

ннкого, кроме нас, не оставалось. Холмс быстро осмотрел помещенне. В темном углу, несколько отступя от стены, стоял шкаф — за ним мы и спрятались. Холмс шепотом изложил мне план действий.

— Совершенно ясно, что ему было необходнмо выпроводнть нашего уважаемого клиента, но так как старнк ннкогда ие выходит из дому, «амернкаискому адвокату» прншлось сочинить повод. Вся эта сказка про трех Гарриндебов, очевндио, только эту цель н преследует. Должен сказать, Уотсон, в ней чувствуется прямо-такн дьявольская нзобретательность, пусть даже необычиая фамнлня жнльца дала ему в рукн неожидаиный козырь. План свой он разработал чрезвычайно хитроумно.

— Но зачем все это ему нужно?

— Для того мы и сндим здесь, чтобы это узнать. Насколько я разобрался в снтуацни, к нашему клиенту это не имеет ннкакого отношения. Тут что-то связано с человеком, которого Эванс застрелнл — возможно, они были сообщниками. Эта комната хранит какую-то преступную тайну. Сиерва я заподозрил, что у нашего почтенного друга имеется в коллекции что-нибудь очень значнтельиое, чему он сам не знает цены,— нечто достойное внимання мошенннка. Но тот факт, что недоброй памяти Роджер Прескотт занимал когда-то это самое помещеине, указывает иа иные, более глубокие прнчины. А сейчас, Уотсон, наберемся терпеиня, подождем, пока пробьет решнтельный час.

Ждать прншлось недолго. Мы замерлн, услышав, как открылась н тут же захлопнулась входная дверь. Щелкнул ключ в дверн, ведущей в комнату, н появился наш американец. Тихо прнтворнв за собой дверь, он острым взглядом окннул все вокруг и, убедившись, что опасности нет, сброснл пальто и пошел прямо к столу, стоявшему посредн комнаты,— шел он увереннно, как человек, точно знающнй, что и как ему надо делать. Отодвннув стол н сдернув лежавший под ним ковер, он вытащнл из кармана ломик, опустился иа колени и стал энергнчно действовать этим ломнком на полу. Вскоре мы услышалн, как стукнулн доскн, и тут же в полу образовалась квадратиая дыра. «Убийца Эванс» чнркнул спичкой, зажег огарок свечи н скрылся нз внду.

Теперь пришло время действовать нам. Холмс подал знак, слегка коснувшись моей руки, и мы подкрались к открытому подполу. Как ни осторожно мы двигались, старые доски, очевидно, все же издали скрип у нас под ногами — из черной дыры неожиданно показалась голова американца. Он повернулся в нашу сторону — и лицо его исказилось бессильной яростью. Но постепенно оно смягчилось, на нем даже появилось подобие сконфуженной улыбки, когда он увидел два револьверных дула, нацеленных ему в голову.

— Ну ладно-ладно,— сказал он с полным хладнокровием и стал вылезать наверх.— Видно, с вами, мистер Холмс, мне не тягаться. Сразу разгадали всю мою махинацию и оставили меня в дураках. Ну, признаю, сэр, ваша взяла, а раз так...

В мгновение ока он выхватил из-за пазухи револьвер и дважды выстрелил. Я почувствовал, как мне обожгло бедро, словно к нему приложили раскаленный утюг. Послышался глухой удар — это Холмс обрушил свой револьвер на череп бандита. Я смутно видел, что Эванс лежит, распростершись на полу, и с лица у него стекает кровь, а Холмс ощупывает его в поисках оружия. Затем я почувствовал, как крепкие, словно стальные, руки моего друга подхватили меня — он оттащил меня к стулу.

— Вы не ранены, Уотсон? Скажите, ради бога, вы не ранены?

Да, стоило получить рану, и даже не одну, чтобы узнать глубину заботливости и любви, скрывавшейся за холодной маской моего друга. Ясный, жесткий взгляд его на мгновение затуманился, твердые губы задрожали. На один-единственный миг я ощутил, что это не только великий мозг, но и великое сердце... Этот момент душевного раскрытия вознаградил меня за долгие годы смиренного и преданного служения.

— Пустяки, Холмс. Простая царапина.

Перочинным ножом он разрезал на мне брюки сверху донизу.

— Да, правда, слава богу! — воскликнул он с глубоким вздохом облегчения.— Только кожу задело.—Потом лицо его ожесточилось. Он бросил гневный взгляд на нашего пленника, который приподнялся и ошарашенно смотрел перед собой.— Счастье твое, негодяй, не то, кля-

нусь... Если бы ты убил Уотсона, ты бы живым отсюда не вышел. Ну, сэр, что вы можете сказать в свое оправдание?

Но тому нечего было сказать в свое оправдание. Он лежал и хмурил физиономию. Я оперся о плечо Холмса, и вместе с ним мы заглянули в подпол, скрывавшийся за подъемной крышкой. В подполе еще горела свеча, которую прихватил с собой Эванс. Взгляд наш упал на какую-то проржавевшую машину, толстые рулоны бумаги, целую кучу бутылок. А на небольшом столе мы увидели несколько аккуратно разложенных маленьких пачек.

— Печатный станок... Весь арсенал фальшивомонетчика,— сказал Холмс.

— Да, сэр,— проговорил наш пленник. Медленно, пошатываясь, он поднялся на ноги и тут же опустился на стул.— Здесь работал величайший артист, какого только знал Лондон. Вон то — его станок, а пачки на столе — две тысячи ассигнаций работы Прескотта. Каждая стоимостью в сотню и пригодна к обращению в любом месте. Ну что ж, забирайте, джентльмены, все ваше. А меня отпустите...

Холмс рассмеялся.

— Мы такими делами не занимаемся. Нет, мистер Эванс, в Англии вам укрыться негде. Убийство Прескотта чьих рук дело?

— Да, сэр, это я его прихлопнул, верно. Ну что ж, я за то отсидел пять лет, а свару-то затеял он сам. Пять лет! А меня следовало бы наградить медалью размером с тарелку! Ни одна живая душа не могла отличить ассигнацию работы Прескотта от тех, что выпускает Английский банк, и, не приключи я парня, он наводнил бы своими бумажками весь Лондон. Кроме меня, никто на свете не знал, где он их фабрикует. И что ж удивительного, что меня тянуло добраться до этого местечка? А когда я проведал, что этот выживший из ума собиратель козявок, можно сказать, сидит на самом тайнике и никогда носа из комнаты не высовывает, что ж удивительного, что я стал из кожи вон лезть, придумывать, как бы выпихнуть его из дому? Может, оно было бы поумнее прихлопнуть старика — и все, и труда бы никакого. Но такой уж я человек, сердце у меня мягкое, не могу стрелять в безоружного. А скажите-ка, мистер

Холмс, на каком основанни думаете вы отдать меня под суд? Что я совершил преступного? Денег не брал, старикана пальцем не тронул. Прицепиться не к чему!

— Не к чему? Конечно! Всего-навсего вооруженное покушение на жизнь,— сказал Холмс.— Но мы вас, Эванс, судить не собираемся, это — дело не наше, этим займутся другие. Пока нам требуется только сама ваша очаровательная особа. Уотсон, позвоните-ка в Скотленд-Ярд. Наш звонок, я полагаю, не будет для них сюрпризом.

Таковы факты, связанные с делом «Убийцы Эванса» и его замечательной выдумкой о трех Гарриндебах. Позже мы узнали, что бедный старичок ученый не вынес удара: мечты его оказались развеяны, воздушный замок рухнул, и он пал под его обломками. Последние вести о бедняге были из психиатрической лечебницы в Бриксгоне. А в Скотленд-Ярде был радостный день, когда извлекли наконец всю аппаратуру Прескотта. Хотя полиции было известно, что она где-то существует, однако после смерти фальшивомонетчика, сколько ее ни искали, найти не могли. Эванс в самом деле оказал немалую услугу, и многим почтенным особам из уголовного розыска дал возможность спать спокойнее. Ведь фальшивомонетчик — это совсем особая опасность для общества. В Скотленд-Ярде все охотно сложились бы на медаль размером с тарелку, о которой говорил «американский адвокат», но неблагодарные судьи придержались менее желательной для него точки зрения, и «Убийца Эванс» вновь ушел в мир теней, откуда только что было вынырнул.

ЧЕЛОВЕК НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ

Мистер Шерлок Холмс всегда придерживался того мнения, что мне следует опубликовать поразительные факты, связанные с делом профессора Пресберн, для того хотя бы, чтобы раз и навсегда положить конец темным слухам, которые лет двадцать назад всколыхнули университет и до сих пор повторялись на все лады в лондонских научных кругах. По тем или иным причинам, однако, я был долго лишен такой возможности, и подлинная история этого любопытного происшествия так и оставалась погребенной на дне сейфа вместе с многими и многими записями о приключениях моего друга. И вот мы, наконец, получили разрешение предать гласности обстоятельства этого дела, одного из самых последних, которые расследовал Холмс перед тем, как оставить практику. Но и теперь еще, делая их достоянием широкой публики, приходится соблюдать известную сдержанность и осмотрительность.

Как-то воскресным вечером, в начале сентября 1903 года, я получил от Холмса характерное для него лаконическое послание: «Сейчас же приходите, если можете. Если не можете, приходите все равно. *Ш. Х.*».

У нас с ним в ту пору установились довольно своеобразные отношения. Он был человек привычек, привычек прочных и глубоко укоренившихся, и одной из них стал я. Я был где-то в одном ряду с его скрипкой, креп-

ким табаком, его дочериа обкуренной трубкой, справочниками н другнмн, быть может, более предосудительными прнвычками. Там, где речь шла об актнвных действнях и ему нужеи был товарнщ, на выдержку которого можно более нлн меиее спокойио положиться, моя роль была очевндна. Но для меня иаходилось и другое примеиеине: на мне он оттачнвал свой ум, я как бы подстегнвал его мысль. Ои любил думать вслух в моем прнсутствнн. Едва лн можно сказать, что его рассуждеиия были адресованы мне — многне нз инх моглн бы с ие меньшим успехом быть обращены к его кроватн,— н тем ие менее, сделав меня своей прнвычкой, ои стал ощущать известиую потребность в том, чтобы я слушал его и вставлял свои замечання. Вероятно, его раздражалн неторопливость н обстоятельность моего мышления, но оттого лишь ярче н стремнтельней вспыхнвали догадкн н заключення в его собствеиием мозгу. Такова была моя скромиая роль в нашем дружеском союзе.

Прибыв на Бейкер-стрит, я застал его в глубоком раздумье: он сидел в своем кресле, иахохлнвшись, высоко подняв колеии, и хмурился, посасывая трубку. Ясно было, что ои поглощеи какой-то сложной проблемой. Ои зиàком пригласил меия сесть в мое старое кресло и в теченне получаса иичем более ие обнаружнвал, что замечает мое присутствие. Затем он вдруг встряхнулся, словио сбрасывая с себя задумчнвость, и с обычиой своей нроническоп улыбкой сказал, что рад виовь прнветствовать меия в доме, который когда-то был и монм.

— Надеюсь, вы нзвииите мне иекоторую рассеяиность, мнлый Уотсои,— продолжал ои.— За последиие сутки мне сообщнлн довольио любопытиые факты, которые, в свою очередь, дали пищу для размышлеинй более общего характера. Я серьезио подумываю иаписать иебольшую монографию о пользе собак в сыскной работе.

— Но позвольте, Холмс, что же тут иового? — возразнл я.— Ищейки, иапример...

— Нет-иет, Уотсои, эта стороиа вопроса, разумеется, очевидна. Но есть и другая, куда более тоикая. Вы помиите, быть может, как в том случае, который вы в вашей сенсациоиной маиере связали с Медиыми буками,

я смог, наблюдая за душевным складом ребенка, вывести заключение о преступных наклонностях его в высшей степени солидного и положительного родителя?

— Да, превосходно помню.

— Подобным же образом строится и ход моих рассуждений о собаках. В собаке как бы отражается дух, который царит в семье. Видели вы когда-нибудь игривого пса в мрачном семействе или понурого в счастливом? У злобных людей злые собаки, опасен хозяин — опасен и пес. Даже смена их настроений может отражать смену настроений у людей.

Я покачал головой.

— Полноте, Холмс, это уж чуточку притянуто за волосы.

Он набил трубку и снова уселся в кресло, пропустив мои слова мимо ушей.

— Практическое применение того, о чем я сейчас говорил, самым тесным образом связано с проблемой, которую я исследую в настоящее время. Это, понимаете ли, запутанный клубок, и я ищу свободный конец, чтобы ухватиться и распутать всю веревочку. Одна из возможностей найти его лежит в ответе на вопрос: отчего овчарка профессора Пресберн, верный пес по кличке Рой, норовит искусать хозяина?

Я разочарованно откинулся на спинку кресла: и по такому пустяку меня оторвали от работы? Холмс метнул на меня быстрый взгляд.

— Все тот же старый Уотсон! — произнес он.— Как вы не научитесь понимать, что в основе серьезнейших выводов порой лежат сущие мелочи! Вот посудите сами: не странно ли, когда степенного, пожилого мудреца... вы ведь слыхали, конечно, про знаменитого Пресберн, физиолога из Кэмфорда? Так вот, не странно ли, когда такого человека дважды пытается искусать его собственная овчарка, которая всегда была ему самым верным другом? Как вы это объясните?

— Собака больна, и только.

— Что ж, резонное соображение. Но она больше ни на кого не кидается, да и хозяина, судя по всему, не трогает, кроме как в совершенно особых случаях. Любопытно, Уотсон, весьма любопытно. Но вот и звонок — видно, молодой Беннет явился раньше времени. Я рас-

считывал потолковать с вами подольше, до того как он придет.

На лестнице послышались быстрые шаги, в дверь отрывисто постучали, и секунду спустя новый клиент Холмса уже стоял перед нами.

Это был высокий, красивый молодой человек лет тридцати, со вкусом одетый, элегантный, впрочем, что-то в его манере держаться выдавало скорей застенчивость ученого, чем самоуверенность светского человека. Он обменялся рукопожатием с Холмсом и затем чуть растерянно взглянул на меня.

— Дело это очень щепетильное, мистер Холмс,— сказал он.— Не забудьте, какими отношениями я связан с профессором Пресберн — как в личной жизни, так и по службе. Я решительно не считаю себя вправе вести разговор в присутствии третьего лица.

— Не бойтесь, мистер Беннет. Доктор Уотсон — сама деликатность, а кроме того, смею вас уверить, что в таком деле мне, вероятнее всего, потребуется помощник.

— Как вам будет угодно, мистер Холмс. Вы, несомненно, поймете, отчего я несколько сдержан в этом вопросе.

— Поймете и вы, Уотсон, когда я скажу, что этот джентльмен, мистер Джон Беннет, работает у профессора ассистентом, живет с ним под одной крышей и помолвлен с его единственной дочерью. Нельзя не согласиться, что знаменитый ученый имеет все основания рассчитывать на его преданность. Но, пожалуй, лучший способ ее доказать — принять все меры к тому, чтобы раскрыть эту удивительную тайну.

— И я так полагаю, мистер Холмс. Я только этого и добиваюсь. Известно ли доктору Уотсону положение вещей?

— Я не успел познакомить его с обстановкой.

— Тогда, быть может, мне стоит еще раз изложить основные факты, прежде чем говорить о том, что произошло нового?

— Я лучше сам,— сказал Холмс.— Кстати, проверим, правильно ли я запомнил последовательность событий. Итак, Уотсон. Профессор — человек с европейским именем. В его жизни главное место всегда занима-

ла наука. Репутация его безупречна. Он вдовец, у него есть дочь по имени Эдит. Характер у него, насколько я мог заключить, решительный и властный, пожалуй, можно даже сказать, воинственный. Так обстояли дела до последнего времени.

Но вот каких-нибудь несколько месяцев назад привычное течение его жизни было нарушено. Несмотря на свой возраст — а профессору шестьдесят один год,— он сделал предложение дочери профессора Морфи, своего коллеги по кафедре сравнительной анатомии, причем все это, как я понимаю, больше напоминало не рассудочное ухаживание пожилого человека, а пламенную страсть юноши. Никто не мог бы выказать себя более пылким влюбленным. Элис Морфи, молодая особа, о которой идет речь,— девица весьма достойная, умна и хороша собой, так что увлечение профессора вполне понятно. Тем не менее в его собственной семье к этому отнеслись не слишком одобрительно.

— Нам показалось, что все это немножко слишком,— вставил наш клиент.

— Вот именно. Немножко слишком бурно и не совсем естественно. А между тем профессор Пресбери — человек состоятельный, и со стороны отца его нареченной возражений не возникло. У дочери, правда, были другие виды: на ее руку уже имелись претенденты, быть может, не столь завидные с житейской точки зрения, зато более подходящие ей по возрасту. Профессор, несмотря на свою эксцентричность, судя по всему, нравился ей. Мешало только одно: возраст.

Примерно в это время в налаженной жизни профессора произошло не совсем понятное событие. Он совершил нечто такое, чего никогда не делал прежде: уехал из дому и никому не сказал куда. Пробыв в отсутствии две недели, он воротился утомленный, словно после долгой дороги. О том, где он побывал он не обмолвился ни словом, хотя обычно это был предельно откровенный человек.

Случилось так, однако, что наш с вами клиент, мистер Беннет, получил письмо из Праги от одного своего коллеги; тот писал, что имел удовольствие видеть профессора Пресбери, хотя поговорить им не довелось. Только так домашние узнали, где он был.

Теперь я подхожу к главиому. Начиная с этого времеии с профессором произошла удивительиая перемеиа. Окружающих ие оставляло чувство, что перед ними ие тот, кого оии зиали прежде: иа иего словио нашло какое-то затмеиие, подавившее в ием все высокие иачала. Интеллект его, впрочем, ие пострадал. Его лекции были блистательиы, как всегда. Но в ием самом постояино чувствовалось что-то иовое, что-то иедоброе и иеожидаииое. Его дочь, которая души в ием ие чает, всячески пыталась иаладить с ним прежиие отиошеиия, загляиуть под маску, которую ои иадел иа себя. Вы, сэр, как я поиимаю, со своей стороиы, делали то же самое, ио тщетио. А теперь, мистер Беииет, расскажите нам сами про эпизод с письмами.

— Надо вам сказать, доктор Уотсои, что у профессора ие было от меия секретов. Будь я ему сын или младший брат, я и тогда ие мог бы пользоваться бо̀льшим доверием. Ко мие, как его секретарю, попадали все поступавшие иа его имя бумаги; я вскрывал и разбирал его письма. Вскоре по его возвращении все это изменилось. Ои сказал, что, возможио, будет получать письма из Лоидоиа, помеченные крестиком под маркой. Эти письма мие иадлежало откладывать, а читать их будет только ои сам. И действительио, несколько таких писем прошло через мои руки; иа каждом был лоидоиский штемпель, и иадписаиы оии были почерком малограмотиого человека. Быть может, профессор и отвечал иа иих, ио ни ко мие, ии в корзиику, куда складывается вся иаша корреспоидеиция, оии ие попадали.

— И еще шкатулка,— иапомиил Холмс.

— Ах да, шкатулка. Из своей поездки профессор привез малеиькую деревяиную шкатулочку. Это едииственный предмет, по которому можно предположить, что ои побывал иа коитиисите: одиа из этих оригииальных резиых вещиц, которые сразу иаводят иа мысль о Германии. Поставил ои ее в шкаф с ииструмеитами. Одиажды, разыскивая пробирку, я взял шкатулку в руки. К моему удивлеиию, ои очеиь рассердился и в самых иесдержаиных выражеииях отчитал меия за излишиее любопытство. Такого раиьше иикогда ие случалось; я был глубоко задет. Я попытался объясиить, что взял шкатулку по чистой случайиости, ио весь вечер чувство-

вал на себе его косые взгляды и знал, что этот эпизод не выходит у него из головы.— Мистер Беннет вынул из кармана записную книжечку.— Это случилось второго июля,— добавил он.

— Вы просто образцовый свидетель,— заметил Холмс.— Кое-какие даты, которые вы у себя пометили, могут мне пригодиться.

— Методичности, как и всему прочему, я научился у профессора. С того момента, как я заметил отклонения от нормы в его поведении, я понял, что мой долг разобраться, что с ним происходит. Итак, у меня тут значится, что в тот же самый день, второго июля, когда профессор выходил из кабинета в холл, на него бросился Рой. Такая же сцена повторилась одиннадцатого июля и затем, как у меня отмечено, еще раз — двадцатого. После этого собаку пришлось изгнать в конюшню. Милейший был пес, ласковый... Впрочем, боюсь, я утомил вас.

Это было сказано укоризненным тоном, так как Холмс явно его не слушал. Он сидел с застывшим лицом, устремив невидящий взгляд в потолок. При последних словах он с усилием вернулся к действительности.

— Интересно! Крайне интересно,— пробормотал он.— Эти подробности я слышу впервые, мистер Беннет. Ну-с, первоначальную картину мы восстановили достаточно полно, не так ли? Но вы упомянули о каких-то новых событиях.

На симпатичное, открытое лицо нашего гостя набежала тень мрачного воспоминания.

— То, о чем я говорил, случилось позавчера ночью,— сказал он.— Я лежал в постели, но заснуть не мог. Часа в два ночи из коридора донеслись какие-то приглушенные, неясные звуки. Я открыл дверь и выглянул наружу. Надо сказать, что спальня профессора находится в конце коридора...

— Число, простите? — спросил Холмс.

Рассказчик был явно задет, что его перебили таким маловажным вопросом.

— Я уже сказал, сэр, что это случилось позапрошлой ночью, стало быть, четвертого сентября.

Холмс кивнул и улыбнулся.

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал он.

— Спальня профессора в конце коридора, и, чтобы попасть на лестницу, ему надо пройти мимо моей двери. Поверьте, мистер Холмс, это была жуткая сцена. Нервы у меня, кажется, не хуже, чем у других, но то, что я увидел, ужаснуло меня. В коридоре было темно, и только против одного окна на полпути лежало пятно света. Видно было, как по направлению ко мне что-то движется, что-то черное и сгорбленное. Но вот оно внезапно вошло в полосу света, и я увидел, что это профессор. Он продвигался ползком, мистер Холмс, да-да, ползком! Точнее, даже на четвереньках, потому что он опирался не на колени, а на полную ступню, низко свесив голову между руками. При этом двигался он, казалось, с легкостью. Я так оцепенел от этого зрелища, что, лишь когда он поравнялся с моей дверью, нашел в себе силы шагнуть вперед и спросить, не нужна ли ему моя помощь. Реакция была неописуема. Он разом выпрямился, прорычал мне в лицо чудовищное ругательство, метнулся мимо меня и ринулся вниз по лестнице. Я прождал не меньше часа, но он все не шел. Видимо, он вернулся к себе в комнату уже на рассвете.

— Ну, Уотсон, что вы на это скажете?— спросил Холмс с видом патолога, описавшего редкий в его практике случай.

— Люмбаго, скорей всего. Я знал больного, который во время жестокого приступа был вынужден передвигаться точно так же, причем нетрудно представить себе, как это должно действовать на нервы.

— Превосходно, Уотсон! С вами всегда стоишь обеими ногами на земле. И все-таки едва ли можно допустить, что это люмбаго: ведь он тут же смог распрямиться.

— Со здоровьем у него как нельзя лучше,— сказал Бениет.— Не помню, чтобы за эти годы он когда-нибудь лучше себя чувствовал. Вот, мистер Холмс, таковы факты. Это не тот случай, чтобы можно было обратиться в полицию, а между тем мы буквально ума не приложим, как нам быть; мы чувствуем, что на нас надвигается какая-то неведомая беда. Эдит — я хочу сказать, мисс Пресбери — считает, как и я, что сидеть сложа руки и ждать больше невозможно.

— Случай, безусловно, прелюбопытный и заслуживающий внимания. Ваше мнение, Уотсон?

— Как врач могу сказать, что это, судя по всему, случай для психиатра,— отозвался я.— Бурное увлечение повлияло на мозговую деятельность старого профессора. Поездку за границу он совершил в надежде исцелиться от своей страсти. Письма же и шкатулка, возможно, имеют отношение к личным делам совершенно иного характера—скажем, получению долговой расписки или покупке акций, которые и хранятся в шкатулке.

— А овчарка, разумеется, выражает свое неодобрение по поводу этой финансовой сделки? Ну нет, Уотсон, здесь дело обстоит сложнее. И единственное, что я мог бы тут предложить...

Что именно собирался предложить Шерлок Холмс, навсегда осталось загадкой, ибо в этот самый миг дверь распахнулась, и нам доложили о приходе какой-то молодой дамы. Едва она показалась на пороге, как мистер Беннет, вскрикнув, вскочил и бросился к ней с протянутыми руками. Она тоже протянула руки ему навстречу.

— Эдит, милая! Надеюсь, ничего не случилось?

— Я не могла не поехать за вами. Ах, Джек, как мне было страшно! Какой ужас быть там одной!

— Мистер Холмс, это и есть та молодая особа, о которой я вам говорил. Моя невеста.

— Мы уже начали об этом догадываться, правда, Уотсон? — с улыбкой отозвался Холмс.— Насколько я понимаю, мисс Пресбери, произошло что-то новое и вы решили поставить нас об этом в известность?

Наша гостья, живая, миловидная девушка чисто английского типа, ответила Холмсу улыбкой, усаживаясь возле мистера Беннета.

— Когда оказалось, что мистера Беннета нет в гостинице, я сразу подумала, что, наверное, застану его у вас. Он, конечно, говорил мне, что хочет к вам обратиться. Скажите, мистер Холмс, умоляю вас, можно как-нибудь помочь моему бедному отцу?

— Надеюсь, да, мисс Пресбери, хотя в деле еще много непонятного. Быть может, что-то прояснится после того, как мы выслушаем вас.

— Это произошло вчера ночью, мистер Холмс. Весь день отец был какой-то странный. Я уверена, что временами он просто сам не помнит, что делает. Живет, как во сне. Вчера как раз выдался такой день. Человек, с кото-

рым я иаходилась под одиой крышей, был ие мой отец, а кто-то другой. Виешияя оболочка оставалась та же, но на самом деле это был не он.

— Расскажите мие, что случилось.

— Ночью меня разбудил неистовый лай собаки. Бедный Рой, его теперь держат иа цепи у коиюшии! Надо вам сказать, что иа иочь я запираю свою комиату, потому что мы все — вот и Джек... то есть мистер Бениет может подтвердить,— живем с таким чувством, что иад иами иависла опасиость. Моя комиата иа третьем этаже. Случилось так, что жалюзи иа моем окие остались подияты, а иочь была луииая. Я лежала с открытыми глазами, глядя иа освещеииый квадрат окиа и слушая, как заливается лаем собака, и вдруг, к ужасу своему, увидела прямо перед собой лицо отца. Зиаете, мистер Холмс, я чуть ие умерла от изумления и страха. Да, это было его лицо, прижавшееся к окоииому стеклу: ои глядел иа меия, подияв руку, словно пытаясь открыть окио. Если бы ему это удалось, я, иаверное, сошла бы с ума. Не подумайте, будто мне это померещилось, мистер Холмс. Не обмаиывайте себя. Пожалуй, добрых полмииуты я пролежала ие в силах шевельиуться, глядя иа это лицо. Затем оио исчезло, и все-таки я иикак, иу иикак ие могла заставить себя встать с кровати и посмотреть, куда оио делось. Так и пролежала до утра, дрожа от озиоба. За завтраком отец был резок и раздражеи, ио о ночиом эпизоде даже ие заикнулся. Я — тоже. Я только выдумала предлог, чтобы отлучиться в город, и вот я здесь.

Рассказ мисс Пресбери, судя по всему, глубоко удивил Холмса.

— Вы говорите, милая барышия, что ваша комиата иа третьем этаже. Есть в саду большая лестиица?

— Нет, мистер Холмс, то-то и страиио. До окиа инкак ие достать, и тем ие меиее ои все-таки забрался туда.

— И было это пятого сеитября,— сказал Холмс.— Это, бесспорно, усложияет дело.

Теперь иастала очередь мисс Пресбери сделать удивлеииое лицо.

— Вы уже второй раз заговариваете о датах, мистер Холмс,— заметил Бениет.— Неужели это существеиио в данном случае?

— Возможно, и даже очень. Впрочем, пока что я не располагаю достаточно полным материалом.

— Уж не связываете ли вы приступы помрачения рассудка с фазами луны?

— Нет, уверяю вас. Моя мысль работает в совершенно ином направлении. Вы не могли бы оставить мне вашу записную книжку? Я бы сверил числа. Ну, Уотсон, по-моему, наш с вами план действия предельно ясен. Эта юная дама сообщила нам — а на ее чутье я полагаюсь безусловно,— что ее отец почти не помнит того, что происходит с ним в определенные дни. Вот мы и наведем ему визит под тем предлогом, что якобы в один из таких дней условились с ним о встрече. Он припишет это своей забывчивости. Ну, а мы, открывая нашу кампанию, сможем для начала хорошенько рассмотреть его на короткой дистанции.

— Превосходная мысль! — сказал мистер Беннет.— Только должен предупредить вас, что профессор бывает по временам вспыльчив и буен.

Холмс улыбнулся.

— И все же есть причины — притом, если мои предположения верны, причины очень веские,— чтобы мы поехали к нему тотчас же. Завтра, мистер Беннет, мы, безусловно, будем в Кэмфорде. В гостинице «Шахматная Доска», если мне память не изменяет, очень недурен портвейн, а постельное белье выше всяких похвал. Право же, Уотсон, наша судьба на ближайшие несколько дней складывается куда как завидно.

В понедельник утром мы уже сидели в поезде, направляясь в знаменитый университетский городок. Холмсу, вольной птице, ничего не стоило сняться с места, мне же потребовалось лихорадочно менять свои планы, так как моя практика в то время была весьма порядочна. О деле Холмс заговорил лишь после того, как мы оставили чемоданы в той самой старинной гостинице, которую он похвалил накануне.

— Я думаю, Уотсон, мы застанем профессора дома. В одиннадцать у него лекция, а в перерыве он, конечно, завтракает.

— Но как мы объясним наш визит?

Холмс заглянул в свою записную книжечку.

— Один из приступов беспокойного состояния прихо-

дится иа 26 августа. Будем исходить нз того, что в такне днн он не вполне ясно представляет себе, что делает. Если мы твердо скажем, что договорнлнсь о прнезде заранее, думаю, он едва ли отважится это отрицать. Хватит лн только у вас духу на такое нахальство?

— Риск — благородное дело.

— Браво, Уотсон! Не то стишок для самых маленьких, не то поэма Лонгфелло. Девиз фирмы: «Риск — благородное дело». Какой-нибудь дружествеииый туземец наверияка покажет нам дорогу.

И действнтельно, вскоре одии из них, восседая на козлах щегольского кэба, уже мчал нас мимо стариниых уииверситетскнх зданнй и, наконец, свериув в аллею, остаиовился у подъезда прелестиого особияка, окружеииого газонамн н увнтого пурпуриой глициииией. Все говорило о том, что профессор Пресбери живет в полиом комфорте н, даже более того, в роскошн. В тот самый миг, как мы подъехалн к дому, в одиом окие появилась чья-то седая голова н глаза в большнх роговых очках устремилн на нас пронзнтельный взгляд нз-под косматых бровей. Еще минута, и мы очутнлись в святая святых — в кабннете, а перед иами собствеииой персоиой стоял таинственный ученый, чьн страиные выходкн привели нас сюда нз Лондона. Впрочем, нн его внешиий вид, ни манера держаться не выдавали и тени эксцеитричностн: это был представительиый мужчина в сюртуке, высокий, важиый, с крупнымн чертами лнца н полиой достоннства осаикой, отличающей опытиого лектора. Замечательиее всего были его глаза: зоркие, острые и умные, дьявольски умные.

Он взгляиул на иаши внзнтные карточки.

— Саднтесь, пожалуйста, джентльмеиы. Чем могу служить?

Холмс подкупающе улыбиулся.

— Имеино этот вопрос я собирался задать вам, профессор.

— Мне, сэр?

— Возможно, пронзошла какая-то ошибка, ио мне передали через третье лицо, что профессор Пресберн из Кэмфорда нуждается в моих услугах.

— Ах, вот как! — Мне почуднлось, что в серых внимательных глазах профессора вспыхиул злобиый ого-

нек.— Передали, стало быть? А позвольте спросить, кто имеино?

— Простнте, профессор, ио разговор был коифндеицнальиый. Если я н ошибся, беда иевелика. Мие остаиется лишь прииестн свои извниеиия.

— Ну иет. Я ие иамереи так оставлять это дело. Вы возбудилн мой интерес. Можете вы привести какое-иибудь письмеиное доказательство в подтверждеиие вашнх слов — письмо, телеграмму, запнску, иакоиец?

— Нет.

— Не возьмете же вы на себя смелость утверждать, будто я сам вас вызвал?

— Я предпочел бы ие отвечать ии иа какне вопросы.

— Еще бы! — иасмешливо отозвался профессор.— Ничего, иа этот-то вопрос легко получить ответ и без вашей помощн.

Он повернулся и подошел к звоику. На зов явился иаш лоидоиский зиакомец — мнстер Беинет.

— Входите, мистер Бейиет. Вот эти два джеитльмеиа приехалн нз Лоидоиа в увереииостн, что их сюда вызвалн. Вы ведаете всей моей корреспонденцией. Зиачится у вас где-иибудь адресат по имеии Холмс?

— Нет, сэр,— вспыхнув, ответнл Беинет.

— Это решает вопрос,— отрезал профессор, свирепо воззрившнсь на моего спутника.— Ну-с, сэр,— ои подался вперед всем телом, опершись руками на стол,— положеиие у вас, иа мой взгляд, довольно-таки двусмыслеиное.

Холмс пожал плечами.

— Я могу только еще раз извиииться за иаше иапрасиое вторжеиие.

— Маловато, мнстер Холмс! — произительио взвизгнул старик, и его лицо исказнлось иеописуемой злобой. Он преградил иам путь к двери, неистово потрясая кулаками.— Сомиеваюсь, чтобы вам удалось так легко выкрутиться!

С перекошеииым лицом, ои в дикой ярости грнмасиичал, выкрнкнвая бессвязные угрозы. Я убежден, что нам пришлось бы пробнваться к дверн снлой, если б не вмешательство мнстера Беииега.

—Дорогой профессор, вспомните о вашем положеннн! — вскричал ои.— Подумайте, что будут говорить в

университете! Мистер Холмс — человек известный. Нельзя допустить такую неучтивость по отношению к нему.

Наш не слишком гостеприимный хозяин хмуро отступил от двери. Как приятно было вырваться из его дома и снова очутиться в тиши тенистой аллеи! Холмса это происшествие, казалось, немало позабавило.

— У нашего ученого друга пошаливают нервы,— произнес он.— Быть может, мы и впрямь вторглись к нему чуточку слишком бесцеремонно, зато получили возможность вступить с ним в непосредственный контакт, что мне и требовалось. Но погодите, Уотсон! Так и есть, он мчится в погоню! Злодей еще не отступился от нас.

Слышно было, как кто-то бежит вслед за нами, но, к моему облегчению, вместо грозного профессора из-за поворота аллеи показался его ассистент. Переводя дыхание, он остановился возле нас.

— Мне так неприятно, мистер Холмс! Я хотел извиниться перед вами.

— Зачем, дорогой мой? Для человека моей профессии все это в порядке вещей.

— Я никогда не видел его в таком взвинченном состоянии. С ним становится просто страшно. Вы понимаете теперь, отчего мы с его дочерью в такой тревоге? А между тем ум его совершенно ясен.

— Слишком ясен! — отозвался Холмс.— В этом-то и заключался мой просчет. Очевидно, его память работает куда более точно, чем я полагал. Кстати, нельзя ли нам, пока мы здесь, посмотреть на окно мисс Пресберн?

Мистер Беннет, раздвигая кусты, вывел нас на такое место, откуда особняк был виден сбоку.

— Вон оно. Второе слева.

— Ого, до него как будто и не добраться. Впрочем, обратите внимание: внизу вьется плющ, а выше торчит водосточная труба. Как-никак, точка опоры.

— Мне бы, честно говоря, не влезть,— заметил мистер Беннет.

— Вполне допускаю. Для любого нормального человека это, несомненно, была бы опасная затея.

— Я вам еще кое-что хотел сказать, мистер Холмс. Я достал адрес того человека, которому профессор шлет письма в Лондон. Одно он, по-видимому, отправил сегод-

ня утром, и я списал адрес с бювара. Недостойный прием для личного секретаря, но что поделаешь!

Холмс пробежал глазами бумажку с адресом и спрятал в карман.

— Дорак — занятное имя! Славянское, как я понимаю. Что ж, это — важное звено. Мы возвращаемся в Лондон сегодня же, мистер Беннет. Не вижу смысла оставаться. Арестовать профессора мы не можем: он не совершил никакого преступления; поместить его под наблюдение тоже нельзя, потому что нельзя доказать, что он сумасшедший. Действовать пока рано.

— Да, но как же быть?

— Немножко терпения, мистер Беннет. События начнут назревать в самом скором времени. Либо я ничего не понимаю, либо во вторник можно ждать кризиса. В этот день мы, естественно, будем в Кэмфорде. При всем том нельзя отрицать, что обстановка в доме не из приятных, и если миссис Пресбери имеет возможность продлить свое отсутствие...

— Это нетрудно.

— Тогда пусть побудет в Лондоне, пока мы не сможем завернть ее, что всякая опасность миновала. Ну, а пока пусть профессор делает что хочет, не перечьте ему. Лишь бы он был в добром расположении духа, и все обойдется.

— Смотрите, вон он! — испуганно шепнул Беннет, и мы увидели из-за ветвей, как в дверях дома показалась высокая, осанистая фигура. Профессор стоял, чуть подавшись вперед, покачивая руками прямо перед собой, и озирался по сторонам, поворачивая голову то вправо, то влево. Его секретарь, помахав нам на прощание рукой, исчез за деревьями, и вскоре мы увидели, как он подошел к своему шефу и оба направились в дом, горячо, можно сказать, даже ожесточенно, обсуждая что-то.

— Видимо, почтенный джентльмен смекнул что к чему,— говорил Холмс по дороге в гостиницу.— От этой короткой встречи у меня осталось впечатление, что он человек на редкость ясного и логического ума. Вспыльчив, как порох, не спорю, а впрочем, его можно понять: поневоле вспылишь, если к тебе приставили сыщиков, причем, как ты подозреваешь, не кто иной, как твои соб-

ственные домочадцы. Боюсь, нашему Бениету сейчас приходится иесладко.

По пути Холмс завериул иа почту, чтобы отправить кому-то телеграмму. Ответ пришел вечером, и Холмс протяиул его мие.

«Был иа Коммершл-роуд, видел Дорака. Пожилой чех, очеиь учтив. Владелец большого уииверсальиого магазииа.

Мерсер».

— Мерсера при вас еще ие было,— объясиил Холмс.— Я ему поручаю всякую черновую работу. Важио было разузиать кое-что про человека, с которым у иашего профессора такая секретиая переписка. Ои чех — тут есть связь с поездкой в Прагу.

— Слава богу, иакоиец у чего-то с чем-то обиаружилась связь,— сказал я.— Пока что, кажется, перед иами целый иабор иеобъясиимых событий, ие имеющих ии малейшего отиошеиия друг к другу. Каким образом, иапример, можио связать злобиый ирав овчарки с поездкой в Чехию или то и другое — с человеком, который иочами разгуливает по коридору иа четвереиьках? А самое иеобъясиимое — эти ваши даты.

Холмс усмехиулся и потер руки. Замечу, кстати, что этот разговор происходил в стариином холле гостиницы «Шахматиая Доска» за бутылкой зиамеиитого портвейна, о котором давеча вспомииал мой друг.

— Ну что ж, тогда давайте и поговорим прежде всего об этих датах,— произиес ои, сомкиув коичики пальцев с видом учителя, который обращается к классу.— Из диевиика этого милого молодого человека явствует, что иелады с профессором иачались второго июля и с тех пор — иасколько я помию, с одиим-едиистве иным исключеиием — повторяются через каждые девять дией. Вот и последиий приступ, тот, что случился в пятиицу, падает иа третье сеитября, а предпоследиий — иа двадцать шестое августа. Ясио, что о простом совпадеиии речи быть ие может.

Я был выиуждеи согласиться.

— А потому условимся исходить из того, что каждый девятый деиь профессор прииимает какое-то средст-

во, оказывающее кратковремеиное, ио очеиь сильное дей-ствие. Под его влняинем природная иесдержанность профессора усугубляется. Рекомеидовалн ему это снадобье, когда он был в Праге, теперь же снабжают нм через посредиика-чеха из Лондона. Все сходнтся, Уотсои!

— Ну, а собака, а лицо в окие, а человек на четвереиьках?

— Ничего-иичего, лиха беда — начало. Не думаю, чтобы до вториика пронзошло что-ннбудь иовое. А пока что нам остается не терять связь с нашим другом Беинетом н вкушать тнхие радости этого прелестного городка.

Утром к нам загляиул мистер Беннет, чтобы сообщить последние новости. Как н предполагал Холмс, ему пришлось довольио туго. Профессор, хоть н ие обвиияя его прямо в том, что это он подстронл наш визнт, разговаривал с ииим крайне грубо, иеприязнеиио и явно был глубоко уязвлен. Наутро, впрочем, ои держался как ии в чем ие бывало н, по обыкновению, блистательио прочел лекцню в переполнеииой аудторин.

— Еслн б не этн страиные припадкн,— закоичил Беинет,— я бы сказал, что он никогда еще не был так эиергичен н бодр, а ум его так светел. И все же это не он, это все время ие тот человек, которого мы зиалн.

— Я думаю, по крайней мере неделю вам опасаться нечего,— сказал Холмс.— Я человек занятой, а доктора Уотсона ждут пацненты. Условнмся так: во вторннк в это же время мы с вами встречаемся здесь, н я более чем увереи, что, прежде чем сиова расстаться, мы будем в состояинн обиаружнть и, быть может, устранить прнчнну ваших невзгод. Ну, а пока пншите и держите нас в курсе событий.

Вслед за тем я несколько дией не внделся с моим другом, но в понедельник вечером получил от иего коротеиькую записку, в которой он просил меня встретиться с инм завтра на вокзале. По дороге в Кэмфорд он рассказал, что там пока все тихо, ничто не иарушало покой в профессорском доме н сам хозяин вел себя вполие нормальио. Это подтвердил и мнстер Беииет, навестившнй нас вечером все в том же номере «Шахматной Доскн».

— Сегодня он получил от того человека из Лондона письмо и небольшой пакет. Оба помечены крестиком, и я их не вскрывал. Больше ничего не было.

— Может статься, что и этого более чем достаточно,— угрюмо заметил Холмс.— Итак, мистер Бениет, думаю, нынешней ночью мы добьемся какой-то ясности. Если ход моих рассуждений верен, у нас будет возможность ускорить развязку, но для этого необходимо держать профессора под наблюдением. А потому я рекомендовал бы вам не спать и быть начеку. Случись вам услышать, что он крадется мимо вашей двери, не останавливайте его и следуйте за ним, только как можно осторожнее. Мы с доктором Уотсоном будем неподалеку. Кстати, где хранится ключ от той шкатулочки, о которой вы рассказывали?

— Профессор носит его на цепочке от часов.

— Мне сдается, что разгадку нам следует искать именно в этом направлении. В крайнем случае замок, вероятно, не так уж трудно взломать. Есть там у вас еще какой-нибудь крепкий мужчина?

— Есть еще Макфейл, наш кучер.

— Где он ночует?

— В комнате над конюшней.

— Возможно, он нам понадобится. Ну-с, делать пока больше нечего, посмотрим, как будут развиваться события. До свидания. Впрочем, думаю, мы с вами еще увидимся до утра.

Незадолго до полуночи мы заняли позицию в кустах прямо напротив парадной двери профессорского особняка. Ночь была ясная, но холодная, и мы порадовались, что надели теплые пальто. Налетел ветерок; по небу, то и дело закрывая серп луны, заскользили тучи. Наше бдение оказалось бы весьма унылым, если б не лихорадочное нетерпение, которым мы были охвачены, и не уверенность моего спутника в том, что вереница загадочных событий, овладевших нашими умами, вероятно, скоро кончится.

— Если девятидневный цикл не будет нарушен, профессор должен сегодня предстать перед нами во всей красе,— сказал Холмс.— Все факты указывают единое направление: и то, что профессор начал вести себя странно после поездки в Прагу, и то, что у него секретная пе-

реписка с торговцем-чехом, который живет в Лондоне, но, по-видимому, действует по поручению кого-то из Праги, и, наконец, то, что как раз сегодня профессор получил от него посылку. Что̀ именно он принимает и зачем, пока еще выше нашего понимания, но что все это каким-то образом исходит из Праги, не вызывает сомнений. Снадобье он принимает в соответствии с четкими указаниями — каждый девятый день. Это обстоятельство как раз и бросилось мне в глаза прежде всего. Но вот симптомы, которые оно вызывает,— это нечто поразительное. Вы обратили внимание, какие у него суставы на пальцах?

Я вынужден был сознаться, что нет.

— Утолщенные, мозолистые — ничего подобного в моей практике не встречалось. Всегда первым долгом смотрите на руки, Уотсон. Затем на манжеты, колени брюк и ботинки. Да, прелюбопытные суставы. Такие можно нажить, лишь передвигаясь на...— Холмс осекся и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.— Ах ты, господи, Уотсон, что же я был за осел! Трудно поверить, но разгадка именно такова! Все сразу встает на свои места. Как это я мог не уловить логику событий? И суставы — суставы как ухитрился проглядеть? Ну да, и собака! И плющ! Нет, мне положительно настало время удалиться на маленькую ферму, о которой я давно мечтаю... Но тихо, Уотсон! Вот и он! Сейчас сами убедимся.

Дверь дома медленно отворилась, и мы увидели в освещенном проеме высокую фигуру профессора Пресбери. Профессор был в халате. Он стоял на пороге, чуть наклонясь вперед и свесив перед собою руки, как и в прошлый раз.

Но вот он сошел с крыльца, и с ним произошла разительная перемена. Он опустился на четвереньки и двинулся вперед, то и дело подскакивая на ходу, словно от избытка сил и энергии, прошел таким образом вдоль фасада и повернул за угол. Едва он скрылся, как из двери выскользнул Бениет и, крадучись, последовал за ним.

— Идем, Уотсон, скорее!—шепнул Холмс, и мы, стараясь не шуметь, устремились сквозь кусты к тому месту, откуда видна была боковая стена особняка, увитая плю-

щом и залитая светом молодой луны. Мы ясно разглядели скрюченную фигуру профессора и вдруг увидели, как он начал с непостижимым проворством карабкаться вверх по стене. Он перелетал с ветки на ветку, уверенно переставляя ноги, цепко хватаясь руками, без всякой видимой цели, просто радуясь переполнявшей его силе. Полы его халата развевались в воздухе, и он был похож на гигантскую летучую мышь, темным квадратом распластавшуюся по освещенной луной стене его собственного дома. Вскоре эта забава наскучила ему, он спустился вниз, перескакивая с ветки на ветку, опять встал на четвереньки и все тем же странным способом направился к конюшне.

Овчарка уже выскочила на улицу, захлебываясь бешеным лаем, а завидев хозяина, и вовсе осатанела. Она рвалась с цепи, дрожа от злобы и возбуждения. Профессор приблизился к ней и, присев на корточки, совсем близко, но с таким расчетом, чтобы она не могла его достать, принялся дразнить ее на все лады. Он собирал камешки и полными горстями бросал их псу в морду, тыкал его палкой, поднятой с земли, размахивал руками прямо у разинутой собачьей пасти — короче говоря, всячески старался подстегнуть и без того неудержимую ярость животного. За все наши похождения я не припомню более дикого зрелища, чем эта бесстрастная и еще не утратившая остатков достоинства фигура, по-лягушечьи припавшая к земле перед беснующейся, разъяренной овчаркой и обдуманно, с изощренной жестокостью старающаяся довести ее до еще большего исступления.

И тут в мгновение ока — свершилось! Нет, не цепь лопнула: соскочил ошейник, рассчитанный на мощную шею ньюфаундленда. Мы услышали лязг упавшего металла, и в тот же миг собака и человек, сплетенные в тесный клубок, покатились по земле, первая — с яростным рыком, второй — с пронзительным, неожиданно визгливым воплем ужаса. Профессор был буквально на волосок от гибели. Рассвирепевшее животное вцепилось ему в горло, глубоко вонзив в него клыки, и профессор потерял сознание еще до того, как мы успели подбежать и разнять их. Это могло бы оказаться опасной процедурой, но присутствия Бениета и одного его окрика оказалось довольно, чтобы мгновенно унять огромного пса. На

шум из комнаты над конюшней выскочил заспанный, перепуганный кучер.

— Ничего удивительного,— сказал он, качая головой.— Я и раньше видел, что он тут вытворяет. Я так и знал, что рано или поздно собака до него доберется.

Рою снова посадили на цепь, а профессора мы вчетвером отнесли к нему в комнату, и Беннет, медик по образованию, помог мне наложить повязку на его истерзанное горло. Рана оказалась тяжелой: острые клыки едва не задели сонную артерию, и профессор потерял много крови. Через полчаса непосредственная опасность была устранена, я ввел пострадавшему морфий, и он погрузился в глубокий сон.

Теперь, и только теперь, мы смогли взглянуть друг на друга и обсудить обстановку.

— Я считаю, что его нужно показать первоклассному хирургу,— сказал я.

— Боже избави! — воскликнул Беннет.— Пока об этой скандальной истории знают только домашние, никто о ней не проговорится. Стоит слухам просочиться за пределы этого дома, и пересудам не будет конца. Нельзя забывать о положении, которое профессор занимает в университете, о том, что он ученый с европейским именем, о чувствах его дочери.

— Совершенно справедливо,— сказал Холмс.— И я думаю, теперь, когда у нас не связаны руки, мы вполне можем найти способ избежать огласки и в то же время предотвратить возможность повторения чего-либо подобного. Снимите ключ с цепочки, мистер Беннет. Макфейл посмотрит за больным и даст нам знать, если что-нибудь случится. Поглядим, что же спрятано в таинственной шкатулке профессора.

Оказалось, немногое, но и этого было достаточно: два флакона, один пустой, другой едва початый, шприц да несколько писем, нацарапанных неразборчивым почерком иностранца. По крестикам на конвертах мы поняли, что это те самые, которые запрещалось вскрывать секретарю; все были посланы с Коммершл-роуд и подписаны «А. Дорак». В одних конвертах были только сообщения о том, что профессору Пресбери отправлен очередной флакон с препаратом, в других — расписки в получении денег. Был здесь и еще один конверт — с австрий-

ской маркой, проштемпелеваииый в Праге и иадписаиный более грамотиой рукой.

— Вот то, что иам иадо!— вскричал Холмс, выхватывая из него письмо.

«Уважаемый коллега! — прочли мы.— После Вашего визита я миого думал о Вашем случае, и хотя в таких обстоятельствах, как Ваши, имеются особо веские причииы прибегиуть к моему средству, я все же иастоятельио рекомеидовал бы Вам проявлять осмотрительиость, так как пришел к выводу, что оно ие безвредио.

Возможио, иам лучше было бы воспользоваться сывороткой аитропоида. Черноголовый хульмаи, как я уже объясиял Вам, был избраи миою лишь потому, что была возможиость достать животиое, но ведь хульмаи передвигается иа четырех коиечиостях и живет иа деревьях, меж тем как аитропоиды прииадлежат к двуиогим и во всех отиошеииях стоят ближе к человеку.

Умоляю Вас соблюдать все меры предосторожности, дабы избежать преждевременной гласиости. У меия есть еще одии пациент в Аиглии; наш посредиик — тот же Дорак.

Вы весьма обяжете меия, присылая Ваши отчеты ежеиедельио.

С совершеиным почтеннем, Ваш *Г. Ловеиштейн*».

Ловеиштейн! При этом имеии мие вспомнилось коротеиькое газетиое сообщеиие о каком-то безвестиом учеиом, который ставит загадочиые опыты с целью постичь тайиу омолаживаиия и изготовить эликсир жизии. Ловеиштейи, учеиый из Праги! Ловеиштейи, который открыл чудо-сыворотку, дарующую людям силу, и которому другие учеиые объявили бойкот за отказ поделиться с иими секретом своего открытия!

В иескольких словах я рассказал, что запомиил. Беииет достал с полки зоологический справочиик.

— «Хульмаи,— прочел ои.— Большая черноголовая обезьяиа, обитает на склоиах Гималаев, самая крупиая и близкая к человеку из лазающих обезьян». Далее следуют миогочислеиные подробиости. Итак, мистер Холмс, сомиеиий нет: благодаря вам мы все-таки обнаружили кореиь зла.

— Истинный корень зла,—сказал Холмс,—это, разумеется, запоздалая страсть на склоне лет, внушившая нашему пылкому профессору мысль, что он сможет добиться исполнения своих желаний, лишь став моложе. Тому, кто пробует поставить себя выше матери-Природы, нетрудно скатиться вниз. Самый совершенный представитель рода человеческого может пасть до уровня животного, если свернет с прямой дороги, предначертанной всему сущему.— Он помолчал, задумчиво разглядывая наполненный прозрачной жидкостью флакон, который держал в руке.— Я напишу этому человеку, что он совершает уголовное преступление, распространяя свое зелье, и нам больше не о чем будет тревожиться. Но рецидивы не исключены. Найдутся другие, они будут действовать искуснее. Здесь кроется опасность для человечества, и очень грозная опасность. Вы только вдумайтесь, Уотсон: стяжатель, сластолюбец, фат—каждый из них захочет продлить свой никчемный век. И только человек одухотворенный устремится к высшей цели. Это будет противоестественный отбор! И какой же зловонной клоакой станет тогда наш бедный мир! — Внезапно мечтатель исчез, вернулся человек действия. Холмс вскочил со стула.— Ну, мистер Бейнет, я думаю, мы обо всем поговорили, и разрозненные, казалось бы, факты легко теперь связать воедино. Собака, естественно, почуяла перемену гораздо раньше вас: на то у нее и тонкий нюх. Не на профессора бросился Рой — на обезьяну, и не профессор, а обезьяна дразнила его. Ну, а лазать для обезьяны — сущее блаженство, и к окну вашей невесты ее, как я понимаю, привела чистая случайность. Скоро отходит лондонский поезд, Уотсон, но я думаю, мы еще успеем до отъезда выпить чашку чая в гостинице.

ЛЬВИНАЯ ГРИВА

Удивнтельно, что одна нз самых сложных н необычайных задач, с которымн я когда-либо встречался в теченне моей долгой жизнн сыщика, встала передо мной, когда я уже удалнлся от дел; все разыгралось чуть лн не на моих глазах. Случнлось это после того, как я поселился в своей маленькой Суссекской вилле н целиком погрузнлся в мир н тишнну прнроды, о которых так мечтал в течение долгнх лет, проведенных в туманном, мрачном Лондоне. В опнсываемый период добряк Уотсон почтн совершенно нсчез с моего горизонта. Он лишь нзредка навещал меня по воскресеньям, так что на этот раз мне прнходится быть собственным нсторнографом. Не то как бы он расписал столь редкостное происшествие н все трудностн, нз которых я вышел победнтелем! Увы, мне придется попросту и без затей, своими словами рассказать о каждом моем шаге на сложном путн раскрытия тайны Львиной Гривы.

Моя вилла расположена на южном склоне возвышеиностн Даунз, с которой открывается широкий вид на Ла-Манш. В этом месте берег представляет собой стену нз меловых утесов; спуститься к воде можно по единственной длннной нзвнлистой тропке, крутой и скользкой. Внизу тропка обрывается у пляжа шнриной прнмерно в сто ярдов, покрытого галькой и голышом н не заливаемого водой даже в часы прнлнва. Однако в нескольких местах нмеются залнвчикн и выемкн, представляющие велнколепные бассейны для плавания н с каждым прнлнвом заполияющиеся свежей водой. Этот чудесный

берег тянется на несколько миль в обе стороны и прерывается только в одном месте небольшой бухтой, по берегу которой расположена деревня Фулворт.

Дом мой стоит на отшибе, и в моем маленьком владении хозяйничаем только я с моей экономкой да пчелы. В полумиле отсюда находится знаменитая школа Гарольда Стэкхерста, занимающая довольно обширный дом, в котором размещены человек двадцать учеников, готовящихся к различным специальностям, и небольшой штат педагогов. Сам Стэкхерст, в свое время знаменитый чемпион по гребле,— широко эрудированный ученый. С того времени, как я поселился на побережье, нас с ним связывали самые дружеские отношения, настолько близкие, что мы по вечерам заходили друг к другу, не нуждаясь в особом приглашении.

В конце июля 1907 года был сильный шторм, ветер дул с юго-запада, и прибой докатывался до самого подножия меловых утесов, а когда начинался отлив, на берегу оставались большие лагуны. В то утро, с которого я начну свой рассказ, ветер стих, и все в природе дышало чистотой и свежестью. Работать в такой чудесный день не было никаких сил, и я вышел перед завтраком побродить и подышать изумительным воздухом. Я шел по дорожке, ведущей к крутому спуску на пляж. Вдруг меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Гарольда Стэкхерста, весело машущего мне рукой.

— Что за утро, мистер Холмс! Так я и знал, что встречу вас.

— Я вижу, вы собрались купаться.

— Опять взялись за старые фокусы,— засмеялся он, похлопывая по своему набитому карману.— Макферсон уже вышел спозаранку, я, наверное, встречу его здесь.

Фицрой Макферсон — видный, рослый молодой человек—преподавал в школе естественные науки. Он страдал пороком сердца вследствие перенесенного ревматизма; но, будучи природным атлетом, отличался в любой спортивной игре, если только она не требовала от него чрезмерных физических усилий. Купался он и зимой и летом, а так как я и сам завзятый купальщик, то мы часто встречались с ним на берегу.

В описываемую минуту мы увидели самого Макферсона. Его голова показалась из-за края обрыва, у кото-

рого кончалась тропка. Через мгновение он появился во весь рост, пошатываясь, как пьяный. Затем вскинул руки и со страшным воплем упал ничком на землю. Мы со Стэкхерстом бросились к нему — он был от нас ярдах в пятидесяти — и перевернули его на спину. Наш друг был по всем признакам при последнем издыхании. Ничего иного не могли означать остекленевшие, ввалившиеся глаза и посиневшее лицо. На одну секунду в его глазах мелькнуло сознание, он ступленно снялся предостеречь нас. Он что-то невнятно, судорожно прокричал, но я расслышал в его вопле всего два слова: «львиная грива». Эти слова ничего мне не говорили, но ослышаться я не мог. В то же мгновение Макферсон приподнялся, вскинул руки и упал на бок. Он был мертв.

Мой спутник остолбенел от неожиданного страшного зрелища; у меня же, разумеется, все чувства мгновению обострились, и не зря: я сразу понял, что мы оказались свидетелями какого-то совершенно необычайного происшествия. Макферсон был в одних брюках и в накинутом на голое тело макинтоше, а на ногах у него были незашнурованные парусиновые туфли. Когда он упал, пальто соскользнуло, обнажив торс. Мы онемели от удивления. Его спина была располосована темно-багровыми рубцами, словно его исхлестали плетью из тонкой проволоки. Макферсон был, видимо, замучен и убит каким-то необычайно гибким инструментом, потому что длинные, резкие рубцы закруглялись со спины и захватывали плечи и ребра. По подбородку текла кровь из прикушенной от невыносимой боли нижней губы.

Я опустился на колени, а Стэкхерст, стоя, склонился над трупом, когда на нас упала чья-то тень, и, оглянувшись, мы увидели, что к нам подошел Ян Мэрдок. Мэрдок преподавал в школе математику; это был высокий, худощавый брюнет, настолько нелюдимый и замкнутый, что не было человека, который мог бы назвать себя его другом. Казалось, он витал в отвлеченных сферах иррациональных чисел и конических сечений, мало чем интересуясь в повседневной жизни. Он слыл среди учеников чудаком и мог бы легко оказаться посмешищем, не будь в его жилах примеси какой-то чужеземной крови, проявлявшейся не только в черных, как уголь, глазах и смуглой коже, но и во вспышках ярости, которые нельзя было

иазвать иначе, как дикнмн. Однажды на него иабросилась собачонка Макферсона; Мэрдок схватил ее и вышвырнул в окно, разбив зеркальное стекло; за такое поведеиие Стэкхерст, конечио, ие преминул бы его уволить, не дорожи он нм как отличиым преподавателем. Такова характеристнка страииого, сложиого человека, подошедшего к нам в эту минуту. Казалось, он был вполие искреиие потрясен видом мертвого тела, хотя случай с собачонкой вряд лн мог свидетельствовать о большой симпатни между инм н покойинком.

— Бедияга! Бедняга! Не могу лн я что-иибудь сделать? Чем мие помочь вам?

— Вы были с инм? Не расскажете лн вы, что здесь произошло?

— Нет, нет, я поздно встал сегодня. И еще ие купался. Я только нду нз школы. Чем я могу быть вам полезеи?

— Бегите скорее в Фулворт и немедленио известите полнцию.

Не сказав ии слова, Мэрдок поспешно иаправился в Фулворт, а я тотчас же принялся изучать место пронсшествия, в то время как потрясеииый Стэкхерст остался у тела. Первым монм делом было, коиечио, убедиться, иет ли еще кого-иибудь на пляже. С обрыва, откуда спускалась тропка, берег, вндимый иа всем протяжеинн, казался совершеиио безлюдиым, еслн ие счнтать двух-трех темных фнгур, шагавших вдалеке по иаправлеиию к Фулворту. Закончив осмотр берега, я иачал медленио спускаться по тропке. Почва здесь была с прнмесью глиины и мягкого мергеля, и то тут, то там мне попадалнсь следы одиого и того же человека, идущне н под гору и в гору. Нкто больше по тропке в это утро не спускался. В одиом месте я заметил отпечаток ладони с расположеинымн вверх по тропе пальцамн. Это могло значнть только, что иесчастиый Макферсои упал, подиимаясь в гору. Я заметил также круглые впадины, позволявшне предположнть, что ои несколько раз падал иа колени. Винзу, где тропка обрывалась, была довольио большая лагуна, образоваиная отступившим приливом. На берегу этой лагуины Макферсон разделся: тут же, на камне, лежало его полотеице. Оио было аккуратно сложено и оказалось сухим, так что, судя по всему, Макферсон не успел окуиуть-

ся. Кружа во всех иаправлениях по твердой гальке, я обиаружил иа пляже иесколько песчаиых проплешии со следами парусииовых туфель и голых ступией Макферсоиа. Последиее иаблюдеиие показывало, что ои должеи был вот-вот броситься в воду, а сухое полотенце говорило, что ои этого сделать ие успел.

Тут-то и кореиилась загадка всего происшествия — самого иеобычайиого из всех, с которыми я когда-либо сталкивался. Человек пробыл иа пляже самое большее четверть часа. В этом ие могло быть сомиеиия, потому что Стэкхерст шел вслед за иим от самой школы. Человек собрался купаться и уже разделся, о чем свидетельствовали следы голых ступией. Затем виезапио ои сиова иатяиул иа себя макиитош, не успев окуиуться или, во всяком случае, ие вытеревшись. Ои ие смог выполиить свое иамереиие и выкупаться потому, что был каким-то необъясиимым и иечеловеческим способом исхлестаи и истерзаи так, что до крови прикусил от невыиосимой боли губу и у иего еле достало сил, чтобы отползти от воды и умереть. Кто был виновииком этого зверского убийства? Правда, у подиожия утесов были иебольшие гроты и пещеры, ио оии были хорошо освещеиы иизко стоявшим утреиииим солицем и ие могли служить убежищем. Кроме того, как я уже сказал, вдалеке иа берегу видиелось иесколько темных фигур. Оии были слишком далеко, чтобы их можио было заподозрить в прикосиовеииости к преступлеиию, и к тому же их отделяла от Макферсоиа широкая, подходившая к самому подиожию обрыва лагуиа, в которой ои собирался купаться. Недалеко в море видиелись две-три рыбачьи лодки. Я мог хорошо разглядеть сидевших в иих людей. Итак, мие открывалось иесколько путей расследоваиия дела, но ии одии из иих ие сулил успеха.

Когда я в коице коицов вериулся к трупу, я увидел, что вокруг иего собралась группа случайиых прохожих. Тут же иаходился, коиечио, и Стэкхерст и только что подоспевший Яи Мэрдок в сопровождеиин сельского коистебля Айдерсоиа — толстяка с рыжими усами, иизкорослой суссекской породы, иаделеиной под иеповоротливой, угрюмой виешиостью иезаурядиым здравым смыслом. Ои выслушал иас, записал иаши показаиия, потом отозвал меия в сторопу.

— Я был бы признателеи вам за совет, мистер Холмс. Одиому мие с этим сложиым делом не справиться, а если я что иапутаю, мие влетит от Льюиса.

Я посоветовал ему, во-первых, послать за своим иепосредствеиным начальинком, во-вторых, до прибытия иачальства ие переиосить ии тела, ии вещей и, по возможности, ие топтаться зря у трупа, чтобы ие путать следов. Сам я тем времеием обыскал кармаиы покойиого. Я нашел в иих иосовой платок, большой перочиииый нож и малеиький бумажиик. Из бумажинка выскользнул листок бумаги, который я развериул и вручил коистеблю. На листке иебрежиым женским почерком было иапнсано: «Не беспокойся, ждн меия. Моди». Судя по всему, это была любовная записка, ио в ией ие указывалось ин время, ии место свидання. Констебль вложнл записку обратио в бумажиик и вместе с прочими вещамн водворил в кармаи макиитоша. Затем, поскольку иикаких новых улик ие обиаружнвалось, я пошел домой завтракать, предварительыо распорядившись о тщательиом обследоваиии подиожия утесов.

Часа через два ко мие зашел Стэкхерст и сказал, что тело перенесеио в школу, где будет пронзводиться дознание. Ои сообщнл мне иесколько весьма важных и зиамеиательиых фактов. Как я и ожидал, в пещерках под обрывом инчего ие иашли, ио Стэкхерст просмотрел бумагн в столе Макферсона и среди инх обиаружил несколько писем, свидетельствующих о взаимиой склоиности между покоиным и иекой мисс Мод Беллами из Фулворта. Таким образом стало известио, кто писал запнску, иайдеиную в кармане Макферсоиа.

— Письма у полнции,— поясиил Стэкхерст,— я ие смог принести их. Они, несомиеиио, свидетельствуют о серьезиом романе. Но я ие внжу осиоваиий связывать эти отношеиия со страшиым происшествием, если не считать того, что дама иазначнла ему свидание.

— Вряд ли, одиако, свидание было иазначеио иа берегу, где все вы обычио купаетесь,— заметнл я.

— Да, это чистая случайность, что Макферсоиа ие сопровождали иесколько учеинков.

— Такая ли уж случайность?

— Их задержал Яи Мэрдок,— сказал Стэкхерст.— Ои настоял на проведеини перед завтраком заиятий по алгебре. Бедиый малый, ои страшио подавлеи случившимся!

— Хотя, сколько мне известно, оии ие были особеино дружны.

— Да, первое время, ио вот уже год или больше того, как Мэрдок сошелся с Макферсоиом, иасколько он вообще только способеи с кем-иибудь сойтнсь. Он ие очеиь-то общителен по природе.

— Так я и думал. Я прнпомннаю ваш рассказ о том, как он расправился с собачоикой покойиого.

— Ну, это — дело прошлое.

— Но такой поступок мог, пожалуй, вызвать мстительные чувства.

— Нет, нет, я уверен в их нскреинеи дружбе.

— Ну что ж, тогда перейдем к сердечным делам. Зиакомы ли вы с дамой?

— Ее знают все. Оиа славится своей красотой по всеи иашей округе, оиа писаиая красавица, Холмс, кого нн спросн. Я знал, что оиа иравится Макферсону, но ие предполагал, что дело зашло так далеко, как это явствует из пнсем.

— Кто же оиа?

— Дочь старого Тома Белламн, владельца всех прогулочных лодок и купален в Фулворте. Начал он с простого рыбака, а теперь ои человек с положеннем. В деле ему помогает его сын Унльям.

— Не сходнть лн иам в Фулворт повндать нх?

— Под каким предлогом?

— О, предлог легко найти. Не мог же в коице концов наш несчастный друг покончнть с собой, прнбегиув к такому страшному способу самоубийства! Ведь плеть, которой он нсстегаи, должиа была иаходиться в чьей-то руке, если допустнть, что убнйство совершено с помощью плети. Круг знакомых Макферсоиа в этом малолюдном месте, конечно, невелнк. Давайте займемся всемн его знакомымн, н, досконально изучив их, мы, наверное, иащупаем мотив преступлеиня, а это, в свою очередь, поможет иам иайти преступнника.

Что могло бы быть для нас приятиее прогулкн по холмам, заросшим душнстым чебрецом, не будь мы так

потрясены страшной трагедней, разыгравшейся на наших глазах! Деревня Фулворт расположена в небольшой впадине, полукругом опоясывающей бухту. За рядом старых домншек, вверх по склону, построено несколько современных домов. К одному нз такнх домов н повел меня Стэкхерст.

— Вот н «Гавань», как называет свой участок Беллами. Вон тот дом, с угловой башенкой н с черепичной крышей. Неплохо для человека, начавшего с ннчего... Посмотрнте-ка! Это еще что такое?

Садовая калнтка «Гаванн» открылась, н нз нее вышел человек. Трудно было бы не прнзнать в его высокой, угловатой фнгуре математнка Яна Мэрдока. Через мннуту мы столкнулнсь с ннм на дороге.

— Хэлло! — окликнул его Стэкхерст.

Мэрдок кнвнул, нскоса глянул на нас проннцательными темнымн глазамн н хотел было пройтн мнмо, но днректор школы задержал его.

— Что вы здесь делалн? — спроснл он.

Мэрдок вспыхнул.

— Сэр, я подчннен вам в вашей школе. Но мне кажется, я не обязан давать вам отчет в своих личных делах.

После всего пережнтого нервы Стэкхерста были натянуты, как струна. При других обстоятельствах он бы сдержался. Теперь же он вышел нз себя.

— Ваш ответ, мнстер Мэрдок, в настоящнх условнях — чистейшая дерзость.

— Не меньшей дерзостью кажется мне ваш вопрос.

— Мне уже не в первый раз прнходнтся терпеть вашн грубостн. Сегодняшняя ваша выходка будет последней. Я попрошу вас подыскать себе другое место, и как можно скорее.

— Это вполне соответствует монм желанням. Сегодня я потерял едннственного человека, который как-то скрашнвал мне существованне у вас в школе.

И Мэрдок решнтельно зашагал по дороге, а Стэкхерст яростно глядел ему вслед.

— Какой трудный, какой невыноснмый человек! — воскликнул он.

Меня больше всего поразнло, что мнстер Ян Мэрдок воспользовался первым же подвернувшнмся предлогом,

чтобы сбежать с места преступления. Зародившиеся во мне догадки, до сих пор смутные и неопределенные, становились отчетливее. «Может быть, знакомство с семейством Беллами прольет свет на это дело?» — подумал я. Стэкхерст успокоился, и мы направились к дому.

Мистер Беллами оказался мужчиной средних лет, с огненно-рыжей бородой. Вид у него был очень взволнованный, лицо пылало не меньше бороды.

— Увольте, сэр, я не желаю знать никаких подробностей. И мой сын,— он указал на богатырского сложения молодого человека, с тяжелым, угрюмым лицом,— совершенно согласен со мной, что поведение мистера Макферсона компрометировало Мод. Да, сэр, он ни разу не произнес слова «брак», хотя была переписка, были свидания и много всякого другого, чего никто из нас не одобрял. У Мод нет матери, и мы ее единственные защитники. Мы решили...

Это словоизвержение было внезапно прервано появлением самой девушки. Никто не стал бы отрицать, что она могла послужить украшением любого общества. И кто бы подумал, что столь редкостной красоты цветок вырастет на такой почве и в подобной атмосфере! Я мало увлекался женщинами, ибо сердце мое всегда было в подчинении у головы, но, глядя на прекрасные тонкие черты, на нежный, свежий цвет лица, типичный для этих краев, я понимал, что ни один молодой человек, увидев ее, не мог бы остаться равнодушным. Такова была девушка, которая теперь стояла перед Гарольдом Стэкхерстом, открыто и решительно глядя ему в глаза.

— Я уже знаю, что Фицрой скончался,— сказала она.— Не бойтесь, я в состоянии выслушать любые подробности.

— Тот ваш джентльмен уже все рассказал нам,— пояснил отец.

— У вас нет никаких оснований замешивать в эту историю мою сестру,— пробурчал молодой человек.

— Это — мое дело, Уильям,— сказала сестра, метнув на него горячий, уничтожающий взгляд.— Будь добр, позволь мне вести себя, как я сочту нужным. Ясно, что совершено страшное преступление. Если я смогу помочь раскрыть убийцу, я хотя бы исполню этим свой долг перед умершим.

Прошла иеделя. Дознание ие прнвело ии к чему и было прностаиовлеио впредь до иахождения новых улик. Стэкхерст иавел иегласные справкн о своем подчннеиием, в комиате Мэрдока был пронзведеи поверхностный обыск, ие давшнй иикакого результата. Я личио еще раз шаг за шагом — иа деле и в уме — проследнл все этапы трагического события, ио нн к какому выводу не прншел. Во всей моей практнке читатель ие запомннт случая, когда я так остро ощущал бы свое бесснлие. Даже воображеине не могло подсказать мне разгадку тайиы. Но тут вскоре произошел случай с собакой.

Первая услышала об этом моя старая экоиомка благодаря своеобразиому беспроволочному телеграфу, с помощью которого эти людн получают ииформацию о всех происшествнях в округе.

— Что за грустная нсторня, сэр, с этой собакой мистера Макферсона! — сказала как-то вечером моя экономка.

Я ие люблю поощрять подобную болтовию, ио на этот раз ее слова пробуднли мой интерес.

— Что же такое случнлось с собакой мистера Макферсоиа?

— Подохла, сэр. Подохла с тоски по хозянну.

— Откуда вы это знаете?

— Как же не знать, когда все только об этом и говорят. Собака страшно тосковала, целую неделю инчего в рот ие брала. А сегодня два молодых джентльмеиа из школы иашли ее мертвой виизу, иа берегу, на том самом месте, где случнлось несчастье с ее хозяином.

«На том самом месте»! Этн слова словно врезались в мой мозг. Во мие родилось какое-то смутное предчувствие, что гибель собаки поможет распутать дело. То, что собака подохла, следовало, конечно, объяснить предаиностью и верностью всей собачьей породы. Но «на том самом месте»? Почему этот пустыиный берег играет такую зловещую роль? Возможно лн, чтобы н собака пала жертвой какой-то кровной местн? Возможио ли?.. Догадка была смутной, но она иачииала прниимать все более определенные формы. Через несколько миiут я шел по дороге к школе. Я застал Стэкхерста в его кабиiете. По моей просьбе ои послал за Сэдбери и Блаунтом — двумя учеинками, иашедшими собаку.

— Да, она лежала на самом краю лагуны,— подтвердил один из них.— Она, по-видимому, пошла по следам своего умершего хозяина.

Я осмотрел труп маленького преданного создания из породы эрдель-терьеров, лежавший на подстилке в холле. Он одеревенел, застыл, глаза были выпучены, конечности скрючены. Все его очертания выдавали страшную муку.

Из школы я прошел вниз к лагуне. Солнце зашло, и на воде, тускло мерцавшей, как свинцовый лист, лежала черная тень большого утеса. Место было безлюдно; кругом не было ни признака жизни, если не считать двух чаек, с резкими криками круживших надо мной. В меркнущем свете дня я смутно различал маленькие следы собачьих лап на песке вокруг того самого камня, на котором лежало тогда полотенце ее хозяина. Я долго стоял в глубокой задумчивости, в то время как вокруг становилось все темнее и темнее. В голове моей вихрем проносились мысли. Так бывает в кошмарном сне, когда вы ищете какую-то страшно нужную вещь и вы знаете, что она где-то здесь рядом, а она все-таки остается неуловимой и недоступной. Именно такое чувство охватило меня, когда я в тот вечер стоял в одиночестве на роковом берегу. Потом я наконец повернулся и медленно пошел домой.

Я как раз успел подняться по тропке на самый верх обрыва, когда меня вдруг, как молния, пронзило воспоминание о том, что я так страстно и тщетно искал. Если только Уотсон писал не понапрасну, вам должно быть известно, читатель, что я располагаю большим запасом современных научных познаний, приобретенных вполне бессистемно и вместе с тем служащих мне большим подспорьем в работе. Память моя похожа на кладовку, битком набитую таким количеством всяческих свертков и вещей, что я и сам с трудом представляю себе ее содержимое. Я чувствовал, что там должно быть что-то, касающееся этого дела. Сначала это чувство было смутно, но в конце концов я начал догадываться, чем оно подсказано. Это было невероятно, чудовищно, и все-таки это открывало какие-то перспективы. И я должен был окончательно проверить свои догадки.

В моем домике есть огромный чердак, заваленный

кингамн. В этой-то завали я н барахтался н плавал целый час, пока не выиыриул с иебольшнм томнком шоколадиого цвета с серебряным обрезом. Я быстро разыскал главу, содержание которой мне смутио запоминлось. Да, что говорить, моя догадка была иеправдоподобиой, фантастнчной, ио я уже не мог успоконться, пока ие выясию, насколько она осиователььиа. Было уже поздио, когда я лег спать, с нетерпением предвкушая завтрашиюю работу.

Но работа эта иаткиулась на досадное препятствне. Только я проглотнл утреииюю чашку чая и хотел отправиться на берег, как ко мне пожаловал ниспектор Бардл из Суссекского полнцейского управлеиия — коренастый мужчниа с задумчивымн, как у вола, глазами, которые сейчас смотрели на меня с самым иедоумеиным выражеиием.

— Мне нзвестеи ваш огромный опыт, сэр,— начал ои.— Я, коиечно, пришел совершенно неофициально, и о моем внзнте ннкто зиать ие обязан. Но я что-то запутался в деле с Макферсоиом. Просто не зиаю, арестовать мие его нлн нет.

— Вы имеете в виду мнстера Яна Мэрдока?

— Да, сэр. Ведь больше и подумать ие иа кого. Здешиее безлюдье — огромиое преимущество. Мы нмеем возможиость ограиичить иашн поискн. Если это сделал ие ои, то кто же еще?

— Что вы имеете против иего?

Бардл, как выясиилось, шел по моим стопам. Тут был и характер Мэрдока н тайна, которая, казалось, окружала этого человека. И его несдержаниость, проявнвшаяся в случае с собачоикой. И ссоры его с Макферсоиом в прошлом, и вполие основательные догадки об их соперничестве в отиошенин к мнсс Белламн. Ои перебрал все мои аргументы, ио инчего иового не сказал, кроме того, что Мэрдок как будто готовится к отъезду.

— Каково будет мое положенне, если я дам ему улнэнуть при иалнчни всех этих улнк?— Флегматнчиый толстяк был глубоко встревожен.

— Подумайте-ка, ииспектор, в чем осиовиой промах ваших рассужденнй,— сказал ему я.— Ои, конечно, сможет без труда доказать свое алнбн в утро убнйства. Ои был со свонми учеинкамн вплоть до последией мниу-

ты и подошел к нам почти тотчас после появления Макферсона. Потом имейте в виду, что он один, своими руками, не мог бы так расправиться с человеком, не менее сильным, чем он сам. И, наконец, вопрос упирается в орудие, которым было совершено убийство.

— Что же это могло быть, как не плеть или какой-то гибкий кнут?

— Вы видели раны?

— Да, видел. И доктор тоже.

— А я рассматривал их очень тщательно в лупу. И обнаружил некоторые особенности.

— Какие же, мистер Холмс?

Я подошел к своему письменному столу и достал увеличенный снимок.

— Вот мой метод в таких случаях,— пояснил я.

— Что говорить, мистер Холмс, вы вникаете в каждую мелочь.

— Я не был бы Холмсом, если бы работал иначе. А теперь давайте посмотрим вот этот рубец, который опоясывает правое плечо. Вам ничего не бросается в глаза?

— Да нет.

— А вместе с тем совершенно очевидно, что рубец неровный. Вот тут — более глубокое кровоизлияние, здесь вот — вторая такая же точка. Такие же места видны и на втором рубце, ниже. Что это значит?

— Понятия не имею. А вы догадываетесь?

— Может быть, догадываюсь. А может быть, и нет. Скоро я смогу подробнее высказаться по этому поводу. Разгадка причины этих кровоизлияний должна кратчайшим путем подвести нас к раскрытию виновника убийства.

— Мои слова, конечно, могут показаться нелепыми,— сказал полицейский,— но если бы на спину Макферсона была брошена докрасна раскаленная проволочная сетка, то эти более глубоко пораженные точки появились бы в местах пересечения проволок.

— Сравнение необычайно меткое. Можно также предположить применение жесткой плетки-девятихвостки с небольшими узлами на каждом ремне.

— Честное слово, мистер Холмс, мне кажется, вы близки к истине.

— А может быть, мистер Бардл, раиы были наиесеиы еще каким-нибудь способом. Как бы то ни было, всех ваших догадок недостаточно для ареста. Кроме того, мы должны помнить о последних словах покойника — «львиная грива».

— Я подумал, не хотел ли ои иазвать имя...

— И я думал о том же. Если бы второе слово звучало хоть сколько-иибудь похоже иа «Мэрдок» — но нет. Я увереи, что ои выкрикнул слово «грива».

— Нет ли у вас других предположений, мистер Холмс?

— Может, и есть. Но я ие хочу их обсуждать, пока у меня не будет более веских доказательств.

— А когда они у вас будут?

— Через час, возможио, и раньше.

Инспектор почесал подбородок, иедоверчиво поглядев иа меия.

— Хотел бы я разгадать ваши мысли, мистер Холмс. Может быть, ваши догадки связаиы с теми рыбачьими лодками?

— О иет, они были слишком далеко.

— Ну, тогда это, может быть, Беллами и его дылда-сын? Оии здорово иедолюбливали Макферсона. Не могли оии убить его?

— Да иет же; вы ничего у меия ие выпытаете, пока я ие готов,— сказал я, улыбаясь.— А теперь, ииспектор, нам обоим пора вериуться к иашим обязаниостям. Не могли бы вы зайти ко мие часов в двеиадцать?..

Но тут иас прервали, и это было началом коица дела об убийстве Макферсоиа.

Наружиая дверь распахнулась, в передией послышались спотыкающиеся шаги, и в комнату ввалился Ян Мэрдок. Ои был бледен, растрепаи, костюм его был в страшиейшем беспорядке; ои цеплялся костлявыми пальцами за стулья, чтобы только удержаться на иогах!

— Виски! Виски! — прохрипел ои и со стоиом рухнул иа диваи.

Он был ие одии. Вслед за иим вбежал Стэкхерст, без шляпы, тяжело дыша, почти в таком же состояиии иевмеияемости, как и его спутник.

— Скорее, скорее, виски! — кричал он.— Мэрдок чуть жив. Я еле дотащил его сюда. По пути он дважды терял сознание.

Полкружки спиртного оказали поразительное действие. Мэрдок приподнялся на локте и сбросил с плеч пиджак.

— Ради бога,— прокричал он,— масла, опиума, морфия! Чего угодно, лишь бы прекратить эту адскую боль!

Мы с инспектором невольно вскрикнули от изумления. Плечо Мэрдока было располосовано такими же красными, воспаленными, перекрещивающимися рубцами, как и тело Фицроя Макферсона.

Невыносимые боли производили, по-видимому, всю грудную клетку несчастного; дыхание его то и дело прерывалось, лицо чернело, и он судорожно хватался рукой за сердце, а со лба скатывались крупные капли пота. Он мог в любую минуту умереть. Но мы вливали ему в рот виски, и с каждым глотком он оживал. Тампоны из ваты, смоченной в прованском масле, казалось, смягчали боль от страшных ран. В конце концов его голова тяжело упала на подушку. Измученное тело припало к последнему источнику жизненных сил. Был ли то сон или беспамятство, но, во всяком случае, он избавился от боли.

Расспрашивать его было немыслимо, но как только мы убедились в том, что жизнь его вне опасности, Стэкхерст повернулся ко мне.

— Господи боже мой, Холмс,— воскликнул он,— что же это такое? Что это такое?

— Где вы его подобрали?

— Внизу, на берегу. В точности в том же самом месте, где пострадал несчастный Макферсон. Будь у Мэрдока такое же слабое сердце, ему бы тоже не выжить. Пока я вел его к вам, мне несколько раз казалось, что он отходит. До школы было слишком далеко, поэтому я и приволок его сюда.

— Вы видели его на берегу?

— Я шел по краю обрыва, когда услышал его крик. Он стоял у самой воды, шатаясь, как пьяный. Я сбежал вниз, набросил на него какую-то одежду и втащил наверх. Холмс, умоляю вас, сделайте все, что в ва-

ших силах, ие пощадите трудов, чтобы избавить от проклятия иаши места, иначе жить здесь будет иевозможио. Неужели вы, со всей вашей мировой славой, ие можете иам помочь?

— Кажется, могу, Стэкхерст. Пойдемте-ка со миой! И вы, ииспектор, тоже! Посмотрим, ие удастся ли иам предать убийцу в руки правосудия.

Предоставив погружеииого в беспамятство Мэрдока заботам моей экоиомки, мы втроем иаправились к роковой лагуие. На гравии лежал ворох одежды, брошеиной пострадавшим. Я медлеиио шел у самой воды, а мои спутиики следовали гуськом за миой. Лагуиа была совсем мелкая, и только под обрывом, где залив сильиее врезался в сушу, глубииа воды достигала четырех-пяти футов. Имеиио сюда, к этому великолепиому, прозрачиому и чистому, как кристалл, зелеиому водоему, коиечио, и собирались пловцы. У самого подиожия обрыва вдоль лагуиы тяиулся ряд камией; я пробирался по этим камиям, внимательио всматриваясь в воду. Когда я подошел к самому глубокому месту, мие удалось иакоиец обиаружить то, что я искал.

— Цианея! — вскричал я с торжеством.— Цианея! Вот оиа, львиная грива!

Страиное существо, иа которое я указывал, и в самом деле иапомииало спутаиный клубок, выдраиный из гривы льва. На камеиием выступе под водой иа глубиие каких-иибудь трех футов лежало страиное волосатое чудовище, колышущееся и трепещущее; в его желтых космах блестели серебряные пряди. Все оио пульсировало, медлеиио и тяжело растягиваясь и сокращаясь.

— Достаточио оиа иатворила бед! — вскричал я.— Настал ее последиий час. Стэкхерст, помогите мие! Пора прикоичить убийцу!

Над выступом, где притаилось чудовище, лежал огромиый валуи: мы со Стэкхерстом иавалились иа иего и столкиули в воду, подняв целый фоитаи брызг. Когда волиеиие иа воде улеглось, мы увидели, что валуи лег куда следовало. Выглядывавшая из-под иего и судорожио трепещущая желтая перепоика свидетельствовала о том, что мы попали в цель. Густая масляиистая пеиа сочилась из-под камия, мутя воду и медлеиио подиимаясь иа поверхиость.

— Потрясающе! — воскликнул инспектор.— Но что же это было, мистер Холмс? Я родился и вырос в этих краях и никогда не видывал ничего подобного. Такого в Суссексе не водится.

— К счастью для Суссекса,— заметил я.— Ее, по-видимому, занесло сюда юго-западным шквалом. Приглашаю вас обоих ко мне, и я покажу вам, как описал встречу с этим чудовищем человек, однажды столкнувшийся с ним в открытом море и надолго запомнивший этот случай.

Когда мы вернулись в мой кабинет, мы нашли Мэрдока настолько оправившимся, что он был в состоянии сесть. Он все еще не мог прийти в себя от пережитого потрясения и то и дело содрогался от приступов боли. В несвязных словах он рассказал нам, что понятия не имеет о том, что с ним произошло, что он помнит только, как почувствовал нестерпимую боль и как у него еле хватило сил выползти на берег.

— Вот книжка,— сказал я, показывая шоколадного цвета томик, заронивший во мне догадку о виновнике происшествия, которое иначе могло бы остаться для нас окутанным вечной тайной. Заглавие книжки — «Встречи на суше и на море», ее автор — исследователь Дж. Дж. Вуд. Он сам чуть не погиб от соприкосновения с этой морской тварью, так что ему можно верить. Полное латинское название ее Cyanea capillata. Она столь же смертоносна, как кобра, а раны, нанесенные ею, болезненнее укусов этой змеи. Разрешите мне вкратце прочесть вам ее описание:

«Если купальщик заметит рыхлую круглую массу из рыжих перепонок и волокон, напоминающих львиную гриву с пропущенными полосками серебряной бумаги, мы рекомендуем ему быть начеку, ибо перед ним одно из самых опасных морских чудовищ — Cyanea capillata». Можно ли точнее описать нашу роковую находку?

— Дальше автор рассказывает о собственной встрече с одним из этих чудищ, когда он купался у Кентского побережья. Он установил, что эта тварь распускает тонкие, почти невидимые нити на расстоянии в пятьдесят футов, и всякий, кто попадает в пределы доста-

гаемости этих ядовитых нитей, подвергается смертельной опасности. Даже на таком расстоянии встреча с этим животным чуть не стоила Вуду жизни. «Ее бесчисленные тончайшие щупальца оставляют на коже огненно-багровые полосы, которые при ближайшем рассмотрении состоят из мельчайших точек или крапинок, словно от укола раскаленной иглой, проникающей до самого нерва». Как пишет автор, местные болевые ощущения далеко не исчерпывают этой страшной пытки. «Я свалился с ног от боли в грудн, произавшей меня, словно пуля. У меня почти исчез пульс, а вместе с тем я ощутил шесть-семь сердечных спазм, как будто вся кровь моя стремилась пробиться вон из грудн».

Вуд был поражен почти насмерть, хотя он столкнулся с чудовищем в морских волнах, а не в узенькой спокойной лагуне. Он пишет, что еле узнал сам себя, настолько лицо его было бескровно, искажено и изборождено морщинами. Он выпил залпом целую бутылку виски, и только это, по-видимому, его и спасло. Вручаю эту книжку вам, инспектор, и можете не сомневаться в том, что здесь дано точное описание всей трагедии, пережитой несчастным Макферсоном.

— И чуть было не обесчестившей меня,— заметил Мэрдок с кривой усмешкой.— Я не обвиняю вас, инспектор, ни вас, мистер Холмс,— ваши подозрения были естественны. Я чувствовал, что меня вот-вот должны арестовать, и своим оправданием я обязан только тому, что разделил судьбу моего бедного друга.

— Нет, нет, мистер Мэрдок. Я уже догадывался, в чем дело, и если бы меня не задержали сегодня утром дома, мне, возможно, удалось бы избавить вас от страшного переживания.

— Но как же вы могли догадаться, мистер Холмс?

— Я всеядный читатель и обладаю необычайной памятью на всякие мелочи. Слова «львиная грива» не давали мне покоя. Я знал, что где-то уже встречал их в совершенно неожиданном для меня контексте. Вы могли убедиться, что они в точности характеризуют внешний вид этой твари. Я не сомневаюсь, что она всплыла на поверхность, и Макферсон ее ясно увидел, потому что никакими другими словами он не мог предостеречь нас от животного, оказавшегося виновником его гибели.

— Итак, я, во всяком случае, обелен,— сказал Мэрдок, с трудом вставая с дивана.— Я тоже должен в нескольких словах объяснить вам кое-что, ибо мне известно, какие справки вы наводили. Я действительно любил Мод Белламн, но с той минуты, как она избрала Макферсона, моим единственным желанием стало содействовать их счастью. Я сошел с их пути и удовлетворялся ролью посредника. Они часто доверяли мне передачу писем; и я же поторопился сообщить Мод о смерти нашего друга именно потому, что любил ее и мне не хотелось, чтобы она была извещена человеком чужим и бездушным. Она не хотела говорить вам, сэр, о наших отношениях, боясь, что вы их истолкуете неправильно и не в мою пользу. А теперь я прошу вас отпустить меня в школу, мне хочется скорее добраться до постели.

Стэкхерст протянул ему руку.

— У всех нас нервы расшатаны,— сказал он.— Простите, Мэрдок. Впредь мы будем относиться друг к другу с бо́льшим доверием и пониманием.

Они ушли под руку, как добрые друзья. Инспектор остался и молча вперил в меня свои воловьи глаза.

— Здорово сработано! — вскричал он.— Что говорить, я читал про вас, но никогда не верил. Это же чудо!

Я покачал головой. Принять такие дифирамбы значило бы унизить собственное достоинство.

— Вначале я проявил медлительность, непростительную медлительность,— сказал я.— Будь тело обнаружено в воде, я догадался бы скорее. Меня подвело полотенце. Бедному малому не пришлось вытереться, а я из-за этого решил, что он не успел и окунуться. Поэтому мне, конечно, не пришло в голову, что он подвергся нападению в воде. В этом пункте я и дал маху. Ну что ж, инспектор, мне часто приходилось подтрунивать над вашим братом — полицией, зато теперь Cyanea capillata отомстила мне за Скотленд-Ярд.

МОСКАТЕЛЬЩИК НА ПОКОЕ

В то утро Шерлок Холмс был иастроеи иа философско-мелаихолический лад. Его живой, деятельиой иатуре свойствеииы были такие резкие переходы.

— Видели вы его? — спросил ои.

— Кого? Старичка, который только что вышел от вас?

— Его самого.

— Да, мы с ним столкиулись в дверях.

— И что вы о нем скажете?

— Жалкое, иикчемиое, сломлеииое существо.

— Имеиио, Уотсои. Жалкое и иикчемиое. Но ие такова ли и сама иаша жизиь? Разве его судьба — ие судьба всего человечества в миииатюре? Мы тяиемся к чему-то. Мы что-то хватаем. А что остается у иас в руках под коиец? Теиь. Или того хуже: страдаиие.

— Это одии из ваших клиеитов?

— Пожалуй, что так. Его иаправили ко мие из Скотленд-Ярда. Зиаете, как врачи ииой раз посылают иеизлечимых больиых к зиахарю. Оии рассуждают так: сами мы иичего больше сделать не можем, а больиому все равио хуже не будет.

— Что же у иего стряслось?

Холмс взял со стола не слишком чистую визитиую карточку.

— Джозия Эмберли. В прошлом, по его словам,— младший компаиьон фирмы «Брикфол и Эмберли», изго-

товляющей товары для художников. Вы могли видеть эти имена на коробках с красками. Эмберли сколотил небольшое состояние, и, когда ему исполнился шестьдесят один год, вышел из дела, купил дом в Люишеме и поселился там, чтобы насладиться отдыхом после долгих лет неустанного труда. Всякий сказал бы, что этого человека ждет обеспеченная и мирная старость.

— Да, верно.

Холмс взял конверт, на котором были сделаны его рукой какие-то пометки, и пробежал их глазами.

— Ушел на покой в 1896 году, Уотсон. В начале 1897-го женился. Жена на двадцать лет моложе его, притом недурна собой, если не лжет фотография. Достаток, жена, досуг — казалось бы, живи да радуйся. Но не проходит двух лет, и он, как вы сами видели, становится самым несчастным и убитым созданием, какое только копошится под солнцем.

— Но что случилось?

— Старая история, Уотсон. Вероломный друг и ветреная жена. У этого Эмберли, насколько можно судить, есть одна-единственная страсть в жизни: шахматы. В Люишеме, неподалеку от него, живет некий молодой врач, тоже завзятый шахматист. Я вот записал его имя: доктор Рэй Эрнест. Эрнест был частый гость в его доме, и если у него завязались близкие отношения с миссис Эмберли, это только естественно — вы согласитесь, что наш незадачливый клиент не может похвастаться внешней привлекательностью, каковы бы ни были его скрытые добродетели. На прошлой неделе парочка скрылась в неизвестном направлении. Мало того, в качестве ручного багажа неверная супруга прихватила шкатулку старика, в которой хранилась львиная доля всех его сбережений. Можно ли сыскать беглянку? Можно ли вернуть деньги? Поглядеть, так банальная проблема, но для Джозии Эмберли — проблема жизненной важности.

— Как же вы будете действовать?

— Видите ли, мой милый Уотсон, при создавшемся положении вещей надо прежде всего решить, как будете действовать вы, если, конечно, вы согласны заменить меня. Вы знаете, что я сейчас всецело занят

делом двух коптских старейшин и сегодня как раз жду его развязки. Мне, право же, не выкроить времени на поездку в Люишем, а ведь улики, собранные по свежим следам, имеют особую цеииость. Старик всячески уговаривал меня приехать, но я объясиил ему, в чем трудиость. Он готов принять вас вместо меня.

— Я весь к вашим услугам,— ответил я.— Честно говоря, ие думаю, чтобы от меия была особая польза, но я рад буду сделать все, что в моих силах.

Вот так и случилось, что в один прекрасный летний деиь я отправился в Люишем, совсем не подозревая, что не пройдет и иедели, как событие, которое я ехал расследовать, будет с жаром обсуждать вся Аиглия.

Лишь поздио вечером я вериулся на Бейкер-стрит с отчетом о своей поездке. Худая фигура Холмса поконлась в глубоком кресле, над его трубкой медленно свивалась кольцами струя едкого табачиого дыма, глаза были леииво полузакрыты — можио было подумать, что он дремлет, но стоило мне запиуться или допустить неточиость в рассказе, как опущенные векн прнподнимались и серые глаза, сверкающне н острые, как рапиры, пронизывали меия пытливым взглядом.

— Усадьба мистера Джозин Эмберли зовется «Уютиое»,— начал я.— Я думаю, Холмс, оиа возбудила бы ваш иитерес. Дом похож на обедневшего аристократа, который вынужден ютиться среди простолюдинов. Вам ведь такие места зиакомы: одиообразиые кирпичные дома, унылые провинциальные улицы — и вдруг прямо в гуще всего этого — такая стариниая усадьба, крохотный островок древней культуры и уюта за высокой, растрескавшейся от солнца стеиой, испещреиной лишайниками и покрытой мохом, стеной, которая...

— Без поэтических отступлений, Уотсои,— строго перебил меия Холмс.— Все ясно: высокая кирпичная стена.

— Совершеино верно. Мие бы ие догадаться, что это и есть «Уютиое», да благо я спросил какого-то зеваку, который прохаживался по улице и курил. Высокий такой брюиет с большими усами и воеииой выправкой. В

ответ он кивком указал нужный мне дом и почему-то окинул меня пристальным, испытующим взглядом. Это припомнилось мне немного спустя.

Едва ступив за ворота, я увидел, что ко мне спешит по аллее мистер Эмберли. Еще утром я заметил в нем что-то необычное, хотя видел его лишь мельком, теперь же, при свете дня, его внешность показалась мне еще более странной.

— Я, разумеется, и сам постарался изучить ее,— вставил Холмс.— Но все-таки интересно узнать, каковы ваши впечатления.

— Он выглядит так, будто забота в буквальном смысле слова пригнула его к земле. Спина его сгорблена, словно под бременем тяжкой ноши. Однако он вовсе не так немощен, как кажется на первый взгляд: плечи и грудь у него богатырские, хотя поддерживают этот мощный торс сухие, тонкие ноги.

— Левый ботинок морщит, правый — девственно гладок.

— Этого я не заметил.

— Вы, разумеется, нет. Зато от меня не укрылось, что у него искусственная нога. Однако продолжайте.

— Меня поразили эти пряди сивых волос, которые змеились из-под его ветхой соломенной шляпы, это исступленное, неистовое выражение изрезанного глубокими морщинами лица.

— Очень хорошо, Уотсон. Что он говорил?

— Он принялся взахлеб рассказывать мне историю своих злоключений. Мы шли вдвоем по аллее, и я, разумеется, во все глаза смотрел по сторонам. Сад совершенно не ухожен, весь заглох, все растет, как придется, повинуясь велению природы, а не искусству садовника. Как только приличная женщина могла терпеть такое положение вещей — ума не приложу. Дом тоже запущен до последней степени. Бедняга, видно, и сам это чувствует и пытается как-то поправить дело. Во всяком случае, у него в левой руке была толстая кисть, а посреди холла стояла большая банка с зеленой краской. До моего прихода он занимался тем, что красил двери и оконные рамы.

Он повел меня в свой обшарпанный кабинет, и мы долго беседовали. Конечно, он был огорчен, что вы

не приехали сами. Он сказал: «Да я и не слишком надеялся, в особенности после того, как поиес столь тяжелый материальиый урои, что моя скромная особа сможет серьезио привлечь к себе виимаиие такого зиамеинтого человека, как мистер Шерлок Холмс».

Я стал уверять его, что фииаисовая стороиа вопроса тут вовсе ни при чем.

«Да, коиечио,— отозвался ои,— ои этим заиимается из любви к искусству, ио, возможио, в моем деле для него как раз иашлось бы кое-что иитересиое. Хотя бы в смысле изучеиия человеческой природы, доктор Уотсон, ведь какая черная иеблагодариость! Разве я хоть раз отказал ей в чем-иибудь? Разве есть еще жеищиа, которую бы так баловали? А этот молодой человек — я бы н к собствениому сыиу так ие отиосился. Ои был здесь, как у себя дома. И посмотрите, как оии со миой обошлись! Ах, доктор Уотсои, какой это ужасиый, страшиый мир!»

В таком духе он изливался мие час, а то и больше. Ои, оказывается, иичего ие подозревал об иитрижке. Жили оин с жеиой одиноко, только служаика приходила каждое утро и оставалась до шести часов. В тот памятный деиь старик Эмберли, желая доставить удовольствие жене, взял два билета в театр Хеймаркет, иа балкои. В последиий момеит миссис Эмберли пожаловалась иа головиую боль и отказалась ехать. Ои поехал один. Сомиеваться в том, что это правда, по-виднмому, нет осиоваиий: ои показывал мие иеиспользоваииый билет, который предиазиачался жеие.

— Любопытно, весьма любопытио,— заметил Холмс, слушавшнй, казалось, с возрастающим иитересом.— Продолжайте, Уотсон, прошу вас. Я иахожу ваш рассказ крайие иитересиым. Вы видели этот билет собствеииыми глазами? Номер места случайио ие запомиили?

— Представьте себе, запомиил,— ие без гордости ответил я.— Номер оказался тот же, что был у меия когда-то в школьиой раздевалке: тридцать первый. Вот ои и застрял у меия в голове.

— Великолепио, Уотсои! У иего самого, стало быть, место было либо тридцатое, либо тридцать второе?

— Ну, конечно,— чуть озадаченно подтвердил я.— В ряду «Б».

— Просто прекрасно. Что еще он вам говорил?

— Он показал мне свою, как он выразился, кладовую. Кладовая самая настоящая, как в банке. Железная дверь, железная штора на окне, никакому взломщику не забраться, как он утверждает. Но у жены оказался второй ключ, и она вместе со своим возлюбленным унесла оттуда не много не мало — тысяч семь фунтов в ассигнациях и ценных бумагах.

— Ценных бумагах? Как же они смогут обратить их в деньги?

— Эмберли сказал, что оставил в полиции опись этих бумаг и надеется, что продать их не удастся. В тот день он вернулся из театра около двенадцати ночи и увидел, что кладовая ограблена, дверь и окно открыты, а беглецов и след простыл. Никакого письма, никакой записки — и ни слуху ни духу с тех пор. Он сразу же дал знать в полицию.

Холмс на несколько минут погрузился в раздумье.

— Вы говорите, он что-то красил в доме. Что именно?

— При мне он красил коридор. А дверь и деревянные части комнаты, о которой я говорил, уже закончил.

— Вам не кажется, что для человека в подобной ситуации это несколько необычное занятие?

— «Надо же чем-то занять себя, чтобы сердце не так саднило» — это его собственное объяснение. Разумеется, это странный способ отвлечься, так ведь на то он и вообще человек со странностями. При мне разорвал фотографию своей жены — разорвал яростно, в совершенном беспамятстве, с воплем: «Чтобы глаза мои больше не видели ее мерзкое лицо».

— И это все, Уотсон?

— Нет, есть еще одна вещь, и она поразила меня больше всего. Обратно я уезжал со станции Блэкхит. Сел в поезд, и только он тронулся, как я увидел, что в соседний вагон вскочил какой-то мужчина. Вы знаете, Холмс, какая у меня память на лица. Так вот, это определенно был тот высокий брюнет, к которому я обратился на улице. На Лондонском мосту я заметил его снова,

а потом он затерялся в толпе. Но я уверен, что он меня выслеживал.

— Да-да! — сказал Холмс.— Конечно! Так вы говорите, высокий брюнет с большими усами и в очках с дымчатыми стеклами?

— Холмс, вы чародей. Он действительно был в дымчатых очках, но ведь я об этом не говорил!

— А в галстуке — масонская булавка?

— Холмс!

— Это так просто, милый Уотсон. Впрочем, перейдем к тому, что имеет непосредственное отношение к делу. Должен вам признаться: эта история, на первый взгляд до того простая, что мне вряд ли стоило ею заниматься, с каждой минутой приобретает совсем иной характер. Правда, во время вашей поездки все самое важное осталось вами не замеченным, но даже то, что само бросилось вам в глаза, наводит на серьезные размышления.

— Что осталось незамеченным?

— Не обижайтесь, дружище. Вы знаете, я совершенно беспристрастен. Вы справились со своей задачей как нельзя лучше. Многие и этого бы не сумели. Но кое-какие существенные частности вы явно упустили. Что думают об этом Эмберли и его жене соседи? Разве это не важно? Какой славой пользуется доктор Эрнест? Что он, и впрямь такой отчаянный ловелас? При вашем врожденном обаянии, Уотсон, каждая женщина вам сообщница и друг. Почему я не слышу, что думает барышня на почте и супруга зеленщика? Как естественно вообразить себе такую картину: вы нашептываете комплименты молодой кельнерше из «Синего якоря», а взамен получаете сухие факты. И все это пропало втуне.

— Это еще не поздно сделать.

— Это уже сделано. С помощью телефона и Скотленд-Ярда я обычно имею возможность узнавать самое необходимое, не выходя из этой комнаты. Кстати сказать, полученные мною сведения подтверждают рассказ старика. В городишке он слывет скрягой, с женой был требователен и строг. Что он держал в этой своей кладовой крупную сумму денег — святая правда. Правда и то, что доктор Эрнест, молодой холостяк, играл с Эмберли в шахматы, а с его женой, вероятно, играл в лю-

бовь. Кажется, все яснее ясного, и больше говорить не о чем, и все-таки... все-таки!..

— В чем же тут загвоздка?

— В моем воображении, быть может. Что ж, пусть она там и остается, Уотсон. А мы с вами спасемся от серой повседневности этого мира сквозь боковую дверцу — музыку. В Альберт-Холле сегодня поет Карина. Мы как раз успеем переодеться, пообедать и предадимся наслаждению.

Наутро я встал рано, но крошки от грейков и скорлупа от пары яиц на столе свидетельствовали о том, что мой друг поднялся еще раньше. Здесь же, на столе, я обнаружил второпях нацарапанную записку:

«Милый Уотсон! Мне хотелось бы навести еще кое-какие справки относительно мистера Джозин Эмберли. Когда я их получу, мы со спокойной душой будем считать это дело законченным, а быть может, и нет. Я только просил бы Вас быть поблизости часа в три, так как не исключено, что Вы мне можете понадобиться.

Ш. Х.».

Полдня я не видел Холмса, но в назначенный час он вернулся, серьезный, озабоченный, занятый своими мыслями. В такие минуты лучше было к нему не подступаться.

— Эмберли еще не приходил?

— Нет.

— Значит, придет. Я его жду.

Ждать пришлось недолго: старик не замедлил явиться; на хмуром лице его явственно обозначились тревога и недоумение.

— Я тут получил телеграмму, мистер Холмс, и что-то никак не могу в ней разобраться.

Он протянул Холмсу телеграмму, и тот прочел ее вслух:

«Немедленно приезжайте. Располагаю сведениями вашей недавней пропаже.

Элман. Дом священника».

— Отправлена в два десять из Малого Пэрлингтона,— сказал Холмс.— Малый Пэрлнгтои иаходнтся, если ие ошибаюсь, в Эссексе, иедалеко от Фриитона. Что ж, надо ехать, не откладывая. Пишет явно лнцо ответственное, как-никак приходскнй священииик. Мнну-точку — где мой Крокфорд [1]? Ага, вот ои: «Дж. К. Элмаи, магнстр нскусств, объедненный приход Моссмур— Малый Пэрлннгтои». Посмотрнте расписаине поездов, Уотсон.

— Блнжайший — в пять двадцать с Ливерпул-стрит.

— Превосходио. Вам бы тоже лучше съездить с ним, Уотсои. Ему может поиадобиться помощь или совет. Ясно, что близится решающий момент в этой историн.

Наш клиеит, одиако, не выказывал ни малейшей охоты отправнться в путь.

— Но это же совершеиная нелепость, мнстер Холмс,— сказал ои.— Что может знать о случившемся этот человек? Напрасиая трата времени н денег.

— Еслн б ему не было что-то известно, ои ие стал бы посылать вам телеграмму. Немедлеиио сообщнте ему, что выезжаете.

— Я, вероятио, все-таки ие поеду.

Холмс прннял самый суровый вид, иа какой был способеи.

— И у полнцин н у меия, мнстер Эмберлн, создастся самое неблагоприятное впечатленне, если вы откажетесь воспользоваться возможностью, которая сама идет к вам в руки. Нам может показаться, что вы не слишком заинтересоваиы в успешном исходе расследования.

Это предположеине, видимо, привело иашего клиента в ужас.

— Господн, если вы так иа это смотрите, я иепремеиио поеду! — воскликиул он.— Просто иа первый взгляд глупо рассчитывать, что этот пастор что-иибудь может знать. Но раз вы так счнтаете...

— Да, счнтаю,— многозначнтельно сказал Холмс, н вопрос был решеи. Прежде чем мы вышли нз комнаты, Холмс отвел меия в сторону и дал краткое иаставле-

[1] Выдержавший миого издаиий справочник по аиглийскому духовенству и церквам.

ние, из которого видно было, что он придает серьезное значение этой поездке.

— Во что бы то ни стало,— сказал он,— проследите за тем, чтобы он действительно поехал. Если он, паче чаяния, улизнет или вернется с дороги, бегите на ближайший телефон и передайте мне одно-единственное слово: «Удрал». Я распоряжусь, чтобы мне сообщили, где бы я ни находился.

До местечка Малый Пэрлингтон не так-то просто добраться: оно расположено на боковой ветке. От дороги у меня остались не слишком приятные воспоминания: погода стояла жаркая, поезд полз медленно, мой попутчик был угрюм и молчалив и если раскрывал рот, то лишь затем, чтобы отпустить язвительное замечание насчет того, в какую пустую затею мы ввязались. Когда мы, наконец, сошли с поезда, пришлось ехать еще две мили до пасторского дома, где нас принял в своем кабинете представительный, важный, слегка напыщенный священник. Перед ним лежала наша телеграмма.

— Итак, джентльмены, чем могу быть полезен? — спросил он.

— Мы приехали в ответ на вашу телеграмму,— объяснил я.

— Телеграмму? Я никакой телеграммы не посылал.

— Я говорю о телеграмме, которую вы прислали мистеру Джозии Эмберли, насчет его жены и денег.

— Если это шутка, сэр, то в весьма дурном вкусе,— сердито сказал пастор.— Я никогда не слышал про джентльмена, чье имя вы назвали, и никому не посылал телеграммы.

Мы с Эмберли обменялись удивленными взглядами.

— Быть может, произошла ошибка,— настаивал я.— У вас случайно не два прихода? Вот телеграмма, подпись — «Элман», адрес — «Дом священника».

— Здесь только один приход, сэр, и только один пастор. Что же до вашей телеграммы, то это возмутительная фальшивка, происхождением которой непременно займется полиция. А пока не вижу причин затягивать далее нашу беседу.

Так мы с мистером Эмберли очутились на обочине дороги в деревушке Малый Пэрлингтон, захолустнее которой, наверное, не сыскать во всей Англии. Мы направились на телеграф, но там было уже закрыто. К счастью, в маленькой привокзальной гостинице оказался телефон, и я связался с Холмсом, который был удивлен не меньше нас, узнав об исходе нашей поездки.

— Поразительно! — сказал далекий голос в трубке.— В высшей степени странно! Я очень боюсь, милый Уотсон, что сегодня обратного поезда уже нет. Сам того не желая, я обрек вас на муки захолустной гостиницы. Но ничего, Уотсон, зато вы побудете на лоне природы. Природа и Джозия Эмберли — вы сможете вполне насладиться общением с ними.— Я услышал его суховатый смешок, прежде чем нас разъединили.

Я очень быстро убедился, что мой попутчик недаром слывет скрягой. Сначала он сетовал на дорожные расходы, настоял, чтобы мы ехали третьим классом, а теперь шумно возмущался тем, что придется платить еще и за гостиницу. Когда на другое утро мы наконец прибыли в Лондон, трудно сказать, кто из нас был в худшем расположении духа.

— Советую вам зайти по дороге на Бейкер-стрит,— сказал я.— Мистер Холмс, возможно, захочет дать какие-то новые указания.

— Если в них столько же проку, сколько в старых, они не многого стоят,— злобно огрызнулся Эмберли. Тем не менее он последовал за мной. Я заблаговременно уведомил Холмса телеграммой о времени нашего приезда, но он оставил нам записку, что уехал в Люишем и будет дожидаться нас там. Это была неожиданность, а еще большая ждала нас в гостиной нашего клиента: Холмс оказался не один. Рядом с ним сидел строгий мужчина с непроницаемым лицом — брюнет в дымчатых очках и с большой масонской булавкой в галстуке.

— Это мой друг мистер Баркер,— представил его Холмс.— Он тоже занимался вашим делом, мистер Джозия Эмберли, хотя и независимо от меня. Но оба мы хотим задать вам один и тот же вопрос.

Мистер Эмберлн тяжело опустился на стул. Он почуял недоброе. Я понял это по тому, как у него забегали глаза и судорожно задергалось лицо.

— Какой вопрос, мистер Холмс?

— Только один: куда вы дели трупы?

Эмберлн с хриплым воплем вскочил на ноги, судорожно хватая воздух костлявыми руками. Рот у него открылся; он был похож сейчас на какую-то жуткую хищную птицу. В мгновение ока Джозия Эмберлн предстал перед нами в своем истинном обличье: злобным чудовищем с душой, такой же уродливой, как тело. Он рухнул обратно на стул и прикрыл рот ладонью, как бы подавляя кашель. Холмс, словно тигр, прыгнул на него и вцепился ему в глотку, силой пригнув его голову вниз. Из разомкнувшихся в удушье губ выпала белая таблетка.

— Не пытайтесь сократить себе путь, Джозия Эмберлн. Дела надо делать пристойно и в установленном порядке. Что скажете, Баркер?

— Я оставил кэб у ворот,— отозвался наш немногословный знакомец.

— До участка всего несколько сот ярдов. Отправимся вдвоем. Вы можете остаться здесь, Уотсон. Я вернусь через полчаса.

В мощном теле старого москательщика таилась львиная сила, но в руках таких опытных конвоиров он был беспомощен. Как он ни извивался, стараясь вырваться, его втащили в кэб, и я остался нести одинокую вахту в этом зловещем доме. Но и получаса не прошло, как вернулся Холмс в сопровождении молодого, щеголеватого инспектора полиции.

— Я оставил Баркера завершить все формальности,— сказал Холмс.— Вы ведь в первый раз видите Баркера, Уотсон. Это мой ненавистный соперник и конкурент с того берега Темзы. Когда вы упомянули про высокого брюнета, мне уже нетрудно было довершить картину. У него на счету не одно удачное дело, верно, инспектор?

— Да, он не раз встречался на нашем пути,— сдержанно отозвался инспектор.

— Не отрицаю, он использует недозволенные методы, как и я сам. Недозволенное, знаете, порой очень выручает. Вам, например, с вашим непременным предупреждением: «Все, что бы вы ни сказали, может быть использовано против вас»,— ни за что не удалось бы фактически вырвать у этого прохвоста признание.

— Быть может, и так, мистер Холмс. Но мы все равно добиваемся своего. Неужели вы думаете, что мы не составили собственного мнения об этом деле и не настигли бы преступника? Вы уж извините, но как нам не чувствовать себя задетыми, когда вы с вашими запретными для нас методами вырываетесь вперед и пожинаете все лавры!

— Ничего подобного не произойдет, Маккинион. Обещаю вам, что с этой минуты я буду держаться в тени, а что касается Баркера, он делал лишь то, что я ему указывал.

Инспектор заметно повеселел.

— Это очень благородно с вашей стороны, мистер Холмс. Для вас осуждение и похвала значат очень мало, а ведь мы совсем в другом положении, особенно когда нам начинают задавать вопросы газетчики.

— Совершенно справедливо. Но так как задавать вам вопросы они наверняка будут в любом случае, то не мешает иметь наготове ответы. Что вы скажете, например, если какой-нибудь смышленый и расторопный репортер спросит, какие именно улики пробудили в вас подозрение и в конце концов дали возможность установить подлинные факты?

Инспектор замялся.

— Подлинными фактами мы пока что не располагаем, мистер Холмс. Вы говорите, что арестованный в присутствии трех свидетелей покушался на самоубийство и тем самым фактически признал себя виновным в убийстве своей жены и ее возлюбленного. Вам известны еще какие-нибудь факты?

— Вы отдали приказ произвести обыск?

— Сейчас прибудут три полисмена.

— Тогда скоро в вашем распоряжении будет самый бесспорный из всех фактов. Трупы, несомненно, где-то поблизости. Осмотрите погреба и сад. На то, чтобы проверить наиболее подозрительные места, вам потребуется

не так уж миого времеии. Дом старый, водопроводиые трубы иовые. Где-то должен быть заброшеииый колодец. Попытайте счастья там.

— Но как вы обо всем узнали? И как ои это сделал?

— Сначала я расскажу, как ои это сделал, а уж потом дам объясиение, иа которое вправе рассчитывать и вы и в еще большей степеии мой долготерпеливый друг, оказавший мие иеоценимую помощь. Но прежде всего мие хотелось бы дать вам представление о том, каков склад ума этого человека. Ои очень необычен — настолько, что преступиика, по всей вероятности, ждет не виселица, а Бродмур [1]. Эмберли в избытке наделеи такими чертами иатуры, которые в нашем представлении гораздо более свойствеииы средиевековому итальяицу, иежели аигличаиину иаших дией. Это был жалкий скупец, он так замучил жену своим крохоборством, что оиа стала легкой добычей для любого искателя приключений, каковой и ие замедлил явиться в образе этого медикуса-шахматиста Эриеста. Эмберли играл в шахматы превосходио — характериая прнмета человека, способиого замышлять хитроумиые плаиы, Уотсон. Как все скупцы, ои был ревнив, и ревиость переросла у него в манию. Были на то осиования, иет ли, но он заподозрил изменю. Он задался целью отомстить и принялся с дьявольской изобретательиостью строить план мести. Подойдите-ка сюда!

Уверенно, словно это был его собственный дом, Холмс повел иас по коридору и остановился у открытой двери кладовой.

— Фу! Как ужасио пахиет краской! — воскликиул иисиектор.

— Это обстоятельство и послужило иам первой уликой,— сказал Холмс.— Можете поблагодарить доктора Уотсона, который его заметил, ие сумев, правда, сделать должиые выводы. Оио-то и иавело меия иа вериый след. Зачем было этому человеку в такое неподходящее время разводить в доме воиь? Очевидио, для того, чтобы заглушить какой-то другой запах, который мог выдать вниу, возбудить подозрение. Затем явилась мысль о комнате, вот этой самой, с железиой дверью и желез-

[1] Психиатрическая больница для преступников (в графстве Беркшир).

ной шторой — комнате, которую можно закрыть герметнчески. Сопоставьте эти два факта — куда онн ведут? Это я мог установить, только осмотрев дом самолнчно. В том, что здесь кроется что-то серьезное, я уже не сомневался, потому что успел навестн справкн в театре Хеймаркет н — опять-таки благодаря наблюдательности доктора Уотсона — выяснить, что в тот вечер нн трндцатое, нн трндцать второе кресло в ряду «Б» на балконе не было занято. Следовательно, Эмберлн в театре не был и его алибн рухнуло. Он допустил грубый промах, позволнв моему дальновндному другу заметнть номер места, на котором должна была сндеть его жена. Теперь возник вопрос, как осмотреть дом. Я послал своего агента в самую глухую деревушку, какая была мне нзвестна, н вызвал туда Эмберли в такой час, чтобы он заведомо не успел вернуться. На случай, если что-то пойдет не так, я дал ему в попутчнки доктора Уотсона. Имя достойного пастора было, разумеется, взято нз моего Крокфорда. Я говорю достаточно ясно?

— Это неподражаемо,— благоговейным голосом произнес ннспектор.

— Теперь можно было не бояться, что мне помешают, н спокойно лезть в чужой дом. Профессия взломщнка всегда меня соблазняла, и, вздумай я ее нзбрать, не сомиеваюсь, что мне удалось бы выдвннуться на этом поприще. Что же я обнаружнл? Вндите — вдоль плнитуса тянется газовая труба. Прекрасно. Она поднимается вдоль стены, а вон там, в углу, нмеется кран. Труба, как вы вндите, проведена в кладовую и доходит до вон той лепной розы в центре потолка, где ее не видно под лепнинной. Конец ее оставлен открытым. В любой момент, открыв наружный кран, комнату можно наполнить газом. Стоит повернуть рычаг до предела, н любой, кто окажется в этой тесной комнатке при закрытой двери н спущенной шторе, не продержится в сознанин даже двух мнпут. Какой дьявольской хитростью он заманнл нх сюда, я не знаю, но, едва переступнв порог, онн оказались в его власти.

Инспектор с интересом рассматрнвал газовую трубу.

— Кто-то нз нашнх людей говорнл, что в доме пахнет газом,— сказал он.— Но окно н дверь были, конечно, открыты, да н краской уже попахнвало. Он-то утвер-

ждал, будто иачал краснть накануне происшествия. Но что же дальше, мистер Холмс?

— Дальше произошел иицндент, иесколько иеожидаиный для меия самого. Рано иа рассвете я уже спускался в сад из окиа буфетной, как вдруг чья-то рука схватила меия за шиворот и чей-то голос произиес: «А иу, мошеиик, чем ты здесь заннмаешься?» Когда мие удалось повериуть голову, передо миой блеснулн дымчатые очкн моего друга и соперннка мистера Баркера. Это была забавиая встреча, и мы оба ие могли сдержать улыбки. Выясиилось, что по просьбе родственнников доктора Эрнеста он тоже предприиял расследоваине и тоже пришел к выводу, что дело нечисто. Ои уже несколько дией наблюдал за домом и взял на заметку доктора Уотсоиа как явно подозрительное лицо, посетившее усадьбу. Арестовать Уотсоиа он не мог, но когда у иего на глазах какой-то субъект вылез в сад из окиа буфетной, он ие выдержал. Я, разумеется, рассказал ему, как обстоят дела, и мы продолжали вести дело сообща.

— Почему с инм? Почему не с иамн?

— Потому что я предполагал подвергиуть Эмберли небольшому испытаиню, которое и удалось так блестяще. Боюсь, что вы ие согласнлнсь бы зайти так далеко.

Инспектор улыбиулся.

— Что ж, быть может, и иет. Итак, мистер Холмс, еслн я верио вас поиял, вы совершеиио устраняетесь от участия в этом деле и передаете нам весь ваш матернал.

— Разумеется. Это — мое обычиое правило.

— Тогда я прииошу вам благодарность от нмеии полнции. Случай, как вы его толкуете, ясный. Трупы мы, вероятио, обнаружнм без труда.

— Я покажу вам иебольшое, ио страшиое вещественное доказательство,— продолжал Холмс.— Я уверен, что Эмберлн его не заметнл. Чтобы добиться успеха, нн-спектор, надо всегда стараться поставить себя иа место другого и вообразнть, как поступнли бы вы самн. Тут требуется нзвестиая доля фаитазни, но это окупается. Допустим, иапример, что вы заперты в этой комнатке, что жнть вам осталось ие более двух мниут, ио вы хотите расквитаться с изверго́м, который, возможно, еще

нздевается над вами там, за дверью. Что бы вы в этом случае сделали?

— Оставил бы письмо.

— Правильно. Вы захотели бы рассказать людям о том, как вы погибли. Писать на бумаге бессмысленно. Убийца найдет записку. Но если написать на стене, это может прочесть кто-то другой. Так глядите же! Над самым плинтусом красным химическим карандашом выведено: «Нас у...»— и все.

— О чем же это говорит?

— Видите — от пола до надписи не более фута. Бедняга писал это, лежа на полу, умирая. И, не успев дописать, лишился сознания.

— Он хотел написать: «Нас убили».

— Именно так я и истолковал эту надпись. Так что если вы найдете у убитого химический карандаш...

— Поищем, можете не сомневаться. Ну, а как насчет ценных бумаг? Ведь ясно, что никакой кражи не было. А между тем эти акции у него действительно имелись. Мы проверили.

— Он их надежно припрятал, будьте покойны. Когда вся история с бегством стала бы забываться, он бы внезапно обнаружил их и объявил, что виновники раскаялись и прислали украденное обратно, а не то так обронили где-то по дороге.

— Да, у вас на любой трудный вопрос готов ответ,— сказал инспектор.— Одного я не могу понять: ну, к нам он так или иначе вынужден был обратиться, но зачем ему было идти к вам?

— Из чистого бахвальства! — ответил Холмс.— Он мнил себя таким умником, был так уверен в себе, что вообразил, будто его никому не побить. А потом он смог бы сказать недоверчивому соседу: «Посмотрите — чего я только не предпринимал! Я обратился не только в полицию, но даже к Шерлоку Холмсу».

Инспектор рассмеялся.

— Придется простить вам это «даже», мистер Холмс,— сказал он.— Такой искусной работы я не припомню.

Несколько дней спустя мой друг бросил мне на колени номер выходящей два раза в месяц «Норс Суррей

Обсервер». В ией под миожеством ледеиящих кровь заголовков — от «Упырь из «Уютиого» до «Блестящий успех полнцейского сыска»— шел целый столбец, в котором впервые давалось последовательиое изложеине этого дела. По заключительиому абзацу можно судить о стиле, в котором оно было иаписано:

«Редкостная проиицательность, которую выказал ииспектор Маккиинон, заключив, что запах краски, возможно, призван заглушить какой-то иной запах, например, запах газа; дерзкое предположеиие, что кладовая могла оказаться камерой смерти, а также последующее расследование, увеичавшееся иаходкой трупов в заброшеиием колодце, искусно замаскированном собачьей конурой, будут жить в истории сыска как убедительиый пример высокого мастерства нашей полицни».

— Ну, иичего, Маккииион — славный малый,— со снисходнтельной усмешкой промолвил Холмс.— Советую прнсовокупнть это к нашим архивам, Уотсон. Когда-иибудь можно будет рассказать правду об этой исторни.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ. *Перевод Н. Волжиной* . . . 5

ЕГО ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОКЛОН

В Сиреневой Сторожке. *Перевод Н. Вольпин* 167
Картонная коробка. *Перевод В. Ашкенази* 200
Алое кольцо. *Перевод Э. Бер* 223
Чертежи Брюса-Партингтона. *Перевод Н. Дехтеревой* . . 243
Шерлок Холмс при смерти. *Перевод В. Штенгель* 276
Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс. *Перевод Ю. Жуковой* 293
Дьяволова нога. *Перевод А. Ильф* 315
Его прощальный поклон. *Перевод Н. Дехтеревой* 340

АРХИВ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Камень Мазарини. *Перевод А. Поливановой* 361
Вампир в Суссексе. *Перевод Н. Дехтеревой* 379
Три Гарридеба. *Перевод Н. Дехтеревой* 398
Человек на четвереньках. *Перевод М. Кан* 417
Львиная грива. *Перевод М. Баранович* 440
Москательщик на покое. *Перевод М. Кан* 461

Артур Конан Дойль.
Собрание сочинений в 8 томах.
Том III.

Редактор тома
М. Лорие.

Иллюстрации художника
И. Ушакова.

Оформление художника
С. Пожарского.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 4/X 1966 г. Тираж 626 000 экз.
Изд. № 1780. Зак. 2047. Форм. бум. 84×108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 15,0 + 4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л 25,62. Уч.-изд. л. 26,15.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица
«Правды», 24.

Индекс 70667